

Т. П. Ломтев

ОБЩЕЕ
И РУССКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. П. Ломтев

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Избранные работы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

Книга является сборником набранных работ профессора Т. П. Ломтева, публиковавшихся в разные годы в периодических изданиях и ставших библиографической редкостью. Сборник включает статьи по общему и сравнительно-историческому языкознанию, фонологии, синтаксису, семантике современного русского языка, по вопросам исторической морфологии и исторического синтаксиса.

Редколлегия:

член-корр. АН СССР **Ф. П. ФИЛИН** (отв. редактор),
кандидат филол. наук **Н. Д. АРУТЮНОВА**,
доктор филол. наук **В. В. ИВАНОВ**,
доктор филол. наук **Л. А. НОВИКОВ**,
кандидат филол. наук **С. СЯТКОВСКИЙ**,
доктор филол. наук **А. Н. ШИЛОВСКИЙ**.

Т. II. ЛОМТЕВ

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Т. П. ЛОМТЕВА

(1906 — 1972)

В октябре 1976 г. одному из крупных советских лингвистов, специалистов в области общего, русского и восточнославянского языкознания профессору Тимофею Петровичу Ломтеву исполнилось бы 70 лет.

Сборник «Избранных трудов» Т. П. Ломтева является данью уважения советских лингвистов к памяти выдающегося языковеда, труды которого оставили глубочайший след в нашей науке о языке.

* * *

Т. П. Ломтев родился 2 октября 1906 г. в селе Кочерге Воронежской области в семье крестьянина. После окончания педагогического техникума в г. Новохоперске, в 1925 г. Укомом комсомола он был направлен на лингвистический факультет Воронежского университета, который успешно окончил в 1929 г.

В 1931 г. после окончания аспирантуры Тимофей Петрович работал доцентом Московского государственного педагогического института и старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языкознания.

В этот первый московский период начинается его активная научная деятельность: появляются важные в методологическом и научном отношении статьи Т. П. Ломтева «За марксистскую лингвистику» (ж. «Литература и искусство», 1931, № 1), «Очередные задачи марксистской лингвистики» (ж. «Русский язык в советской школе», 1931, № 5), «К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина» (ж. «Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 4) и др.

Уже в начале своего научного пути Тимофей Петрович показал себя человеком высокой культуры, принципиальности и большой скромности, вдумчивым ученым, ищущим новых путей в советской лингвистической науке. Эти прекрасные качества во всей полноте раскрылись в последующие годы общественной и научной деятельности Т. П. Ломтева.

С 1933 г. начинается белорусский период жизни Т. П. Ломтева. В Минске, так же как в Воронеже и в Москве, он с присущей ему

энергией активно продолжает общественную и научную работу. В мае 1939 г. он вступает в члены КПСС. Т. П. Ломтев в разное время работал на ряде ответственных должностей в Белоруссии: он был заместителем директора Института языкознания АН БССР, заведующим отделом языкознания Института языка и литературы АН БССР, деканом филологического факультета и заведующим кафедрой русского языка и литературы БГУ. С 1942 по 1946 г. Т. П. Ломтев работал заведующим отделом школ ЦК Коммунистической партии Белоруссии.

За период пребывания в Минске сформировались основные научные интересы Т. П. Ломтева, особенно в области синтаксиса. Здесь он сам и в соавторстве опубликовал ряд научных работ, среди которых четыре монографии, посвященные исследованию фонетики, морфологии и синтаксиса белорусского языка.

Завершающим этапом этого научного периода явилась докторская диссертация Т. П. Ломтева «Исследования в области истории белорусского синтаксиса», опубликованная и защищенная им в 1941 г. Эта диссертационная работа — значительный вклад в разработку исторического синтаксиса белорусского, а также других славянских языков.

С 1946 г. начался основной и самый содержательный в творческой деятельности Т. П. Ломтева второй, московский период.

Профессор Московского университета Т. П. Ломтев предстал перед ученой общественностью университета и нашей страны как исследователь с широким диапазоном лингвистических интересов и как крупный общественный деятель. Для Тимофея Петровича вообще было характерно умелое сочетание разнообразной общественно-политической работы с научной. В разное время он был заместителем декана филологического факультета МГУ, секретарем партбюро этого факультета, членом парткома МГУ, членом экспертной комиссии при МВО СССР, председателем Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Комитете славистов СССР, главным редактором журнала «Филологические науки», выполнял и многие иные общественные поручения.

И вместе с этой огромной общественной работой Т. П. Ломтев с присущей ему энергией осуществлял глубокие научные исследования.

Приходится удивляться всепоглощающей страсти к научному труду, которая была свойственна Т. П. Ломтеву. Загруженный повседневными заботами, он находил время для обдумывания идей и теорий, переработки и осмысления необозримого количества лингвистических фактов.

Т. П. Ломтев в общей сложности опубликовал более 140 научных трудов, в том числе 16 оригинальных монографий, в которых разработан ряд новых теоретических положений.

Трудно перечислить те области науки о языке, в которых Т. П. Ломтев оставил свои труды, книги, монографии, статьи и

доклады, содержащие интересные мысли и идеи и построенные на анализе большого фактического материала. Его в равной мере интересовали проблемы фонологии и синтаксиса современного русского языка, сопоставительной грамматики восточнославянских языков и истории синтаксической системы русского и белорусского языков, семантики и математической лингвистики, морфологии и лексикографии. Т. П. Ломтев был твердо убежден, что в лингвистике, подобно тому как и в других эмпирических науках, математические, дедуктивные по своему характеру приемы анализа могут сыграть весьма важную исследовательскую и эвристическую роль, если они будут умело использоваться с последовательным учетом специфики языкового объекта, если с их помощью исследователь добьется интересных результатов. Он отрицательно отзывался о тех исследованиях, в которых применение математических формул способствовало скорее искажению исследуемой языковой действительности, нежели более глубокому ее пониманию. Будучи хорошим знатоком фактического языкового материала, глубоко понимая его не только коммуникативную, но и социальную природу, Тимофей Петрович Ломтев на практике довольно осторожно пользовался формализованным математическим аппаратом. Можно обратить внимание лишь на некоторые наиболее важные моменты в научной деятельности Т. П. Ломтева.

Так, исследуя различные области науки о языке, Т. П. Ломтев никогда не упускал из виду синтаксических проблем. Он часто говорил, что при решении вопросов одного уровня структуры языка важно учитывать все связи изучаемых фактов с фактами и явлениями других уровней. Это относится не только к языковым явлениям, но и к методологическому аспекту исследований. По мнению Т. П. Ломтева, например, на фонологических объектах легче выработать методы, которые можно потом использовать при изучении синтаксических фактов. Этот методологический изоморфизм, сопряженный с надлежащим учетом специфики изучаемых фактов и вытекающий из глубокого убеждения о наличии в самой языковой действительности широкого и разнообразного диапазона изоморфных явлений (более широкого, чем это обычно предполагалось в науке о языке), является существенной чертой богатой и оригинальной научной деятельности Тимофея Петровича Ломтева.

Большое значение для развития науки об истории русского языка имеет вклад Т. П. Ломтева в изучение проблем русского исторического синтаксиса — наименее разработанной области сравнительно-исторического языкознания вообще. В монографии «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (1956) Тимофей Петрович одним из первых представил систему русского синтаксиса в его развитии от XI до XVII в. Эта монография входит в основной фонд науки о русском языке еще и потому, что в ней представлены новые взгляды на формирование

синтаксических категорий, применена новая методика изучения синтаксических явлений.

Несколько позже проблемы синтаксиса были представлены Т. П. Ломтевым в монографии «Основы синтаксиса современного русского языка» (М., Учпедгиз, 1958), в которой автор, не снимая дискуссионности некоторых положений, предложил решение ряда «вечных» и спорных вопросов синтаксиса.

Дальнейшая разработка Т. П. Ломтевым этих вопросов подготовила почву для создания новой, более совершенной теории синтаксиса, в основе которой лежит понимание предложения как предиката предметных переменных, связанных функциональным отношением. Создание этой теории, представляющей собой более высокий этап применения в лингвистике логико-математических идей в соответствии с диалектическим принципом отражения, составляет отдельный период творческой деятельности ученого.

Важной чертой научной деятельности Т. П. Ломтева являлось то, что он никогда не ослаблял внимания к вопросам теории. Если проанализировать его научные труды, то можно убедиться, что ученый на протяжении всего творческого пути последовательно работал над теорией, но особенно возрос его интерес к теоретической грамматике, фонологии, лексикологии в последние годы жизни.

В беседах со своими учениками Т. П. Ломтев говорил о возможности описания всех ярусов языка с помощью комбинаторной методики, созданной им на основе теории множеств. К великому сожалению, неожиданная смерть помешала Тимофею Петровичу завершить намеченные планы. Посмертно были опубликованы две его книги: «Предложение и грамматические категории» (1972) и «Фонология современного русского языка» (1972).

Первая монография представляет собой часть большого труда, посвященного общей теории синтаксиса и описанию с помощью комбинаторной методики всей синтаксической системы современного русского языка. В ней Т. П. Ломтев применил точные методы и математическую логику к построению синтаксической теории, рассмотрев языковые единицы как определенным образом организованные множества.

В книге «Фонология современного русского языка» Т. П. Ломтев сделал попытку применить некоторые понятия и методы математической логики к описанию фонологических объектов. Без сомнения, эта книга сыграет свою роль в развитии общей фонологической теории и в изучении фонологии современного русского языка.

Подобные же труды Т. П. Ломтев планировал написать также о словообразовании и лексической семантике. Относящиеся к этим аспектам языка идеи он излагал в специальном курсе, который читал в последние годы в Московском университете.

Выполнение намеченных Т. П. Ломтевым планов является благородной задачей его многочисленных учеников. Новые приемы анализа языка, разработанные Т. П. Ломтевым, применяются в работах его последователей и дают возможность использовать технические средства в изучении языковой структуры. В новой проблематике, выдвинутой им, особое значение приобретает разработка информационно-поисковых языков.

Ряд идей, изложенных в последних работах Т. П. Ломтева, могут найти применение при решении вопросов прикладного языкознания. В частности, его идеи по комбинаторной методике могут быть претворены в жизнь при создании аналитико-смысловых словарей терминов, которые намного облегчили бы труд технических работников. В настоящее время в лаборатории прикладной лингвистики при Днепропетровском госуниверситете учениками Т. П. Ломтева составляется аналитико-смысловой словарь металлургических терминов.

В последние месяцы своей жизни Т. П. Ломтев руководил группой Института русского языка АН СССР, работающей над созданием Словаря языка В. И. Ленина. В этой работе он искал возможности применения машин для обработки обширного и сложного лингвистического материала.

Т. П. Ломтев обогатил идеями и опытом работы лингвистику стран социалистического лагеря. Он активно сотрудничал с лингвистами Польши, Чехословакии, Болгарии, пользовался заслуженным авторитетом среди ученых других стран. Он был неизменным участником лингвистических конгрессов, на которых выступал с докладами, всегда вызывавшими огромный интерес участников.

Особенно примечательным в облике Тимофея Петровича как ученого было то, что он неустанно работал со студентами и молодыми специалистами. Т. П. Ломтев пользовался заслуженной популярностью как лектор в студенческой аудитории и как руководитель аспирантуры. Под его руководством творчески работали многие ученые в ряде национальных республик.

Воспитанные Т. П. Ломтевым более 30 научных работников — докторов и кандидатов наук ведут исследовательскую работу во многих вузах и научно-исследовательских институтах нашей страны.

Как оригинальный ученый, ищущий новых путей в изучении и интерпретации явлений языка, как лингвист-теоретик, Т. П. Ломтев оказал большое влияние на развитие советского языкознания, и потому его научные труды и исследования сохраняют свое неопределимое значение для дальнейшего развития нашей науки.

* * *

Сборник «Избранных трудов» Т. П. Ломтева содержит статьи ученого, опубликованные в разные годы и посвященные самым разным проблемам как общего, так и русского языкознания. Каждый раздел этого сборника включает работы, относящиеся к определенной области науки о языке и отражающие основные взгляды Т. П. Ломтева на разрабатываемые им вопросы. Разделам (а в некоторых случаях — и подразделам) предпосылаются вступительные статьи, в которых дается общая оценка позиций автора в постановке и решении тех или иных проблем и обосновываются принципы подбора публикуемых в данном разделе или подразделе работ Т. П. Ломтева.

Некоторые статьи в сборнике подверглись незначительным сокращениям. Проведена также унификация ссылок и исправлены опечатки, обнаруженные в предшествующем издании ряда работ.

Раздел I

**ОБЩЕЕ
И СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ

Т. П. ЛОМТЕВА

Середина XX в. характеризуется быстрым и бурным развитием общих концепций языка. В известном смысле можно утверждать, что лингвистика нашего времени переживает период обостренного интереса к теории. Под влиянием новых идей происходит не только переоценка и реорганизация накопленного в продолжение многих веков богатого фактического материала, но и более углубленное его понимание, сложение фактов в связные системы.

Т. П. Ломтев, чутко и проникательно относившийся к развитию лингвистической мысли, с самого начала своей научной деятельности проникся этим «духом времени». Поэтому все его работы — книги и многочисленные статьи — подчинены задаче формирования научного мировоззрения. На какую бы конкретную тему ни писал Т. П. Ломтев, в фокусе его внимания всегда находились большие теоретические проблемы, связанные с сущностью языка и методами его изучения. Научные интересы Т. П. Ломтева были чрезвычайно широки. В аспекте общего языкознания его интересовали: фонология и проблемы грамматического строя языка (морфологии и, в особенности, синтаксиса), лексикология и семантика, принципы построения синхронных систем и закономерности исторического развития языков, связь языка и мышления, отношение лингвистики к другим наукам и многие другие вопросы. Во всех этих сферах, подчиняя конкретные задачи решению теоретических проблем, Т. П. Ломтев внес существенный вклад в развитие материалистической концепции языка. «Философский материализм, — писал он, — исходит из предпосылки, что наука познает сущность явлений, объективными свойствами которых определяются их соотношения между собой. Для лингвистов, стоящих на позициях философского материализма, система языка есть выражение объективных свойств, сущности языковых элементов в их соотношении друг с другом. Целью лингвистического исследования является познание объективных свойств реальных фактов языка и тех отношений, в которые они вступают в реальном речевом процессе» (см. ниже, стр. 32).

Опираясь на закон единства и борьбы противоположностей, составляющий ядро материалистической диалектики, Т. П. Ломтев дает следующую формулировку основного противоречия в развитии языков: «Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потреб-

ностям обмена мыслями»¹. Это положение Т. П. Ломтев затем применяет в анализе развития системы форм слова и системы моделей предложения русского языка. Ученый приходит к выводу, что «действительными противоречиями в развитии структуры языка являются только те противоречия, которые содержат указание на способ их преодоления, при этом разрешение ведет к совершенствованию языка» (см. ниже, стр. 30). Отдав много сил изучению истории восточнославянских языков, Т. П. Ломтев не в меньшей, а, возможно, даже в большей степени интересовался принципами и методами синхронного анализа и описания языка. Высоко оценивая перспективы разработки приемов синхронного анализа, Т. П. Ломтев вместе с тем видел ограниченность подобного подхода к языку. «Синхронный анализ,— подчеркивал он,— может дать схематическое отношение между единицами, но он никогда не сможет вскрыть внутренней сущности зависимости между ними, определить закономерное направление в развитии. Такой результат может дать только освещение синхронного анализа светом истории» (см. ниже, стр. 54).

Для работ Т. П. Ломтева характерно умение связать частные вопросы структуры конкретных языков с общей лингвистической теорией, а эту последнюю — с кардинальными проблемами философии, такими, как роль принципа отражения для лингвистической теории, причинно-следственные отношения в истории языков, причинность и вероятность. Интересуясь проблемами логики и математики, Т. П. Ломтев удачно пользовался принципами и понятиями символической логики, теории множеств и логики отношений в исследованиях по синтаксису и семантике.

Другая черта работ Т. П. Ломтева — умение органически соединить теорию и практику, общие проблемы и языковой материал. В исследованиях Т. П. Ломтева теория никогда не остается голословной, отделенной от фактов, а факты всегда предстают в свете общей теории. Т. П. Ломтев, как никто другой, владел даром системного подхода к материалу, умением видеть связь между, казалось бы, разрозненными явлениями языка.

В последние годы размышления ученого над отдельными проблемами сложились в целостные теории. Т. П. Ломтев разработал теорию фонологии, оригинальную концепцию предложения, общую теорию значения.

Поскольку, как говорилось, общие проблемы ставились и решались Т. П. Ломтевым во всех его работах, состав этого раздела не отражает широты теоретических интересов ученого. В него были включены статьи, специально посвященные большим теоретическим проблемам: языку и речи, принципам синхронного описания языка, проблеме субстрата, внутренним противоречиям в развитии языка, теории предложения, методам объективного анализа грамматических систем.

¹ Т. П. Ломтев. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. «Вопросы философии», 1953, № 5, стр. 79.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА (1972 г.)

В. И. Ленин считал, что главное и решающее в марксизме — материалистическая диалектика, а ядром материалистической диалектики является закон единства и борьбы противоположностей. Возникновение, назревание и разрешение противоречий является источником развития всех явлений природы и общества.

Неотъемлемым свойством диалектического противоречия является деятельное внутреннее соотношение противоположностей. К. Маркс указывал, что противоположность между отсутствием собственности и собственностью является еще безразличной противоположностью. Она еще не берется в ее деятельном соотношении, ее внутреннем взаимоотношении и еще не мыслится как противоречие, пока ее не понимают как противоположность между трудом и капиталом.

Диалектические противоречия всегда разрешаются, и их разрешением является приведение в соответствие одной стороны с той стороной, которая представляет собою ведущую противоположность.

Когда развитие производительных сил общества приводит их к противоречию с производственными отношениями, то дальнейший прогресс общества возможен только на основе прогресса производственных отношений путем приведения их в соответствие с развившимися производительными силами, а не на основе регресса последних.

В диалектическом противоречии всегда есть ведущая сторона; в единстве производительных сил и производственных отношений ведущей стороной являются производительные силы общества, развитие последних приводит их к противоречию с ранее возникшими производственными отношениями.

Когда говорят о разрешении диалектических противоречий, то всегда имеется в виду нарастание какого-то нового свойства в ведущей стороне противоречия и обострение противоречий с сохранившимся без изменения свойством противоположной стороны. Противоречие существует не между производительными силами общества и производственными отношениями, а между определенным характером производительных сил и определенным характером производственных отношений. В капиталистическом обществе производительные силы получают общественный характер, а производственные отношения сохраняют частнособственный характер. Разрешение возникшего противоречия заключается в установлении общественного характера производственных отношений.

Разрешение диалектического противоречия всегда означает поражение одной из сторон — поражение не в смысле уничтоже-

ния одной стороны и сохранения другой, а в том смысле, что в одной стороне уничтожаются свойства, не совместимые с развившимися свойствами другой, ведущей стороны. Установление общественного характера производственных отношений означает поражение частнособственнического характера производственных отношений.

Диалектическое противоречие немыслимо без единства противоположных сторон явления. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть... диалектики»¹.

Диалектические противоречия всегда принимают ту или другую форму. В капиталистическом обществе противоречие между развивающимися производительными силами и капиталистическими производственными отношениями принимает форму борьбы рабочего класса с буржуазией — борьбы, в которой он привлекает на свою сторону все прогрессивные силы народа.

Противоречие имеет один характер, а формы его проявления и разрешения могут иметь самый разнообразный характер.

Диалектические противоречия представляют собой глубинную сущность явления, они не лежат на поверхности; их открывает наука; величайшей заслугой К. Маркса перед человечеством является создание учения, вскрывающего противоречия между производительными силами капиталистического общества и капиталистическими производственными отношениями, разработка революционной теории преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Вопрос о противоречиях в развитии языка привлекал внимание многих исследователей, которые находили различные противоречия в развитии языка и по-разному их формулировали. Г. Пауль указывал на возникновение противоречия между грамматическими и психологическими категориями и восстановление гармонии между ними². Л. В. Щерба писал о противоречиях между интересами понимания и говорения³. В. Колбановский в предисловии к книге Л. С. Выготского говорил о противоречии между мышлением и речью⁴, Б. П. Ардентов — о противоречии между мышлением и языком⁵, В. М. Павлов усматривает противоречие между языком и речью⁶, П. И. Визгалов — между единичным и общим, воспроизводящимся и производящимся в языке⁷.

¹ В. И. Л е в и н. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

² Г. П а у л ь. Принципы истории языка. Пер. с нем. М., 1960, стр. 498.

³ Л. В. Щ е р б а. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН СССР, Отд. общ. наук», 1931, № 1, стр. 119. См. также Р. А. Б у д а г о в. Человек и его язык. — ВЯ, 1970, № 6.

⁴ Л. С. В ы г о т с к и й. Мышление и речь. М., 1934, стр. 6.

⁵ Б. П. А р д е н т о в. Введение в языкознание. Кишинев, 1967, стр. 61.

⁶ В. М. П а в л о в. О противоречиях в языке. «Ленинизм и теоретические вопросы языкознания». М., 1970, стр. 90—91.

⁷ П. И. В и з г а л о в. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Казань, 1962, стр. 48.

Все формулировки диалектического противоречия, которые предлагаются этими учеными, страдают существенными недостатками: во-первых, остается невыясненным, в чем заключается само противоречие, какие свойства одной стороны противоречия требуют изменений в другой стороне; что в речи противоречит языку; что в языке противоречит мышлению и т. д., во-вторых, остается открытым вопрос о том, как должно разрешаться противоречие, что должно потерпеть поражение в языке или в речи, что должно возникнуть в языке, чтобы было преодолено противоречие.

Нами еще в 1953 г. была предложена следующая формулировка основного противоречия в развитии языка. «Основным внутренним противоречием, преодоление которого является источником развития языка, источником образования и накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является противоречие, возникающее между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями»⁸.

К предложенному пониманию основного противоречия в развитии языка присоединился Р. А. Будагов. Он пишет: «Потребности (в широком смысле) говорящих на данном языке — вот основной фактор развития языка. Между подобными потребностями и ресурсами языка в каждую историческую эпоху возникают противоречия. Они-то и определяют движение и совершенствование языка»⁹.

Предложенное здесь понимание основного противоречия в развитии языка указывает на то, что ведущей стороной являются потребности общения, потребности передачи мыслей, эмоций, образов в данном человеческом коллективе, а перестраивающейся стороной являются наличные средства или наличные ресурсы языка: язык обогащается, совершенствуется, развивается, отвечая на потребности общения людей. Данное понимание основного противоречия в развитии языка должно быть конкретизировано в применении к отдельным языкам и отдельным эпохам их развития. Кроме того, противоречия имеют разный характер в развитии системы фонем, системы форм слов и системы предложения.

Рассмотрим развитие системы форм слова и системы предложения в историческом развитии русского языка как результат преодоления внутренних диалектических противоречий.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ФОРМ СЛОВА

В общеславянском языке морфологическая модель грамматических форм имен существительных была двучленной: основе противостояло окончание. Дифференциальные признаки

⁸ Т. П. Ломтев. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. «Вопросы философии», 1953, № 5, стр. 79.

⁹ Р. А. Будагов. Проблемы развития языка. М.— Л., 1965, стр. 36.

единицы внутрипарадигматических отношений различались в зависимости от класса индоевропейских основ и в зависимости от твердости и мягкости конечного согласного основы. Анализ дифференциальных признаков падежных форм, представленных в общевосточнославянском языке, позволяет отметить следующие особенности именного склонения в этом языке.

Различались шесть падежных форм одного слова, т. е. шесть единиц внутрипадежного противопоставления, причем каждая единица внутрипадежного противопоставления имела или несколько падежных окончаний с их вариантами, или одно окончание с несколькими вариантами. Мы не будем рассматривать границы между разными окончаниями одного падежа и между разными вариантами одного окончания одного падежа, укажем только, что *-ъ* и *-ь* (ср. *стол-ъ*, *кон-ь*) мы будем считать разными вариантами одного окончания одного падежа, а *а* и *ы* (ср. *стол-а*, *стѣн-ы*) — разными окончаниями одного падежа. Различные окончания одного падежа или различные варианты одного окончания одного падежа мы будем считать дифференциальными признаками этого падежа.

Рассмотрим падежные формы отдельно для ед. числа и для мн. числа.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Им. падеж в ед. числе имел шесть дифференциальных признаков, объединенных в три следующие морфемы: *-ъ*, *-ь*; *-а*, *-'а*; *-о*, *-е*;

вин. падеж — шесть дифференциальных признаков, объединенных в следующие три падежные морфемы: *-ъ*, *-ь*; *-у*, *-'у*; *-о*, *-е*;

род. падеж — семь дифференциальных признаков, представленных пятью следующими падежными морфемами: *-а*, *-'а*; *-ы*, *-и*; *-у*; *-ѣ*; *-е*;

дат. падеж — пять дифференциальных признаков, представленных следующими четырьмя падежными морфемами: *-у*, *-'у*; *-ѣ*; *-и*; *-ови*;

тв. падеж — шесть дифференциальных признаков, объединенных в следующие три падежные морфемы: *-омъ*, *-емъ*; *-ѣмъ*, *-ьмъ*; *-ою*, *-ею*;

местн. падеж — четыре дифференциальных признака, каждый из которых представлял отдельную падежную морфему: *-ѣ*; *-и*; *-у*; *-е*.

Как видим, в общевосточнославянском языке каждый падеж в единственном числе имел в качестве своих дифференциальных признаков по нескольку окончаний, большинство из которых было представлено несколькими вариантами.

Противоречие между потребностями общения и наличными средствами языка в общевосточнославянском склонении выступа-

ло как противоречие между единством назначения единицы внутри падежного противопоставления в системе склонения и множественностью ее дифференциальных признаков.

В системе форм противоречащими сторонами являются единство назначения падежной единицы и множественность ее дифференциальных признаков. Отношение между этими противоречащими сторонами не может быть константным, оно содержит в самом себе источник необходимости своего преобразования. Внутрипадежные противопоставления имеют константный характер. Устранению подлежит не сама единица (поскольку она имеет константный характер, т. е. падеж как таковой), а множественность его дифференциальных признаков; существование единицы внутрипадежного противопоставления в общевосточнославянском языке обладало свойством необходимости (поскольку сохраняется падежная система), тогда как множественность ее дифференциальных признаков не обладала этим свойством. Существование единства назначения одной падежной единицы вызывает необходимость устранения множественности ее дифференциальных признаков. Тем самым в процессе исторического развития языка возникла задача преодоления рассматриваемого противоречия, как противоречия между тождеством назначения одного падежа и множественностью его дифференциальных признаков.

Множественность дифференциальных признаков одной единицы внутрипадежного противопоставления принадлежала не одному слову, а множеству слов: разные слова могли иметь разные окончания в одном падеже, ср. *тол-у*, но *стѣн-ѣ*, *сын-ови* и т. д.

Имена существительные, имевшие разные индоевропейские основы, заключали в себе одни и те же единицы внутрипадежного противопоставления и различный набор их дифференциальных признаков. Например, в ед. числе в разных падежах был следующий набор окончаний у имен существительных:

С основами на <i>о</i>	С основами на <i>-й</i>
род. <i>-а</i>	<i>-у</i>
дат. <i>-у</i>	<i>-ови</i>
тв. <i>-омь</i>	<i>-ѣмь</i>
местн. <i>-ѣ</i>	<i>-у</i>

Основное противоречие между единством назначения единицы внутрипадежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков в ед. числе приняло форму противоречия между склонениями, т. е. между набором дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления у разных основ.

Рассмотрим отношения между склонениями в ед. числе.

В общевосточнославянском языке не было таких склонений, которые содержали бы дифференциальные признаки для каждого падежа в отдельности. Все склонения имели шестичленное противопоставление форм по категории падежа, но ни одно из них не имело шести дифференциальных признаков по числу членов

противопоставления. Однако склонения не были тождественными по числу дифференциальных признаков на шесть членов.

У имен муж. рода с основами на -о в ед. числе четыре падежа имеют свои особые окончания, т. е. свои особые дифференциальные признаки: род. -а, дат. -у, тв. -омь, местн. -ѣ. Два падежа — им. и вин. — имеют один дифференциальный признак -ъ. Четыре названных падежа противопоставляются друг другу и им. и вин. падежам, вместе взятым. Им. и вин. падежи не противопоставляются друг другу, но, взятые вместе, противопоставляются каждому падежу из указанных четырех. Это значит, что в склонении имен муж. рода с основами на о- в ед. числе на шесть падежей имеется пять дифференциальных признаков противопоставления.

Поставим в связь с падежными окончаниями имен муж. рода с основами на -о падежные окончания имен муж. рода с основами на -ѣ. В ед. числе этого склонения имеется только три дифференциальных признака на все шесть падежей: -ѣ для им. и вин., -и для род., дат., местн. и -омь для тв. Им. и вин. не противопоставляются друг другу, как не противопоставляются друг другу и род., дат. и местн. падежи. Им. и вин., вместе взятые, противопоставляются род., дат. и местн., вместе взятым, и тв. падежу.

Падежные противопоставления у имен с основами на -о имеют максимум дифференциальных признаков: в этом склонении только один падеж не имеет своего особого дифференциального признака. Падежные противопоставления у основ на ѣ- имеют минимум дифференциальных признаков: в этом склонении только один тв. падеж имеет свой особый дифференциальный признак, на остальные пять падежей приходится два дифференциальных признака. Количество дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления у разных склонений было разное: у одних большее, у других меньшее.

Рассмотрим соотношения разных склонений по числу дифференциальных признаков на шесть членов противопоставления. С точки зрения указанного отношения в ед. числе выделяются два склонения: с основами на -о и основами на -а. Они равны по максимальному числу дифференциальных признаков на число падежей в одном склонении и различны по максимальному числу разных дифференциальных признаков в каждом склонении.

Из приведенной ниже таблицы видно, что в склонении основ на о- и на а- четыре падежа имеют свои особые дифференциальные признаки и два падежа имеют один дифференциальный признак: у основ на о- в им. и вин. падежах — -ъ, у основ на а- в дат. и местн. — -ѣ. Это значит, что в этих склонениях не противопоставляются друг другу только два падежа.

Из этой же таблицы видно, что склонения основ на о- и на а- противопоставляются друг другу по всем падежам, за исключением местного, в котором имеется общий показатель -ѣ, т. е. в пяти падежах имеется противопоставление дифференциальных признаков этих двух склонений и только в одном оно отсутствует.

**Противопоставление падежных дифференциальных признаков
имен муж. рода с основами на *о-* и имен жен. рода с основами
на *а-* в ед. числе**

Основа	Падежи					
	Им.	Вян.	Род.	Дат.	Тв.	Местн.
<i>а-</i>	-ъ, -о	-ъ, -о	-а	-у	-омь	-ѣ
<i>о-</i>	-а	-у	-ы	-ѣ	-ою	-ѣ

Различию дифференциальных признаков этих двух склонений в одном падеже соответствовало различие классов имен существительных по роду: в основах на *о-* были представлены имена муж. и ср. рода, а в основах на *а-* — имена жен. рода.

Дифференциальные признаки основ на *-а* стали показателями единиц противопоставления по категориям падежа и числа, а также класса имен жен. рода, а дифференциальные признаки основ на *-о* стали показателями единиц противопоставления по категориям падежа и числа, а также класса имен муж. и ср. рода.

Так как различие классов имен по роду имеет константный характер, то тем самым и отношение между набором окончаний в основах на *о-* и на *а-* также имеет константный характер.

Противопоставление падежных окончаний основ на *о-* и на *а-* в ед. числе не содержало в себе источник необходимости устранения одного из противочленов, так как дифференциальные признаки этих склонений стали знаками разных единиц противопоставления и знаками разных классов слов. Оправдание различия разных окончаний в одном падеже было заложено в различии классов имен по роду.

Противопоставление склонения на *-о* и на *а-* стало функционировать как противопоставление «мужского» и «женского» склонения. В связи с этим склонение имен муж. рода с основами на *о-* и склонение имен жен. рода с основами на *а-* стали двумя константными центрами именного склонения в ед. числе. Другие склонения получили место противочленов этих константных членов.

В склонение основ на *-ѣ* входили только имена муж. рода. Ввиду этого склонение основ на *-ѣ* стало противочленом склонения основ на *о-*. В склонение основ на *ѣ-* входили имена муж. и жен. рода. Ввиду этого склонение основ на *ѣ-* вошло в качестве противочлена в два отношения: оно стало противочленом склонения основ на *о-* и склонения основ на *а-*.

В склонение основ на согласные входили имена муж., ср. и жен. рода. Ввиду этого склонение основ на согласные вошло в качестве противочлена в те же два отношения. На основе двух членов одного константного противопоставления возникло два неконстантных противопоставления. В первое входило склонение основ на *о-*, а в качестве его противочлена — все склонения имен

муж. и ср. рода. Во второе входило склонение основ на *-а-*, а в качестве его противочлена — все склонения имен жен. рода.

Рассмотрим характер неконстантных противопоставлений между указанными членами и их противочленами.

1. Противопоставление дифференциальных признаков склонения основ на *о-* и его противочленов

Сопоставление падежных морфем основ на *о-* и основ на *й-* показывает, что основы на *о-* имеют пять дифференциальных признаков на шесть падежей, а основы на *й-* только три: *-ъ* для им. и вин., *-у* для род. и местн. и *-ъмь* для тв. падежа. Падежи в основах на *о-* противопоставлялись по максимальному числу дифференциальных признаков, а в основах на *й-* — по минимальному числу дифференциальных признаков. Склонение основ на *о-* обладало большей различительной способностью по сравнению со склонением основ на *й-*. Имена существительные муж. рода с основами на *о-* и на *й-* имели один общий показатель в им. и вин. падежах — *-ъ*, разные варианты одного окончания в тв. падеже — *-омь* и *-емь* и разные окончания в род., дат. и местн. падежах *-а* и *-у*, *-у* и *-ови*, *-ѣ* и *-у*.

Противопоставление разных вариантов одного окончания *-омь* и *-ъмь*, а также разных окончаний *-а* и *-у*, *-у* и *-ови*, *-ѣ* и *-у* не находило основания ни в различии классов имен по категории рода, ни в противопоставлении форм одного слова по категории падежа и числа. Естественно, что противопоставление набора дифференциальных признаков основ на *о-* и на *й-* не было константным: оно содержало в себе источник необходимости своего преобразования.

Сопоставление падежных морфем основ на *о-* и основ на *јо-* показывает, что основы на *о-* и на *јо-* на шесть падежей имели одинаковое количество дифференциальных признаков. Это значит, что они обладали равной различительной способностью. Само противопоставление вариантов одного окончания — *-ѣ* и *-ъ*, *-а* и *-’а*; *-у* и *-’у*, *-омь* и *-емь* и разных окончаний — *-ѣ* и *-и* не находило основания ни в различии классов имен по роду, ни в противопоставлении форм по категории падежа и числа. Противопоставление падежных окончаний основ на *о-* и на *-јо-* не было константным. Оно содержало в себе источник необходимости своего преобразования.

Сопоставление падежных морфем основ на *о-* и основ на *ѣ-* показывает, что в склонении имен с основами на *ѣ-* было только три дифференциальных признака на шесть членов: им. и вин. падежи имели окончание *-ъ*, род., дат. и местн. — *-и*. Противопоставление падежей осуществлялось только по трем дифференциальным признакам. Им. и вин., вместе взятые, противопоставлялись род., дат. и местн. падежам, вместе взятым, и тв. падежу. Склонение имен с основами на *ѣ-* обладало меньшей различительной способ-

ностью. Падежные окончания имен с основами на *й*- противопоставлялись падежным окончаниям имен с основами на *о*- только в трех падежах: род. -а и -и, дат. -у и -и, местн. -ѣ и -и. Противопоставление указанных окончаний не находило основания в различиях классов слов по роду и в противопоставлениях форм одного слова по категории числа и падежа. Окончания им. и вин.

падежей ед. числа -ѣ и -ѣ, а также окончания тв. падежа ед. числа -омъ и -ѣмъ были вариантами и, следовательно, представляли в каждом падеже одно окончание. В этих падежах отсутствовало противопоставление падежных окончаний рассматриваемых двух склонений.

Из сказанного следует, что противопоставление набора падежных окончаний в этих двух склонениях не было константным: оно содержало в себе источник необходимости своего преобразования.

2. Противопоставление дифференциальных признаков склонения имен с основами на *а*- и его противочленов

Сопоставление падежных морфем имен с основами на *а*- и на *ја*- показывает, что по количеству дифференциальных признаков оба склонения были равнозначными: два падежа имели общий признак: дат. и местн. у основ на *а*- (-ѣ), дат. и местн. у основ на *ја*- (-и). Окончания им., вин. и тв. падежей ед. числа -а и -'а, -у и -'у, -ою и -ею представляли варианты одного окончания. В этих падежах окончания склонений основ на *а*- и на *ја*- не противопоставляются. Их окончания противопоставлялись в род. падеже ед. числа -ы и -ѣ, в дат. падеже ед. числа -ѣ и -и, в местн. падеже ед. числа -ѣ и -и. Соотношение набора падежных окончаний имен с основами на *а*- и *ја*- не было константным. Оно не находило основания ни в различиях классов слов по роду, ни в противопоставлении форм по падежу и числу.

Сопоставление падежных морфем имен жен. рода с основами на *а*- и на *й*- показывает, что в склонении имен с основами на *й*- меньше дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления, чем в склонении имен с основами на *а*-: в первом три — -ѣ, -и и -ѣю, во втором пять — *а*-, -ы, -ѣ, -у, -ою. Склонение имен с основами на *й*- обладало меньшей различительной способностью, чем склонение имен с основами на *а*-.

Окончания в ед. числе род. падежа -ы и -и, тв. падежа -ою и -ѣю, вин. падежа -ы и -и были вариантами. В этих падежах, следовательно, склонения основ имен с основами на *а*- и на *й*- не противопоставлялись.

Противопоставление падежных окончаний этих склонений наблюдалось в четырех падежах в ед. числе: им. — *а* и -ѣ, дат. и местн. — -ѣ и -и, вин. — -у и -ѣ. Из этого следует, что противопоставление падежных окончаний имен с основами на *а*- и на *й*- не было константным. Оно не находило основания ни в различии

классов слов по роду, ни в противопоставлении форм одного слова по падежу и числу.

Таким образом, противоречие между единством назначения падежа и множественностью его дифференциальных признаков в ед. числе привело к распределению дифференциальных признаков на два класса (признаки одного класса стали знаками форм слов муж. и ср. рода, признаки другого класса — знаками форм слов жен. рода) и к оформлению противоречия между единством назначения падежа и множественностью его дифференциальных признаков в пределах одного класса. Это приводило к тому, что противоречие между тождеством назначения падежа как единицы внутриападежного противопоставления и множественностью его дифференциальных признаков приняло форму противоречия между сильными склонениями, имевшими максимум дифференциальных признаков на число падежей, и слабыми склонениями, имевшими минимум дифференциальных признаков на то же число падежей. Слабые склонения постепенно отмирали, растворяясь в двух сильных склонениях имен с основами на *о-* и на *а-*, каждое из которых стало центром протяжения склонения имен муж. и ср. рода, с одной стороны, и склонения имен жен. рода, с другой.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Им. падеж во мн. числе имел восемь дифференциальных признаков, представленных шестью следующими падежными морфемами: *-и, -ы; -ѣ; -ове; -ѣе; -е; -а, -'а;*

вин. падеж — пять дифференциальных признаков, представленных тремя следующими падежными морфемами: *-ы, -и; -ѣ; -а, -'а;*

род. падеж — четыре дифференциальных признака, представленных тремя следующими падежными морфемами: *-ѣ, -ѣ; -ове; -ѣѣ;*

тв. падеж — шесть дифференциальных признаков, объединенных в две следующие падежные морфемы: *-ы, -и; -ами, -'ами, -ѣми, -ѣми;*

дат. падеж — шесть дифференциальных признаков, представленных одной морфемой: *-омѣ, -емѣ, -амѣ, -'амѣ, -ѣмѣ, -'ѣмѣ;*

местн. падеж — шесть дифференциальных признаков, представленных также одной морфемой: *-ѣхѣ, -ихѣ, -ахѣ, -'ахѣ, -ѣхѣ, -'ѣхѣ.*

Таким образом, во мн. числе дат. и местн. падежи имели по одному окончанию, представленному разными вариантами. Каждый падеж был представлен множеством своих дифференциальных элементов. Однако во мн. числе противоречия между тождеством назначения падежа и множеством его дифференциальных признаков разрешалось иначе, чем в ед. числе. Во мн. числе прежде всего отсутствовало противопоставление склонений имен с основами на *о-* и на *а-*. Дифференциальные признаки падежей во

мн. числе не были одновременно признаками, отличающими имена муж. рода от имен жен. рода.

Во мн. числе противопоставление единства назначения единицы внутрипадежных отношений и множественности их дифференциальных признаков не принимало форму противопоставления между самими признаками как знаками разных классов имен и разных внутрипадежных единиц. Противоречие между единством назначения падежных единиц и множественностью их дифференциальных признаков принимало форму противопоставления вариантов одного окончания или разных окончаний. Это противоречие находило свое разрешение в развитии тенденции к закреплению в одном падеже одного из нескольких вариантов окончания или одного из нескольких окончаний. Тенденции в языке представляют собой выражение процесса разрешения того или другого противоречия.

В этом отношении положение дат., тв., местн. падежей отличалось от положения им., вин. и род. падежей: первые по преимуществу имели разные варианты окончаний, вторые — разные окончания. Ввиду этого судьба дифференциальных признаков первой группы падежей значительно отличается от судьбы дифференциальных признаков второй группы.

Предложенное понимание принципа противоречия как источника развития дифференциальных признаков форм слова ведет по необходимости к исчезновению в ед. числе склонений основ на *й-*, *й-*, а также основ на *jo-* и *ja-*.

Склонения основ на *й-*, *jo-*, *ja-* в русском языке действительно отмирали и так или иначе растворились в склонении основ на *о-* и на *а-*. Но основы на *й-* сохранились до настоящего времени, ср. *ночь, ночи, ночью* и т. п. В белорусском языке также сохранилось склонение основ на *й-*. Кроме того, сохранилось склонение основ на *ja-*, ср. им. *зямя*, дат. *зямли*, местн. *аб зямлі* и т. п.

Во мн. числе должна была отмирать множественность дифференциальных признаков отдельного падежа. В белорусском языке этот процесс реализован в им. падеже мн. числа, в котором сохранилась только одна падежная морфема: *-ы, -и*, ср. *стол — ста-лы, дом — дамы, брат — браты, окно — окны, конь — кони, поле — палы* и т. п. Но в русском языке множественность дифференциальных признаков им. падежа мн. числа сохранилась: *стол — столы, дом — дома, окно — окна, брат — братья, сосед — соседи, конь — кони* и т. п.

Эти факты могут быть истолкованы в том смысле, что действие установленной нами закономерности не эффективно, что факты языка не соответствуют указанной закономерности. Следует, однако, заметить, что такое возражение исходит из представления о том, что социальные закономерности имеют линейный, динамический характер, которыми должны подчиняться все факты без исключения. Такое понимание закона возникло путем перенесения законов механики на общественный процесс. Между тем, социальный закон должен пониматься как *тенденция*. Этот характер со-

циальных законов классики марксизма выявили на множестве примеров.

Разрешение и преодоление противоречий, являясь глубинным, сущностным действием, представляет собою необходимость развития, необходимость исторического процесса. Но эта необходимость проявляет себя как общий закон. Общие законы общественного развития характеризуются тем, что они проявляются как общая тенденция, а не как закон всех отдельных фактов.

В статье «Система наемного труда» Ф. Энгельс писал: «Закон заработной платы совсем не такой закон, который действует неизбежно и прямолинейно. В известных пределах он вовсе не является неумолимым»¹⁰.

Общественные законы осуществляются как тенденция, отдельные факты могут не совпадать с той или другой тенденцией, но они не могут служить доказательством отсутствия закона. Социальные законы выражают необходимость, в основе которой лежит возникновение, развитие и разрешение противоречия, но эта необходимость не имеет фатального предопределения по отношению к отдельным фактам. Ф. Энгельс, возражая против истолкования необходимости как фатального предопределения каждого отдельного случая, писал: «Согласно этому воззрению, в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот цветок клевера был оплодотворен в этом году пчелой... — все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий, неизбежной необходимостью, и притом так, что уже газовый шар, из которого произошла солнечная система, был устроен таким образом, что эти события должны были случиться именно так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы тоже еще не выходим за пределы теологического взгляда на природу»¹¹. Общественные законы выражают необходимость, которая осуществляется в форме вероятно-статистической закономерности.

Так, в род. падеже ед. числа у основ на *a-* была морфема *-ы*, а у основ на *ja-* — *-ѣ*. Согласно нашей концепции, причина определяет необходимость устранения множественности морфем в одном падеже. В данном случае каждая из указанных морфем обладала равной вероятностью сохраниться или устраниться. И действительно, в одних говорах русского языка в род. падеже ед. числа у основ на *ja-* морфема *e* < *ѣ* вытеснена морфемой *и*, ср. *земли* в соответствии с унаследованной формой *землѣ*. В других говорах, наоборот, морфема *и* (орф. *ы*) вытеснена морфемой *е*, срв. *стене* в соответствии с унаследованной формой *стѣны*. Факты такого рода многочисленны. В белорусском языке одни говоры

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 260.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 533—534.

закрепили в местн. падеже мн. числа морфему *-ох*, ср. *у стагох*, *ува млох*, *у вязах* и т. п.; другие говоры закрепили морфему *-ах*, ср. *у стагах*, *ува млах*, *у вязах* и т. п.

Если две морфемы одного падежа получили разное назначение в системе языка, то вопрос о противоречии между единицей падежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков, разумеется, снимается; таковы падежные морфемы род. падежа ед. числа *-а* и *-у*: эти морфемы, как известно, получили в языке особые назначения.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Перейдем к рассмотрению действия принципа противоречия как источника развития структуры предложений.

Предварительно мы конспективно изложим принятую нами теорию предложения. Мы различаем следующие три факта: а) предложение, б) семантическую систему предметов, связанных некоторым отношением, существующую в нашем языке и в нашем сознании, в) объективное событие, существующее вне языка и вне нашего сознания. Предложение в своей структуре отражает семантическую систему, существующую в нашем сознании и имеющую предикативный характер, а семантическая система отражает, т. е. представляет собою, интеллектуальную модель объективного события. Предложение по отношению к объективному событию есть имя, а объективное событие по отношению к предложению есть его денотат. Предложение имеет два статуса: статус имени по отношению к денотату, каковым является объективное событие, и статус структурного выражения предикативной семантической системы как своего содержания. Семантическая система имеет два статуса: статус интеллектуальной предикативной модели объективного события и статус содержания предложения, как отражения объективного события. Объективное событие имеет два статуса: статус денотата предложения как его имени и статус оригинала, моделируемого в сознании человека в форме предикативной семантической системы предложения.

Семантическая система, выражаемая предложением, может быть одноместной, т. е. содержать один предмет, связанный предикативным свойством, ср. *Дерево заплесневело*; двухместной, т. е. содержать два предмета, связанные двухместным предикативным отношением, ср. *Боец зачехлил оружие*; трехместным, т. е. содержать три предмета, связанные трехместным предикативным отношением, ср. *Колхоз выдал аванс колхозникам*. При этом семантическая система, рассматриваемая как интеллектуальная модель некоторого объективного события, отражает последнее различными способами: одно событие действительности может быть отображено в интеллектуальной модели одноместно или двухместно, ср. *Ветхое дерево заплесневело* и *Ветхое дерево покрылось пле-*

сенью, двухместно или трехместно, ср. *Колхоз авансировал колхозников* и *Колхоз выдал аванс колхозникам*, *Боец зачехлил оружие* и *Боец покрыл оружие чехлом* и т. п.

Предложения, выражающие двухместные системы, обладают большими выразительными возможностями, чем предложения, выражающие одноместные системы. Предложения, выражающие двухместные системы, допускают больший диапазон глагольных слов, одноместные — или не имеют возможностей замены одного глагола другим, или они весьма ограничены.

Предложение *Дерево заплесневело* выражает одноместную семантическую систему. Предложение, выражающее эту семантическую систему, не допускает замены глагола *заплесневело* каким-либо другим глаголом, например глаголом *замшило*, так как это означало бы, что дерево покрылось мхом, а не плесенью. Предложение *Дерево покрылось плесенью* выражает двухместную семантическую систему. Глаголы предложений, выражающих двухместные отношения, допускают многообразные синонимические замены без нарушения основного содержания семантической системы, т. е. без нарушения истинности высказывания: *Дерево покрылось (обросло, обволоклось, проросло...) плесенью*.

Одноместная семантическая система, выраженная предложением *Дерево заплесневело*, не допускает конвертирования отношения в силу своей одноместности.

Двухместные семантические системы, выраженные соответствующими предложениями, могут иметь отношения между местами с прямым и обратным, т. е. конвертированным, направлением. Двухместная семантическая система, выраженная предложением *Он имеет деньги*, имеет одно направление отношения между местами, а двухместная семантическая система, отражающая ту же объективную ситуацию и выраженная предложением *У него есть деньги*, имеет обратное, т. е. конвертированное, направление в отношении между его местами.

Двухместная семантическая система, выраженная предложением *Плесень покрыла дерево*, имеет одно направление между местами в отношении; двухместная семантическая система, выраженная предложением *Дерево покрылось плесенью*, имеет конвертированное, т. е. обратное, направление отношения между местами, причем обе эти семантические системы отражают одно и то же объективное событие.

Возможность конвертирования отношения между предикатами делает семантическую систему более богатой, а различительные средства предложения более выразительными.

Предложения, выражающие двухместную семантическую систему с прямым и обратным направлением отношения между местами, дают возможность богатых синонимических замен глагольных компонентов — *Плесень покрыла, обволокла, закрывала... дерево* и т. п. Ср. *Зеленая плесень покрыла ветхое дерево* (Гоголь. Мертвые души).

Те же возможности для глагольной синонимии представляют и конвертированные предложения. Ср.: *Яма со стоячей водой покрывалась изумрудной плесенью* (Григорович. Антон-Горемыка); *В одном месте балка крепления проросла плесенью* (В. Гроссман. Степан Кольчугин).

Рассмотрим еще один пример: *Борта лодки замшевели* (В. Лидин. У океана). Одноместная система, выраженная данным предложением, не допускает семантического обогащения. Преобразование ее в двухместную систему приводит к обогащению ее семантического содержания, а предложение, выражающее эту систему, получает новые возможности синонимических замен, ср.: *Борта лодки покрылись, обросли, проросли... мхом; Мох покрыл борта лодки; Мох пророс по бортам лодки* и т. п.

Теперь мы можем сформулировать принцип противоречия как источник развития в применении к структуре предложения. Противоречие между развивающимися потребностями общения и наличными средствами языка в применении к структуре предложения представляется как противоречие между совершенствованием осмысления действительности, выражающимся в необходимости обогащения семантики предложений, и недостаточным отражательным аппаратом, содержащимся в множестве сопряженных, парадигматически связанных предложений; недостаточность отражательного аппарата заключается в недостаточности мест в предикате и в отсутствии конвертирования отношения между местами.

Разрешение указанного противоречия заключается в увеличении числа мест в предикате или в выделении второго предиката, а также в развитии конвертирования отношения между местами предиката и между предикатами.

В истории русского языка в соответствии с одноместными семантическими системами развиваются двухместные, моделирующие то же самое объективное событие, а в соответствии с двухместными семантическими системами — трехместные, моделирующие то же событие. Одноместные и двухместные семантические системы сохраняются, но при этом они получают специфическое семантическое содержание.

В древнерусском языке широко были представлены предложения, выражающие одноместные семантические системы, в соответствии с которыми в современном русском языке употребляются предложения, выражающие двухместные семантические системы. Предложение *Александр добр возрастом... обуеваа* выражает одноместную семантическую систему. В современном русском языке этому предложению соответствует предложение, выражающее двухместную семантическую систему, ср.: *Александр оброс бородой и усами*. Эта семантическая система в современном русском языке может иметь конвертированное строение, ср.: *Борода и усы обросли нижнюю часть лица* (Пьера) (Л. Толстой. Война и мир).

Предложение *Он же по обычаю молился* выражает одностепенную семантическую систему, отражающую некоторую объективную ситуацию. В современном русском языке употребляются предложения *Он читал (произносил, творил) молитвы*, которые выражают двухместную семантическую систему, отражающую то же самое объективное событие.

В этих предложениях возможна и конверсия направления в отношении между местами системы, ср.: *Молитвы им (тв. п.) читались по утрам*.

Как видим, преобразование семантической системы из одностепенной в двухместную обогащает возможности семантической системы и изобразительные средства словесной организации предложения.

Предложения, выражающие двухместные и трехместные семантические системы, отражающие одно объективное событие, обладают разными выразительными возможностями, а сами семантические системы — неодинаковыми семантическими свойствами. Трехместные семантические системы богаче двухместных, отражающих одно и то же объективное событие. Предложение *Он окорил дерево* выражает двухместную семантическую систему. Это предложение стало специальным выражением; в нем употребляется только один глагол *окорить*, отсутствует конвертирование направления в отношении между местами системы, тем самым практически не употребляемый является и предложение **Дерево окоряется им*, хотя теоретически оно вполне возможно.

То же самое объективное событие может быть обозначено и предложением, выражающим трехместную семантическую систему, которая отражает указанное событие, ср.: *Он очистил дерево от коры*. Это предложение входит в сопряженную (парадигматическую) систему предложений, выражающих разные трехместные семантические системы, различающиеся разными направлениями в отношении между их местами.

Запишем указанное выше предложение с индексами мест предметов в семантической системе: *Он₀ очистил дерево₁ от коры₂*; Индекс ...₀ является знаком исходной позиции, которую в данной семантической системе занимает лицо, обозначенное им. падежом местоимения *он*, индекс ...₁ — знак первой последующей позиции, которую в данной семантической системе занимает предмет, обозначенный вин. падежом имени *дерево*, индекс ...₂ — знак второй последующей позиции, которую в данной семантической системе занимает предмет, обозначенный предложной конструкцией от слова *кора*. Конвертируя направление отношения между позициями ...₁ и ...₂, мы получим трехместную семантическую систему, отражающую то же объективное событие и выражаемую предложением *Он снял кору с дерева*.

Две семантические системы, отражающие одно объективное событие и выражаемые двумя указанными предложениями, различаются не по различию самих отношений между местами (по-

зициями предметов), а по различию направлений между местами в одном отношении. В этих двух системах могут быть конвертированы направления в отношениях между исходной позицией и первой последующей позицией.

Предложение *Он₀ очистил дерево₁ от коры₂* получает вид *Дерево₀ очищено им₁ от коры₂*, а предложение *Он₀ снял кору₁ с дерева₂ — Кора₀ снята им₁ с дерева₂*.

Все эти четыре предложения выражают разные семантические системы, которые отражают одно объективное событие; все эти предложения сопряжены тождеством отношений между местами в соответствующих семантических системах и различием в направлениях указанных отношений. Все сопряженные семантические системы и тем самым сопряженные предложения, которые их выражают, представляют собой семантическое, т. е. интеллектуальное, богатство отражения одного объективного события.

Палешские мастера говорят: *Мастер лачит шкатулку*. Главная синонимия в этом предложении не допускается. Не практикуются и конвертированные предложения типа **Шкатулка лачится мастером*, хотя теоретически это предложение вполне возможно. Это объясняется тем, что предложение *Мастер лачит шкатулку* стало терминированным, специализированным выражением у мастеров Палеха для обозначения соответствующего события.

В свободной, непрофессиональной речи рассматриваемое объективное событие моделируется в трехместной семантической системе, ср.: *Мастер₀ покрывает шкатулку₁ лаком₂*, при конвертировании направления между первой последующей и второй последующей позициями мы получаем предложение *Мастер₀ наносит лак₁ на шкатулку₂*. Предложение *Мастер₀ покрывает шкатулку₁ лаком₂* при конвертировании направления между первыми двумя местами получает вид *Шкатулка₀ покрывается (мастером₁) лаком₂*, а предложение *Мастер₀ наносит лак₁ на шкатулку₂* при конвертировании направления в отношении между первыми двумя местами получает вид *Лак₀ наносится мастером₁ на шкатулку₂*.

Все эти четыре сопряженных предложения выражают четыре разные сопряженные семантические системы, которые отражают в форме разных интеллектуальных моделей одно и то же объективное событие.

Приведем другие аналогичные примеры. Предложение *Колхоз авансировал колхозников* сопряжено с предложением *Колхозники авансированы колхозом*.

Двум сопряженным предложениям, выражающим две сопряженные двухместные семантические системы, соответствуют шесть сопряженных предложений, шесть сопряженных семантических систем, различным образом моделирующих, т. е. отражающих, одно объективное событие: *Колхоз выдал колхозникам аванс* и *Аванс выдан колхозом колхозникам*; *Колхоз обеспечил колхозников авансом*

и Колхозники обеспечены (колхозом) авансом; Колхозники получили аванс от колхоза и Аванс получен колхозниками от колхоза.

Трехместные семантические системы обеспечивают более богатое отражение того объективного события, которое беднее отражается в двухместных семантических системах.

В древнерусском языке были представлены предложения, выражающие двухместные семантические системы, в соответствии с которыми в современном русском языке употребляются предложения, выражающие трехместные семантические системы. Предложение *Они оженили его* (ср. *Тое же зимы новгородци оженили Мстислава... и поя за нь Петровну...* — Повесть временных лет, 6663 г.) выражает двухместную семантическую систему. Объективное событие, которое отражено в этой двухместной системе, в современном русском языке было бы смоделировано в форме трехместной семантической системы и выражено предложением типа *Родители женили сына на Петровне*.

Предложение *Они ожелезили его* выражает двухместную семантическую систему. В современном русском языке для обозначения того же объективного события было бы использовано предложение, выражающее трехместную семантическую систему, ср. *Они заковали его в железо*.

Предложение *Сонъ ны обумори* выражает двухместную семантическую систему. Та же ситуация может быть отражена двухместно и в современном русском языке, ср. *Сон обессилил нас*. Но в современном русском языке существуют и предложения, выражающие трехместные семантические системы, ср.: *Сон₀ лишил нас₁ сил₂; Сон₀ отнял силы₁ у нас₂; Мы₀ лишились сил₁ от сна₂*.

Выше было отмечено, что развитие структуры предложения осуществляется не только за счет выделения в предикате новых мест, но и за счет выделения второго предиката, который выражается вторым предложением.

В истории русского языка засвидетельствованы многочисленные случаи развития на месте одного простого предложения одного сложного предложения. Сложное предложение может возникать путем преобразования места в предикате в особый предикат. Выражение *Довольни будьмъ о уставныхъ одежахъ* представляет одно простое предложение, выражающее двухместное отношение. В современном русском языке в соответствии с указанным простым предложением возможно только сложное предложение: *Мы довольны тем, что имеем уставную одежду*. В данном случае в соответствии с одним местом, представленным предложным сочетанием *о уставныхъ одежахъ*, оформился особый предикат, представленный особым предложением *имеем уставную одежду*.

Сложное предложение могло возникнуть путем преобразования предикативного конститuenta простого предложения — прилагательного, причастия или инфинитива — в особое предложение. Выражение *Мняше о собѣ мудръ* (А. Курбский. Письма) является одним простым предложением, которому в современном русском

языке соответствует сложное предложение: *Думал о себе, что он мудр. Ср. Сдѣ бо мнѣ жилище имѣть* (Лаврентьевская летопись), т. е. думают, что имеют жилище; *Егда же си услышалъ старецъ, сотвори ужегъся*, т. е. старец сделал вид, что он получил ожог (И. И. Срезневский. Памятники юсового письма); *Приде видя* (Остромирово евангелие), т. е. пришел и увидел.

Действительными противоречиями в развитии структуры языка являются только те противоречия, которые содержат указание на способ их преодоления, при этом разрешение ведет к совершенствованию языка. Разрешение противоречия между тождеством назначения падежной единицы и множественностью ее дифференциальных признаков для разных групп слов ведет к устранению избыточных, бесполезных дифференциальных признаков формы слов, упрощает систему форм слов в языке; в то же время достигнутое к этому времени богатство различительных средств языка полностью сохраняется. Разрешение противоречия между потребностями обогащения семантических систем, выражаемых предложениями, и недостаточностью мест в их составе, а также ограниченностью конвертирования отношения между ними, приводит к возрастанию числа мест семантической системы, к постепенному развитию практики конвертирования отношения. В результате разрешения указанного противоречия обогащаются семантические системы, отражающие и моделирующие одно и то же объективное событие, развиваются выразительные средства предложений, образующих синтаксический корпус языка.

О МЕТОДАХ ОБЪЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА (1957 г.)

Для традиционного эмпирического языкознания целью исследования является познание сущности лингвистических явлений.

Многие лингвисты этого направления объектом познания практически считают данный в непосредственном наблюдении контекст. Он представляет собою ту объективную реальность, с которой имеет дело лингвист. По мнению этих лингвистов, умозаключения о фактах языка должны делаться на основании непосредственного наблюдения за данным конкретным контекстом. Наблюдая контекст «Пошел дождь, и я возвратился домой», исследователь этого направления вправе заключить, что в нем выражаются причинно-следственные отношения. Для представителей рассматриваемого взгляда на объект лингвистического исследования этот контекст является вполне исчерпывающим объектом познания; наблюдение над этим контекстом дает право исследователю делать те или другие умозаключения о сущности того или другого лингвистического факта, представленного в данном контексте.

У языковедов этого направления вопрос о системном характере языка не играл существенной роли в их лингвистических ис-

следованиях, поскольку объектом познания они считают данный в непосредственном наблюдении отрезок речевого процесса, или определенный контекст.

Представители структуральной лингвистики, стоящие на философских позициях современного логического позитивизма, считают, что познание сущности лингвистических явлений не является целью лингвистического исследования. По мнению современного логического позитивизма, каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, исключающих знание объективных свойств элементов, входящих в соотношение. Цель всякого исследования — установление соотношения элементов вне какой-либо связи с познанием их объективных свойств. Так, представитель копенгагенского структурализма Луи Ельмслев утверждает, что «каждое описание языка должно начинаться с установления соотношения между значимыми в этом отношении единицами, а такое установление соотношений между единицами не будет содержать никаких высказываний о внутренней природе, сущности или субстанции этих единиц»¹.

Итак, цель лингвистического исследования — установление отношений между единицами языка без каких-либо знаний об объективном назначении этих единиц. И сами единицы языка понимаются не как объективное средство обмена мыслями и чувствами, а как элемент схемы, лишенной вещественного выражения и общественного назначения. Единица языка — это не реальный факт языка, это не то, что может иметь общественное назначение в процессе обмена мыслями и чувствами. Л. Ельмслев считает, что «реальными языковыми единицами являются отнюдь не звуки или письменные знаки и не значения; реальными языковыми единицами являются представленные звуками или знаками и значениями элементы соотношения. Суть не в звуках или знаках и значениях, как таковых, а во взаимных соотношениях между ними в речевой цепи и в парадигмах грамматики. Эти именно соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка, в то время как проявление языка в звуках или письменных знаках и значениях остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы»².

Представители этого направления в языкознании противопоставляют систему языка как чистую структуру соотношений, как схему, тому, что представляет собою реальный речевой процесс. Для представителей этого направления объектом познания в науке о языке является схема чистых соотношений, лишенных какого-либо реального воплощения и общественного назначения. Л. Ельмслев считает, что лингвист должен понимать язык «как

¹ Луи Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике. «Acta linguistica», т. VI, стр. 63.

² Луи Ельмслев. Указ. соч., стр. 55.

чистую структуру соотношений, как схему, как что-то такое, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т.д.) реализации, в которой выступает эта схема»³. «Лингвистика,— говорит он,— описывает схему языковых соотношений, не обращая внимания на то, чем являются самые элементы, входящие в эти соотношения»⁴.

Таким образом, представители структуральной лингвистики, стоящие на философских позициях современного логического позитивизма, не признают реальный речевой процесс в качестве объекта познания. Объектом познания является чистая схема языковых соотношений, по отношению к которой реальный речевой процесс является ее случайной реализацией.

Для представителей рассматриваемого течения структурализма система языка, представляемая как чистая схема, находится за пределами или по ту сторону явлений речевого процесса, которые представляют собою ее случайную реализацию, или манифестацию. Кроме того, у представителей этого направления система языка имеет единообразный, универсальный характер для всех языков мира. С этой точки зрения национально-самобытные формы отдельных языков не представляют интереса для науки о языке.

Для представителей философского материализма такое понимание объекта науки не приемлемо.

Философский материализм исходит из предпосылки, что наука познает сущность явлений, объективными свойствами которых определяются их соотношения между собою. Для лингвистов, стоящих на позициях философского материализма, система языка есть выражение объективных свойств, сущности языковых элементов в их соотношении друг с другом. Целью лингвистического исследования является познание объективных свойств реальных фактов языка и тех соотношений, в которые они вступают в реальном речевом процессе.

Таким образом, объектом познания является не чистая схема языковых соотношений и не отдельный контекст как отрезок речевого процесса, данный в непосредственном наблюдении, а вся совокупность возможных контекстов, допускаемых системой языка в речевом процессе и доступных непосредственному наблюдению.

Для представителей этого взгляда на объект лингвистической науки непосредственной реальностью языка является не только контекст как отдельный отрезок речевого процесса, данный в непосредственном восприятии, но и любые возможные контексты, имеющие отношение к первому визуально наблюдаемому контексту. С этой точки зрения наблюдение контекста «Пошел дождь, и я возвратился домой» не дает права исследователю делать какие-либо умозаключения о значении союза *и*.

³ Лун Ельмслев. Указ. соч., стр. 61.

⁴ Там же, стр. 64.

Представители лингвистической науки, стоящие на позициях философского материализма, в соотношениях элементов языка видят проявление их объективных свойств, их сущности. Понятия, связанные с системой языка, отражают объективные свойства элементов языка и их объективных связей и соотношений. Для представителей этого направления система языка является выражением объективных свойств элементов языка в их соотношениях и связях друг с другом.

Система языка находится не за пределами ее реализации, а в самой реализации, то есть в самом реальном речевом процессе как форма выражения закономерных связей элементов языка. Кроме того, в каждом языке она имеет национально-самобытный характер. Сущность элементов языка не может быть познана вне их соотношений и связей друг с другом. Соотношения и связи элементов языка и образуют собою систему языка.

Признание системного характера языка означает признание того, что познание отдельного элемента языка возможно только на основе всестороннего учета всех его возможных связей и соотношений со всеми другими элементами языка. Познание объективных свойств элементов языка в их связях, в их закономерном развитии является целью лингвистического исследования. Изучение элементов языка с помощью выявления всех и всяческих связей и соотношений между ними является методом лингвистических исследований. Таким образом, система языка как факт объективной действительности является целью познания. Но как достигнутая в познании система понятий она является инструментом дальнейшего исследования объективных свойств языка.

Представители лингвистической науки, стоящие на позициях философского материализма, не могут отказаться от понимания языка как системы только потому, что представители структуральной лингвистики раньше выдвинули принцип соотношений. Подход к языку как системе имеет назначением исследование объективных свойств элементов языка в их соотношениях и в их историческом развитии, тогда как назначение метода структурального анализа у представителей структуральной лингвистики — установление схемы языка с помощью установления соотношений, отрешенных от объективных свойств самого языка.

Приемы и принципы системного анализа являются специальным выражением в лингвистике общего требования марксистской диалектики — изучать данное явление в связи и в единстве с другими явлениями, с условиями его возникновения и развития.

Представители традиционного языкознания, скорее не понимавшие, чем отрицавшие роль понятия системы языка в лингвистических исследованиях, изучали синтаксические явления в порядке визуального наблюдения и с помощью языкового чутья: они делали умозаключения об отдельном элементе языка вне учета его связей и соотношений с другими элементами языка. Этому методу должен быть противопоставлен метод системного анализа язы-

ковых фактов, который требует, чтобы об отдельных элементах языка делались умозаключения на основании изучения всех возможных связей и соотношений их друг с другом, а не на основании тех связей, которые даны в отдельном контексте. Исследование синтаксических явлений должно осуществляться в порядке изучения всех объективных условий употребления той или другой словесной формы как объективных показателей реального существования и самой словесной формы, и ее значений.

В настоящей статье мы предлагаем вниманию читателей не систему синтаксиса современного русского языка, а опыт применения методов объективного анализа к изучению некоторых синтаксических явлений. Мы рассмотрим способ вычленения словесных форм и определения их значений в современном русском языке.

* * *

Вычленение словесных форм может быть сделано на основании истолкования смысла данного контекста с помощью языкового чутья.

Так, В. Н. Мигирин⁵ в своей докторской диссертации утверждает, что формы *нибудь* в выражении *пиши как-нибудь, хочешь* в выражении *пиши как хочешь, угодно* в выражении *пиши как угодно, попало* в выражении *пиши как попало* являются морфемами.

Автор чувствует, что выражение *на ком хочешь* в предложении *Он женится на ком хочешь* не является обычным придаточным предложением. Собственное языковое чутье исследователя показывает, что в этом выражении произошли какие-то изменения, которые необходимо определить. Этот факт с точки зрения языкового чутья не вызывает никакого сомнения. Автор полагает, что здесь имеет место переход предложения в морфему. Определив *хочешь, угодно, попало* и др. как морфемы, автор приводит многочисленные примеры, которые, по его мнению, должны доказать, что указанные выше элементы функционируют в них как морфемы. Никаких объективных критериев того, что в данном примере или в данной группе примеров *хочешь* или какой-либо другой элемент есть морфема, автор не приводит. Он думает, что если он почувствовал новое в старой форме и привел пример, то тем самым он доказал истину.

В. Н. Мигирин, пользуясь методом визуального наблюдения, заметил, что форма *хочешь* в выражении *пиши как хочешь* выполняет роль морфемы, как форма *нибудь* в выражении *пиши как-нибудь*. Однако метод визуального наблюдения привел здесь к ошибке: форма *хочешь* нигде, ни в каких условиях не является морфемой и не выполняет функции морфемы. Форма *нибудь* дей-

⁵ См. В. Н. М и г и р и н. Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке. «Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XIX. Симферополь, 1954.

ствительно является морфемой. По происхождению форма *нибудь* является формой повелительного наклонения от глагола *быть* с отрицанием *ни*. Эта глагольная форма является морфемой потому, что она вышла из системы тех отношений, которые свойственны глаголу. В системе современного русского языка форма *нибудь* не находится в состоянии противопоставления утвердительных и отрицательных форм: *будь* является противочленом к *не будь*, а не к *нибудь*. Форма *нибудь* не находится в состоянии противопоставления с другими формами по категории наклонения: она не стоит в ряду *будет, был бы, будь*. Форма *нибудь* не находится в состоянии противопоставления с другими формами по категории числа: она не стоит в ряду *будь, будьте*.

Это означает, что форма *нибудь* не является элементом глагольных противопоставлений, тем самым она не является глагольной формой, то есть формой слова: она — часть слова, морфема.

Наконец, форма *нибудь* не находит себе места в ряду противопоставления имени личному глаголу. Личный глагол, как известно, обозначая действие, предполагает действующий субъект. Форма *нибудь* не обозначает никакого действия и не предполагает никакого действующего субъекта. Форма же *хочешь* в выражениях «как хочешь» и т. п. не является морфемой. Как однозначный глагол форма *хочешь* занимает свое место в системе глагольных противопоставлений. Это и доказывать не требуется. Форму *хочешь* в сочетаниях *как хочешь, когда хочешь, сколько хочешь, кого хочешь, с кем хочешь* и т. п. мы должны исследовать в позиции члена предложения, а не в позиции придаточного предложения.

В предложении *Он женится на ком хочешь* форма *хочешь* имеет обобщенное личное значение, она предполагает субъект любого лица: 1-го, 2-го, 3-го. Следовательно, форма *хочешь* в рассматриваемой позиции сохраняет свойства противочлена имени, она обозначает действие в его отношении к обобщенному лицу субъекта. Она не утратила коренного свойства глагола как части речи. Этим свойством не обладает форма *нибудь*, она не находит себе места в противопоставлении имени глаголу; она находит себе место в противопоставлении части слова целому слову. Форма *-ище* является определителем предшествующей части того же слова: *домище, рукавище, столище* и т. п. Такую роль в системе языка выполняет и форма *нибудь* в выражениях *как-нибудь, когда-нибудь, сколько-нибудь, где-нибудь* и т. п. Слово *как-нибудь* — особый вариант к слову *как* с особым показателем, как слово *столище* есть особый вариант к слову *стол*, с особым показателем. Выражение *как хочешь* не особый вариант к слову *как*, а форма *хочешь* не показатель мнимого слова *как хочешь*. Форма *хочешь* сама является словом и находит себе место в противопоставлении глагола имени, а также в противопоставлении личных глаголов обобщенно-личным. Тем самым ответ на вопрос о морфемной природе формы *хочешь* в выражении *Женится на ком хочешь* не вызывает никаких сомнений: форма *хочешь* — не морфема.

Но, может быть, это слово в рассматриваемой позиции имеет тенденцию к переходу в морфему? Для исследования этого вопроса необходимо форму *хочешь* в той же позиции провести по всем противопоставлениям, свойственным глаголу. Прежде всего рассмотрим положение этой формы в ряду форм лица. Смысл формы *хочешь* в выражении *жениться на ком хочешь* не тождествен смыслу формы *хочу* или *хочет* в выражениях *Женюсь на ком хочу*, *Женится на ком хочет*. В первом предложении *хочешь* имеет обобщенно-личное значение, в двух последних предложениях формы *хочу* и *хочет* имеют определенно-личное значение. Следовательно, форма *хочешь* не имеет места в системе противопоставления форм по категории лица. Это можно было бы использовать как доказательство того, что форма *хочешь* имеет тенденцию к превращению в морфему. Но дело в том, что обобщенно-личные глаголы не имеют противопоставления по категории лица: форма 2-го лица в предложении *Тише едешь, дальше будешь* не находится в одном ряду с соответствующими глагольными формами в предложениях *Тише еду, дальше буду* или *Тише едет, дальше будет*; форма 3-го лица в объявлении *Просят не курить* не находится в одном ряду с соответствующими глагольными формами в предложениях *Просим не курить* или *Просите не курить*. Таким образом, тот факт, что форма *хочешь* не находится в системе противопоставления форм по категории лица, не может служить доказательством того, что форма *хочешь* имеет тенденцию к превращению в морфему.

Не находится форма *хочешь* и в системе противопоставления форм по категории времени и наклонения: форма *хочешь* в предложении *Женится на ком хочешь* не тождественна с соответствующими глагольными формами в предложениях *Женился, на ком хотел бы* или *Женился, на ком хотел*. Следовательно, форма *хочешь* не имеет места в системе противопоставления форм по категории наклонения и времени. Но и этот факт нельзя использовать как доказательство того, что форма *хочешь* имеет тенденцию к превращению в морфему, так как этим свойством обладают обобщенно-личные глаголы. Глагольная форма изъявительного наклонения будущего времени в предложении *С ним пива не сваришь* не тождественна с глагольными формами сослагательного и повелительного наклонений, а также с формами настоящего и прошедшего времени: *С ним пива не сварил бы*, *С ним пива не вари*, *С ним пива не варишь*, *С ним пива не варю*.

В противопоставлении форм по категории числа форма *хочешь* принимает участие, ср.: *Он женится на ком хочешь и на ком хоти-те*. Таким образом, форма *хочешь* не является морфемой уже по одному тому, что она занимает определенное место в системе противопоставления имени глаголу и личных глаголов обобщенно-личным. Она не имеет также тенденции к превращению в морфему, поскольку обладает теми же свойствами, что и обобщенно-личные глаголы.

Наличие словесной формы с присущими ей значениями должно быть доказано на основе исследования условий ее употребления в системе языка, а не на основе визуального наблюдения.

Рассмотрим еще один случай выделения словесных форм в системе языка. В работах по русской грамматике разные авторы выделяют множество аналитических форм глагола. Так, в работах акад. В. В. Виноградова было высказано положение, что сочетание *буду писать* является аналитической формой времени глагола, а сочетание *я писал* аналитической формой лица глагола. Это положение подкреплялось самоочевидным наблюдением, что *буду писать* представляет собою сочетание двух слов, а обозначает будущее время одного глагола: точно так же *я писал* представляет собой сочетание двух слов, а обозначает определенное лицо глагола прошедшего времени. Из этого делался вывод, что местоимение *я* является личным местоименным префиксом глагола. Кажется, что это — самоочевидная истина, которая ясна без доказательств.

Но самоочевидность рассматриваемых положений не вызывает сомнений только при методе визуальных наблюдений. А если эти положения проверить на основе анализа тех условий, в которых функционируют рассматриваемые выражения, то между ними обнаружится принципиальная разница: выражение *буду писать* — аналитическая форма глагола, а выражение *я писал* — обычное словосочетание. Все глагольные формы одного глагола представляют собой тождество, поскольку они являются формами одного слова. Но одна глагольная форма может быть противопоставлена другой форме того же глагола по одноименному признаку. Выражение *я буду писать* стоит в одном ряду с выражениями *я пишу*, *я писал*. Это значит, что выражение *буду писать*, а также формы *пишу* и *писал* тождественны, поскольку они являются формами одного глагола, и различны по одноименному признаку, поскольку они противопоставляются друг другу по признаку времени. Таким образом, выражение *буду писать* стоит в ряду синтетических форм времени одного и того же глагола, то есть в ряду: *пишу*, *писал*, *буду писать*. В данном ряду отношений каждая из форм глагола противопоставлена другой по одноименному признаку, в данном случае по признаку времени. Однако этого недостаточно, чтобы сделать вывод, что выражение *буду писать* есть аналитическая форма времени глагола. Мы можем сделать такой вывод только после того, как выясним возможность употребления других форм времени вспомогательного глагола *буду* в сочетании с инфинитивом. В сочетании с инфинитивом возможна только одна форма времени от глагола *быть*: *буду*; возможно только сочетание *буду писать*, но не возможны сочетания *есть писать*, *был писать*. Если бы такие сочетания были возможны, то выражение *буду писать* находилось бы в этом ряду отношений и не представляло бы аналитической формы глагола в ряду: *пишу*, *писал*, *буду писать*. При этих условиях выражение *буду писать* входит в систему внут-

риглагольных противопоставлений по категории времени, а не в систему противопоставлений одного словосочетания другому.

В курсах по исторической грамматике русского языка высказывается также положение, что будущее время глагола могло выражаться сочетанием инфинитива с глаголами *иметь*, *хотеть*, *начать*.

И это положение кажется самоочевидным, если исходить из общего смысла контекста. Например: «Аще не подступите заутра къ городу *прѣдаться хотят* людье печенѣгамъ»⁶ / = если завтра не подступите к городу, люди сдадутся печенегам/; «Си *имуть имать* дань на нас»⁷ / = будут брать дань с нас/; «Аже *почнетъ не знать* у кого купил, то ити... на роту»⁸ (= если не будут знать, у кого купил, то...). С точки зрения метода визуального наблюдения, не требуется никаких других доказательств, чтобы выражения «хотят *прѣдаться*», «имуть *имать*», «почнетъ не знать» признать аналитическими формами будущего времени глагола; но наличие выражений «захотят *прѣдаться*», «хотели *прѣдаться*», «захотели *прѣдаться*», «имели *имать*», «начали не знать» исключает возможность видеть в указанных выражениях аналитические формы глагола.

Сочетания инфинитива с глаголами *иметь*, *хотеть*, *начать* не являются формами будущего времени глагола, хотя они и обозначают действие, отнесенное к будущему времени. Они не входят в систему внутриглагольного противопоставления по категории времени, а входят в систему противопоставления одного словосочетания другому. Следовательно, глаголы *иметь*, *хотеть*, *начать* являются не элементом формы слова, а элементом словосочетания. Выражение *стану писать* относит действие к будущему времени, но не является формой будущего времени глагола, так как возможно не только сочетание *стану писать*, но и сочетание *стал писать*.

Таким образом, положение о том, что выражение *буду писать* представляет аналитическую форму глагола, является правильным. Но можно ли признать выражение *я писал* аналитической формой лица глагола прошедшего времени?

Формы прошедшего времени не имеют показателей лица; естественно поэтому в местоимениях видеть показатели лица глагола прошедшего времени. И, действительно, в ряд внутриглагольных противопоставлений синтетических форм лица *пишу*, *пишешь*, *пишет* могут быть поставлены выражения *я писал*, *ты писал*, *он писал*, которые находятся в соотношении с соответствующими синтетическими формами лица глагола. Однако этого недостаточно, чтобы сделать вывод, что выражение *я писал* входит в систему внутриглагольного противопоставления по категории

⁶ Повесть временных лет. Археогр. комиссия. СПб., 1910, стр. 28.

⁷ Там же. Введение.

⁸ Русская правда. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.

лица и является аналитической формой лица глагола. Мы могли бы сделать этот вывод, если бы доказали, что выражение *я писал* не входит в систему противопоставления словосочетаний по характеру одного из членов предложения. Однако выражение *я писал* соотносится не только с выражениями *ты писал* и *он писал*, но и с выражениями *мне писал*, *обо мне писал*, *тебе писал*, *о тебе писал*, *ему писал*, *о нем писал* и т. п. Наличие таких соотношений доказывает, что выражения *я писал*, *ты писал*, *он писал* соотносятся с выражениями *мне писал*, *тебе писал*, *ему писал* как словосочетания, тождественные по характеру одного члена предложения — сказуемого, и различные по характеру другого члена предложения — подлежащего или дополнения.

Из этого следует, что выражения *я писал*, *ты писал*, *он писал* входят не в систему внутриглагольного противопоставления по категории лица, а в систему противопоставления словосочетаний по характеру различия одного элемента словосочетания при тождестве другого элемента словосочетания. Выражения *я писал*, *ты писал*, *он писал* соотносятся с выражениями *мне писал*, *обо мне писал*, *тебе писал*, *о тебе писал*, *ему писал*, *о нем писал*, и в этом ряду отношений формы именительного падежа личных местоимений *я*, *ты*, *он* — не глагольные префиксы лица, а формы выражения подлежащего, в отличие от форм косвенных падежей тех же местоимений, которые являются формально выражениями различных видов дополнения.

Таким образом, распространенное в нашей грамматической литературе положение о том, что сочетания *я писал*, *ты писал*, *он писал* представляют собою аналитические формы лица глагола, а личные местоимения *я*, *ты*, *он* — личные местоименные префиксы, является неправильным. Выражения *я писал*, *ты писал*, *он писал* не входят в систему противопоставления частей слова и, следовательно, не являются глагольными префиксами.

Рассмотрим еще вопрос об объективных критериях вычленения падежных форм имени.

Была высказана мысль, что в современном русском языке наличие противопоставления *-а* и *-у* свидетельствует о наличии двух падежей, обычно объединяемых в одном родительном падеже. Так, акад. В. В. Виноградов писал: «В том, что традиционная грамматика называет родительным падежом, большинство исследователей различает два падежа — родительный и количественно-отложительный»⁹. Если принять этот взгляд, то мы должны сделать вывод, что формы на *-а* и на *-у* сохранились потому, что они перестали быть показателями одного падежа, то есть перестали занимать тождественные позиции в предложении. Они стали показателями разных падежей и тем самым стали занимать разные позиции в предложении; в этом они нашли необходимость своего раздельного существования.

⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 173.

Однако эти две формы родительного падежа на *-а* и на *-у* едва ли можно считать формами двух падежей. Метод установления количества падежей должен базироваться не на количестве значений и не на количестве форм, а на принципе внутрипадежных отношений; если определять количество падежей, исходя из количества значений, то мы получим несколько падежей в каждом из известных падежей. Если мы будем исходить из количества форм, то мы получим для одних имен меньше падежей, чем для других для одного грамматического числа больше падежей, чем для другого.

Имена с основами на *-і* краткое в единственном числе имеют всего три формы: *кость*, *кости* и *костью*, а имена с основами на *-о* в единственном числе имеют пять форм: *стол*, *стола*, *столу*, *столом*, *о столе*. Но было бы неосновательно делать из этого вывод, что в единственном числе одни имена имеют три, а другие пять падежей. Во множественном числе имена с основами на *-і* краткое имеют пять форм: *кости*, *костей*, *костям*, *костями*, *о костях*, а в единственном числе только три. Если мы в основу установления числа падежей положили бы число падежных форм, то должны были бы сделать вывод, что количество падежей у ряда имен в единственном и множественном числе не совпадает. Единственно правильным методом установления числа падежей является метод установления соответствия внутрипадежных противопоставлений при перекрещивании различных групп имен.

У основ на *-і* краткое (типа *кость*) в единственном числе противопоставляются только три формы, а во множественном числе пять форм: форма единственного числа *кость* соответствует форме *кости* множественного числа; форма единственного числа *костью* соответствует форме *костями* множественного числа; форма единственного числа *кости* входит в три ряда соответствий с формами множественного числа: форма единственного числа *кости* и форма множественного числа *костей*, форма единственного числа *кости* и форма множественного числа *костям*, форма единственного числа *(о) кости* и форма множественного числа *(о) костях*. Таким образом, противопоставляются не отдельные словесные формы, а соответствия словесных форм; у основ на *-і* краткое противопоставляются друг другу следующие соответствия: *кость* — *кости*, *кости* — *костей*, *кости* — *костям*, *костью* — *костями*, *(о) кости* — *(о) костях*. Как видно, у основ на *-і* краткое противопоставляются пять пар соответствий; они устанавливают противопоставление именительного и винительного падежей всем прочим падежам: родительному, дательному, творительному и местному. В свою очередь каждый из этих падежей противопоставляется друг другу и все вместе — винительному и именительному падежам.

Каждому отдельному ряду внутрипадежной корреляции соответствует тождество синтаксических позиций, которые они могут занимать в предложении: две разные формы — *костью* и *костями*, *кости* и *костям* и т. п. — потому и образуют один ряд внутри-

падежного противопоставления, что занимают одну позицию в предложениях. Следовательно, разные члены одной пары тождественны друг другу. Разные пары форм *кости* и *костей*, *кости* и *костям*, *(о) кости* и *(о) костях* потому и образуют разные ряды внутриадежных противопоставлений, что они занимают разные позиции в предложении. Но на этом анализ не оканчивается. Соответствия должны расширяться. В соответствии с падежными формами основ на *-i* краткое должны быть поставлены соответствия падежных форм у основ на *-а*. Тогда соответствие *кость* — *кости* войдет в два ряда соответствий: в ряд именительного падежа *кость* — *кости*, *рука* — *руки* и в ряд винительного падежа *кость* — *кости*, *руку* — *руки*. Этим двум рядам соответствия форм соответствуют разные позиции, которые они могут занимать в предложении, например, *лежит кость (рука)*, *лежат кости (руки)*, *вижу кость (руку)*, *вижу кости (руки)*.

В свою очередь разным формам в одном ряду соответствует одна синтаксическая позиция, например, *вижу кость* и *руку*, *кости* и *руки*.

Таким образом, установление внутриадежных соответствий ограниченных групп лексики свидетельствует о наличии внутриадежного противопоставления по шести категориям, то есть о наличии шестипадежного противопоставления отдельных словесных форм имен. Имена существительные мужского рода в единственном числе имеют еще дополнительные формы: в традиционном родительном падеже объединяются две формы *-а* и *-у* (*сахара* и *сахару*) и в традиционном предложном падеже две формы *-е* и *-у* (*е столе* и *во рту*). О родительном падеже, как известно, была высказана мысль, что в нем фактически имеется два падежа со своими особыми формами, каждой из которых соответствует свой круг значений. Такой вывод сделан на основании наблюдения только за именами мужского рода и только в единственном числе. Однако мнение о наличии или отсутствии той или другой падежной категории не может основываться на учете изолированной формы и ее значения; необходимо получить ряды соответствий внутриадежных противопоставлений и их синтаксических позиций. Между тем, формы на *-а* и на *-у* не входят в два разных соответствия внутриадежных противопоставлений. В русском языке нет таких двух рядов форм, в которые входили бы формы на *-а* и на *-у* как элементы, тождественные другим элементам соответствующего ряда. В родительном падеже единственного и множественного числа у основ на *-i* краткое имеется соответствие *-и* и *-ей* (*кости* — *костей*), у основ на *-а* — *-ы* и чистая основа (*стены* — *стен*). Формы единственного числа на *-а* и на *-у* имен мужского рода (*стола* и *сахару*) входят в тот же ряд соответствий внутриадежных противопоставлений, и все эти разные формы представляют собою, несмотря на различие, одно тождество, то есть занимают одну и ту же позицию в предложении, например, *нет кости и костей*, *нет руки и рук*, *нет стола и сахару*.

Различию двух форм единственного числа на *-а* и на *-у* нет соответствия во множественном числе; форме на *-а* соответствует форма на *-ов* (*стол — столов*), а форме на *-у* в норме нет соответствий во множественном числе, в порядке исключения из нормы при различении сортов вещества возможна форма на *-о* (сахаров в смысле сортов сахара). Этот факт лишний раз подчеркивает, что формы на *-а* и на *-у*, несмотря на их фонетическое и семантическое различие, представляют собою один падеж, то есть тождество.

Таким образом, вычленение элементов грамматической системы должно осуществляться не на основе языкового чутья, а на основе анализа объективных условий их употребления во всей совокупности возможностей, которые доступны непосредственно наблюдению.

Значения словесной формы тоже должны устанавливаться на основании объективных условий их функционирования в системе языка, а не на основании субъективного осмысления контекста. В академической грамматике сказано, что предложное сочетание «от + род. падеж имени существительного» имеет значение внутренней психологической мотивировки. Доказательством служит иллюстрация вроде: *Покраснел от злости*, но можно привести и другую иллюстрацию, которой нет в грамматике: *Погиб от руки врага*. Здесь уже внешняя причина, а не внутренняя психологическая мотивировка. Можно было бы сказать, что авторы не учли некоторых случаев употребления интересующей нас предложной конструкции. Между тем, авторы и не могли учесть всех случаев употребления этой конструкции, так как они определяют значение словесных форм с помощью своего собственного чутья. Метод определения значения словесных форм с помощью субъективного осмысления контекста предъявляет требования к установлению значений словесных форм на основании данного конкретного контекста, а не на основании всех возможных контекстов в данной системе языка.

Типичные образцы такого метода анализа словесных форм мы находим в работах Л. В. Матвеевой-Исаевой. Так, она пишет: «Определения в сочетаниях *твердый мрамор*, *холодный снег*, *упругая сталь* в некоторых контекстах могли бы считаться украшающими эпитетами, но в приведенных ниже примерах они являются указанием на тот существенный признак предмета, который служит причиной совершающегося факта. Так, в предложении *Твердый мрамор с трудом поддается его неопытному резцу* определением ясно выражена причина противодействия мрамора неопытному резцу — потому что он тверд. *Упругая сталь неизменно выпрямлялась в последний момент и вырывалась из его пальцев* — потому что упруга. В предложении *Больные ноги старушки с трудом поспевали за Семеном* определением больные выражена причина того, что поги старухи не могли двигаться быстро»¹⁰.

¹⁰ «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена», т. 5. Л., 1948, стр. 232.

Смысловый анализ контекста в качестве основы для истолкования синтаксических явлений широко применяется в докторской диссертации А. Г. Руднева¹¹.

Смысловое содержание, выраженное деепричастным оборотом, автор диссертации постоянно квалифицирует как свойство этого оборота. Вот примеры: «А так мы *хотѣчи* его в здѣшнем панстве нашомъ, ...оного приимемо и прияли есмо».

Оборот с деепричастием *хотѣчи* автор квалифицирует как выражение грамматической категории обстоятельства причины. По мнению А. Г. Руднева, в предложении «Мы, желая видеть его, пригласили к себе», выражаются те же причинно-следственные отношения, что и в предложении «Так как мы желали видеть его, то пригласили к себе». На этом основании автор приписывает причинное значение обороту с формой *хотѣчи*.

В выделенных словах предложения «...мы *видѣвши* его *млсердье* к намъ..., дали есмо... наши листы» автор также видит выражение грамматической категории обособленного обстоятельства причины.

Такое истолкование оборота с деепричастием *видѣвши* А. Г. Руднев дает на том основании, что все предложение можно осмыслить так: «Так как мы видели его милосердье к нам, то дали... наши листы». Это осмысление содержания предложения автор выдает в качестве грамматического свойства деепричастного оборота.

Таким же методом субъективного осмысления текста автор выделяет грамматическую категорию обстоятельства условия. Он считает, что деепричастный оборот в предложении «...*вживаючи того дворища*, не надобѣ ни яловцѣ платити» выражает эту грамматическую категорию потому, что смысловое содержание рассматриваемого предложения можно истолковать следующим образом: «Если будешь использовать дворище, то не надо... платить».

В деепричастном обороте предложения «...*хотѣчи пана Михаила ... приятелем... учинити*, дали еси ему у каждого его пригону» А. Г. Руднев видит выражение грамматической категории обособленного обстоятельства цели, так как смысловое содержание этого предложения можно истолковать таким образом: «Чтобы сделать приятелем пана Михаила, дали ему...».

Некоторые лингвистические работы целиком построены на основе применения метода субъективного истолкования смысла выражения и последующего приписывания его грамматическим средствам в качестве их грамматического свойства. Такова работа В. М. Никитевича «Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке»¹².

Автор выносит свои суждения о модальном значении той или другой глагольной формы изъявительного наклонения в большин-

¹¹ А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 174. Л., 1959.

¹² См. сб. «Вопросы изучения русского языка». Алма-Ата, 1955.

стве случаев на основании субъективного осмысления предложения. Наблюдая за употреблением глагольных форм изъявительного наклонения в разных предложениях, автор замечает, что в некоторых случаях глагол обозначает действие с моментом его возможности или невозможности, например: *Смелость города берет, Правда в огне не горит*. Глаголам *берет, горит* в этих предложениях автор приписывает грамматическую категорию возможности — невозможности на том основании, что содержание этих предложений можно истолковать в таком смысле: *Смелость может брать города. Правда в огне не может гореть*. Автор полагает, что если языковое чутье подсказало ему какое-либо наблюдение, то для доказательства его достаточно привести то или другое количество примеров. Он не учитывает того, что для доказательства наличия модального значения той или другой глагольной формы изъявительного наклонения необходимо исследовать объективные критерии, а не ограничиваться субъективным истолкованием смысла предложения.

Определение значения словесных форм путем визуального наблюдения широко распространено в нашей лингвистической литературе. Никто не сомневается, что словесная форма *пером* в выражении *пишу пером* обозначает орудие, а словесная форма *стол* в выражении *вижу стол* обозначает прямой объект. Эти выводы считаются аксиоматическими, истинность которых очевидна. Между тем, наука должна стремиться доказать и те истины, которые кажутся самоочевидными. Необходимо доказать, что словесные формы *пером* и *стол* в выражениях *пишу пером* и *вижу стол* обозначают орудие или прямой объект. Но метод визуального наблюдения может в лучшем случае правильно заметить явление, но он не может доказать наличие замеченного явления. Во многих случаях и явление замечается неправильно с помощью этого метода.

Визуальное наблюдение наталкивает на мысль, что в предложениях *Душно стало в саkle, и я вышел на воздух освежиться* выражаются причинно-следственные отношения; однако этот вывод, подсказанный авторам академической грамматики визуальным наблюдением, не является правильным. Когда авторы полагают, что в этом предложении выражаются причинно-следственные отношения, они исходят из предпосылки, что его содержание тождественно с содержанием предложения *Так как в саkle стало душно, то я вышел на воздух освежиться*. Но содержание первого предложения с таким же успехом может быть отождествлено с содержанием и предложения *Когда в саkle стало душно, я вышел на воздух освежиться*. Из этого следует, что в предложении *Душно стало в саkle, и я вышел на воздух освежиться* с одинаковым основанием можно видеть и выражение причинно-следственных отношений, и выражение известной временной последовательности. Но любое осмысление этого предложения является произволом толкователя.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что метод истолкования значения грамматических средств с помощью языкового чутья на основе субъективного осмысления отдельного контекста не может вскрыть объективных свойств грамматических средств. Такой метод в грамматике является субъективистским.

Метод системного анализа устанавливает значения словесных форм не на основании отдельного контекста, а на основании исследования всех возможных условий употребления данной словесной формы в данной системе. Этот метод требует, чтобы вычленение словесных форм и определение их значений осуществлялись не путем визуального наблюдения, а методом анализа объективных условий их употребления как реальных показателей действительного существования данных словесных форм и их значений. С точки зрения этого метода, исследователь не имеет права делать умозаключение об отдельном лингвистическом факте на основании своего личного восприятия смыслового содержания отдельного контекста, в котором представлен данный факт. Исследователь имеет право делать о нем заключение только на основании исследования всех возможных случаев его функционирования, допускаемых данной системой языка.

Говорят, что предложение *В глубине — дверь в переднюю* является полным, так как не нуждается ни в каких дополнениях, чтобы быть понятым. Тот, кто так говорит, считает, что отдельный контекст является достаточным объектом познания. С точки зрения метода системного анализа, принципиально недопустимо делать вывод о полноте или неполноте этого предложения на основании восприятия исследователем только этого контекста. Метод системного анализа требует, чтобы о природе этого предложения было сделано умозаключение на основании исследования всех связей этого предложения со всеми возможными типами предложений в данной системе языка. Тогда обнаружится, что это предложение неполное.

Ясно, что те, кто считает полным предложение *В глубине — дверь в переднюю*, принципиально отличаются по своим взглядам от тех, кто считает это предложение неполным. Различия в оценке этого частного случая определяются различием во взглядах на природу объекта познания и на методы его исследования.

У одних объектом познания является данный в непосредственном восприятии контекст, конкретный отрезок речевого процесса. У других объектом познания является вся совокупность всех возможных положений элементов языка во всех возможных контекстах.

У одних значение словесной формы устанавливается на основании субъективного осмысления визуально наблюдаемого контекста, в котором представлена данная словесная форма; у других значение словесной формы устанавливается на основании исследования всех ее возможных позиций в различных звеньях языковой системы.

Для дальнейшего уяснения принципов и приемов объективного анализа большое значение имеет понятие позиции, которую может занять словесная форма. Мы остановимся на выяснении этого понятия на примерах приглагольного использования предложно-падежных средств. Предложные сочетания *в Ленинград* и *над Москвой* могут обслуживать грамматические требования глагола и имени, например, *поехал в Ленинград* и *поездка в Ленинград*, *летал над Москвой* и *полет над Москвой*. Противопоставленные выражения тождественны по характеру выражаемых ими понятий и различны по характеру словесных форм, из которых они состоят. С точки зрения структуры этих выражений мы имеем право различить две позиции предложных сочетаний — приглагольную (*летал над Москвой*, *поехал в Ленинград*) и применную (*полет над Москвой* и *поездка в Ленинград*). Грамматическое значение данной предложно-падежной формы определяется его грамматической позицией. Предложное сочетание *над Москвой* и в приглагольной позиции, и в применной позиции обозначает одно понятие — место действия, а грамматические функции этого сочетания в разных позициях разные. В приглагольной позиции его грамматическим назначением является пространственно-обстоятельственная функция, так как грамматические требования глагола нуждаются в обстоятельственных средствах. В применной позиции его назначением является определительно-ограничительная функция, так как грамматические требования субстантивной части речи нуждаются в определительных средствах.

Приглагольная позиция также неоднородна. В выражении *умер голодом* творительный падеж *голодом* обозначает причину действия, выраженного глаголом, а в выражении *уморил голодом* творительный падеж обозначает средство, с помощью которого действие, выраженное глаголом, достигает своей цели. В этих двух случаях творительный падеж одного и того же имени *голодом* занимает разные грамматические позиции. Творительный падеж *голодом* обозначает причину, если он употребляется при глаголах состояния, и средство, если он употребляется при глаголах, обозначающих изменение предмета по признаку, указанному глагольным корнем: *красить* (сделать что-либо красным), *белишь* (сделать что-либо белым), *уморить* (сделать кого-либо мертвым) и т. п. Следовательно, приглагольные позиции предложно-падежных форм различаются в зависимости от лексико-грамматических свойств обслуживаемого глагола. В понятие грамматической позиции предложно-падежных форм входят также и лексико-грамматические свойства имен: в выражении *писал пером* творительный падеж *пером* обозначает орудие, а в выражении «писал вечером» творительный падеж *вечером* обозначает время. Морфология имеет дело с одним тождеством, которое можно назвать категорией творительного падежа, какие бы звуковые выражения оно ни имело. Синтаксис имеет дело с множеством позиций, которые может занимать словесная форма творительного падежа. Различия

грамматических позиций падежных форм зависят от лексико-грамматических свойств глагола, которые они обслуживают, и от лексико-грамматических свойств имен существительных, которые принимают данную падежную форму.

Понятие грамматической позиции может быть использовано как объективное средство для определения значения падежной формы.

В древнерусском языке употреблялся глагол *плакаться*, который должен быть безобъектным, поскольку имел возвратную форму. При этом глаголе употреблялся родительный падеж имен существительных и местоимений, например: У сихъ сватьбу творять, а у другихъ мъртьвца *плачуться* (Сбор. 1076 г.); Рабы и рабыня *плачуще* господина своего, яко отхожаше отъ нихъ (К.-Печ. патерик) ¹³.

Если считать, что глагол *плакати* — прямопереходный, а *плакаться* — непереходный, то форма родительного падежа *мъртьвца* при глаголе *плачуться* должна обозначать делиберативный объект; тогда форма родительного падежа *господина своего* при форме *плачуще* могла бы обозначать прямой объект. В таком случае функцию делиберативного объекта мы должны признать и за местоимением *его* в примере: Тогда же и князь Домонт приставися... и *плакахуся* его много Плесковичи (Псков. л., 6807 г.) ¹⁴.

Итак, если глагол *плакаться* не являлся прямопереходным, то родительный имен, обозначающих лица, должен обозначать делиберативный, а не прямой объект. Противопоставление возвратных и невозвратных форм глагола есть объективный факт. Употребление падежной формы при возвратном глаголе во всяком случае не может обозначать прямой объект; так как глагол *плакаться* обозначает состояние чувств, то объект при нем может быть только делиберативный. Но система древнерусского языка представляет и другие доказательства этого вывода. Родительный падеж имен употребляется при этом глаголе не изолированно, а на фоне предложных конструкций. При том же глаголе аналогичные имена существительные и местоимения употреблялись и в форме местного падежа с предлогом *о* и *по*, например: И кто, братъе *о семь* не *поплачется* (Син. сп. I Новг. л., л. 22 об.); Ангелы отступльша от мене и *плачущася о души* моей (К.-Печ., 89); И по трехъ днехъ умре Ольга, и *плакася по ней* сынъ ея (Ком. сп. I Новг. л., л. 38 об.); И *плакася по Авели* летъ 30 (Лавр. л., 58). Таким образом, в соответствии с родительным падежом имен при глаголе *плакаться* могли употребляться предложные формы «*о* + местный падеж» и «*по* + местный падеж» тех же имен существительных и местоимений.

¹³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка.

¹⁴ И. И. Срезневский. Указ. соч.

Предложные средства обозначали делиберативный объект, это не вызывает никакого сомнения. И так как они употребляются в той же грамматической позиции, что и родительный падеж, то есть при тех же глаголах и с теми же именами в соответствующей падежной форме, это является объективным доказательством того, что родительный падеж имен и местоимений в рассматриваемых примерах имеет функцию делиберативного, а не прямого объекта. Это значит, что выражение «плакаться его» стоит в одном ряду с выражением «плакаться о нем» и «плакаться по нем». Существовал и второй ряд отношений, в котором был представлен глагол *оплакати*, например: Ать шедъ, *оплачу* гробъ его (Лавр. л., 6662 г.); Да быхъ, *обуимъ*, *оплакалъ* мужа ея (Пис. Влад. Мон. 1096 г.).

При глаголе *оплакати* употреблялся винительный падеж имени, который обозначал прямой объект. Первый ряд отношений был противопоставлен второму ряду отношений: в первом ряду предложно-падежные и падежные средства обозначали делиберативный объект; во втором ряду падежные средства выражали прямой объект. Наличие этих двух рядов отношений неопровержимо доказывает, что родительный падеж имен существительных, обозначающих лиц, при глаголе *плакаться* имеет значение делиберативного объекта. В этом можно было бы сомневаться, если бы в системе языка не было ряда *оплакати* (то есть оплакивать) *его*. Можно было бы думать, что *плакаться его* выражает объект безотносительно к противопоставленности прямого и делиберативного объектов. Но наличие *оплакати его* исключает подобное предположение.

Высказанное здесь суждение о значении родительного падежа имен и местоимений при глаголе *плакаться* основано не на субъективном толковании смысла соответствующих контекстов, а на всестороннем учете объективных свойств позиций, занимаемых формой родительного падежа, объективных связей формы родительного падежа с другими средствами в тождественной позиции.

Для раскрытия того, какую роль играет понятие грамматической позиции словесных форм в их анализе, рассмотрим некоторые опыты толкования второобразных предлогов. Так, М. С. Бунина в статье «Из наблюдений над второобразными предлогами в современном русском литературном языке»¹⁵ отмечает, что словесная форма *в отношении* в предложении «Помещик в отношении крестьянина есть законодатель» (Радищев) есть имя существительное, а в предложении «Каковы ваши планы в отношении лета?» — предлог. Автор далее полагает, что причина перехода знаменательной части речи в предлог заключается в частом ее употреблении, вследствие чего образуется штамп, который приводит ее к обезличиванию. Собственное языковое чутье является основанием

¹⁵ «Уч. зап. Московского городского пединститута им. В. П. Потемкина», т. XXXIII. М., 1954.

того, почему автор считает, что выражение *в отношении* в первом предложении — знаменательная часть речи, а во втором примере — предлог. Только с помощью своего языкового чутья автор улавливает, что частое употребление знаменательной формы является причиной ее перехода в предлог.

Причиной перехода знаменательной части речи в предлог является не частое ее употребление, а переход с одной грамматической позиции, в которой она является знаменательной частью речи, на другую грамматическую позицию, в которой она не может иметь никакого другого значения, кроме служебного. Предложное сочетание *в отношении* является сочетанием предлога с именем существительным *отношение* в предложении: «Пора покончить с такой беззаботностью наших кадров в их отношении к марксистско-ленинской теории».

Выражение *в их отношении к марксистско-ленинской теории* в контексте предложения является словосочетанием, опорным словом которого является имя существительное *отношение*. Эта словесная форма потому и является именем существительным, что она может занимать с разными предлогами и определениями тождественные позиции в ряде словосочетаний, например: *Такое отношение к марксистско-ленинской теории является неправильным, С плохим отношением к марксистско-ленинской теории надо покончить, О таком отношении к марксистско-ленинской теории нельзя говорить без возмущения* и т. п. Во всех этих контекстах слово *отношение* является именем существительным, так как оно представляет собой элемент словосочетания *отношение к марксистско-ленинской теории*. Но то же предложное сочетание *в отношении* в предложении *Пора покончить с беззаботностью в отношении марксистско-ленинской теории* является уже предлогом. Выражение *в отношении марксистско-ленинской теории* в контексте данного предложения не является словосочетанием.

В приведенном предложении можно выделить словосочетание *марксистско-ленинской теории*, состоящее из двух элементов: определения и определяемого. Но выделение этого словосочетания не позволяет определить природу выражения *в отношении*. Следовательно, необходимо выделить словосочетание *беззаботность в отношении марксистско-ленинской теории*. В этом словосочетании опорным словом является имя существительное *беззаботность*. Оно может быть поставлено в разных падежах с разными предлогами и определениями, например: *С беззаботностью в отношении марксистско-ленинской теории надо покончить, Такую беззаботность в отношении марксистско-ленинской теории надо осудить, О такой беззаботности в отношении марксистско-ленинской теории нельзя говорить без возмущения*.

Выражение *в отношении* в первом ряду предложений имеет такие грамматические условия, которые делают возможным сохранение словесной формой *отношение* значения имени существительного; во втором ряду предложений то же выражение *в отно-*

шении имеет такие грамматические условия, которые исключают возможность его функционирования в качестве имени существительного и предполагают его функционирование только в качестве предлога. Следовательно, частота употребления той или другой словесной формы не имеет никакого отношения к возможности или невозможности употребления ее в качестве предлога. Только условия грамматической позиции, в которой употребляется данная словесная форма, делают возможным или невозможным функционирование ее в качестве предлога. Задача исследования в том и должна была заключаться, чтобы вскрыть те грамматические условия, при которых выражение *в отношении* является сочетанием предлога *в* с именем существительным *отношение* или одним сложным предлогом. Автор этого не делает, он по своему собственному чутью определяет, когда выражение *в отношении* является предлогом и когда оно таковым не является. Автор правильно почувствовал, что выражение *в отношении* является предлогом в предложении: *Каковы ваши планы в отношении лета?*, но в предложении *Помещик в отношении крестьянина есть законодатель* языковое чутье обмануло автора. Ему кажется, что в контексте этого предложения словесная форма *отношение* является именем существительным. Это можно было бы принять, если бы автор доказал, что выражение *в отношении* в контексте данного предложения является элементом словосочетания *в отношении крестьянина*. Но автор никаких доказательств не приводит. Он доверяет своему чутью и это считает достаточным.

Если бы форма *отношение* в этом предложении была именем существительным, то возможно было бы вычленение словосочетания *помещик в отношении*. Но вычленение такого словосочетания невозможно. Не является словосочетанием и выражение *в отношении крестьянина*. Если бы оно было словосочетанием, то оно должно было занять место в ряду таких словосочетаний, как *отношение крестьянина*, *для отношения крестьянина*, *отношению крестьянина*, *в отношении крестьянина* и т. п. Но этот ряд грамматических связей не тождествен с теми грамматическими связями, которые характерны для выражения *в отношении крестьянина* в рассматриваемом предложении. Словосочетанием, в котором находит себе место выражение *в отношении*, является *законодатель в отношении крестьянина*, в котором отражаются два члена предложения: сказуемое и его ограничитель *в отношении крестьянина*. В этом контексте выражение *в отношении* не является членом предложения. Но, поскольку оно не является членом предложения, оно может быть в данном контексте предлогом.

С точки зрения метода системного анализа по-прежнему может быть рассмотрен и вопрос о значении формы *хочешь* в выражениях *как хочешь*, *сколько хочешь* и т. п. В. Н. Мигирин полагает, что форма *хочешь* имеет тенденцию стать морфемой. В действительности же в разных рядах отношений здесь наблюдаются разные явления. Выражение *как хочешь* в приглагольной позиции может

быть поставлено в ряд отношений по категории времени, вида и наклонения глагола *хотеть*. Например: *пиши, как хочешь; пиши, как ты хочешь, как я хочу, как он хочет; писал бы, как хотел; писал бы, как я хотел, как ты хотел, как он хотел; как хотел бы, так и писал бы; как я хотел бы, так ты и писал бы; как ты хотел бы, так я и писал бы; как он хотел бы, так ты и писал бы* и т. п. В этом ряду отношений выражение *как хочешь* имеет определенно-личное значение, предполагает тот же субъект, что и при другом глаголе, сохраняет функцию придаточного предложения. Но выражение *как хочешь* может быть поставлено и в ряд отношений по категории образа действия, выраженного предшествующим или последующим глаголом: *пишет, как хочешь; напишет, как хочешь, напишет по-всякому; женится, как хочешь; женится по-всякому; расскажет, как хочешь; расскажет по-всякому; прочтет, как хочешь, прочтет по-всякому*. В этом ряду отношений выражение *как хочешь* имеет другую функцию; оно здесь имеет обобщенно-личное значение, не предполагает тот же субъект, который представлен в другом глаголе. В этом ряду отношений выражение *как хочешь* переходит с позиции придаточного предложения при главном на позицию второстепенного приглагольного члена главного предложения, которое перестает быть и главным.

Выражение *как хочешь* может быть и в приименной позиции. В таком случае оно принимает форму *какой, какая, какое хочешь*. И в приименной позиции рассматриваемое выражение может стоять в двух рядах отношений: первый ряд отношений характеризуется наличием категории времени, вида и наклонения в соответствующих сочетаниях. Например: *ты напишешь книгу, какую хочешь; ты напишешь книгу, какую захочешь; ты написал книгу, какую хотел; ты написал книгу, какую захотел; ты можешь написать книгу, какую хочешь, какую захочешь, какую захотел бы*. В этом ряду отношений выражение *какую хочешь* имеет определенно-личное значение, предполагает тот же субъект, что и в главном предложении, и является придаточным определительным, поскольку оно относится к имени существительному. Но выражение *какую хочешь* может быть поставлено и в ряду отношений по категории определения другого имени существительного. Например: *он прочтет какую хочешь лекцию, он прочтет любую, всякую лекцию; он напишет какую хочешь статью, он напишет любую, всякую статью; он выпьет какое хочешь вино, он выпьет любое, всякое вино* и т. п. В этом ряду отношений выражение *какую хочешь* имеет обобщенно-личное значение, оно не предполагает тот же субъект, который представлен при другом глаголе. В этом ряду отношений выражение *какую хочешь* переходит с позиции придаточного определительного предложения при главном на позицию определения при имени существительном в главном предложении, которое вместе с тем перестает быть и главным. Только в этом ряду отношений выражение *какую хочешь* претерпевает определенные сдвиги в своем функциональном назначении.

В. Н. Мигирин во всех случаях употребления формы *хочешь* обнаружил один процесс, тогда как в действительности форма *хочешь* принимает участие в разных синтаксических процессах. Применение понятия грамматической позиции к анализу значений словесных форм позволяет вскрыть эти различия.

Таким образом, значение словесной формы должно устанавливаться не на основании субъективного осмысления визуально наблюдаемого контекста, в котором представлена данная словесная форма, а на основании всех ее возможных позиций в различных звеньях языковой системы, как объективных фактов речевого процесса.

О ПРИНЦИПАХ И ЕДИНИЦАХ СИНХРОННОГО АНАЛИЗА (1957 г.)

Первое из двух положений, выдвинутых в докладе А. А. Реформатского¹, — всякая высшая единица (в дальнейшем «элементарная единица») низшего яруса является низшей единицей (в дальнейшем «сложная единица») высшего яруса — представляется мне сомнительным. Фонема высшего уровня, т. е. сложная фонетическая единица типа фонемных рядов, в принципе не может быть морфемой, если морфеме считать элементарной единицей морфологического яруса.

Морфология учитывает фонетическую единицу высшего уровня (т. е. сложную фонетическую единицу типа фонемных рядов) только тогда, когда она может быть установлена, например в формах *стол* — *стола*. Но если она не может быть установлена, например в словах *ст(а)кан* или *с(о)бака*, то морфология вынуждена учитывать фонетическую единицу низшего уровня (т. е. элементарную фонетическую единицу).

Таким образом, положение докладчика не может быть признано правильным не только в том смысле, что высшая фонетическая единица, или единица высшего уровня фонологического анализа, является низшей морфологической единицей, но и в том смысле, что высший ярус, т. е. морфология, учитывает только высшие фонетические единицы, хотя это чаще всего так и бывает в действительности.

Не применимо положение докладчика в таком прямолинейном виде и к характеристике единиц при переходе от морфологии к синтаксису.

Существует связь между высшими, или сложными, единицами низшего яруса и низшими, или элементарными, единицами высшего яруса. Если бы не было связи между этими единица-

¹ А. А. Реформатский. Принципы синхронного описания языка. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960.

ми, не было бы связи между фонетикой и морфологией, между морфологией и синтаксисом, и тогда незачем было бы говорить о структуре. Но сложные единицы низшего яруса не являются элементарными единицами высшего яруса.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, какое явление или какую единицу (элементарную или сложную) необходимо взять в качестве отправного пункта для построения системы в каждом ярусе. Возьмем, например, синтаксис. Из истории науки известно, что отправными пунктами в разных школах языковедения выдвигались разные понятия. Была высказана мысль, что таким понятием является член предложения; на основе этого понятия как отправного пункта строилась система синтаксиса; она нам всем известна — это так называемая «логическая система» синтаксиса. Она исчерпала себя. Характер этой системы ясен и очевиден.

Была попытка — она реализована в Академической грамматике — выдвинуть в качестве отправного пункта словосочетание. Эта идея также себя исчерпала. Все, что она могла дать, она уже дала.

Но ни один из этих пунктов не обеспечивает построения настоящей сложной системы синтаксиса, которая отразила бы действительную сложность структур, имеющихсся в синтаксисе. Для этого надо искать новые понятия, новые отправные пункты, которые позволили бы построить новую систему синтаксиса. Таким понятием, с моей точки зрения, является позиция словесных форм в предложении.

В докладе А. А. Реформатского был высказан взгляд, что синхронное изучение достаточно само по себе — привнесение исторической точки зрения может только спутать планы, смешать явления, снизить качество исследований и тем самым обнаружить в авторе непонимание самых элементарных явлений. Не считаю возможным с этим согласиться.

Факты (примеры со словами *рыба*, *гибель*), приведенные для доказательства того, что синхронный анализ должен быть очищен от исторических характеристик, не выдерживают серьезной критики. Факты эти отобраны поспешно и неправильно.

Изучение системы языка на основе синхронного наблюдения может показать лишь внешние отношения между единицами, но не может вскрыть внутреннюю сущность этих отношений и логику этих изменений в историческом развитии.

Между разными (например, синтаксическими) средствами в системе языка могут быть самые разнообразные отношения. Так, если взять какой-либо позиционный ряд, в котором разные средства занимают тождественные позиции в одном синхронном разрезе, то отношения между этими средствами могут быть, в частности, равновелики (например: «добиться чего-либо *с помощью* того-то» или «*при помощи* того-то») и неравновелики (например: «покраснел *со злости*» или «покраснел *от злости*»).

Оборот «покраснел от злости» стоит в ряду с оборотами «завыл от жары», «погиб от руки врага»; оборот «покраснел со злости» стоит в ряду с оборотом «похудел с тоски».

Одни из средств, занимающих тождественные позиции с другими средствами, могут быть развивающимися или отмирающими явлениями в данное время, и только исторический подход даст возможность понять отношения между этими средствами в синхронном плане.

Факт синхронного противопоставления одного средства группе средств в тождественной позиции является доказательством того, что это одно средство представляет собой элемент старого качества, а группа дифференцированных средств, противостоящая одному средству, представляет собой совокупность элементов нового качества. Тем самым определяется сущность этих отношений.

История языка подтверждает, что средства первого рода отмирали, а средства второго рода развивались.

Синхронный анализ может дать схематическое отношение между единицами, но он никогда не сможет вскрыть внутренней сущности зависимости между ними, определить закономерное направление в развитии. Такой результат может дать только освещение синхронного анализа светом истории.

ЯЗЫК И РЕЧЬ (1961 г.)

Каковы основания, которые позволяют выделить язык и речь как противочлены? Наличие в языке нормы делает возможным определить различие между языком и речью как различие между нормой и отклонением от нормы. В основе нормы речи лежит этический принцип. Сам факт различения того, что находится в пределах нормы, является правильным, и того, что выходит за пределы нормы, является неправильным, представляет собой мнение общества о допустимом и недопустимом. Этический принцип позволяет отделить то, что одобряется и охраняется обществом, от того, что осуждает и против чего борется общество.

Наличие в языке явлений, закрепленных обычаем и отклоняющихся от обычая, называемого узусом, делает возможным определить различие между языком и речью как различие между общепринятым, закрепленным в обычае, распространенным и необщепринятым, случайным, нераспространенным. С этой точки зрения язык есть то, что объединяет речь значительных масс людей, образующих данный коллектив, т. е. то, что представляет собой узус, обычаи, общие навыки, то, что характеризуется широкой распространенностью. Речь есть то, в чем различается говорение отдельных индивидуумов, образующих данный коллектив, то, что представляет собой окказиональность, случай, происшествие, событие, то, что характеризуется малой распространенностью.

Понятие узуса принципиально отличается от понятия нормы: узус — это то, что наиболее распространено; норма — это то, что поощряется, поддерживается, одобряется.

Для русского языка норма предписывает произношение [с] в слове *купался* и [к] в слове *великий*, а распространенным является произношение [с'] в *купался* и [к'] в *великий*.

Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу. Узус складывается в процессе развития языка и никем не предписывается.

Распределение фактов по этим основаниям не всегда совпадает. Факты, отвечающие нормам и поощряемые обществом, могут быть мало распространенными. Наоборот, факты, широко распространенные, могут не отвечать требованиям нормы.

Из этого следует, что для противопоставления языка и речи не могут быть использованы оба эти основания, вместе взятые.

Этический принцип нельзя принять в качестве основания противопоставления языка и речи, так как он выделяет поощряемое и не поощряемое обществом; в таком случае речь представляла бы собой то, что осуждается обществом.

Принцип узуса также не может быть принят в качестве противопоставления языка и речи, так как он различает то, что освящено обычаем, и то, что не освящено обычаем; в этом случае речь представляла бы собой то, что не закреплено в обычае, т. е. некоторые отклонения от обычая.

В настоящее время наиболее популярным является взгляд, согласно которому язык и речь представляют собой разные аспекты лингвистической реальности. Такому пониманию отношения между языком и речью во многом способствовала книга Ф. Соссюра «Курс общей лингвистики». Автор утверждает, что «язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению»¹. Язык и речь по Соссюру — разные предметы разных наук. «Изучение языковой деятельности распадается на две части: одна из них имеет предметом язык... другая... индивидуальную речевую деятельность, т. е. речь»².

Предложив рассматривать язык и речь в качестве разных явлений, представляющих собой предметы разных наук, Соссюр вынужден был пойти по линии поисков таких особенностей, которые имеются в языке и отсутствуют в речи.

1. В качестве основания противопоставления языка и речи Ф. де Соссюр выдвинул разное отношение к развитию. Речи свойственна эволюция. Язык тоже изменяется, но он не содержит в себе источников необходимости своего развития. Развитие языка определяется речью. «Явлениями речи, — говорит Ф. де Соссюр, — обусловлена эволюция языка»³.

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 39.

² Там же, стр. 42.

³ Там же.

Согласно этой концепции, все изменения в словарном составе и грамматическом строе возникают и закрепляются в речи. Возникающие в речи новообразования ломают существующую систему языка, видоизменяют ее, переходят из речи в язык. Таким образом, источником развития языка является речь. Язык — только продукт развития речи.

В этой концепции противопоставление языка и речи осуществляется на основе различия между продуктом развития и источником развития: язык — продукт развития, речь — источник развития.

Однако это основание противопоставления языка и речи не может быть принято. Если противоречие признается свойством всякого объекта и источником его развития, то нельзя выдвигать в качестве основания противопоставления языка и речи различие между продуктом развития и источником развития; нельзя исключать противоречия из языка, если он признается предметом науки. Иначе наука о языке была бы лишена возможности изучать необходимость и внутреннюю закономерность развития языка.

Если не отвергается положение о том, что языку свойственны внутренние законы развития, то нельзя переносить источник развития языка из языка в речь.

2. По словам Соссюра, в процессах речевого общения индивиды «воспроизводят, — конечно, не вполне одинаково, приблизительно — те же самые знаки, связывая их с теми же самыми понятиями». Следовательно, в процессах речевого общения есть то, что воспроизводится, и оно должно отличаться от того, что производится в тех же процессах речевого общения.

В развитие этой концепции А. Смирницкий предложил в качестве основания противопоставления языка речи различие воспроизводимого и производимого. По мнению А. Смирницкого, к языку относится то, что имеет готовый характер и воспроизводится в акте общения, а к речи — то, что не имеет готового характера и производится в акте общения. Согласно этой концепции, слова и формы слов являются единицами языка, а свободные словосочетания и предложения — единицами речи ⁴.

«В качестве единиц языка, — говорит А. Смирницкий, — не могут быть выделены свободные сочетания слов, в том числе и предложения, возникающие в речи» ⁵. Конкретные предложения и свободные сочетания слов представляют собой произведения и являются единицами речи, а не языка. «Характерным свойством речи, — говорит Ф. де Соссюр, — является свобода комбинаций». Ввиду этого к речи относятся только свободные сочетания слов. Однако имеется огромное количество выражений, относящихся

⁴ См. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 13.

⁵ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 14.

безусловно к языку; это вполне готовые речения, в которых обычный воспрещает что-либо изменять даже в том случае, если можно, поразмыслив, различить в них значимые части (*выйти замуж и так далее*).

Если язык и речь противопоставляются как разные явления, то возникает необходимость отнести одни факты к языку, представляющему собой одно явление, а другие факты — к речи, представляющей собой другое явление.

С этой точки зрения предметом лексикологии и морфологии является язык, а предметом синтаксиса — речь.

3. Ученые школы Ф. де Соссюра признали системность в качестве характерного свойства языка; предполагается, очевидно, что речи не свойственна по крайней мере та системность, которая свойственна языку.

Если за системное распределение фактов принять наличие в русском языке противопоставления согласных по твердости — мягкости, например [до—д'о], [то—т'о] и т. д., то отсутствие указанного противопоставления в области заднеязычных должно быть признано нарушением или выпадением из системы. С этой точки зрения соотношения [до—д'о], [то—т'о] являются фактом языка, поскольку они представляют собой систему, а наличие слов, содержащих [к'о] (*Кёроглу*), [г'о] (*Гёте*), представляет собой факт речи, так как выходит за пределы системы.

Однако такое противопоставление языка и речи едва ли может быть принято, ибо оно логически противоречиво. Если язык признается системой и если при этом оказывается, что некоторые факты не имеют системного характера, то надо сделать либо тот вывод, что язык не система, либо что система языка установлена неправильно.

Если сохраняется положение о системном характере языка, то оно должно быть распространено и на речь. Отношение к системности не может быть основанием противопоставления языка и речи.

Как было указано выше, основное в концепции де Соссюра — это различение языка и речи как разных объектов разных наук. Однако именно это и вызывает возражения.

В советском языкознании принимается положение, согласно которому язык развивается по своим внутренним законам. Но если признать, что язык и речь являются разными объектами, что единицы языка и речи изучаются в разных науках, то необходимо вывести умозаключение, что у речи должны быть свои особые внутренние законы развития. Если же такое умозаключение не может быть подкреплено наблюдаемыми фактами, то оно должно рассматриваться как свидетельство ложности исходной предпосылки. Так как нет никакой эмпирической базы для признания особых законов развития в языке и в речи, то мы вынуждены рассматривать язык и речь не как разные явления, представляющие собой объекты разных наук, а как разные стороны одного явления, представляющие собой один предмет одной науки.

Преодоление взгляда на язык и речь как на разные явления достигается с помощью выдвижения категории сущности и ее проявления в качестве основания противопоставления языка и речи. Такое понимание основания различения языка и речи исключает возможность отнесения одних фактов к языку, а других — к речи. С этой точки зрения в речи не может быть таких единиц, которые не имели бы места в языке, а в языке нет таких единиц, которые не имели бы места в речи. Язык и речь различаются не по различию явлений, а по различию сущности и ее проявления.

С этой точки зрения единицами языка являются не только слова и их формы, но и свободные словосочетания, а также предложения. В словосочетаниях и предложениях имеется не только то, что всякий раз производится заново, но и то, что во всяком акте общения воспроизводится, — это модели предложений.

Язык представляет собой такую сущность, способом существования и проявления которой является речь. Язык как сущность находит свое проявление в речи. Язык познается путем анализа, речь — путем восприятия и понимания. В выражении «он читает книги» факт употребления слова *книги* относится к проявлению того, что может найти свое проявление в другом слове, например, «он читает журналы». Есть некое тождество, которое сохраняется и в первом, и во втором предложениях и которое по-разному в них проявляется. Эти предложения со стороны своего различия относятся к речи, а со стороны своего тождества — к языку.

Рассмотрим основания противопоставления языка и речи как разных сторон одного явления.

1. И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения. Для Соссюра язык и речь — разные явления. Язык как социальное явление противопоставляется речи как индивидуальному явлению. По его мнению, в речи нет ничего коллективного, а в языке нет ничего индивидуального. Такое понимание отношения между языком и речью оказывается возможным только в том случае, если предположить, что язык и речь — разные явления, представляющие предметы разных наук. И это понимание совершенно исключается, если отношение языка и речи рассматривается как отношение сущности к ее проявлению. Язык социален по своей природе; индивидуальная форма проявления социальной природы языка свидетельствует, что и индивидуальная форма по своей сущности также социальна. Индивидуальное не противоположно социальному, оно является только формой бытия социального.

Некоторые комментаторы де Соссюра истолковывают соотношение социального и индивидуального как соотношение объективного и субъективного: по их мнению, язык объективен, а речь субъективна. Возможность такого истолкования социального и индивидуального вытекает из предпосылки, согласно которой ин-

дифференциальное и социальное противоположны по своей сущности и представляют собой разные явления. Но если индивидуальное рассматривать как форму существования социального, то необходимо сделать вывод, что первое не является противоположностью второго, что если языку приписывается объективный характер, то он должен быть приписан и речи.

Противопоставление языка и речи по данному основанию предполагает необходимость рассматривать одни и те же единицы и как единицы языка, и как единицы речи. Не может быть единиц, которые, относясь к языку, не относились бы к речи, и наоборот.

2. Язык и речь противопоставляются по основанию общего и единичного, постоянного и переменного. Но опять-таки общее и единичное, постоянное и переменное нельзя рассматривать как отдельные явления, существующие порознь.

Общее и постоянное существует в форме единичного и переменного, а во всяком единичном и переменном есть общее и постоянное. Поясним это на примерах. В предложении «Он смотрел картину» мы можем заменить слово *картина* словом *фотография*. В результате этой операции мы получим новое предложение: «Он смотрел фотографию». Но в том, что находится в отношении взаимной заменяемости, содержится общее, постоянное. Это общее, постоянное проявляется в отдельных словах, имеющих форму винительного падежа. Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного. Всякая лингвистическая единица одной стороной обращена к языку, а другой — к речи. Каждая лингвистическая единица должна рассматриваться и со стороны языка, и со стороны речи. Противопоставление языка и речи по рассматриваемому основанию исключает возможность относить одни единицы к языку, а другие — к речи.

3. Язык и речь различаются по основанию некоего установления и процесса. Есть язык как средство общения и есть речь как процесс общения с помощью языка. Речь обладает свойством быть громкой или тихой, быстрой или медленной, длинной или краткой; к языку эта характеристика не приложима. Речь может быть монологической, если собеседник только слушает, и диалогической, если в общении принимает участие и собеседник. Язык не может быть ни монологическим, ни диалогическим. Чтобы в речи были свои единицы, отличные от единиц языка, они должны быть выделены по тем свойствам, которыми обладает процесс и которыми не обладает орудие, с помощью которого он совершается.

В отличие от языка как орудия общения в речи мы можем выделить моменты, характеризующие процесс общения. В речи различаются частота повторения тех или других элементов языка в тех или других условиях процесса общения.

Математическая статистика изучает частоты в форме исчисления разного рода средних величин. Частотность характеризует

не единицу структуры, а ее повторяемость в процессе общения. Сила характеризует не фонему как единицу языка, а произношение звука в процессе общения. Можно пользоваться единицами для измерения силы звука. Помехи характеризуют не единицы языка, а осуществление процесса общения. Можно пользоваться единицами для измерения степени помех. Такими единицами не могут быть не только слова или их формы, словосочетания или предложения, но даже и абзацы.

Мы не будем здесь обсуждать, являются ли сложные целые, а также и абзацы единицами языковой или неязыковой структуры. Однако ясно, что они не являются единицами действий, процессов; они представляют собой "единицы каких-то структур, скорее неязыковых, чем языковых.

Выделение сложных целых или абзацев в качестве единиц речи, а не языка также не опирается на основание противопоставления языка и речи, как и выделение в качестве единиц речи свободных словосочетаний или предложений.

Нам представляется, что не правы те лингвисты, которые, признавая единицами языка не только слова и формы слов, но и словосочетания и предложения, считают все же, что речь должна обладать своими особыми единицами, каковыми они считают абзац, сложное целое, фразу и т. д.

Итак, язык и речь — не разные явления, а разные стороны одного явления. Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой — к речи.

СУБСТРАТ И ЗАИМСТВОВАНИЯ (1956 г.)

Нет сомнений в необходимости различать действие субстрата и заимствования. Мне хотелось бы подчеркнуть другую сторону этой проблемы: влияние языка субстратного населения входит в общую проблему воздействия внешних условий на развитие языковой системы. В этом философское значение рассматриваемой нами проблемы.

Язык этнического субстрата для развития победившего языка есть внешнее условие развития, внешнее условие развертывания его языковой системы. Действие внешних факторов на развитие языковой системы осуществляется в большинстве случаев, по моему мнению, не путем разрыва системы языка и внедрения, внесения в нее готовых элементов чуждой системы, а путем воздействия на внутреннее развитие языковой системы. Об этом свидетельствуют факты восточнославянских языков.

Вполне возможно, что система открытого слога в славянских языках развилась не без воздействия какого-либо субстрата, но

возникло это явление не путем привнесения его из языка-субстрата, а путем самобытного развития общеславянского языка-основы.

В восточнославянской фонетической системе наиболее неустойчивым элементом являются мягкие согласные. Всякий раз, когда восточнославянским языкам приходилось испытывать воздействие со стороны иноязычной среды, наиболее сильному изменению подвергались именно мягкие согласные. Сюда относятся явления, связанные с судьбой *ц* и *ч* в северновихневеликорусских говорах, с отверждением мягких согласных, в том числе мягкого *р* в белорусском языке, сюда относятся так называемое сладкоязычие и однородные явления, связанные с судьбой *с* и *ш* мягких в сибирских говорах русского языка. Необходимо обратить внимание на то, что более значительным изменениям по сравнению с другими согласными подвергаются мягкие согласные и в тех русских говорах, которые не испытывали влияния иноязычной среды.

Итак, нам представляется, что действие этнического субстрата осуществляется не столько путем привнесения элементов своей системы в систему победившего языка, сколько путем воздействия и катализации (если можно так выразиться) закономерного развития языка-победителя. Таков, по крайней мере, материал развития восточнославянских языков.

Как уже отмечалось, проблема субстрата является частью общей теории развития языка, устанавливающей роль внешних факторов развития языковой системы, в том числе роль иноязычной среды.

С этой точки зрения я считаю правильным мнение Б. А. Серебренникова¹ о тождестве лингвистической сущности разных форм воздействия иноязычной среды на развитие системы языка, сохраняющего свою самобытность. Но его мнение о необходимости создания особой науки, науки о законах внедрения или привнесения готовых элементов одной языковой системы в другую, представляется сомнительным.

В связи с этим недостаточен и предлагаемый Б. А. Серебренниковым метод вычленения субстратных элементов в победившем языке. Он полагает, что если элемент системы языка одной родственной группы имеет параллель в контактирующем языке другой родственной группы, то он должен иметь субстратное или иноязычное происхождение.

Пользуясь этим методом, Б. А. Серебренников выделил целую систему финно-угорских элементов в чувашском языке. О надежности всех этих факторов должны судить специалисты. А. К. Боровков выразил сомнение в том, что все эти явления имеют субстратное происхождение. Мне хотелось бы указать на упрощенный характер предлагаемого Б. А. Серебренниковым метода вы-

¹ Б. А. Серебренников. Проблема субстрата. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. IX. М., 1956,

членения субстратных элементов. Б. А. Серебренников не учитывает в достаточной степени закономерного характера развития языка. Я покажу это на примерах из русского языка, так как не могу разбирать те примеры, которые предложил нашему вниманию Б. А. Серебренников.

Положение, что, например, звук *ф* привнесен в русский язык извне, имеет широкое распространение. И нельзя отрицать роль внешних факторов в появлении звука *ф* в русской фонетической системе. Но были и внутренние факторы, которые делали не только возможным, но и необходимым появление этого звука. Как известно, русский язык унаследовал парные отношения по звонкости и глухости, например, *б — п, д — т, г — к* и т. д. Но звук *в* был унаследован как сонант, а как сонант он не мог иметь парного соответствия в системе глухих, и пока он был сонантом, фонетическая система не оставляла места для глухого согласного *ф*; когда же звук *в* перестал быть сонантом и приобрел характер звонкого согласного, появилась возможность существования его глухой параллели — звука *ф*.

В русском языке процесс перехода сонанта в звонкий согласный имел место, а в белорусском — нет. Вот почему звук *ф* свободно проникал в фонетическую систему русского языка и не проникал в фонетическую систему белорусского языка. Слова со звуком *ф* появились в белорусском языке лишь в последнее время под влиянием русского языка; ср. *шкаф, штаф* вместо более ранних *шкап, штрап* и т. п.

Высказывалось мнение, что употребление дательного падежа *ми* (т. е. «мне») в южнославянских языках в соответствии с формой *мой* в русском языке есть субстратная черта; согласно этой точке зрения, выражение *мой отец* исконное, а выражение, соответствующее русск. *отец мне*, имеет субстратное происхождение и представляет собой балканизм.

Мне такая оценка этих форм кажется односторонней. В общеславянском языке существовали обе эти возможности — и *отец мне*, и *отец мой*. В южных языках закрепился первый вариант, в других славянских языках — второй вариант. Язык-субстрат мог играть известную роль лишь в выборе и закреплении одного из этих средств.

Утрату инфинитива в южнославянских языках также считают субстратным элементом. Речь идет о том, что в этих языках вместо инфинитива употребляется сочетание *да + личная форма глагола*; например, *иде да купи* в соответствии с русским *пошел купить*.

Но в определенных случаях такая конструкция широко употреблялась в древнерусских памятниках, вплоть до XVII в. Мы находим здесь, например, такой оборот: *отдай имущество жене (ать, да) молит обо мне*, т. е. «чтобы молила обо мне». Или еще: *всякий купец желает малоценно да купит и драго да продаст*, т. е. «дешево купить и дорого продать».

В русском языке этот оборот не закрепился, в южнославянском он закрепился, вследствие чего инфинитив стал излишним в системе языка. Возможно, что в закреплении этого оборота значительную роль сыграла иноязычная среда.

В русском языке в придаточном цели употребляется инфинитив, если предложение является односубъектным: *пошел, чтобы купить*. В словацком языке в этих случаях употребляется сослагательное наклонение, вроде *пошел, чтобы купил*.

Можно было бы сказать, что этот оборот привнесен в систему словацкого языка из тех языков, которые в придаточном цели имеют конъюнктив. Но дело в том, что этот оборот был широко представлен и в древнерусских памятниках, но в русском он не закрепился. И словацкая форма *пошел, чтобы купил*, и русская форма типа *пошел, чтобы купить* являются продуктом закономерного развития синтаксического строя общеславянского языка-основы.

Из признания закономерного характера развития языковой системы следуют определенные выводы для метода.

Сравнительно-исторический метод есть метод познания закономерного развития языка, он был и является единственным методом исторического исследования закономерного хода развития языка. Процессы исследования влияния внешних факторов на развитие языка должны основываться на принципах сравнительно-исторического метода.

ВОПРОСЫ ВЫБОРА ГЛАГОЛОВ ПРИ СИНТЕЗИРОВАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ

Давно обращала на себя внимание согласованность семантики двух сочетающихся слов. Глаголы *кусать*, *лизать*, *моргать* содержат указание на то, что названный процесс осуществляется соответственно зубами, языком, глазами. Предполагается, что в семантику глагола *кусать* входит значение зуба, *лизать* — значение языка, *моргать* — значение глаза. Рассматриваемое явление Э. Косериу назвал лексическими солидарностями¹. Он полагает, что семантика глаголов, которые сочетаются с именами определенных означаемых, содержит в себе хотя бы частично семантику соответствующих имен. Так, итал. *maritarsi* 'выходить замуж' предполагает, что речь идет о женщине, а *prender moglie* 'жениться', что речь идет о мужчине.

¹ Э. Косериу. Лексические солидарности. «Вопросы учебной лексикографии». М., 1969.

Связь имени лица мужского пола с семантикой глагола *жениться*, а имени лица женского пола — с семантикой выражения *выйти замуж* рассматривается как лексическое явление. До сих пор эти явления анализировались вне структуры предложения и квалифицировались как лексические связи. Мы рассмотрим те же явления в составе предложения. Предложение *Он женился на ней* выражает отношение между лицом мужского пола и лицом женского пола, причем исходную позицию в этом отношении занимает лицо мужского пола, а последующую — лицо женского пола. Названное отношение выражается глаголом *жениться*.

Как всякое отношение, оно может быть конвертировано. Отношение *жениться* несимметрично, при конвертировании его словесное выражение должно изменяться. Конвертирование рассматриваемого отношения образует предложение *Она вышла замуж за него*. В конвертированном отношении исходную позицию занимает имя лица женского пола, а последующую — имя лица мужского пола. Семантический факт здесь заключается в следующем: когда исходную позицию в рассматриваемом отношении занимает имя лица мужского пола, это отношение выражается глаголом *женится*, когда же оно конвертируется и исходную позицию занимает имя лица женского пола, оно выражается другим средством — *вышла замуж*.

И то, и другое словесное выражение обозначает одно отношение, но при этом с различными направлениями: эти выражения конверсивы. В первом случае отношение в исходной позиции предполагает мужчину, а в последующей — женщину (*женится*), во втором случае оно в исходной позиции предполагает женщину, а в последующей — мужчину (*вышла замуж*). Глагол *женится* предполагает не мужчину, а мужчину в исходной позиции и женщину — в последующей. Выражение *вышла замуж* предполагает не женщину, а женщину в исходной позиции и мужчину в последующей позиции.

Семантика глагола *женится* согласуется, или, иначе, имеет солидарность не с мужским полом, а с мужским полом в исходной позиции и с женским полом в последующей позиции. Семантика выражения *вышла замуж* согласуется с женским полом в исходной позиции и с мужским полом в последующей позиции.

Следовательно, семантическая связь *женится* и *мужчина* или *вышла замуж* и *женщина* имеет не лексико-семантический характер, а структурный. В нем отражается структурная характеристика предложения: *Он женился на ней* и *Она вышла замуж за него* представляют собой разные структуры предложения; связи семантики рода имен и семантики выражений *женится* и *вышла замуж* представляют собою не лексико-семантические солидарности, как полагает Э. Косериу, а закон структуры предложения.

Если отношение, выражаемое предложением, имеет симметричный характер, то его конвертирование не приводит к изменению словесного выражения отношения, ср.: *Он целуется с ней* и

Она целуется с ним. Но это не значит, что отношение, выраженное указанными двумя предложениями, не предполагает лиц разного пола в своих позициях. В прошедшем времени это сразу обнаруживается, ср.: *Он целовался с ней* и *Она целовалась с ним*.

Во многих случаях то, что считается принадлежностью значения слов, в действительности является принадлежностью структуры предложения.

Э. Косериу рассматривает также семантику глаголов *kaufen* 'покупать' и *verkaufen* 'продавать'. Он находит, что глагол *покупать* содержит семантический элемент получателя, ср.: *Он купил книгу*, где он — покупатель, а глагол *продавать* — семантический элемент отправителя, ср.: *Он продал книгу*, где он — продавец. Из этого Э. Косериу делает вывод о том, что семантика глагола *покупать* или *купить* имеет лексическую солидарность с понятием получателя.

Однако в этой паре глаголов, как и в предшествующей паре, представлено некоторое отношение и его конверсия, ср.: *Он купил у нее книгу* и *Она продала ему книгу*. Семантика глаголов *покупать* и *продавать* содержит указание как на отправителя, так и на получателя. Глагол *покупать* выражает такое отношение, в котором исходную позицию занимает получатель (*Он купил*), а последующую — отправитель (*купил у нее*); глагол *продавать* выражает конверсию того же отношения, в котором исходную позицию занимает отправитель (*она продала*), а последующую — получатель (*продала ему*).

В данном случае выбор глагола определяется направлением отношения. Первое направление отношения определяет свойственную ему структуру предложения и выбор соответствующего глагола как выражения отношения покупателя к продавцу (*Он купил у нее книгу*). Конвертированное направление отношения определяет другую свойственную ему структуру предложения и выбор соответствующего глагола как выражения отношения продавца к покупателю (*Она продала ему книгу*). В данном случае мы наблюдаем не лексическую согласованность, а структурную согласованность, т. е. согласованность на уровне структуры предложения.

В настоящее время многие синтаксисты полагают, что предмет синтаксиса является изучение моделей или структурных схем предложения. Синтаксисты этого направления признают, что кроме проблемы изучения структурных схем предложения существует проблема лексического наполнения этих структурных схем. Но при этом они предполагают, что эта последняя проблема относится не к синтаксису, а к лексикологии.

Мысль о том, что изучение лексического состава тех или других моделей предложения не есть проблема синтаксиса, опирается на предположение о том, что модели предложений имеют асемантический характер и не зависят от состава лексики, образующей предложение с данной моделью.

С этой точки зрения модель предложения и синтаксические отношения в нем представляют собой только последовательность форм слов. Предполагается, что значения классов слов, взятых в той или другой форме и включенных в состав предложения, не характеризуют модель предложения. Однако эта точка зрения не соответствует фактам. Модели предложений всегда семантически, и без учета лексики их изучение невозможно.

В статье «Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка»² В. Н. Ярцева приводит многочисленные примеры связи моделей предложений или словосочетаний с лексикой, представленной в данном предложении или словосочетании. Автор, в частности, сравнивает два словосочетания, построенных по одному образцу: *home life* и *home letters*. Первое имеет значение *life at home* 'жизнь дома', а второе — *letters from home* 'письма из дома'³. Ясно, что если лингвист не исключает из задач синтаксиса изучение указанных различий, то он не может не считать задачей синтаксиса также и изучение лексики с точки зрения ее вхождения в указанное словосочетание.

Семантические свойства класса слов, входящих в те или другие сочетания, как видим, определяют характер синтаксических отношений. Один вид синтаксической связи имеет место в сочетании *ляг колес*, другой вид — в сочетании *перенос колес*. Различие видов синтаксических связей в указанных выражениях обусловлено различием семантики классов слов, занимающих независимую позицию.

В. Н. Ярцева приводит соответствующий материал и в применении к моделям предложения. Она сопоставляет два предложения: *He wrote his brother a letter* и *He considered his life a failure*. В этих двух предложениях формы слов и их позиции тождественны, но первое предложение имеет значение 'Он написал брату письмо', а второе — 'Он расценивал свою жизнь как неудачу'⁴. Автор подчеркивает, что «синтаксическая связь правильно понимается в каждом из двух приведенных примеров путем оценки соотношения лексических значений существительных, стоящих после глагола»⁵.

Аналогичные примеры можно привести из русского языка, ср.: *Он знал Петра мальчиком* и *Он наградил Петра грамотой*. Модель этих предложений с точки зрения состава и последовательности форм слов одинакова, но в этих двух предложениях она имеет разные обобщенные значения. Следовательно, эти предложения имеют разные модели и различие их определяется различием семантики разных классов, к которым принадлежат конкретные глаголы этих двух предложений.

² В. Н. Ярцева. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 26.

³ В. Н. Ярцева в а. Указ. соч., стр. 45.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Там же.

Из сказанного следует, что изучение лексики с точки зрения вхождения слов соответствующих классов в состав предложений с определенными моделями — задача не лексикологии, а синтаксиса.

До сих пор мы рассматривали семантику глаголов как элементов модели предложения, полагая, что предметом синтаксиса является модель предложений и идентификация отдельных предложений с точки зрения типов их моделей.

Но если считать, что предметом синтаксиса как науки является также и синтезирование отдельных предложений на основе определенных моделей, то многие другие явления, которые Э. Косериу рассматривает как лексические солидарности, получают синтаксический статус.

Сравним два предложения: *Он ехал на машине* и *Он летел на самолете*. С точки зрения анализа языковых выражений они имеют одну структуру; может показаться, что связь семантики глагола *ехать* и семантики выражения *на машине*, семантики глагола *лететь* и семантики выражения *на самолете* имеет лексический характер. Именно так полагает и Э. Косериу. В действительности указанные глаголы выражают отношения между предметами, которые определяют структуру предложения и выбор глагола при синтезировании самого предложения на основе его модели. Существуют не только законы построения моделей предложения, но законы построения самих предложений на основе их моделей, в том числе законы выбора глаголов как обозначения отношений, выражаемых предложением, или иначе: законы вхождения глаголов в состав предложения. Выбор глагола *ехать* для построения предложения *Он ехал на машине* и глагола *лететь* для построения предложения *Он летел на самолете* определяется характером тех отношений, которые выражаются этими предложениями: в первом случае — перемещением по поверхности, во втором — по воздуху.

Выбор глаголов при заданных отношениях и заданных предметах, которые являются членами отношения, зависит от характера предметов, являющихся членами данного отношения.

В качестве примера возьмем двухместное отношение, связывающее производящий предмет (лицо) и произведенный предмет. Назовем это отношение созидательным. Именами этого отношения в русском языке являются разные глаголы, выбор которых зависит от выбора производимого предмета. Если созданным предметом является монета, то именем отношения является глагол *чеканить*, ср. *Мастер чеканит монету*, если медаль или клеймо, то именем того же отношения является глагол *выбивать*, ср. *Мастер выбивает медаль*, если — металл, то *выплавлять*, ср. *Металлург выплавляет металл*, если — дорога, то — *прокладывать*, ср. *Дорожники проложили дорогу*, если — овощи, то — *выращивать*, ср. *Колхоз выращивает овощи*, если — суп, то — *варить*, ср. *Мать сварила суп*, если — платье, то — *шить*, ср. *Портниха шьет*

платье, если — речь, то произносить, ср. Оратор произнес речь, если — слово, то — молвить, ср. Он молвил слово, если беседа — то — проводить, ср. Он провел беседу, если — лозунг, то — провозгласить, ср. Он провозгласил лозунг.

Выбор глагола при построении предложения может зависеть от способа создания предмета; так, если производимым предметом является деталь, то в предложении возможны глаголы *отштамповать, выковать, выточить, выбить, выпилить*.

Если производимым предметом являются крупные сооружения, то при синтезировании предложений избираются глаголы *строить, возводить*, ср.: *Они построили дом; Они возвели высотное здание и т. п.*

Выбор глаголов различается по языкам. Это объясняется тем, что в разных языках могут быть избраны разные признаки для наименования данного отношения. Так, по-русски говорят: *Пивовары варят пиво* (в данном случае процесс созидания предмета рассматривается как термическая обработка материала), в немецком языке при построении соответствующего предложения избирается глагол со значением 'бродить', ср. *brauen* (в данном случае процесс созидания рассматривается как биологическая обработка материала).

При синтезировании предложений со значением 'производить' используются глаголы: в русском — *варить* (суп, кофе, кашу, пиво, сталь), *готовить* (обед); в чешском — *vařit* 'варить' (суп, кофе, кашу, пиво, обед), *plavit* 'плавить' (сталь); в литовском — *verda* 'варить' (суп, кофе, кашу, обед), *daro* 'делать' (пиво), *lydo* 'плавить' (сталь); в немецком — *kochen* 'варить' (суп, кофе, кашу, обед), *brauen* 'бродить' (о пиве), *giessen* 'лить' (сталь). Особенности в выборе глаголов в разных языках при синтезировании предложения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Язык	Глаголы, входящие в предложение	Производимые предметы			
		суп, кофе, каша	пиво	сталь	обед
Русск.	варить	+	+	+	—
	готовить	—	—	—	+
Чеш.	vařit	+	+	—	+
	plavit	—	—	+	—
Лит.	verda	+	+	—	+
	daro	—	+	—	—
	lydo	—	—	+	—
Нем.	kochen	+	—	—	+
	giessen	—	—	+	—
	brauen	—	+	—	—

При синтезировании предложения со значением 'изготавливать продукты питания' используются глаголы: в русском — жарить (мясо, котлеты, картофель, шашлык), печь (блины, пироги); в чешском — *smažit* 'жарить' (котлеты, блины), *péci* 'печь' (мясо, картофель, пироги); в литовском — *keru* 'печь' (мясо, котлеты, картофель, блины, пироги); в немецком — *braten* 'жарить' (мясо, котлеты, картофель), *backen* 'печь' (блины, пироги).

Соотношение глаголов в разных языках представлено в табл. 2.

Таблица 2

Язык	Глаголы, входящие в предложение	Продукты, являющиеся предметом обработки					
		мясо	котлеты	блины	картофель	пироги	шашлык
Русск.	жарить	+	+	—	+	—	+
	печь	—	—	+	+	+	—
Чеш.	<i>smažit</i>	—	+	+	—	—	—
	<i>péci</i>	+	—	—	+	+	—
	<i>opekhat</i>	—	—	—	—	—	+
Лит.	<i>keru</i>	+	+	+	+	+	0
Нем.	<i>braten</i>	+	+	—	+	—	0
	<i>backen</i>	—	—	+	—	+	0

При синтезировании предложений со значением 'производить венок, гнездо, корзину, веревку' используются глаголы: в русском — *вить* (венки, гнезда, веревки), *плести* (корзину); в чешском — *vít* 'вить' (венки), *plest* 'плести' (корзину), *stavět* 'строить' (гнездо); в литовском — *veja* 'вить' (веревку), *pina* 'плести' (венки, корзину), *suka* 'крутить' (гнездо); в немецком — *winden* 'вить' (венки, веревку), *bauen* 'строить' (гнездо), *flechten* 'плести' (корзину).

Соотношение указанных глаголов в разных языках представлено в табл. 3.

Кроме проблемы выбора глаголов для построения исходных предложений существует проблема выбора глаголов для построения конверсных предложений.

Выбор глагола, как уже говорилось, связан с характером последующего предмета, но семантика глагола характеризует прежде всего свойства исходного предмета. Для выражения нахождения дома около дороги выбирается глагол *стоять*, ср. *Дом стоит у дороги*, а для нахождения дороги около дома избирается глагол *проходить*, ср. *Дорога проходит около дома*. Разные глаголы выражают одно двухместное отношение, но разным способом характеризуют свойства исходных предметов.

Если предложение выражает двухместное отношение и оно имеет симметричный характер, то в конверсном предложении сохраняется глагол исходного предложения, например: *Мать разго-*

Язык	Глаголы, входящие в предложение	Производимые предметы			
		венок	гнездо	корзина	перевка
Русск.	вить	—	+	—	+
	плести	+	—	+	—
Чеш.	vit	+	—	—	—
	plest	—	—	+	+
	stavět	—	+	—	—
Лит.	veja	—	—	—	+
	pina	+	—	+	—
	suka	—	+	—	—
Нем.	winden	+	—	—	+
	bauen	—	+	—	—
	flechten	—	—	+	—

варивает с дочерью и Дочь разговаривает с матерью. Это объясняется тем, что свойства исходного предмета и последующего предмета в симметричном отношении тождественны.

Если предложение выражает двухместное отношение и оно имеет несимметричный характер, то в конверсном предложении избирается другой глагол, например: *Эта книга восхищает Вас и Вы восхищаетесь этой книгой*. Существуют различные правила выбора указанных глаголов, которые объясняются тем, что свойства исходного предмета и последующего предмета в несимметричном отношении неодинаковы. Ввиду этого конверсия отношения приводит к необходимости замены одного имени отношения другим.

Приведем примеры пар глаголов, из которых первый является исходным, а второй — его конверсивом: *испугать — испугаться; Он испугал ее и Она испугалась его; разозлить — разозлиться; Он разозлил ее и Она разозлилась на него; беспокоить — беспокоиться; Он беспокоил ее и Она беспокоилась о нем; изумлять — изумляться; Его поведение изумляло ее и Она изумлялась его поведению* и др.

Выбор глаголов при построении предложений, выражающих трехместные отношения, определяется особыми правилами. В одном трехместном отношении имеется три бинарных отношения. Из трех бинарных отношений обозначается только первое. В предложении *Учитель учит детей физике* обозначается глаголом *учит* только отношение между учителем и детьми. Два остальных отношения (учитель и физика, физика и дети) остаются не обозначенными.

Конвертирование бинарных отношений в одном трехместном отношении создает возможность образования из одного исходного предложения до пяти конверсных построений. Вхождение глаголов или их эквивалентов в предложение диктуется определенными

правилами. Если конвертируется отношение между двумя последующими предметами и это отношение является симметричным, то глагол исходного предложения сохраняется, например: *Ученый сопоставляет модель с оригиналом* и *Ученый сопоставляет оригинал с моделью*. В исходном предложении первой парой является *ученый — модель*, а в конвертированном предложении — *ученый — оригинал*, но так как отношение между предметами *модель* и *оригинал* имеет симметричный характер, то глагол *сопоставляет* сохраняется в обеих парах: *Ученый сопоставляет модель* и *Ученый сопоставляет оригинал*.

Если конвертируются отношения между двумя последующими предметами и это отношение не является симметричным, то глагол исходного предложения заменяется другим, например: *Учитель учит детей физике* и *Учитель преподает детям физику*. Глагол *преподавать* является конверсивом по отношению к глаголу *учить*.

В исходном предложении первой парой является *учитель — дети*, а в конвертированном *учитель — физика*. Отношение между предметами *дети* и *физика* имеют несимметричный характер, из этого вытекает различие отношений в паре *учитель — дети* и *учитель — физика*; указанное различие является основанием необходимости замены глагола *учит*, имеющим место в паре *учитель — дети*, глаголом *преподает*, имеющим место в паре *учитель — физика*.

Приведем примеры пар глаголов — конверсивов, входящих в предложения, выражающие трехместные отношения:

поселить — заселить, ср. *Администрация поселила рабочих в новые дома* и *Администрация заселила новые дома рабочими*;
навести — наводнить, ср. *Торговцы навезли арбузов на рынок* и *Торговцы наводнили рынок арбузами*;

налить — наполнить, ср. *Он налил воды в стакан* и *Он наполнил стакан водой*;

посеять — засеять, ср. *Колхозники посеяли пшеницу на участке* и *Колхозники засеяли участок пшеницей*;

погрузить — загрузить, ср. *Шофер погрузил ящики в машину* и *Шофер загрузил машину ящиками*;

вырабатывать — перерабатывать, ср. *Завод вырабатывает брикеты из торфа* и *Завод перерабатывает торф в брикеты*;

купить — заплатить, ср. *Он купил костюм за 100 рублей* и *Он заплатил за костюм 100 рублей*.

В предложениях, выражающих трехместные отношения, выбор глагола зависит от свойств предметов, занимающих позиции в данных отношениях. В трехместном отношении имеются три позиции: *а* — позиция исходного предмета, *б* — позиция первого последующего предмета, *с* — позиция второго последующего предмета.

Рассмотрим трехместное отношение, содержащее семантический элемент *дать*, например: *Начальник (позиция а) дал инст-*

рукции (позиция *b*) командируемому (позиция *c*). При синтезировании рассматриваемых предложений выбор глагола определяется характером предметов, занимающих позиции *a*, *b* и *c*. Если позицию *a* занимают лица, *b* — информация, денежные средства, *c* — лица, то обозначением отношения являются глаголы *дать*, *выдать* и т. п., ср. *Профессор дал консультацию студентам; Колхоз выдал аванс колхозникам; Банк ассигновал им 400 франков.*

Если позицию *a* занимают лица, *b* — документы, а *c* — учреждения, то обозначением отношения являются глаголы *подать*, *представить*, ср.: *Гражданин подал апелляцию в суд; Студент подал заявление в деканат; Гражданин представил документы в суд; Колхозник представил расписку в бухгалтерию.*

Если позицию *a* занимают лица, *b* — лица, а *c* — организации, то обозначением отношения являются глаголы *прикрепить*, *направить* и др., ср.: *Кафедра прикрепила преподавателя к 1-му курсу; Комсомол направил его в школу* и т. п.

Для теории синтаксиса, которая ограничивает свои задачи изучением типов предложения, не существует проблем изучения вхождения лексики в состав предложений при их синтезировании. Но если синтаксическая теория ставит своей задачей синтезирование реальных конкретных предложений, то изучение вопросов выбора слов при синтезировании предложения становится одной из важнейших задач синтаксиса, причем изучение указанной проблематики не может быть предметом лексикологии; лексикология занимается другими проблемами с помощью других методов.

Изучение правил вхождения лексики в состав предложения не есть смешение лексики и синтаксиса. Предметом лексикологии является изучение лексики, но не изучение правил вхождения лексики при синтезировании предложений. Эти правила может изучать только синтаксическая, а не лексикологическая теория.

Стремление изгнать все лексическое из синтаксиса может привести только к оскудению синтаксиса как науки.

Раздел II
СОВРЕМЕННЫЙ
РУССКИЙ
ЯЗЫК

Т. П. ЛОМТЕВ КАК ФОНОЛОГ

Проблемы фонологии привлекали Т. П. Ломтева как в общетеоретическом плане, так и в отношении применения фонологических принципов к описанию звуковой системы современного русского языка. При этом, обращаясь к фонологическим вопросам, особенно в последние 10—12 лет жизни, он стремился внести в их трактовку свои оригинальные положения, обосновать решение этих вопросов своим, только ему присущим подходом. Такая трактовка и такой подход обнаруживают многое новое в явлениях как общей, так и конкретной фонологии, хотя не всегда и не во всем кажутся приемлемыми даже тем фонологам, с которыми у Т. П. Ломтева не было принципиальных расхождений во взглядах на фонему и на отношения фонетики, фонологии и морфологии.

Наиболее полное отражение взглядов Т. П. Ломтева на проблемы фонологии и его принципы описания конкретной фонологической системы обнаруживаются в вышедшей уже после смерти автора книге «Фонология современного русского языка» (1972). В этой книге описание русской фонологической системы в ее современном состоянии дано на основе применения к языкознанию, точнее — к изучению звуковой стороны языка, теории множеств, и это позволило автору представить довольно сложные, хотя и продуманные и четкие, построения синтагматики и парадигматики фонем современного русского языка. Общая оценка этой книги в свое время была дана в печати¹, и поэтому здесь нецелесообразно вновь говорить о сильных, а в ряде случаев и слабых сторонах той фонологической концепции, которая в ней предложена, однако необходимо все же подчеркнуть, что многие явления в фонологической системе современного русского языка в фонологических отношениях, характеризующих этот язык (например, установление фонологической роли слабых фонем, определение характера и степени функциональной нагрузки фонологических противопоставлений), даны в этой книге по существу впервые.

Можно считать, что книга Т. П. Ломтева «Фонология современного русского языка» явилась своеобразным итогом тех размышлений и раздумий автора над проблемами общей фонологии и фонологии русского языка, какие до этой книги ставились и решались им в многочисленных статьях, три из которых печатаются в настоящем сборнике.

Следует иметь в виду, что Т. П. Ломтев в своих общих взглядах на фонему стоял на позициях Московской фонологической школы, признавая

¹ См.: «Филологические науки», 1973, № 3; «Вестник МГУ. Серия филологии и журналистики», 1973, № 5.

необходимость учета функциональной роли звуковой единицы в составе морфемы. Несмотря на то что в конкретном описании состава и отношений фонем современного русского языка он во многих случаях расходился с иными сторонниками этой школы (как он расходился с ними и в употребляемой терминологии), принципиально он был согласен с тем, что фонема — это функционально значимая единица языка, что отождествление звуковых единиц как вариантов, или разновидностей, одной фонемы не может осуществляться вне учета тождества морфемы, что звуковые единицы в разных (сильных и слабых) позициях не могут быть функционально отождествлены. В этих принципиальных вопросах фонологической теории Т. П. Ломтев был последователен, высказывая на них совершенно определенную точку зрения.

Точно так же последователен и определен он был и тогда, когда отстаивал взгляд на то, что фонолог не может при изучении фонологических отношений отрывать от реальной звуковой материи языка, так как подобный отрыв превращает фонологию в абстрактные построения, лишённые реальной почвы в функционирующем языке как средстве общения людей, — и что нельзя сводить действительные сложные связи и отношения фонем в системе к заранее построенным универсальным схемам этих связей и отношений: только глубокое изучение конкретного материала может позволить фологу понять реальные отношения фонологических единиц в данном языке на данном этапе его развития.

Эти общетеоретические взгляды Т. П. Ломтева, глубоко марксистские по существу, нашли свое отражение в двух публикуемых в настоящем сборнике статьях — «Относительно двухступенчатой теории фонем» (1962) и «Принцип бипарности в фонологии» (1965), — в которых эти взгляды конкретизируются на анализе фонологических явлений современного русского языка. Как уже было сказано, этот конкретный анализ, как и понимание Т. П. Ломтевым отдельных фонологических категорий (ср., например, определение понятия дифференциального признака фонемы или понятий конститутивных (постоянных) и переменных (подвижных) признаков фонологических единиц), не всегда оказываются приемлемыми для сторонников Московской фонологической школы, однако принципиальная основа фонологических взглядов Т. П. Ломтева не вызывает сомнений в ее справедливости.

Третья публикуемая здесь статья «Функциональная нагрузка и дифференциальная мощность фонемы» (1968) представляет интерес прежде всего потому, что в ней впервые в развернутом виде изложены взгляды Т. П. Ломтева на в общем новую для русского языкознания фонологическую проблему — на проблему функциональной нагрузки фонологических противопоставлений (к этой проблеме он обращался и ранее, в работе «Исчисление значимостей фонологических объектов», 1964). Рассмотрев точки зрения различных лингвистов на эту проблему и дав им критическую оценку, Т. П. Ломтев в этой статье предложил свое понимание функциональной нагрузки и дифференциальной мощности фонологических противопоставлений. В своей основе положения этой статьи вошли в упоминавшуюся выше книгу Т. П. Ломтева, однако ее публикация в настоящем сборнике представляется целесообразной из-за отсутствия в книге критической части данной статьи (к тому же, первая публикация ее в 1968 г. была осуществлена в малораспространенном издании и, возможно, поэтому осталась многими не замеченной).

ОТНОСИТЕЛЬНО ДВУХСТУПЕНЧАТОЙ ТЕОРИИ ФОНЕМ (1962 г.)

...Каждый данный фонетический объект, участвуя в каждом данном отношении, обладает свойствами, которые не зависят от данных отношений, и свойствами, которые возникают в данных отношениях и не существуют вне их. С этой точки зрения в фонетических объектах различаются такие свойства, которые принадлежат им как таковым и лишь проявляются в данных отношениях¹, и такие свойства, которые порождаются данными отношениями и не существуют вне их. Абсолютные свойства объектов в данных отношениях не могут существовать без реляционных, а реляционные — без абсолютных. Во всяком реляционном при данных отношениях имеется абсолютное, во всяком абсолютном в тех же отношениях имеется реляционное...²

Перед концепцией, утверждающей наличие в фонетическом объекте абсолютных и реляционных свойств при данном синтагматическом отношении, стоит задача установить дифференциальные признаки (ДП) данной фонемы, которые должны быть признаны независимыми от тех или иных позиций, занимаемых фонемой в соответствующих синтагматических условиях. Эта задача разрешима. В самом деле, если некоторая фонема обладает одинаковым составом дифференциальных признаков по меньшей мере в двух разных позициях, то эти признаки принадлежат данному фонетическому объекту, а не порождаются указанными позициями. Предложенное умозаключение безупречно с логической стороны, а его посылки подкрепляются разнообразными фактами. Рассмотрим эти факты.

Гласные заднего образования (а, о, у) сохраняют свои дифференциальные признаки в положении под ударением в следующих четырех позициях: 1) между твердыми согласными, 2) перед твердыми согласными без предшествующего согласного, 3) после твердого согласного без последующего согласного, 4) в отдельном употреблении. Так, в слове *дал* имеется гласная фонема /а/ под ударением между твердыми согласными. В этом положении /а/ характеризуется нижним подъемом, нелокализованным рядом и нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *алый, ах, атом*), без последующего согласного (см.

¹ Ср.: «...свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении....» (К. Маркс. Капитал, I, 1950, стр. 64).

² См. у В. И. Ленина: «...отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 328).

туда, глаза, коза, всегда, да), а также в отдельном употреблении (см. союз а). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /а/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *Дон* имеется гласная фонема /о/ в положении под ударением между твердыми согласными. В этом положении она характеризуется средним подъемом, задним рядом, лабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *он, охоть* и др.), без последующего согласного (см. *до, молоко, село*), а также в отдельном употреблении (см. о). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /о/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *дума* имеется гласная фонема /у/ в положении под ударением между твердыми согласными. В этом положении она характеризуется верхним подъемом, задним рядом и лабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *ум, ухоть, удаль*), без последующего согласного (см. *несу, бегу, кенгуру, наяву*), а также в отдельном употреблении (см. у). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки фонемы /у/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями.

Гласные переднего образования сохраняют свои дифференциальные признаки в положении под ударением в следующих четырех позициях: 1) между мягкими согласными, 2) перед мягкими согласными без предшествующего согласного, 3) после мягких согласных без последующего согласного, 4) в отдельном употреблении. Так, в слове *вить* имеется гласная фонема /и/ в положении под ударением между мягкими согласными. В этом положении /и/ характеризуется верхним подъемом, передним рядом, нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *или, Ире, илестый*), без последующего согласного (см. *бери, посреди, допознати, взаперти*), а также в отдельном употреблении (см. союз и). Следовательно, названные выше дифференциальные признаки /и/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. В слове *семь* имеется гласная фонема /е/ в положении под ударением между мягкими согласными. В этом положении гласная фонема (е) характеризуется средним подъемом, передним рядом, нелабиализованностью. Эти ее дифференциальные признаки сохраняются в положении под ударением без предшествующего согласного (см. *эти, экий, эре*), без последующего согласного (см. *езде, где, эге*), а также в отдельном употреблении (см. э)³. Следовательно, на-

³ Рассмотренные нами позиции сформулированы Р. И. Аванесовым (см. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 96, 97 и сл.).

званные выше дифференциальные признаки гласной фонемы /е/ принадлежат данной фонеме и не порождаются указанными позициями. Изложенное позволяет сделать вывод, что релятивистская концепция лингвистической реальности не находится в соответствии с фактами. Фонетические объекты могут обладать свойствами, не порождаемыми теми позициями, в которых мы фиксируем данные объекты ⁴.

Рассмотрим теперь, каким образом разные фонемы могут получать реляционные дифференциальные признаки в разных позициях...

Согласно концепции, признающей в фонетических объектах абсолютные и реляционные свойства, признаки позиции должны определяться в зависимости от свойств окружающих согласных и свойств самой гласной фонемы, находящейся в данном окружении. Членами отношения являются не только согласные, но и гласные. В этой концепции позиции рассматриваются в качестве операторов, указывающих, каким преобразованиям подвергаются фонемы как таковые.

В разных позициях происходят неодинаковые изменения разных гласных фонем относительно ряда. Выделяем следующие позиции: 1) различные позиции гласных фонем, в которых дифференциальные признаки, различающиеся по положению языка относительно ряда, сохраняются без изменения. Эти разные позиции сведем в одну позицию и обозначим знаком Р. Несколько разных позиций, в которых гласная фонема сохраняет без изменения свои дифференциальные признаки, считаем одной и назы-

⁴ В формах *pta* и *рода*, т. е. в одних и тех же синтагматических отношениях, наблюдение фиксирует наличие двух разных фонем /д/ и /т/, а в формах *rot* (ср. *pta*) и *rot* (ср. *рода*), т. е. в других синтагматических отношениях, наблюдение фиксирует наличие только одной фонемы /т/. Релятивизм утверждает, что все свойства фонемы, т. е. все ее дифференциальные признаки, порождаются отношениями и имеют реляционный, т. е. одинаково обусловленный этими отношениями, характер. Если бы мы встали на точку зрения релятивизма и стали бы утверждать, что все отношения равноправны и что все они одинаково обуславливают свойства фонем, то следовало бы признать истинными два прямо противоположных высказывания: 1) одна фонема /т/, данная в форме *rot*, расщепляется на две фонемы /д/ и /т/ в формах *рода* и *pta*; 2) две фонемы /д/ и /т/, данные в формах *рода* и *pta*, сливаются в одну фонему /т/ в форме *rot*. Если все позиции равноправны, то нет оснований признавать ложным тезис о расщеплении одной фонемы /т/ на две фонемы /д/ и /т/ и истинным тезис о совпадении двух фонем /д/ и /т/ в одной фонеме /т/ и наоборот.

Как видим, концепция релятивизма приводит к парадоксу: с точки зрения релятивизма утверждение и его отрицание оказываются одинаково истинными. Разрешение этого парадокса достигается не отрицанием реляционных свойств фонем, а признанием того, что фонемы обладают природными и обусловленными, абсолютными и реляционными свойствами. Дифференциальные признаки звонкости и глухости фонем /д/ и /т/ в формах *рода* и *pta* являются имманентными свойствами этих фонем, а дифференциальный признак глухости фонемы /т/ в форме *rot* при форме *рода* — реляционным свойством этой фонемы.

ваем ее первичной позицией. Позиция Р без индекса есть первичная позиция; 2) различные позиции гласных фонем, в которых дифференциальные признаки, различающиеся по положению языка относительно ряда, подвергаются преобразованию. Эти позиции будем называть вторичными.

Различаются вторичные позиции трех типов: 1) позиция между мягкими согласными — для гласных заднего ряда /o/ и /y/ и для не локализованной по ряду гласной фонемы /a/ и позиция между твердыми согласными — для гласных переднего ряда /и/ и /е/. Эти позиции обозначим P_1 ; 2) позиция после мягких согласных перед твердыми — для гласных фонем /o/, /y/, /a/ и позиция после твердых согласных перед мягкими — для гласных фонем /и/ и /е/. Эти позиции обозначим P_2 ; 3) позиция после твердых согласных перед мягкими — для гласных /a/, /o/, /y/ и позиция после мягких согласных перед твердыми — для гласных фонем /е/ и /и/. Эти позиции обозначим P_3 .

В позиции P_1 гласные фонемы подвергаются воздействию расположенных слева и справа от них согласных фонем. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда гласных фонем /o/ и /y/ и признак нелокализованности гласной фонемы /a/ преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда на всем протяжении длительности гласной фонемы, т. е. в первой и второй половинах ее длительности. Нелокализованность гласной фонемы /a/ и задний ряд фонем /o/ и /y/ под влиянием мягкости согласных, расположенных с правой и левой стороны от них, преобразуется в передний ряд в первой и второй половинах длительности гласной фонемы; в результате этого /a/, /o/, /y/ преобразуются в гласные [ä], [õ], [ý], Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости согласных с правой и левой стороны преобразуется в средний ряд в первой и второй половинах длительности гласного; в результате этого /и/ и /е/ преобразуются в гласные [ы] и [э]. Представим это преобразование графически:

	/a/	/o/	/y/	/и/	/е/
	↓				
P_1	[ä]	[õ]	[ý]	[ы]	[э]

В позиции P_2 гласные фонемы подвергаются воздействию только согласных, расположенных от них с левой стороны; согласные, находящиеся с правой стороны от них, не оказывают воздействия на ряд гласной фонемы. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда у гласных фонем /o/ и /y/ и признак нелокализованности гласной фонемы /a/ под влиянием мягкости согласных слева от них преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда только в первой половине длительности гласной фонемы, во второй же половине сохраняются его независимые признаки; в результате этого /a/, /o/, /y/ преобразуются в гласные [ˈa], [ˈo], [ˈý]. Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости

согласных, расположенных слева от них, преобразуется в средний ряд только в первой половине длительности гласной, во второй же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; ввиду этого гласные фонемы /и/ и /е/ преобразуются в гласные [ы'], [э']⁶. Представим это преобразование графически:

	/a/	/o/	/y/	/и/	/е/
↓					
P ₂	[a']	[o']	[y']	[ы']	[э']

В позиции P₂ гласные фонемы подвергаются воздействию только согласных, расположенных от них с правой стороны; согласные, расположенные слева, не оказывают воздействия на ряд гласной фонемы. Ввиду этого дифференциальный признак заднего ряда гласных фонем /o/ и /y/ и признак нелокализованности гласной фонемы /a/ под влиянием мягкости согласных, расположенных справа, преобразуются в дифференциальный признак переднего ряда только во второй половине длительности гласной фонемы; в первой же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; в результате этого гласные фонемы /a/, /o/, /y/ преобразуются в гласные [a'], [o'], [y']. Передний ряд гласных фонем /и/ и /е/ под влиянием твердости согласных, расположенных справа, преобразуется в средний ряд только во второй половине длительности гласной фонемы; в первой же половине длительности гласной фонемы сохраняются ее независимые признаки; ввиду этого гласные фонемы /и/ и /е/ преобразуются в гласные [и'] и [е']⁷. Графически:

	/a/	/o/	/y/	/и/	/е/
↓					
P ₃	[a']	[o']	[y']	[и']	[е']

Однозначный характер воздействия каждой позиции на отдельные фонемы подчеркивает тождество гласной фонемы как таковой и ее реляционных форм, какие она принимает в отдельных позициях. Это также доказывает, что звуки [a, ä, 'a, a'] представляют собой одну единицу, а звуки [o, ö, 'o, o'] — другую единицу и т. д. С этой точки зрения, фонологическая единица — не то, что стоит по ту сторону лингвистической реальности звука и постулируется, а то, что представляет собою единство абсолютного и реляционного.

Теперь мы можем сопоставить две концепции, имеющие назначением истолковать одну и ту же предметную область. Если

⁶ Надстрочный знак', расположенный с правой стороны знаков ы и э, означает ДП переднего ряда в конце длительности соответствующих гласных.

⁷ Надстрочный знак', расположенный с правой стороны знака гласной переднего ряда, передает дифференциальный признак среднего ряда во второй половине длительности указанных гласных.

фонетические объекты рассматриваются как порождение позиций, то различие позиций должно порождать их различие. В разных позициях должны быть разные фонетические объекты, свойства которых принадлежат не им, а позициям. И так как различие мыслится только как различие без момента тождества, а тождество только как тождество без момента различия, то для получения нескольких тождественных единиц, не содержащих различия, необходимо постулировать некую идеальную сущность, конструкт. Понятия конструктов и репрезентации оказываются здесь совершенно необходимыми. Если фонема есть некая идеальная само-тождественная сущность, то, чтобы она смогла стать доступной для восприятия, она должна быть репрезентирована чем-то другим.

Если же фонетические объекты рассматриваются в единстве абсолютного с реляционным, то различия позиций, создавая различия реляционных свойств фонетического объекта, не могут нарушать его тождества. И если различие при этом мыслится как момент тождества, а тождество как момент различия, то необходимым является различение понятия фонетического объекта как такового и понятия его реляционных форм. В этой концепции постулирование конструктов не является необходимым, а введение расщепленных понятий «конкретного фонемоида (индивидуальный звук)» и «конкретной фонемы (индивидуальная фонема)», абстрактного фонемоида (класс индивидуальных звуков)» и «абстрактной фонемы (класс индивидуальных фонем)» не представляется правомерным.

Свойство релевантности или нерелевантности также обычно считается реляционным. Тем не менее и это свойство может быть как реляционным, так и абсолютным. ДП фонемы может быть релевантным лишь тогда, когда он имеет двоичный характер. Это определяется природой сигнала.

Дифференциальный признак взрывности в фонеме /д/ имеет релевантный характер, так как в фонетической системе русского языка имеется фонема /з/, которая отличается от фонемы /д/ фрикативностью при тождестве дифференциальных признаков по другим основаниям; см. *дам* -- *зам*. Таким образом, дифференциальный признак взрывности в фонеме /д/ имеет двоичную природу и является релевантным, т. е. способным иметь значимость. Но тот же дифференциальный признак взрывности в фонеме /б/, не будучи двоичным, не имеет релевантного характера, так как в фонетической системе русского языка нет фонемы, которая отличалась бы от фонемы /б/ только фрикативностью при тождестве дифференциальных признаков по другим основаниям.

Дифференциальный признак фрикативности в фонеме /в/ не имеет релевантного характера, так как он по своей природе не является двоичным: в русском языке нет фонемы, которая отличалась бы от фонемы /в/ только взрывностью. Но дифференциальный признак фрикативности в фонеме /с/ имеет релевантный характер, так как он двоичен по своей природе: в русском языке име-

ется фонема /т/, которая отличается от фонемы /с/ взрывностью при тождестве других дифференциальных признаков.

Понятия абсолютности и релевантности дифференциального признака не совпадают. Взрывность в фонеме /б/ является константным, независимым, или абсолютным, признаком: в фонетической системе литературного языка нет таких позиций, в которых этот дифференциальный признак мог бы измениться. И тем не менее этот признак не является релевантным в фонеме /б/, так как он не имеет двоичного характера. Признаки звонкости фонемы /д/ и глухости фонемы /т/ являются двоичными в положении перед гласными, сонорными и /в/, но в положении перед другими согласными признак звонкости и признак глухости перестают быть двоичными. В этих условиях звонкость или глухость фонемы не обладают свойством релевантности, так как в одних позициях функционирует только звонкость, а в других — только глухость. С этой точки зрения должны быть охарактеризованы дифференциальные признаки гласных фонем.

Дифференциальные признаки гласных фонем, различающиеся по ряду, могут быть зависимыми (реляционными) и независимыми (абсолютными), но ни в том, ни в другом случае они не являются релевантными, так как не имеют двоичного характера. Дифференциальный признак заднего ряда в фонемах /о/ и /у/ имеет абсолютный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера: в тех же условиях, т. е. между твердыми согласными, не функционирует дифференциальный признак другого ряда. Дифференциальный признак переднего ряда в фонемах /о/ → [ö], /у/ → [ÿ] имеет реляционный характер, но он также не является релевантным, так как не имеет двоичного характера. Дифференциальный признак переднего ряда в фонемах /и/ и /е/ имеет абсолютный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера: в тех же условиях, т. е. между мягкими согласными, не функционирует дифференциальный признак другого ряда. Дифференциальный признак среднего ряда в фонемах /и/ → [ы], /е/ → [э] имеет реляционный характер, но он не является релевантным, так как не имеет двоичного характера.

Дифференциальный признак может иметь реляционный характер и быть релевантным, если он сохраняет свою двоичную природу. Дифференциальные признаки гласного /а/ в первом предударном слоге (нижний подъем и нелабиализованность) имеют обусловленный, или реляционный, характер, но они имеют релевантный характер, так как сохраняют в этой позиции двоичную природу ввиду наличия в русском языке фонемы /у/ [верхний подъем и лабиализованность], например: /сарбк/ (ср. сорока) и /ц/у/рок.

Таким образом, абсолютность, независимость, константность дифференциального признака не означает еще его релевантности в свою очередь зависимость, реляционность, обусловленный

характер признака не означает отсутствия у него релевантности. Необусловленный признак может быть нерелевантным, а обусловленный — релевантным.

Если дифференциальный признак представляет собою свойство фонемы, то и наличие или отсутствие релевантности данного признака есть свойство фонемы. Согласно общей концепции и релятивистской теории, и это свойство фонемы также определяется синтагматическими отношениями и является реляционным фактом. Для обоснования этой точки зрения обычно используется следующий силлогизм: в конце слова или перед глухими согласными звонкость и глухость не противопоставляются; ввиду этого глухость фонем в указанной позиции не обладает свойством релевантности. И так как отсутствие противопоставленности звонкости и глухости определяется характером названных позиций, то и отсутствие релевантности глухости фонем определяется характером тех же позиций. С другой стороны, в положении перед гласными звонкость и глухость фонем противопоставляются. Ввиду этого звонкость и глухость фонем в указанных позициях обладают свойством релевантности. И так как наличие противопоставленности звонкости и глухости определяется характером названных позиций, то и наличие релевантности глухости и звонкости фонем определяется характером тех же позиций.

Рассмотренный нами силлогизм сам по себе не вызывает возражений. Тем не менее выводы, которые получены при помощи указанного силлогизма, не являются истинными, т. к. сами посылки установлены неверно.

Разберем поставленный нами вопрос сначала в применении к отдельным дифференциальным признакам в разных фонемах. При решении этого вопроса необходимо исходить из двоичности⁶ всякого сигнала. Двоичность дифференциального признака фонемы является его изначальным, исходным свойством. Релевантность есть назначение дифференциального признака, а она невозможна без его двоичности. Если двоичные признаки фонемы имеют абсолютный характер и не порождаются синтагматическими отношениями, то и их релевантность является независимым свойством фонемы и не порождается указанными отношениями.

Дифференциальные признаки, различающиеся по месту образования шума, являются, как правило, двоичными⁷ и независимыми. Они встречаются в любых синтагматических условиях и сохраняют в них свой двоичный характер; их релевантность не зависит от синтагматических условий, например: *дом — том*,

⁶ Для ответа на один двоичный вопрос, предполагающий ответ «да» или «нет», необходимо иметь два сигнала: + и —, 1 и 0 и т. д. Каждый из таких сигналов в отдельности является двоичным. Сигнальная система не может состоять из одного сигнала. Ср. также Л. Б р и л л ю э в. Наука и теория информации. М., 1960, стр. 20.

⁷ ДП, различающиеся по месту образования шума, могут быть и троичными, но различие между двоичными и троичными ДП здесь не учитывается.

тот — ток и т. д.; ср. также *дол — гол, дал — бал* и т. д.; *дом, дал, дым* и *том, там, тыл* и т. д.

Дифференциальный признак фриктивности в фонемах /в/ и /ф/ не является двоичным и не имеет релевантного характера. Но так как он является независимым и встречается в любых синтагматических условиях, то и отсутствие у него релевантности является абсолютным свойством фонем, не зависящим (в русском языке) от синтагматических условий их употребления.

Однако двоичные дифференциальные признаки фонем могут утрачивать свой двоичный характер в той или другой позиции; дифференциальные признаки фонем, утратившие двоичный характер под влиянием данной позиции, утрачивают и релевантность под влиянием той же позиции. Так, глухость конечных согласных не имеет двоичного характера. Двоичный характер данного дифференциального признака утрачивается под влиянием конечной позиции. Тем самым утрачивается и релевантность этого признака. Отсутствие двоичности дифференциального признака глухости на конце слова является реляционным свойством; ввиду этого обусловленным свойством становится и отсутствие релевантности у данного признака в данной позиции. Таким образом, свойство релевантности и нерелевантности данного ДП фонемы может быть независимым от характера одних позиций фонемы и зависимым от других позиций той же фонемы. Релевантность и нерелевантность может быть абсолютным и реляционным свойством данной фонемы в тех или иных синтагматических условиях.

Рассмотрим вопрос об абсолютности и реляционности наличия релевантности или ее отсутствия в применении к совокупности дифференциальных признаков в разных фонемах. Каждая фонема представляет собою совокупность ряда дифференциальных признаков и, следовательно, совокупность ряда релевантностей. В разных парадигматических сопоставлениях релевантную функцию в фонемах получают разные ДП; так, в сопоставлении /д/ и /т/ в словах *дом* и *том* релевантную функцию имеют только звонкость и глухость, в сопоставлениях /д/ и /г/ в словах *дол* и *гол* — только дентальность и заднеязычность, а в сопоставлениях /д/ и /з/ в словах *дал* и *зал* — только взрывность и фриктивность.

Как видим, в разных сопоставлениях фонемы /д/ релевантную функцию имеет то один ДП, то другой. Уместно поставить вопрос, не дает ли это оснований говорить о трех фонемах /д/ в трех указанных сопоставлениях. Для ответа на этот вопрос поставим фонему в самые различные сопоставления с другими фонемами и с нулем звука. Фонема /д/ может входить в сопоставление с нулем звука, например *дом* и *ом*, и тогда релевантную функцию имеют все дифференциальные признаки данной фонемы. Она может входить в сопоставление с фонемами, отличающимися двумя дифференциальными признаками, например /д/ и /с/ в словах *дом* и *сом*; в этом сопоставлении релевантную функцию в фонеме /д/

имеют два дифференциальных признака: звонкость и взрывность. Она может входить в сопоставление с фонемами, различающимися тремя дифференциальными признаками, например /д/ и /с'/ в словах *дол* и *сёл*. В этом сопоставлении релевантную функцию в фонеме /д/ имеют три дифференциальных признака: взрывность, звонкость и твердость. Она может входить в сопоставление с фонемами, отличающимися четырьмя ДП, например /д/ и /ш':/ (ш) в словах *дам* и *шам* (дат. падеж). В этом случае релевантную функцию в фонеме /д/ имеют пять ДП: дентальность, взрывность, звонкость, твердость и краткость.

Множество парадигматических сопоставлений фонемы /д/, в которых релевантную функцию получают разные ее дифференциальные признаки и в разных своих комбинациях, не нарушают ее тождества; тождество фонемы заключено в совокупности ее релевантных возможностей, представленных совокупностью ее дифференциальных признаков. В основе тождества фонемы лежит тождество кванта времени реализации всех ее ДП. Фонема потому и является неразложимым далее сегментом синтагматической цепи, что все ее ДП имеют бытие в одном кванте времени.

В разных синтагматических условиях дифференциальные признаки одной фонемы получают релевантные функции в разных пропорциях. В каждой согласной фонеме весь набор ее двоичных дифференциальных признаков функционирует в положении перед гласными фонемами⁸. Так, фонема /ф/ имеет три двоичных релевантных признака⁹: лабиадентальность, глухость, твердость; фрикативность в фонеме /ф/ не имеет двоичного характера и, следовательно, не имеет релевантной функции. Эти три двоичных дифференциальных признака фонемы /ф/ имеют релевантную функцию, например, в положении перед гласной фонемой /о/. Лабиадентальность /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фон* и фонемы /с/ в слове *сон*; глухость /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фон* и фонемы /с/ в слове *сон*; глухость /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фон* и фонемы /в/ в слове *вон*; твердость /ф/ обнаруживает свою значимость при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *Фока* и фонемы /ф'/ в слове *Фёкла*.

Но в синтагматической цепи имеются и такие позиции, в которых некоторые двоичные признаки утрачивают свою двоичность и тем самым утрачивают значимость. Так, фонема /ф/ в положении перед шумными согласными утрачивает двоичный характер глухости (хотя сами дифференциальные признаки глухости и звонкости могут сохраняться) и твердости, но сохраняет двоичный

⁸ Твердость и мягкость согласных в позиции перед гласной /е/ не функциональна.

⁹ Упрощая изложение, опускаем вопрос о различии ДП долготы и краткости.

характер лабиадентальности; например, в фонеме /ф/, представленной в слове *фтор*, имеет релевантность только один дифференциальный признак — лабиадентальность; его значимость обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в слове *фтор* и фонемы /ш/ в слове *штор* (род. падеж мн. числа). Отсутствие релевантности у двух остальных ДП фонемы в рассматриваемой позиции есть реляционное свойство названной фонемы, так как оно порождается данной позицией.

В положении перед плавными согласными фонема /ф/ утрачивает двоичный характер только одного дифференциального признака — твердости, но сохраняет двоичную природу двух других дифференциальных признаков — лабиадентальности и глухости. Релевантность дифференциального признака дентальности обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в форме *флейте* (дат. падеж. ед. числа) и фонемы /с/ в форме *слейте* (повелит. наклонение). Релевантность дифференциального признака глухости обнаруживается при сопоставлении фонемы /ф/ в форме *флейте* и фонемы /в/ в форме *влейте* (повелит. наклонение). Дифференциальный признак твердости фонемы /ф/ в слове *флейта* не имеет релевантного характера. Отсутствие релевантности данного признака фонемы /ф/ в данной позиции обусловлено этой позицией и имеет реляционный характер.

Таким образом, свойства релевантности и нерелевантности в фонемах могут зависеть от позиций, которые занимают эти фонемы, и быть реляционными, либо не зависеть от соответствующих позиций и быть абсолютными¹⁰. Фонетическая система в этом отношении представляет сложную структуру, и было бы ошибочным считать реляционными все свойства фонемы в области их значимостей.

ПРИНЦИП БИНАРНОСТИ В ФОНОЛОГИИ (1965 г.)

Обычный способ определения или описания фонем заключается в наборе дифференциальных признаков.

В одних случаях эти признаки являются двоичными, например твердость и мягкость в фонемах /д/ — /д'/, в других случаях троичными, например лабиальность, дентальность, заднеязычность

¹⁰ Существует три класса позиций фонем: одни устанавливаются с точки зрения необусловленности (абсолютности) или обусловленности (реляционности) их дифференциальных признаков, другие — с точки зрения наличия или отсутствия релевантности отдельных ДП фонемы (сильные и слабые позиции), третьи — с точки зрения соотношения релевантных и нерелевантных ДП в составе фонемы. В последнем случае различаются позиции с максимумом или минимумом релевантных ДП и промежуточные позиции.

в фонемах /б/ — /д/ — /г/ или /п/ — /т/ — /к/. В этой системе не накладывается никаких ограничений на число дифференциальных элементов, различаемых по одному основанию.

В последнее время получила широкое распространение точка зрения, согласно которой дифференциальные элементы должны быть двоичными. Принцип бинарности требует сведения всех характеристик фонем к бинарным оппозициям. Эта теория допускает только бинарные дифференциальные элементы. Р. Якобсон и М. Халле предложили двоичные дифференциальные признаки, которые мы приведем в форме следующей таблицы (см. табл. 1).

Согласно взглядам авторов, каждый фонологический объект любого языка мира может быть охарактеризован с помощью набора соответствующих бинарных дифференциальных элементов.

Концепция бинаризма вызвала многочисленные отклики. Некоторые из лингвистов стали распространять принцип бинарности и на область грамматики, семантики. Другие подвергали критике отдельные положения этой теории, указывая на то, что не все фонологические объекты укладываются в бинарные оппозиции, что принцип бинарности не обладает всеобщностью. Обращали внимание и на то, что сами признаки не имеют физической определенности¹.

Вместе с тем теоретические основы принципа бинарности еще недостаточно обсуждались.

А. Мартине ограничивается только репликой: «Если оставить в стороне физико-математические выкладки, которыми прикрывается эта теория с целью привлечения людей, стремящихся к абстрактной строгости, бинаризм оказывается скорее умозрительным построением, чем попыткой согласовать между собой результаты предварительных наблюдений»².

Все это делает необходимым дальнейшее обсуждение бинарных дифференциальных элементов и теоретических основ самого принципа бинарности. Первый вопрос, который подлежит обсуждению, — это вопрос о введении дифференциальных элементов в теорию.

Должны ли они быть заданы, т. е. приняты без доказательств, или они должны быть получены на основе некоторых принципов. В первом случае они вводятся в теорию списком.

Совершенствование списка заданных дифференциальных элементов может осуществляться только методом проб и ошибок. В статье О. С. Широкова³ показана фактическая неприспособленность многих существующих бинарных дифференциальных элементов.

¹ См.: А. Мартинье. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960; А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

² А. Мартинье. Указ. соч., стр. 102.

³ См.: О. С. Широков. Бинарные дифференциаторы и моделирование фонологических систем. «Филологические науки», 1965, № 3.

Таблица 1

Номер раз- бения	Символы дифферен- циальных элементов	Их интерпретация	Номер раз- бения	Символы дифферен- циальных элементов	Их интерпретация
I	1	вокальность	VII	1	компактность
	2	невокальность		2	диффузность
II	1	консонантность	VIII	1	низкая тональность
	2	неконсонантность		2	высокая тональность
III	1	прерывность	IX	1	бемольность
	2	непрерывность		2	простота
IV	1	глоттализированность (аб- руптивность)	X	1	дизонность
	2	неглоттализированность (неабруптивность)	XI	1	напряженность
V	1	резкость (яркость)		2	ненапряженность
	2	нерезкость (неяркость)	XI	1	назальность
VI	1	звонкость	XIII	2	неназальность ⁴
	2	глухость			

О. С. Широков считает важнейшей задачей в теории бинарности создание строгого набора стандартных двоичных дифференциальных элементов (т. е. дифференциальных элементов). Но если дифференциальные элементы задаются списком, то его совершенствование должно состоять в замене одного списка другим. Это можно сделать только путем проб и ошибок. Во втором случае они вводятся в теорию на основе некоторых принципов.

Совершенствование системы дифференциальных элементов должно осуществляться на основе совершенствования самих принципов, их получения и введения в теорию.

Мы полагаем, что дифференциальные элементы не должны иметь заданного характера, они должны быть получены с помощью некоторых принципов и введены в теорию на основе этих принципов. Для обоснования целесообразности этого предложения мы приведем следующие соображения. В науках, которые пользуются понятием заданного, имеется и другое понятие — полученное. Заданное — принятое без доказательств в данной теории, полученное — доказанное на основе принятого в данной теории. Теория, вводящая понятие заданного, должна иметь и понятие полученного в данной теории. Из соотношения между заданным и по-

⁴ Признаки названы согласно формулировкам, данным в книге: Р. Я к о б с о н, Г. Ф а н т и М. Х а л л е. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике», т. II. М., 1962.

лученным вытекает строжайшее требование: заданным может быть только то, что не может быть получено в данной теории. Относительно всего заданного должны быть представлены доказательства невозможности получить заданное в данной теории.

Признание того, что некоторые элементы теории вводятся в теорию в качестве заданных элементов, означает, что они принимаются без доказательств и что доказать их в данной теории невозможно.

Мы попытаемся показать, что дифференциальные элементы могут быть получены на основе некоторых принципов, а не заданы в порядке списка.

При формулировке этих принципов снова возникает проблема заданного и полученного. Некоторые положения необходимо задать, т. е. принять без доказательств. Другие положения должны быть получены из заданных положений. В данной теории положение считается доказанным, если оно выведено из принятых положений.

Мы предлагаем считать заданными следующие два положения.

1. Фонологические объекты теории представляют собою одно общее множество. Это положение является весьма общим и не содержит в себе сильных требований. Принятие его не сопряжено ни с какими трудностями. Оно не требует, чтобы мы заранее знали весь состав фонем того или другого языка или всех языков. Единственное, что оно требует, — это рассматривать состав фонем как некоторое единое множество.

2. Дифференциальные элементы, входящие в состав фонем, должны быть установлены с помощью операций разбиения одного общего множества фонем. Если дифференциальные элементы не задаются списком, а получаются с помощью некоторых принципов, то принятие такого принципа их выделения является необходимостью.

Принятие операций разбиения общего множества на подмножества для выделения дифференциальных элементов является вполне естественным и также не сопряжено ни с какими трудностями.

Из сформулированных положений, которые признаются заданными, логически следуют другие положения, которые мы обязаны считать доказанными в данной теории, если признаны истинными исходные положения.

3. Из положения о том, что состав фонем есть одно общее множество, следует, что члены его должны обладать свойством попарного различия. Каждая отдельная фонема, как член одного общего множества, должна обладать свойством сопоставимости с каждой другой отдельной фонемой того же множества и отличаться от нее в одном акте сопоставления.

Дифференциальные элементы должны отвечать требованию этого положения. Дифференциальные элементы одной данной фонемы должны выделять ее из общего множества фонем и отличать

ее от любой другой данной фонемы из того же множества в одном акте сопоставления.

4. Из положения о том, что дифференциальные элементы в составе фонем выделяются с помощью операций разбиения общего множества, следует, что дифференциальные элементы мы должны рассматривать как признаки подмножеств одного общего множества. Если мы выделяем дифференциальный элемент звонкости, то предполагается, что в общем множестве фонем существует такое его подмножество, которое обладает свойством звонкости.

Наличие четырех сформулированных положений обязывает исследователя выполнять требования, которым должны удовлетворять отдельные разбиения одного общего множества фонем, и требования, которым должен удовлетворять состав отдельных разбиений одного общего множества.

Требования к отдельным разбиениям сформулированы в математике и сводятся к следующему.

Отдельное разбиение общего множества является правильным, если оно удовлетворяет следующим двум условиям:

1) разбиение должно быть исчерпывающим (при образовании подмножеств не должно быть остатков), иначе говоря, сложение подмножеств должно составлять исходное общее множество;

2) при разбиении должны образоваться непересекающиеся подмножества; иначе говоря, пересечение подмножеств должно равняться нулю ⁵.

Бинарные дифференциальные элементы, предложенные Р. Якобсоном и М. Халле, являются признаками, по которым выделяются подмножества фонем одного общего множества. Эти ученые подчеркивают, что общим множеством, на основе которого построены дифференциальные элементы, является весь состав гласных и согласных фонем. Отдельные разбиения общего множества всех согласных и гласных фонем, выделяющие бинарные дифференциальные элементы, не отвечают сформулированным требованиям.

Разбиение III (прерывность — непрерывность) выделяет два подмножества: подмножество с дифференциальным элементом непрерывности (щелинности) и подмножество с дифференциальным элементом прерывности (смычности). Это разбиение не отвечает требованию исчерпанности. За пределами этих двух подмножеств остаются все гласные фонемы ⁶.

Не отвечают этому требованию и некоторые другие разбиения.

Рассмотрим теперь вопрос о составе разбиений общего множества фонем.

⁵ Существует еще одно требование, заключающееся в недопустимости пустых подмножеств.

⁶ Об этом свидетельствует постановка нулей при идентификации гласных по этим дифференциальным элементам. См. сб. «Новое в лингвистике», т. II, стр. 286.

Требования, которым должен удовлетворять состав разбиений, можно формулировать следующим образом:

1) состав отдельных разбиений должен отвечать принципу тождества одного общего множества в разных разбиениях;

2) состав отдельных разбиений должен отвечать принципу совместности или непротиворечивости разных разбиений одного общего множества;

3) состав отдельных разбиений должен отвечать принципу минимальности числа разбиений и минимальности числа подмножеств в одном разбиении;

4) комбинации дифференциальных элементов, полученных в разных разбиениях, должны задавать минимальное количество пустых объектов.

Рассмотрим содержание сформулированных принципов.

1. Как было указано выше, состав отдельных разбиений должен отвечать принципу тождества общего множества в отдельных разбиениях. Этот принцип требует, чтобы в разных разбиениях разделялось одно и то же множество фонем.

Если разделение согласных фонем на твердые и мягкие охватывает все множество согласных фонем, то и разделение по другим признакам должно охватывать то же самое множество. Согласно сформулированному принципу, нельзя в одном разбиении разделять все множество согласных фонем, а в другом разбиении — только часть его. Если мы разделим все согласные фонемы на твердые и мягкие, то разделение их на звонкие и глухие уже невозможно, так как оно охватывает только часть общего множества согласных — подмножество шумных согласных фонем.

Для одного и того же множества можно предложить разный состав разбиений. Пусть нашим общим множеством являются следующие фонемы: /д/, /д'/, /т/, /т'/, /н/, /н'/. Обозначим его буквой U. Можно предложить два состава разбиений множества U.

Первый состав разбиений множества U (т. е. /д/, /д'/, /т/, /т'/, /н/, /н'/) отвечает требованиям сформулированного принципа, так как в каждом разбиении разделяется на подмножества одно и то же множество U.

Второй состав разбиений множества U не отвечает указанным требованиям, так как в I и III разбиениях разделяется множество U, а во II разбиении разделяется только подмножество U_1 , т. е. подмножество шумных согласных. Следовательно, в разных разбиениях разделяется не одно и то же множество.

Основания, по которым выдвигается требование тождества множества в разных разбиениях, заключаются в следующем.

Как говорилось выше, из положения о том, что весь состав фонем представляет собою одно общее множество, логически следует, что каждая одна отдельная фонема должна обладать свойством сопоставимости с любой другой отдельной фонемой и отличаться от нее. Этим свойством обладают дифференциальные элементы, выделенные на основе тождества множества в разных

Первый состав разбиений множества U

№ разбиения	Множество, подвергающееся разбиению	Признак, по которому выделяется подмножество	Элементы подмножества
I	U	1 — звонкость 2 — глухость 3 — сонорность	(д), (д') (т), (т') (н), (н')
II	U	1 — твердость 2 — мягкость	(д), (т), (н) (д'), (т'), (н')

Таблица 3

Второй состав разбиений множества U

№ разбиения	Множество, подвергающееся разбиению	Признак, по которому выделяется подмножество	Элементы подмножества
I	U	1. шумность 2. сонорность	(д), (д'), (т), (т') (н), (н')
II	U ₁	1. звонкость 2. глухость	(д), (д') (т), (т')
	U ₂	0. нет признаков разбиения	нет подмножеств
III	U	1. твердость 2. мягкость	(д), (т), (н) (д'), (т'), (н')

разбиениях, и не обладают дифференциальными элементами, выделенные на основе различия множеств в разных разбиениях.

Проверим свойства дифференциальных элементов, выделенных на основе первого состава разбиений, который удовлетворяет принципу тождества множества в разных разбиениях.

Возьмем из общего множества фонем /д/, /д'/, /т/, /т'/, /н/, /н'/ одну отдельную фонему /н/. С этой фонемой сопоставима одна другая фонема /д/. Фонема /н/ отличается от нее по признаку сонорности, которому в фонеме /д/ противостоит звонкость при тождестве общего признака твердости. Если признать членом некоторого отношения одну фонему /н/, то другим членом того же отношения будет всегда одна другая фонема того же множества, например:

/н/ (31) — /д/ (11) (сонорность, твердость — звонкость, твердость),
/н/ (31) — /т/ (21) (сонорность, твердость — глухость, твердость),
/н/ (31) — /д'/ (12) (сонорность, твердость — звонкость, мягкость),

/н/ (31) — /т'/ (22) (сонорность, твердость — глухость, мягкость) и т. д.

Проверим свойства дифференциальных элементов, выделенных на основе второго состава разбиений, который не удовлетворяет принципу тождества множества в разных разбиениях.

Возьмем из того же множества фонему /н/. С этой фонемой сопоставима не одна отдельная фонема, а две фонемы. Фонема /н/ является сонорной и твердой. Сонорности в фонеме /н/ противостоит шумность, но шумность выделяет две фонемы: /д/ и /т/. Следовательно, одна фонема /н/ сопоставима с двумя другими фонемами того же множества — /д/ и /т/: /н/ — /д/ и /т/.

Если признать членом некоторого отношения одну фонему /н/, то другим членом того же отношения всегда будут две фонемы, например: /н/ (301) — /д/ (111) и /т/ (121) (сонорность, твердость — шумность, звонкость, твердость и шумность, глухость, твердость), /н/ (301) — /д'/ (112) и /т'/ (122) (сонорность, твердость — шумность, звонкость, мягкость и шумность, глухость, мягкость) и т. д.

Анализ свойств дифференциальных элементов первого и второго состава разбиений показал, что дифференциальные элементы, полученные на основе первого состава разбиений общего множества, удовлетворяют требованию третьего положения. С каждой одной отдельной фонемой сопоставляется (одна) любая другая отдельная фонема и отличается от нее по свойствам соответствующих дифференциальных элементов.

Дифференциальные элементы, полученные на основе второго состава разбиений общего множества, не удовлетворяют требованию третьего положения: не с каждой отдельной фонемой сопоставима одна отдельная фонема того же множества и отличима от нее по свойствам соответствующих дифференциальных элементов.

Следовательно, если принимается третье положение о том, что в каждом отдельном акте сопоставления одна отдельная фонема должна отличаться от любой другой одной фонемы общего множества, то должен быть признан принцип тождества множества в разных разбиениях.

Рассмотрим с этой точки зрения построение бинарных разбиений (см. табл. 1).

Дифференциальные элементы вокальности и невокальности (I разбиение) определены на всем множестве фонологических объектов, заключающем в себе согласные, гласные и глайды /j/, /w/, /h/. На том же множестве определены и дифференциальные элементы II разбиения — консонантность и неконсонантность.

Но дифференциальные элементы III разбиения — прерывность (смычность) и непрерывность (щелинность) — определены на множестве, в которое включаются фонологические объекты с признаком консонантности (согласные) и с признаками совмещения консонантности и вокальности (глайды). Следовательно, разбиение I и разбиение III не отвечают принципу тождества множества в разных разбиениях.

Дифференциальные элементы V разбиения — звонкость и не-звонкость (глухость) — определены на множестве, которое включает только фонологические объекты с дифференциальным элементом консонантности. Следовательно, разбиение I и разбиение V также не отвечают принципу тождества множества в разных разбиениях.

В некоторых случаях неясно множество фонологических объектов, на котором определены дифференциальные элементы. Так, дифференциальные элементы дизъюнктивности и простоты определены на множестве фонологических объектов, границы которого неясны. Это множество включает подмножество, характеризующееся дифференциальным элементом консонантности, но неясно, включается ли в это множество подмножество гласных фонем.

Как видим, дифференциальные элементы выделяются на основе разбиения неравномошных множеств; такое построение системы дифференциальных элементов противоречит одному из требований, предъявляемых к составу разбиений.

II. Как было указано выше, отдельные разбиения, образующие их состав, должны отвечать принципу совместности. Комбинации дифференциальных элементов, выделенных в разных разбиениях, не должны задавать (порождать) логически невозможные объекты. Поясним это на примере.

Для того чтобы требование совместности дифференциальных элементов разных разбиений было выполнено, необходимо, чтобы дифференциальные элементы, выделяемые в одном разбиении, находились в дизъюнктивных отношениях, а дифференциальные элементы разных разбиений — в конъюнктивных отношениях.

Звонкость и не-звонкость (глухость) выделяются в одном разбиении, и они находятся в дизъюнктивных отношениях: если фонологический объект является звонким, то он не может быть одновременно и глухим, и наоборот.

Звонкость и твердость выделяются в разных разбиениях; эти дифференциальные элементы могут вступать в конъюнктивные отношения. Если фонологический объект обладает свойством звонкости, то он может обладать и свойством твердости...

Воспользуемся нашей цифровой символикой и будем строить комбинации из заданных дифференциальных элементов. Произведем выборку всех единиц, получим фонологический объект 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 ; этот объект обладает свойством вокальности, консонантности, прерывности, глоттализованности (абруптивности), резкости, звонкости, компактности, низкости, бемольности, дизъюнктивности, напряженности, назальности.

Этот набор дифференциальных элементов задает или порождает логически противоречивый объект. Абруптивность несовместима с вокальностью. Если фонологический объект обладает свойством вокальности, то он не может одновременно обладать дифференциальным элементом абруптивности, так как абруптивность является свойством только согласных. Совмещение признака

вокальности с признаком глоттализованности (абруптивности) представляет собою логическое противоречие. Достаточно получить один логически противоречивый фонологический объект, чтобы признать непригодным весь набор предложенных разбиений. Однако в рассматриваемой системе такие логически противоречивые объекты получаются во многих случаях.

В записи 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 заменим 1 в шестой позиции на 2, получим 1 1 1 1 1 2 1 1 1 1 1 1; в этой комбинации совмещаются дифференциальные признаки вокальности (1 в первой позиции) и глухости (2 в шестой позиции). Так как вопрос о возможности различения звонких и глухих гласных фонем в тождественных условиях является весьма спорным, то следует сделать вывод, что дифференциальные элементы звонкости и глухости принадлежат согласным, а не гласным. Это доказывает, что дифференциальные элементы глухости и вокальности не являются совместимыми в известных нам языках, и их совмещение образует логически невозможный объект.

Вопрос о совместности или несовместности разных разбиений одного общего множества — это вопрос об истинности или ложности теории. Теория является ложной, если предложенные ею разные разбиения общего множества фонем не являются совместными.

III. Как было указано выше, состав разных разбиений должен отвечать принципу минимальности числа разбиений и минимальности числа подмножеств в одном разбиении.

Авторы бинарной концепции полагают, что число подмножеств в одном разбиении должно быть минимальным, т. е. разбиения общего множества должны быть бинарными, на число разбиений общего множества они не накладывают никаких ограничений.

Рассмотрим соображения, которыми обосновывается принцип бинарности дифференциальных элементов.

Доказательством правильности своей концепции бинарности считают тот факт, что и математическая теория информации также пользуется двоичным кодом.

Следует, однако, иметь в виду, что математическая теория информации создана для технических устройств, использующих в качестве носителя информации электрический ток. Электрическая цепь может иметь два состояния: разомкнута (0) и сомкнута (1). Использование двоичного кода для передачи информации и является необходимостью для технических устройств, в которых носителем информации является электричество.

Теория таких устройств, естественно, может использовать только двоичный код. Лингвистическая теория не имеет необходимости пользоваться двоичным кодом.

Соображения о том, что математическая теория информации использует двоичный код, как видим, не имеют значения для построения теории идентификации фонологических объектов.

Доказательством правильности своей концепции они считают и тот факт, что двоичный код является оптимальным, наиболее экономным.

Для того чтобы проанализировать 12 рассматриваемых разбиений с точки зрения их оптимальности, мы изложим аппарат, необходимый для решения этой задачи.

Пусть мы имеем некоторое множество объектов U . Пусть это множество разбивается на два непересекающихся подмножества A и B . Пусть далее подмножество A разбивается на два непересекающихся подмножества C и D , а подмножество B — на два непересекающихся подмножества C_1 и D_1 . Мы произвели два разбиения.

В каждом разбиении выделяется по два подмножества. Ясно, что подмножества C , D , C_1 и D_1 являются непересекающимися. Они могут быть получены путем двух разбиений, каждое из которых выделяет по два члена, и одного разбиения, которое выделяет 4 члена. Из этого следует, что два бинарных разбиения равнозначны одному разбиению, содержащему 4 подмножества:

$$\begin{aligned} A \cup B &= U \\ (C \cup D) \cup (C_1 \cup D_1) &= U \\ CUDUC_1UD_1 &= U \end{aligned}$$

Следовательно, $(CUD)U(C_1UD_1) = CUDUC_1UD_1$.

Оба рассмотренных способа разбиения некоторого множества объектов на подмножества являются закономерными; они отвечают условиям правильности разбиений множеств.

Существует строгая зависимость между числом подмножеств в каждом отдельном разбиении и числом разбиений общего множества объектов. При минимальном числе подмножеств в одном разбиении требуется максимальное число разбиений общего множества, чтобы выделить из него один объект.

Допустим, что наша система содержит 1000 объектов. Допустим, что в каждом разбиении выделяется 10 подмножеств. Тогда, чтобы выделить один объект из общего множества, равного 1000, необходимо произвести 3 разбиения.

1) $1000 : 10 = 100$. Первое разбиение дает 10 подмножеств, в каждом из которых имеется по 100 элементов.

2) $100 : 10 = 10$. Второе разбиение разделяет каждое из 10 подмножеств, содержащих по 100 элементов, на 10 подмножеств; образуется 100 подмножеств, каждое из которых содержит 10 элементов.

3) $10 : 10 = 1$. Третье разбиение разделяет каждое из 100 подмножеств, содержащих по 10 элементов, на 10 подмножеств. Образуется 1000 подмножеств, каждое из которых содержит по 1 элементу.

Допустим, что наша система содержит 1024 объекта и что в каждом разбиении выделяется два подмножества. Тогда, чтобы выделить один объект из их общего множества, равного 1024,

необходимо произвести 10 разбиений: 1) $1024 : 2 = 512$; 2) $512 : 2 = 256$; 3) $256 : 2 = 128$; 4) $128 : 2 = 64$; 5) $64 : 2 = 32$; 6) $32 : 2 = 16$; 7) $16 : 2 = 8$; 8) $8 : 2 = 4$; 9) $4 : 2 = 2$; 10) $2 : 2 = 1$.

В первом случае для записи одного объекта, входящего в общее множество 1000 объектов, необходимо использовать 3 позиции. Объект, закодированный тремя цифрами: 111, находится в первой сотне, в первом десятке первой сотни, на первом месте в первом десятке; объект, закодированный тремя цифрами: 125, находится в первой сотне, во втором десятке первой сотни, на пятом месте второго десятка.

Во втором случае для записи одного объекта, входящего в общее множество 1024 объектов, необходимо использовать 10 позиций.

Объект, закодированный десятью цифрами 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1, находится в первой половине первого разбиения, в первой половине второго разбиения, в первой половине третьего разбиения.

Объект, закодированный десятью цифрами 2 2 2 2 2 2 2 2 2 2, находится во второй половине первого разбиения, во второй половине второго разбиения, во второй половине третьего разбиения и т. д.

Таким образом, выделение одного объекта из общего множества может осуществляться на основе принципа минимальности числа подмножеств в одном разбиении при максимальном числе разбиений, или на основе принципа минимальности числа разбиений при максимальном числе подмножеств в одном разбиении.

При заданном множестве объектов принцип минимальности числа подмножеств в одном разбиении требует большего числа разбиений, принцип максимальности числа подмножеств в одном разбиении того же множества требует меньшего числа разбиений.

Если заданы разбиения с двумя подмножествами, то наличие 12 бинарных разбиений позволяет идентифицировать 4096 фонологических объектов $2^{12} = 4096$.

Для того чтобы идентифицировать отдельную фонему при наличии 12 бинарных разбиений, необходимо произвести 12 операций выборов по одному дифференциальному элементу из двух. В этой системе запись символов фонологического объекта требует 12 позиций, т. е. каждый объект должен кодироваться 12 цифрами или 12 другими знаками. Если каждое разбиение общего множества объектов дает по 4 подмножества, то для получения 4096 фонологических объектов необходимо не 12 разбиений, а только 6 ($4^6 = 4096$). Для того чтобы идентифицировать отдельную фонему при наличии 6 разбиений, содержащих по 4 подмножества, необходимо произвести 6 операций выборов по одному дифференциальному элементу из четырех. В этой системе запись символов фонологического объекта потребовала бы только 6 позиций.

Как видим, одна система требует больше операций выборов из меньшего числа элементов, другая система требует меньшего числа выборов из большего числа элементов.

Вопрос об оптимальности или экономичности того или другого способа разбиения общего множества необходимо ставить в зависимости от свойств технических средств, используемых для производства операций идентификации фонологических объектов. Электронные машины обладают только двоичным кодом и могут производить миллионы операций в секунду. Для электронных машин величина числа выборов при идентификации фонологических объектов не имеет значения, тогда как бинарность разбиений для нее является принципиальной необходимостью. Механические машины могут быть снабжены кодом с любым числом символов, но они не обладают свойством быстросействия. Для механических машин величина числа выборов при идентификации фонологических объектов имеет принципиальное значение. Чем меньше требуется операций выборов, тем оптимальнее система. То же самое имеет место и в том случае, если идентификацию фонологических объектов производит человек без помощи технических средств. Идентифицировать фонологический объект с помощью набора 12 дифференциальных элементов неизмеримо труднее, чем решить ту же задачу с помощью набора 4 дифференциальных элементов.

Таким образом, с точки зрения технических возможностей электронных машин оптимальное решение задачи идентификации фонологических объектов осуществляется на основе принципа минимальности числа подмножеств в одном разбиении общего множества объектов, т. е. на основе принципов бинаризма.

С точки зрения возможностей человеческой памяти оптимальное решение задачи идентификации фонологических объектов осуществляется на основе принципа минимальности числа разбиений общего множества объектов и минимальности числа подмножеств в одном разбиении.

Мы показали, что принцип бинарности, т. е. принцип обязательного разбиения общего множества только на два подмножества, не необходим и не оптимален. Но сам по себе принцип бинарности вполне возможен.

Единственное, что должно быть ясным, — это то, что требование бинарности (т. е. минимального числа подмножеств в одном разбиении) означает требование максимальности числа разбиений общего множества фонем.

Следовательно, вопрос о принципе бинарности дифференциальных элементов — это не вопрос об истинности или ложности принципа, а вопрос о его целесообразности; он целесообразен с точки зрения такого носителя информации, который может иметь только два состояния (таков электрический ток), он нецелесообразен с точки зрения носителя информации, который может иметь несколько состояний (таков производственный аппарат человека).

IV. Как было указано выше, комбинации дифференциальных элементов, полученных в разных разбиениях, должны задавать минимальное количество пустых объектов.

Допустим, что мы имеем два следующих разбиения:

I разбиение	1 — дентальность	II разбиение	1 — назальность
	2 — заднеязычность		2 — неназальность

Комбинация дифференциальных элементов 21 (заднеязычность и назальность) задает посовую заднеязычную фонему. Такой фонемы в русском языке нет. Но она есть в других языках. Построение таких пустых конструктивных объектов не является недостатком фонологической теории. Но если комбинации дифференциальных элементов, выделенных на основе предложенных разбиений, задают (порождают) такое число пустых объектов, которое в несколько раз превосходит число реальных объектов, то состав разбиений должен быть признан неудовлетворительным.

На основе предложенной системы дифференциальных элементов может быть построено число фонологических объектов, равное $2^{12} = 4096$. О. С. Широков показал, что некоторые представители принципа бинарности допускают 16 бинарных разбиений. В таком случае число конструктивных фонологических объектов равно $2^{16} = 65536$.

В настоящее время известны языки, в которых число фонем достигает 70—80. Насколько известно, языка с большим числом фонем нет.

Допустим, что в разных языках имеются повторяющиеся фонемы, такие, как /а/, /и/, /е/, и неповторяющиеся фонемы или фонемы, встречающиеся в немногих языках. Пусть число тех и других фонем в разных языках достигает 200. Это заведомо завышенное число. При этом предположении число пустых объектов равняется $4096 - 200 = 3896$, т. е. в круглых цифрах = 3900. Число пустых объектов превосходит число реальных объектов более чем в 19 раз: $3900 : 200 > 19$. Система дифференциальных элементов является совершенно нецелесообразной, если на ее основе могут быть построены пустые объекты в таком числе, которое превышает число реальных объектов более чем в 19 раз, или более чем в 326 раз, ср. $65536 - 200 = 65336$; $65336 : 200 > 326$.

Требование минимальности пустых объектов вызывается постановкой двух новых проблем.

1. Существует вопрос о введении объектов теории в теорию. Должны ли объекты фонологической теории, т. е. фонемы, задаваться списком, а дифференциальные элементы служить только для описания заданных списком объектов? Или фонологические объекты должны получаться на основе некоторых принципов и вводиться в теорию на основе конструктивных операций? Исходя из предпосылки, что в теории должно быть максимум полученного (доказанного) и минимум заданного (принятого без доказательств), мы должны признать необходимым, чтобы объекты вводились в теорию на основе некоторой конструктивной процедуры. Но если

заданные дифференциальные признаки конструируют пустые объекты в таком количестве, которое превышает количество реальных объектов в 326 или даже в 19 раз, то они не могут быть признаны удовлетворительными.

2. Существует вопрос о фонологическом пространстве языка (или языков), точки которого представлены фонемами. Если реальные фонемы в фонологическом пространстве занимают $\frac{1}{326}$ часть, или даже — $\frac{1}{19}$, то это пространство фактически является вакуумом.

Понятие о фонологическом пространстве, имеющее принципиально важное значение, становится фикцией.

Из этих соображений видно, насколько важен вопрос о минимальности пустых объектов в системе. Они не свидетельствуют о том, что принцип бинарности принципиально невозможен. Они говорят только о том, что минимальность числа подмножеств в одном разбиении связана с максимальной пустых точек в фонологическом пространстве.

О. С. Широков привел многочисленные случаи неупорядоченного употребления бинарных дифференциальных элементов, но в заключение заявил, что самый принцип бинаризма, на который опирается дихотомическая теория, должен, по-видимому, сохраниться.

Если автор намерен сохранить принцип бинарности, то, очевидно, он должен признать неизбежным максимальное число разбиений, а также пустых объектов при минимальном числе реальных объектов. Однако автор не показал целесообразности такого решения. Он ограничился простым заявлением о необходимости сохранения принципа бинарности.

Ниже мы попытаемся дать систему дифференциальных элементов фонем современного русского языка на артикуляционной основе.

Допустим, что весь состав фонем современного русского языка представляет собою одно общее множество. Принцип тождества общего множества в разных разбиениях требует, чтобы все дифференциальные элементы выделялись на основе разбиений одного общего множества.

Если мы изберем в качестве первого разбиения вокальность и консонантность, которые определяются на всем множестве фонем, то и другие признаки должны выделять подмножества во всем множестве. В действительности это требование невыполнимо. Признаки твердости и мягкости выделяют подмножества во множестве всех согласных, а не во всем множестве фонем. Признаки звонкости и глухости выделяют подмножества в множестве шумных согласных, а не во всем множестве фонем.

Из этого следует, что весь состав фонем современного русского языка не образует одного общего множества, что, следовательно, признаки вокальности и консонантности не являются дифференциальными элементами.

Допустим, что состав согласных образует одно общее множество, а состав гласных образует другое общее множество.

Дифференциальные элементы согласных фонем должны быть получены на основе разных разбиений одного общего множества согласных фонем, а дифференциальные элементы гласных фонем должны быть получены на основе разных разбиений одного общего множества гласных фонем. Это требование выполнимо.

Обозначим все множество согласных фонем современного русского языка символом U. Это множество допускает следующие четыре разбиения, которые отвечают четырем условиям, сформулированным выше.

Таблица 6

Дифференциальные элементы согласных фонем современного русского языка

№ разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Признак, по которому выделяется данное подмножество	Символы дифференциальных элементов в отдельном обозначении
I	U	1 — твердость 2 — мягкость	1 ¹ 2 ¹
II	U	1 — звонкость 2 — глухость 3 — сонорность	1 ² 2 ² 3 ²
III	U	1 — смычность 2 — щелинность 3 — неоднородность	1 ³ 2 ³ 3 ³
IV	U	1 — лабиальность 2 — дентальность 3 — нёбность 4 — заднеязычность	1 ⁴ 2 ⁴ 3 ⁴ 4 ⁴

Каждая согласная фонема может быть конструктивно получена путем конъюнкции четырех дифференциальных элементов, каждый из которых принадлежит одному из четырех разбиений, например:

/б/ — 1111 (твердость, звонкость, смычность, лабиальность),
/б'/ — 2111 (мягкость, звонкость, смычность, лабиальность),
/п/ — 1211 (твердость, глухость, смычность, лабиальность),
/п'/ — 2211 (мягкость, глухость, смычность, лабиальность),
/м/ — 1311 (твердость, сонорность, смычность, лабиальность),
/м'/ — 2311 (мягкость, сонорность, смычность, лабиальность),
и т. д.

Таким путем может быть построено 72 фонологических объекта, из них — 37 действительных фонем, 4 потенциальные фонемы, 31 — виртуальная (пустая) фонема.

В этой системе число пустых фонологических объектов меньше числа действительных фонем.

Обозначим все множество гласных фонем современного русского языка буквой U. Это множество допускает следующие два разбиения, которые отвечают четырем условиям, сформулированным выше.

Таблица 7

Дифференциальные элементы гласных фонем современного русского языка

№ разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Признак, по которому выделяется данное подмножество	Символы дифференциальных элементов в отдельном обозначении
I	U ₁	1 — верхний подъем	1 ¹
		2 — средний подъем	2 ¹
		3 — нижний подъем	3 ¹
II	U ₂	1 — нелабиализованность	1 ²
		2 — лабиализованность	2 ²

Комбинации конъюнктивных дифференциальных элементов конструируют 6 возможных гласных фонем, из них одна пустая, ср.:

/и/ — 11 (верхний подъем, нелабиализованность),

/е/ — 21 (средний подъем, нелабиализованность),

/а/ — 31 (нижний подъем, нелабиализованность),

/у/ — 12 (верхний подъем, лабиализованность),

/о/ — 22 (средний подъем, лабиализованность),

ø — 32 (нижний подъем, лабиализованность).

Недостаток места не позволяет рассмотреть все доказательства того, что предложенная система дифференциальных элементов соответствует выдвинутым четырем условиям. Ограничимся некоторыми замечаниями. Разбиения согласных фонем по признакам назальности и неназальности, плавности и неплавности являются избыточными, так как назальность и плавность являются проявлениями сонорности.

Разбиение гласных фонем по признакам напряженности и ненапряженности или переднего и непреднего ряда также является избыточным.

Разбиение согласных фонем по признакам шумности и сонорности является излишним, так как шумность является другим названием звонкости и глухости.

Разбиение согласных фонем по признакам краткости и долготы исключается, потому что в фонемах /ж':/ и /ш':/ дифференциальным элементом считается не долгота, а мягкость.

Дифференциальный элемент 1⁴ — лабиальность — может быть сопоставлен с двумя положениями — билабиальностью и лаба-

дентальностью. Выделение этих двух дифференциальных элементов в соответствии с одним дифференциальным элементом нецелесообразно.

Дифференциальный элемент 1^3 — нёбность — может быть сопоставлен с двумя положениями — альвеолярностью и передне-нёбностью. Выделение этих двух дифференциальных элементов в соответствии с одним дифференциальным элементом также нецелесообразно.

Как видим, в русском языке любую согласную фонему можно идентифицировать с помощью набора четырех дифференциальных элементов, а любую гласную — с помощью набора двух дифференциальных элементов. Однако предложенная система дифференциальных элементов, пригодная для описания фонем современного русского языка, непригодна для задач типологических исследований. Для типологических исследований потребуется увеличить число разбиений общего множества согласных и общего множества гласных фонем и число подмножеств в отдельных разбиениях.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА ФОНЕМ (1968 г.)

До недавнего времени наиболее актуальным понятием, вызывавшим споры среди лингвистов, было понятие системы, в том числе фонологической системы.

В настоящее время все более осознается необходимость в новом понятии — в понятии дифференциальных возможностей системы.

Это понятие еще только формируется. У одних лингвистов оно представляется в виде функциональной или различительной нагрузки фонологического противопоставления или отдельной фонемы¹. Другие говорят об информационной нагрузке, которую несут отдельные буквы или отдельные фонемы в слове². Некоторые авторы предлагают использовать для измерения количества информации или информационной нагрузки, которую несут отдельные буквы или фонемы, логарифмическую функцию, с помощью которой измеряют количество информации в теории информации.

¹ См. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 79; В. В. Иванов. К вопросу о функциональной нагрузке согласных в древнерусском языке X — начала XI в. «Вести. Моск. ун-та», сер. филол. журн., 1964, № 5, стр. 41—55.

² См. А. А. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский, К. А. Разживин. Энтропия русского языка. «Вопросы языкознания», 1962; № 6; Р. Г. Пиотровский. Теоретико-множественные параметры устной и письменной формы языка. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962; Н. В. Петрова. Энтропия французского печатного текста. «Литература и язык», 1965, т. XXIV, вып. 1.

Мы рассмотрим некоторые аспекты понятий, которые в одних случаях именуются дифференциальными возможностями системы, различной нагрузкой, в других — информационной нагрузкой.

Объяснение понятия функциональной нагрузки, по-видимому, должно начинаться с выяснения понятия функции. В обычном языке словом функция называют роль, деятельность или назначение предмета. Например, *Глаз служит для того, чтобы видеть*. Это его функция. *Ухо служит для того, чтобы слышать*. Это его функция и т. д.

Такое бытовое понятие функции обычно и принимается лингвистами. Так, А. Мартине пишет: «В нашей работе термин «функция» берется в своем наиболее обычном значении, т. е. мы понимаем под ним деятельность, характерную для данного предмета, роль, присущую ему в соответствии с самой его природой»³.

Такое понимание функции предполагает существование некоторых объектов, которым приписывается та или другая роль (функция).

А. Мартине полагает, что функцию имеют фонологические оппозиции, например звонкость — глухость, твердость — мягкость, и отдельные фонемы, например /б/, /д/, /г/ и т. д. Это дает возможность говорить о функциональной нагрузке фонологического противопоставления и отдельных фонем.

Понятие функциональной нагрузки имеет количественный характер. Для измерения функциональной нагрузки необходима некоторая мера.

Так, А. Мартине считает, что уровень функциональной нагрузки фонологического противопоставления измеряется числом пар слов или их форм, которые различаются с помощью данного фонологического противопоставления.

Функциональной нагрузкой фонологического противопоставления, говорит А. Мартине, является «число пар, которые были бы полными омонимами, если бы не то обстоятельство, что одно слово содержит член А данного противопоставления там, где другое слово содержит другой член В»⁴ (ср. *дом* и *том*, *дол* и *тол* и т. п.). Если таких пар много, то говорят, что данное противопоставление имеет большую функциональную нагрузку. Если таких пар мало, то говорят, что функциональная нагрузка данного противопоставления малая. Так, в русском языке оппозиция с — ш представлена немногими парами *савка* — *шавка*, *салить* (т. е. солить) — *шадить*.

Далее автор предупреждает, что подсчет таких пар полезно делать лишь для тех противопоставлений, где фонемы различаются одним релевантным признаком, например /с — ш/, /з — ж/, но не /с — ж/, /ш — з/ и т. д.

³ А. М а р т и н е. Принципы экономики в фонетических изменениях, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 79.

Из этих разъяснений видно, что в данном случае носителями фонологической нагрузки являются обычные фонологические оппозиции, например звонкость — глухость, твердость — мягкость и др., а ее функциональной нагрузкой являются пары соответствующих слов. Количество функциональной нагрузки измеряется количеством указанных пар слов.

Однако предложенный А. Мартине метод установления уровня функциональной нагрузки не удовлетворителен в одном отношении: различительную роль в фонемах имеют не только различия по одному основанию, например по основанию звонкости — глухости (ср. *дом* — *том*), но и различия по нескольким основаниям, например звонкость, твердость — глухость, мягкость (ср. *был* — *пил*). В данном случае различительную функцию имеют спаренные признаки звонкости, твердости и глухости, мягкости. Автор отвергает необходимость подсчета пар слов, противопоставленных указанным способом, тем самым он исключает возможность измерить функциональную нагрузку всех противопоставлений, т. е. всей системы фонем.

Для оценки функциональной нагрузки одной фонемы А. Мартине предлагает использовать ее частотность. Он пишет: «Мы предполагаем следующее: чем чаще встречается фонема, тем больше шансов на то, что она выполняет чисто различительную функцию»⁵.

Он предлагает «для каждого данного текста подсчитывать общее число фонем и то, сколько раз в нем появляется каждая отдельная фонема»⁶. По мнению А. Мартине, соотношение этих двух чисел в достаточно большом количестве текстов характеризует функциональную нагрузку одной отдельной фонемы.

Это заключение исследователя содержит множество неясностей. Прежде всего одна отдельно взятая фонема не может иметь никакой функциональной нагрузки.

Каждая отдельная фонема имеет различительную функцию только в сопоставлении с другой фонемой той же системы (ср. /б — п/, /б — б'/ и т. д.: ср. *был* — *пил*, *был* — *бил* и др.). Количество неповторяющихся пар, в которых может иметь место отдельная фонема, зависит от числа фонем в языке, которые с равной вероятностью могут быть употреблены в данной позиции.

Все согласные современного русского языка возможны в положении перед фонемой /о/. Если принять, что в современном русском языке имеется 37 согласных фонем, то каждая согласная фонема в этом положении может входить в 37 пар. Например: /б — п/, /б — б'/, /б — в/, /б — п'/ и др. (в том числе в одну пару /б — б/).

Частота употребления отдельной фонемы не имеет никакого отношения к проблеме функциональной нагрузки, так как одна

⁵ Там же, стр. 80.

⁶ Там же.

отдельно взятая фонема не имеет функций. Только частота употребления бинарных композиций имеет значение для установления функциональной нагрузки каждой отдельной пары. Так, бинарная композиция /б — п/ может быть использована весьма часто (ср. *был — пыл, бал — пал* и др.), а бинарная композиция /б' — ј/ встречается, возможно, в одной паре *бел — јел*. Уровень функциональной нагрузки пары /б — п/ выше уровня функциональной нагрузки пары /б' — ј/.

Следовательно, для изучения уровня функциональной нагрузки необходим подсчет частотности употребления не отдельных фонем, а их бинарных композиций.

Так как в разных позициях принципиально имеет место разное количество бинарных композиций, то частотность их употребления должна устанавливаться не в целом тексте, а отдельно для отдельных позиций.

Как известно, на конце слов в русском языке нет звонких согласных, следовательно, в этом положении отсутствуют пары /б — п/ или /б' — п'/ и т. д. Но отсутствие таких пар в указанном положении не имеет статистического характера. Их отсутствие имеет достоверный, а не вероятный, константный, а не статистический характер.

Таким образом, соотношение общего числа всех фонем, встречающихся в данном тексте, и числа появления каждой отдельной фонемы в данном тексте, не характеризует уровень функциональной нагрузки ни отдельных фонем, ни их бинарных композиций.

Вопрос о функциональной нагрузке поставлен в статье В. В. Иванова. В изложении В. В. Иванова остается очень неясным, что является носителем фонологической нагрузки и что — фонологической нагрузкой, которая принадлежит этому носителю. Он пишет: «В древнерусском противопоставленность твердых согласных друг другу в позиции перед гласными была выражена очень отчетливо, в силу чего функциональная нагрузка этой противопоставленности была, без сомнения, очень велика. Это значит, что в древнерусском языке можно обнаружить не только пары, но и ряды слов или форм, которые отличались друг от друга лишь согласными фонемами, находящимися перед одной и той же гласной. А это значит, что данная согласная фонема функционально была полностью нагружена»⁷.

Из этих разъяснений мы должны сделать вывод, что носителем функциональной нагрузки является каждая данная согласная фонема в положении перед данной гласной фонемой, а ее функциональной нагрузкой — ее способность отличаться от всех других согласных фонем в той же позиции. Примеры, приводимые автором, подтверждают такое толкование изложения.

⁷ В. В. И в а н о в. К вопросу о функциональной нагрузке согласных в древнерусском языке X — начала XI в.

Функциональную нагрузку согласных фонем в положении перед гласным /и/ автор иллюстрирует набором следующих слов: *пилъ — билъ — милъ — ш'илъ — н'илъ; диво — пиво; сива* (род. п. от *сив*) — *дива* (род. п. от *диво*) — *нива — пива* (род. п. от *ниво*); *ризу — низу; чистъ — листъ* и т. д.⁸ Если данные фонемы различаются друг от друга (т. е. противопоставляются друг другу), то они функционально нагружены.

По мнению В. В. Иванова, каждая из твердых согласных фонем наряду с любой другой фонемой в древнерусском языке функционально была равно нагружена в соответствующей позиции. При этом остается неясным, что означает равную нагруженность каждой отдельной твердой согласной в позиции, например, перед гласным *о*.

Вероятно, это означает то, что любая твердая согласная фонема, которая может быть в положении перед гласным /о/, способна выполнять различительную функцию, так как любая из них в этом положении отличается от любой другой (ср.: *годъ — ходъ; сорокъ — зорокъ; воронъ — торонъ* (набег); *мостъ — ростъ; долъ — колъ; домъ — сонъ*)⁹. Если это так, понятие функциональной нагрузки фонем совпадает с понятием их противопоставленности.

Тем самым понятие функциональной нагрузки утрачивает свой смысл, так как оно не отличается от понятия противопоставленности. Естественно, что автор нигде не ставит вопроса о методах количественного изменения уровней функциональной нагрузки фонем, так как противопоставленность данных фонем в данной позиции уровней не имеет: она либо имеет место, либо отсутствует.

В положении перед гласной /ы/ согласные /б/ и /н/ были разными фонемами, и были слова, которые различались по различию /б/ и /н/ (ср. *быти — ныти*), в положении перед /ä/ (е) эти фонемы фонетически могли иметь место, но в языке фактически не было слов, которые различались бы по различию /б/ и /н/ в положении перед /ä/ (е).

Эти факты В. В. Иванов использует в том смысле, что в некоторых фонетических условиях имела место ослабленность фонологической нагрузки отдельных фонем.

Поясним эти мысли на следующем примере. Условно допустим, что в положении перед гласным *о* в принципе могут различаться 10 фонем — /г, х, с, з, в, н, м, р, д, к/. Допустим далее, что в положении перед *о* для любых пар согласных есть пары слов, которые различаются по различию этих согласных, например *годъ — ходъ, мостъ — ростъ* и др., а в положении перед гласным *ѵ* только для некоторых пар согласных имеются пары слов, которые различаются по различию этих согласных, например:

⁸ Там же, стр. 50.

⁹ Там же.

сбли — дбли, сбль — вбль (род. п. мн. ч. от *воля*). Функциональная нагрузка фонем считается ослабленной, если в данной позиции различается меньше согласных фонем.

Функциональная нагрузка фонем считается неослабленной, если в данной позиции различается больше согласных фонем; так, фонемы /б/ и /н/ в положении перед гласным /ä/ (е) не участвуют в различении слов, так как слов, содержащих сочетания *бä*, *нä*, в древнерусском языке не было, а в положении перед другими гласными фонемы /б/ и /н/ принимали участие в различении слов.

В первом случае меньше фонем различается, и это означает ослабленность их функциональной нагрузки; во втором случае больше фонем различается, и это означает большую их функциональную нагрузку. Таким образом, уровень функциональной нагрузки отдельных согласных фонем измеряется фактическим количеством фонем, которые имеют место в данной позиции и фактически используются при различении наличных слов языка.

В этой концепции исключается необходимость статистического подсчета количества пар слов, которые различались бы по различию данных двух фонем, так как фонологической нагрузкой считается не частота употребления данной пары согласных фонем для различения слов, а только наличие самой противопоставленности данной согласной фонемы в данной паре и во всем их множестве, которое используется в данной позиции.

В ряде работ используется теоретико-информационный подход к изучению проблемы функциональной нагрузки.

Так, Е. В. Падучева считает, что система фонем обладает определенными различительными возможностями. По ее мнению, количество различительных возможностей можно измерить с помощью теоретико-информационных методов. Как известно, в теории информации количество информации измеряется логарифмической функцией.

Е. В. Падучева выделяет вопрос об измерении количества различительной нагрузки одного фонологического противопоставления. Она пишет: «При утрате фонологического противопоставления две фонемы или несколько пар фонем сливаются в одну, и различительные возможности системы уменьшаются. Поэтому разность $H - H^*$ (где H — количество информации в исходной фонеме, а H^* — количество информации в системе с утраченным противопоставлением) можно считать той различительной нагрузкой, которая падает на данное противопоставление»¹⁰.

Количество информации в одной фонеме, согласно этому предположению, должно быть установлено с помощью формулы $H = \log_2 N$, где H — количество информации, которое по предположению содержит одна фонема, а N — количество фонем в си-

¹⁰ О. С. А х м а н о в а и др. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 138.

стеме. Произведем соответствующие расчеты, пользуясь указанной формулой.

В русском языке имеется позиция, в которой звонкие и глухие противопоставляются, кроме того, имеется позиция, в которой звонкие и глухие не противопоставляются. В первой позиции функционирует 37 фонем, во второй позиции — 23. В первом случае количество информации, принадлежащей одной фонеме, больше 5 и меньше 6.

$$H = \log_2 37 = 5 < H < 6$$

Во втором случае количество информации, принадлежащей основе, больше 4 и меньше 5

$$H^* = \log_2 23 = 4 < H^* < 5.$$

Разность между H и H^* , равная примерно 1, должна по замыслу характеризовать различительную нагрузку, которая падает на одно фонологическое противопоставление. Возникает вопрос, удобна ли логарифмическая мера для измерения различительных возможностей системы?

Эта мера была предназначена для теории связи. При передаче сообщений на дальние расстояния материальным носителем информации является электрический ток, который может иметь только два состояния: плюс (+) — ток есть, минус (—) — тока нет. Любое сообщение представляет собою упорядоченную цепь таких состояний. Если мы будем использовать цифру 1 вместо знака плюс (+), а цифру 0 вместо знака минус (—), то цепь состояний электрического тока можно представить в форме последовательностей, состоящих из единиц и нулей, например: 1111 или 0000, или 0111, или 0001 и т. д.

Состояния, обозначенные 1 или 0, принято называть в теории информации двоичными единицами информации или битами. Один бит — это одна двоичная единица информации: 1 есть один двоичный бит и 0 есть один двоичный бит.

Если процесс общения осуществляется на русском языке, то по каналам связи передаются буквы русского алфавита, последовательность которых и представляет собою сообщение. В этой последовательности каждая буква занимает отдельную позицию.

Телеграфное сообщение представляет собою многопозиционную цепь, в которой каждую отдельную позицию занимает отдельная буква; пробел между словами тоже считается позицией, в которой отсутствие буквы является знаком границы двух слов.

Предположим, что в любой позиции многопозиционной цепи может встречаться любая буква русского алфавита, в том числе и пробел. В русском алфавите имеется 31 буква, в качестве знака надо считать и пробел между словами, так как без этого нельзя отделить в потоке сигналов одно слово от другого. Следовательно, в любой позиции многопозиционной цепи предположительно с

равной вероятностью может оказаться любой из 32 знаков, подлежащих передаче по каналам связи.

Так как в русском алфавите 32 буквы с пробелом и каждая из них по предположению может с равной вероятностью появиться в одной отдельной позиции, то все они образуют одно множество вероятностей данной позиции. Множество вероятностей одной позиции равняется числу букв русского алфавита с учетом пробела, т. е. числу 32.

Возникает вопрос, сколько надо послать по каналу связи двоичных сигналов, чтобы передать одну букву русского алфавита в одной позиции, если появление в ней любой буквы обладает равной вероятностью. Ответ на этот вопрос связан с так называемой проблемой идентификации объектов. В нашем случае множество вероятностей равно 32. Необходимо, следовательно, найти средства отличить с помощью двоичных импульсов одну любую вероятность от любой другой вероятности из общего числа, равного 32.

Так как каждая вероятность реализуется в форме появления одной из 32 букв, то задача сводится к нахождению средств отличить любую отдельную букву от любой другой буквы с помощью последовательностей, состоящих из единиц и нулей. Для различения 32 букв в одной позиции достаточно пятипозиционной цепочки¹¹, состоящей из 1 и 0.

Пусть разные пятипозиционные цепочки единиц и нулей являются знаками отдельных букв, например:

11111 — а, 01111 — б, 10111 — в, 00111 — г и т. д. Если в нашем распоряжении имеется 5 позиций, то можно построить 32 пятипозиционные комбинации из 1 и 0.

Для передачи одной буквы русского алфавита надо послать по каналу связи 5 сигналов, т. е. 5 двоичных единиц информации.

Теперь мы можем поставить вопрос о свойствах числа 5 по отношению к числу 32, т. е. к числу букв русского алфавита, и к числу 2, т. е. к числу единиц информации, которые посылаются по каналам связи. Число 5 является логарифмом числа 32 при основании 2. Обозначим количество информации, которое необходимо послать по каналу связи, чтобы передать одну букву русского алфавита, буквой I . Тогда количество информации, посылаемой по каналу связи, чтобы передать одну букву, можно представить в виде уравнения:

$$I = \log_2 32 = 5.$$

В общей форме это уравнение можно записать так:

$$I = \log_2 N,$$

где I — количество двоичных единиц информации, затрачиваемое на передачу одной буквы алфавита, а N — количество букв в алфавите.

¹¹ Достаточно пяти двоичных признаков.

Уравнение $I = \log_2 N$ представляет собою логарифмическую функцию числа N при основании 2. Названная логарифмическая функция¹² является мерой того количества двоичных единиц информации, которые необходимо затратить для того, чтобы передать по каналу связи одну из N букв.

Число I обладает рядом существенных свойств, которые мы выразим в форме следующих формул:

1) Число $I = \log_2 N > 0$ при $N > 1$

2) Число $I = \log_2 N = 0$ в том и только в том случае, если $N = 1$.

3) Число $I = \log_2 NN = \log_2 N + \log_2 N$, где запись NN означает две позиции, в каждой из которых может с равной вероятностью появиться любая из N букв.

Рассмотрим свойства числа I в указанном порядке.

1) Формула $I = \log_2 N > 0$ при $N > 1$ устанавливает, что если в алфавите имеется две или больше двух букв, то для передачи одной буквы по каналу связи необходимо затратить некоторое количество двоичных единиц. Не посылая по каналу связи ни одной двоичной единицы, мы не сообщим ни одной буквы.

Если алфавит состоит из 4-х букв, то для передачи одной буквы из этого алфавита по каналу связи необходимо затратить две двоичные единицы

$$\log_2 4 = 2.$$

2) Формула $I = \log_2 N = 0$ выражает ситуацию, которая имеет место только в том случае, если $N = 1$. Логарифм числа 1 при любом основании равен нулю. И действительно, одним сигналом ничего сообщить нельзя. Чтобы сигнал обладал способностью что-либо сообщить, он должен быть по меньшей мере двоичным.

3) Формула $I = \log_2 NN = \log_2 N + \log_2 N$ устанавливает, что количество двоичных единиц, затрачиваемых на передачу последовательности, состоящей из двух букв алфавита, равно сумме логарифмов числа N , т. е. числа букв, имеющих в алфавите.

При возрастании количества передаваемых букв текста на одну букву количество двоичных единиц информации возрастает на логарифм числа всех букв алфавита, т. е. числа N при основании 2. Эта формула позволяет рассчитать количество двоичных единиц информации, которые необходимо послать по каналу связи, чтобы передать, например, один печатный лист информации. В одном печатном листе, как известно, имеется 40 000 знаков, включая и пробелы. Иначе говоря, один печатный лист представляет собою 40 000 позиций, которые занимают буквами и пробелами.

Если для передачи одного знака в одной позиции надо послать по каналу связи 5 единиц информации, то для передачи 40 000

¹² Разумеется, логарифм числа N может устанавливаться и при других основаниях, кроме основания 2.

знаков необходимо послать $5 \times 40\,000 = 200\,000$ двоичных единиц информации.

До сих пор мы исходили из предположения, что появление любой буквы в любой позиции было равновероятным. В действительности такой ситуации не бывает. Если мы возьмем слово *доброго*, то после *г* никакой другой буквы, кроме *о*, не может быть. Для ее передачи по каналу связи можно не затрачивать никаких единиц информации.

Допустим, что в позиции после некоторой буквы множество вероятностей равно не 32, а 16, т. е. в этой позиции с равной вероятностью могут появиться только 16 букв. Для их передачи по каналу связи в этой позиции не требуется затрачивать 5 двоичных единиц, достаточно 4, так как логарифм числа 16 при основании 2 равен 4:

$$I = \log_2 N = 4 \text{ при } N = 16.$$

Допустим, что в некоторой позиции множество вероятностей равно не 16, а 8, т. е. в этой позиции с равной вероятностью могут появиться только 8 букв. Для их передачи по каналу связи в этой позиции не требуется затрачивать 4 двоичных единицы информации, достаточно 3, так как логарифм числа 8 при основании 2 равен 3.

$$I = \log_2 8 = 3 \text{ при } N = 8.$$

Возникает возможность экономить посылку по каналам связи двоичных единиц информации и тем самым увеличивать пропускную способность канала связи¹³.

Логарифмическая функция числа N при основании 2 дает понятие о тех двоичных единицах информации, которые затрачиваются на передачу по каналу связи одного элемента некоторой системы, содержащей N элементов.

Итак, логарифмическая мера предназначена для измерения количества двоичных единиц информации, которые мы должны затратить на посылку по каналу связи одной буквы. Эти расчеты сохраняют свою силу в случае, если бы по каналу связи передавались информации не о буквах, а о фонемах. Так как фонем в

¹³ Для измерения количества информации Шеннон предложил следующую формулу: $-p(A_1) \cdot \log_2 p(A_1)$. Запись $p(A_1)$ обозначает вероятность появления данной буквы в данной позиции. Если всех букв с пробелом имеется 32 и каждая из них (в том числе и пробел) может появиться в данной позиции с равной вероятностью, то вероятность появления в данной позиции одной буквы равна $1/32$. Если в формуле $-P(A_1) \cdot \log_2 p(A_1)$ мы заменим перемешанные соответствующими числами, то мы получим $-1/32 \cdot \log_2 1/32$. Логарифм $1/32 = \log_2 1 - \log_2 32 = -5$ (логарифм 1 равняется 0, логарифм числа 32 при основании 2 равняется 5). Тогда наша формула примет следующий вид:

$-1/32 \cdot -5 = 5$ двоичных единиц/32 на одну из 32 букв, т. е. 5 двоичных единиц на одну из 32 букв.

русском языке больше, чем букв в алфавите, то потребовалось бы расходовать больше двоичных единиц на передачу одной фонемы.

Теперь мы можем ответить на вопрос о том, какую информацию непосредственно представляет логарифмическая мера: дифференциальные возможности системы или количество двоичных единиц информации, затрачиваемых для передачи по каналу связи одного элемента системы или их последовательностей.

С точки зрения задач лингвистики логарифмическая мера не удобна для представления функциональной нагрузки системы фонем, или дифференциальных возможностей. Дифференциальные возможности системы также являются информацией, для измерения количества которой также необходима некоторая мера.

Разница между N и N^* , о которой говорила Е. Л. Падучева, не дает представления о различии в дифференциальных возможностях системы, содержащей 37 согласных фонем, и системы, содержащей 23 согласных фонемы.

Она устанавливает только тот факт, что для передачи одной фонемы из числа 37 нужно затратить больше 5 двоичных единиц, а для передачи одной фонемы из числа 23 — меньше 5 двоичных единиц.

Теперь мы попытаемся сформулировать понятия дифференциальных возможностей системы и функциональной нагрузки, и затем предложить методы измерения количества как дифференциальных возможностей системы, так и функциональной нагрузки.

Фонемы выделяются в языке как различительные единицы. Они служат для построения и различения единиц высшего уровня: морфем и форм слов. Фонемы не являются носителями содержательной информации, они представляют собой только материал для построения носителей содержательной информации, которыми являются морфемы и формы слов. Различительное назначение фонем имеет количественный характер: фонема /б/ обладает способностью отличаться от фонемы /п/ и быть различителем некоторых содержаний: это может быть *бал* в отличие от *пал*; *был* в отличие от *пыл* и т. п.

Фонология не рассматривает суть того содержания, которое отличается от другого содержания. Она рассматривает различительное свойство фонем с точки зрения диапазона их дифференциальных функций, а не с точки зрения того конкретного содержания, которое выражается в морфемах и формах слов.

Фонология изучает количество дифференциальных возможностей фонем, а не качество того содержания, в передаче которого они принимают участие.

Прежде всего введем понятие дифференциальной функции фонемы. Дифференциальная функция фонемы — это не роль, не назначение фонемы, а сама фонема в одном из ее свойств. Дифференциальная функция данной фонемы есть некоторое множество ее дифференциальных элементов. Множество дифференциальных элементов данной фонемы формируется при постановке

данной фонемы в соответствие с другой фонемой. Данная фонема имеет функцию от другой фонемы. Понятие дифференциальной функции по отношению к одной фонеме лишено смысла. Дифференциальная функция фонемы, представляющая некоторое множество ее дифференциальных элементов, является искомым свойством фонемы. Оно должно быть получено с помощью некоторой операции.

Задать дифференциальную функцию фонемы — значит установить те действия, которые надо провести, чтобы получить функцию данной фонемы от другой фонемы.

Найти или получить дифференциальную функцию данной фонемы от другой — значит выделить ее дифференциальные элементы, не совпадающие с дифференциальными элементами той фонемы, в соответствии с которой она поставлена. Нахождение дифференциальной функции данной фонемы от другой фонемы, т. е. нахождение некоторых или всех дифференциальных элементов, отличающих ее от другой фонемы, осуществляется с помощью исключения общих для этих двух фонем дифференциальных элементов. Остаток дифференциальных элементов в избранной фонеме и есть ее дифференциальная функция от другой фонемы.

Исключение из множества дифференциальных элементов фонемы /б/ (1111) общих с фонемой /д/ (1112) составляет в этой фонеме один дифференциальный элемент — лабиальности (1^4 , т. е. 1 в 4-й позиции), который и представляет собою дифференциальную функцию фонемы /б/ от фонемы /д/.

Исключение из множества дифференциальных элементов фонемы /б/ (1111) общих с фонемой /п'/ (2211) составляет в фонеме б два дифференциальных элемента — звонкость и твердость (1^{12}), которые и представляют собою дифференциальную функцию фонемы /б/ от фонемы /п'/.

Описанная операция получения остатка дифференциальных элементов в данной фонеме как функции этой фонемы от другой фонемы представляет собою теоретико-множественную операцию взятия дополнения в множестве дифференциальных элементов первой фонемы к пересечению дифференциальных элементов первой и второй фонемы.

Пересечение множеств дифференциальных элементов двух фонем выделяет подмножество общих дифференциальных элементов: пересечение дифференциальных элементов фонемы /б/ (1111) и фонемы /п'/ (2211) образует подмножество дифференциальных элементов лабиальности и смычности (1^{34}). Взятие дополнения в множестве дифференциальных элементов фонемы /б/ (1111) к пересечению дифференциальных элементов двух фонем, представляющим 1^{34} , образует в фонеме б подмножество дифференциальных элементов твердости и звонкости, которое и является функцией фонемы /б/ от фонемы /п'/.

Различительную функцию фонемы $/a_1/$ от фонемы $/a_2/$ будем обозначать $f /a_1 a_2/ = X$, где положение $/a_1/$ перед $/a_2/$ указывает на то,

что $/a_1/$ рассматривается как функция от фонемы $/a_2/$, а X — знак того множества дифференциальных элементов в фонеме $/a_1/$, которым последняя отличается от первой и которое представляет собою искомого дифференциальную функцию $/a_1/$ от $/a_2/$, например:

$f(б\ 1111, б' \ 2111) = 1^1$, т. е. твердость есть различительная функция $/б/$ от $/б'/$.

$f(б\ 1111, п\ 1211) = 1^2$, т. е. звонкость есть различительная функция $/б/$ от $/п/$.

$f(б\ 1111, п' \ 2211) = 1^1 1^2$, т. е. твердость и звонкость есть различительная функция $/б/$ от $/п'/$.

$f(б\ 1111, с' \ 2222) = 1111$, т. е. твердость, звонкость, смычность, лабильность есть различительная функция $б$ от $с'$.

Различительная функция $/б/$ от $/б/$ является нулевой: $f(б\ 1111, б\ 1111) = 0$, т. е. различительная функция $/б/$ от $/б/$ равна нулю.

Данная дифференциальная функция данной фонемы имеет обратную дифференциальную функцию.

Так, если $f(б\ 1111, б' \ 2111) = 1^1$, т. е. твердость есть дифференциальная функция фонемы $/б/$ от фонемы $/б'/$, то $f(б' \ 2111, б\ 1111) = 2^1$, т. е. мягкость есть обратная дифференциальная функция $/б'/$ от фонемы $/б/$, ср. *бил* в отличие от *был*.

Если $f(б' \ 2111, б\ 1111) = 2^1$, т. е. мягкость есть дифференциальная функция фонемы $/б'/$ от фонемы $/б/$, то $f(б\ 1111, б' \ 2111) = 1^1$, т. е. твердость есть дифференциальная функция фонемы $/б/$ от фонемы $/б'/$, ср. *был* в отличие от *бил*.

Каждая фонема в данной позиции имеет столько дифференциальных функций, сколько возможно фонем в этой позиции; причем одна из этих функций является нулевой. Существует, следовательно, зависимость между количеством дифференциальных функций одной согласной фонемы и количеством согласных фонем равновероятных в данной позиции.

Количество дифференциальных функций одной одиночной согласной фонемы будем называть дифференциальной мощностью одной фонемы и обозначать буквой d . Общее множество всех согласных фонем будем обозначать буквой N .

Дифференциальную мощность одной одиночной согласной фонемы в данной позиции мы будем представлять в форме показательной функции от числа N . Так как число дифференциальных функций одной одиночной согласной фонемы равно числу фонем, то для того чтобы представить число d как показательную функцию от числа N , надо положить степень x , в которую надо возвести число N , равной 1:

$$d = N^x \quad \text{при } x = 1.$$

Число $d = N^{x-1}$, выражающее дифференциальную мощность одной одиночной согласной фонемы, обладает рядом существенных свойств, которые мы выразим в форме следующих уравнений:

$$1. \text{ Число } d = N^{x-1} - 1 > 0 \text{ при } N > 1.$$

2. Число $d = N^{x-1} - 1 = 0$ в том и только в том случае, если $N = 1$.

3. Число $d = NN = N^{x-2}$, где запись NN означает две позиции, в каждой из которых может с равной вероятностью появиться любая из N фонем.

1. Формула $d = N^{x-1} - 1 > 0$ при $N > 1$ устанавливает, что дифференциальная мощность одной одиночной фонемы, если фонем больше, чем одна, не может быть равна нулю.

Если в языке имеется, например, 4 согласных фонемы, то дифференциальная мощность каждой из них равна 4, если включается нулевая дифференциальная функция, и 4—1, если она исключается.

2. Формула $d = N^{x-1} - 1 = 0$ выражает ситуацию, которая имеет место только в том случае, если $N = 1$.

И действительно, если имеется только один сигнал, то с его помощью ничего нельзя различить. Это значит, что различительная мощность равна нулю.

3. Формула $d = NN = N^{x-2}$ устанавливает, что дифференциальная мощность любой пары фонем, занимающих две позиции, равна квадрату числа фонем N .

Если дифференциальная мощность сигнала, представленного одной позицией, т. е. одной одиночной фонемой, равна N , то дифференциальная мощность сигнала, представленного двумя позициями, т. е. парой фонем, равна N^2 .

Любые произвольные отрывки цепи, в каждом звене которого может с равной вероятностью появиться любая из N фонем, будем рассматривать как размещения с повторениями по K фонем из N фонем.

Если произвольный отрезок содержит одну позицию, то имеет место размещение по одной фонеме из N . Таких размещений может быть N^{x-1} , т. е. N размещений.

Если произвольный отрезок содержит две позиции, то имеет место размещение по 2 фонемы из N фонем. Таких размещений может быть N^2 .

Если произвольный отрезок содержит три позиции, то имеет место размещение по 3 фонемы из N фонем. Таких размещений может быть N^3 и т. д.

Каждое из таких размещений имеет определенное количество дифференциальных функций, и общее множество всех размещений данного типа так же имеет определенное количество дифференциальных функций.

Количество дифференциальных функций отдельных размещений и общего их множества устанавливается с помощью показательной функции. Если размещения содержат по одной фонеме, то общее количество размещений равно N^{x-1} , т. е. числу фонем, в степени $x = 1$. Каждое отдельное размещение имеет дифференциальных функций N^{x-1} . Это значит, что в одной позиции некоторой цепи могут быть N отдельных фонем.

Дифференциальная мощность одной фонемы равна N^{x-1} , т.е. количеству фонем в степени $x = 1$.

Зная количество дифференциальных функций, которое имеет одна фонема, мы можем определить количество дифференциальных функций, которое может иметь множество всех отдельных одиночных фонем, равновероятных в данной позиции.

Количество дифференциальных функций множества отдельных одиночных согласных фонем мы будем называть дифференциальной мощностью множества отдельных согласных фонем и обозначать буквой D_1 .

Дифференциальную мощность множества одиночных согласных фонем, равновероятных в одной позиции, можно выразить формулой:

$$D_1 = N^{x-2}.$$

Это уравнение устанавливает, что число D_1 , выражающее дифференциальную мощность множества одиночных фонем, равновероятных в одной позиции, равно числу фонем в степени $x = 2$, т.е. квадрату числа фонем. Причем в общую дифференциальную мощность входит N нулевых дифференциальных функций.

Если размещения содержат по 2 фонемы, то общее количество размещений равно N^{x-2} , т.е. N^2 . Это значит, что в двух позициях некоторой цепи может быть N^2 отдельных пар фонем. Дифференциальная мощность одной пары равна $(N^x)_2$, т.е. количеству, пар фонем, равновероятных в двух позициях.

Зная количество дифференциальных функций, которое имеет одна пара фонем, размещенная в двух позициях, мы можем определить количество дифференциальных функций множества всех пар, которые с равной вероятностью могут размещаться в двух позициях.

Количество дифференциальных функций множества отдельных пар фонем мы будем называть дифференциальной мощностью множества пар фонем и обозначать буквой D_2 .

Дифференциальная мощность множества всех пар фонем, равновероятных в двух позициях цепи, равна числу пар в степени $x = 2$, т.е. числу пар в квадрате:

$$D_2 = (N^2)^2 = N^4$$

Причем в общую дифференциальную мощность входит N^2 нулевых дифференциальных функций.

До сих пор мы исходили из предположения, что любая фонема равновероятна в любом месте их линейной последовательности. В действительности такой ситуации не бывает; так, звонкие согласные не встречаются в положении перед глухими, а глухие — в положении перед звонкими; в этих положениях возможно меньшее количество фонем и меньшая их дифференциальная мощность.

Вычисления реальной дифференциальной мощности отдельных фонем и их общего множества потребует введения более конкретных данных в предложенные формулы.

Показательная функция числа N дает понятие о дифференциальной мощности одной одиночной фонемы из множества N или о дифференциальной мощности множества одиночных фонем N . Мерой количества единиц информации, которые затрачиваются для передачи элементов системы по каналу связи, является логарифмическая функция от числа N при основании 2. Мерой количества единиц дифференциальной мощности является показательная функция от числа N .

Итак, целесообразно различать количество информации в смысле количества двоичных единиц, используемых для передачи одной буквы или одной фонемы из их общего числа, равного N , мерой которого является логарифмическая функция от числа N при основании 2, и количество различительных функций одной фонемы из общего их числа, равного N , мерой которого является показательная функция от числа N .

Рассмотрим некоторые примеры применения показательной функции для измерения дифференциальной мощности согласных фонем.

Выше было отмечено, что в древнерусском языке нет слов с фонемами /б/ и /н/ в положении перед /ä/ (е), хотя фонетически фонемы /б/ и /н/ могли бы иметь место в этом положении. Следовательно, общая дифференциальная мощность всех согласных фонем в этом положении должна рассчитываться без этих фонем.

Дифференциальную мощность согласных фонем можно рассчитывать в данной позиции и с точки зрения фонетически возможного в этой позиции и с точки зрения фактически используемого в той же позиции количества фонем.

Тогда формула дифференциальной мощности согласных фонем примет следующий вид:

$$D_1 = (N - a)^2,$$

где N — общее число фонем, возможных в данной позиции, а a — число фонем, которые фактически в этой позиции не встречаются.

В современном русском языке в положении перед гласной фонемой /и/ (ы) фактически возможны 35 согласных фонем русского языка, причем мы условно принимаем, что заднеязычные согласные в этом положении могут быть только мягкими.

В этом положении дифференциальная мощность всех согласных фонем теоретически равна $D_1 = 35^2$.

Может случиться, что в языке нет ни одного такого слова, которое отличалось бы от другого различием данной фонемы от другой; насколько можно судить, в русском языке фактически нет слова с фонемой /ф'/ перед /и/, которое отличалось бы от другого слова с фонемой /j/ в том же положении при тождестве всех других фонем: есть слово *фирма*, но нет такого же слова с /j/ перед /и/, есть слово *финн*, но нет такого же слова с /j/ перед /и/, и т. д.; фонема /j/ фактически возможна в положении перед /и/ (ср. *соловей* — *солов'и*). Но фактически нет ни одной пары слов, которые

различались бы только по различию фонем /j/ и /ф/ в положении перед /и/. Фактически в этой позиции не используются все различные функции каждой фонемы: в этой позиции фонема /ф/ возможна, но ее различительная функция от фонемы /j/ не используется; в положении перед гласной фонемой и возможна и фонема /j/, но ее дифференциальная функция от фонемы ф не используется.

Следовательно, из общей дифференциальной мощности всех согласных фонем в этом положении должны быть исключены две функции: функция /ф/ от /j/ и функция /j/ от /ф/.

Дифференциальную мощность согласных фонем в данной позиции можно рассчитывать с точки зрения фонетически возможных функций и с точки зрения фактически используемых в этой позиции функций.

Очень часто целесообразно устанавливать не число дифференциальных функций фонем, а число пар дифференциальных функций — пар, состоящих из функций данной фонемы от другой и ее обратной функции (т. е. функции второй фонемы от первой); примером может служить функция фонемы б от фонемы п и ее обратная функция фонемы п от фонемы б, но, кроме того, может быть и бинарная композиция функций фонем. Бинарную композицию функции данной фонемы от другой и ее обратной функции (т. е. функции второй фонемы от первой) будем называть поляризацией или поляризационными парами: б — п, б — п', б — в, б — в' и т. д. Общее количество всех поляризационных пар будем называть поляризационной мощностью системы фонем.

Зависимость между количеством согласных фонем, имеющих место в данной позиции, и поляризационной мощностью системы можно выразить уравнением

$$N + \frac{N^2 - N}{2} = X$$

где X — поляризационная мощность системы, в которую входят и нулевые поляризации типа /б — б, б' — б'/ и т. д., а N — количество согласных фонем в данной позиции.

Количество ненулевых поляризаций можно получить по формуле

$$\frac{N^2 - N}{2} = X$$

Выше было установлено, что в положении перед фонемой /и/ (ы) возможны 35 фонем: ненулевых поляризационных пар в этом положении фонетически могло бы быть $\frac{35^2 - 35}{2}$, но фактически поляризационная пара /ф — j/ не встречается. Следовательно, количество поляризаций в указанной позиции равно $\frac{35^2 - 35}{2} - 1$.

Понятие дифференциальной мощности необходимо строго отличать от понятия функциональной нагрузки.

Функциональные нагрузки имеют только поляризационные пары. Носителем функциональной нагрузки являются не отдельные фонемы, а поляризационные пары, так как единственный сигнал не может иметь различительного назначения. Измерению подлежит функциональная нагрузка отдельных поляризационных пар, а не отдельных фонем. Функциональной нагрузкой данной поляризационной пары является интенсивность ее фактического использования различения пар слов. Так, поляризационная пара /б — п/ весьма широко используется для различения пар слов, ср. *был — пыл, бал — пал* и др. Поляризационная пара /ц — j/ используется только для различения одной пары слов *цел — ел* (ел). Поляризационная пара /ц — к/ также используется не интенсивно (ср. *цапать — капать*).

Как видим, бинарные композиции дифференциальных функций отдельных фонем, используемые в языке для различительных целей, не равнозначны с точки зрения интенсивности их использования в указанных целях: одни поляризации фонем различают большое количество пар единиц языка, другие различают только отдельные пары единиц языка.

Интенсивность функциональной нагрузки поляризационных пар фонем можно измерить с помощью коэффициента их использования. Для установления коэффициента использования отдельной бинарной поляризации необходимо установить число пар единиц языка, различаемых всеми возможными поляризациями фонем, и число пар единиц языка, различаемых данной поляризацией фонем.

Частное от деления второго числа на первое представляет собою коэффициент использования данной поляризации фонем в области различения отдельных слов или морфем.

А. Мартине не рекомендует учитывать случаи, когда с помощью различия в одной фонеме отделяются слова, принадлежащие различным частям речи, например *дам* (глагол) и *там* (наречие), так как такие слова различаются в предложении с помощью синтаксических средств.

Однако эти факты свидетельствуют не о том, что различие в фонемах не разделяет такие слова, а о том, что в языке существуют дублирующие дифференциальные средства. В данном случае можно говорить об избыточности дифференциальных средств, но не о том, что различие в одной форме двух слов, принадлежащих разным частям речи, не имеет различительного назначения.

Коэффициент использования данной поляризации фонем при необходимости может устанавливаться отдельно для разных областей. Так, можно исследовать вопрос о коэффициенте использования поляризации согласных фонем в области глагольных окончаний; в этой области употребляется всего 3 согласные фонемы в тождественных условиях: /т/ (1-е и 3-е лицо ед. и мн. ч. — *несет*), /ш/ (2-е лицо ед. ч. — *несешь*) и /м/ (1-е лицо мн. ч. — *несем*). Установив, какие формы лица чаще употребляются в тех или других

текстах, мы можем вывести коэффициент используемости поляризации

$$\begin{aligned} & \tau (1^2 2^4) - \pi (2^2 3^4) \\ & \tau (2^2 2^4) - \mu (3^2 1^4) \\ & \pi (2^2 2^2 3^4) - \mu (3^2 1^3 1^4). \end{aligned}$$

Таким образом, для измерения дифференциальной мощности фоном должна быть использована показательная функция, а для измерения функциональной нагрузки — коэффициент фактического использования поляризационных пар фоном для различения пар слов.

ЭВОЛЮЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ТРУДАХ Т. П. ЛОМТЕВА

Теоретико-синтаксические взгляды Т. П. Ломтева формировались прежде всего в области исторического синтаксиса, о чем свидетельствуют фундаментальные монографии «Исследования в области истории белорусского синтаксиса» (1941) и «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (1956), а также статьи, посвященные синтаксической проблематике.

Это был первый, наиболее длительный в научной деятельности ученого период, который проходил в русле традиционного синтаксиса и характеризовался накоплением богатого фактического материала и его анализом, идущим, главным образом, от фактов языка к теоретическим обобщениям.

Второй период, охватывающий примерно 1957—1960 гг., проходил под знаком позиционного синтаксиса. После завершения «Очерков...» пункт тяжести в синтаксических изысканиях ученого передвигается в сторону общей теории синтаксиса и синтаксиса современного русского языка. Идея синтаксической позиции, которая зародилась в недрах предыдущего периода, ложится в основу первой концепции синтаксиса современного русского языка. Попытка представить целостную систему синтаксических фактов на основе позиционных отношений вытекала из критического анализа недостатков традиционных синтаксических теорий, с одной стороны, и структуралистических концепций — с другой.

Этот подход и творческую направленность ученого отражает самое крупное исследование этого периода — монография «Основы синтаксиса современного русского языка» (1958), а также ряд статей, конкретизирующих и развивающих основные положения монографии. Опираясь на положения философского материализма, Т. П. Ломтев высказал мысль о том, что целью лингвистических исследований является познание субстанции языковых явлений главным образом путем изучения различных соотношений, в которые эти явления вступают в системе языка.

В связи с этим он предложил концепцию, основные положения которой могут быть сведены к следующим положениям: 1) установление взаимосвязей единиц различных уровней структуры языка и связанная с этим идентификация соответствующих единиц и стратификация уровней, 2) выделение понятия позиции словесной формы как элементарной синтаксической единицы, являющейся основным звеном предлагаемой теории, 3) полный учет системных связей в сфере синтаксических исследований.

Для синтаксической концепции Т. П. Ломтева основными являются понятия словесной формы и ее позиции в предложении, т. е. высшей морфологической и низшей, или элементарной, синтаксической единицы.

Со временем взгляды Т. П. Ломтева подвергались эволюции. Позиционный период продолжался недолго, но он сыграл в научном творчестве ученого определенную роль. Основные идеи этого периода, подвергшись той или иной, нередко весьма существенной трансформации, сохранялись в последующие периоды деятельности Т. П. Ломтева.

Развитие теоретико-синтаксических взглядов Т. П. Ломтева было сопряжено прежде всего с постепенным переходом от склонности к абсолютизации идеи позиции в сторону многоаспектного подхода. Этот поворот во многом предопределил плодотворность дальнейших исследований.

В первой половине 60-х годов (1961—1964) Т. П. Ломтев вновь подвергает всестороннему анализу основные вопросы синтаксиса, связанные с природой синтаксических объектов, предметом и методами синтаксических исследований. Существенной чертой нового, переходного по своему характеру периода является преломление основных положений традиционного и позиционного синтаксиса, а также некоторых положений структурального языкознания в системе идей, возникших под влиянием главным образом математики и математической логики. Это был период интенсивных поисков более объективных и адекватных исследовательских путей, которые впоследствии привели Т. П. Ломтева к созданию новой, более совершенной концепции синтаксиса.

Синтаксическая теория разрабатывается, таким образом, в общелингвистическом, философском и логико-математическом контексте, причем влияние этого последнего с каждым годом увеличивается.

Т. П. Ломтев стремился к творческому использованию в лингвистике математической логики и математики, к тому, чтобы с помощью математических идей одновременно добиться большей строгости в исследовательских методах, более глубокого понимания исследуемых фактов и более совершенного способа описания. Это стремление привело прежде всего к коренным изменениям в исследовательской методике: характерный для предыдущих периодов интуитивный путь в значительной степени заменяется дедуктивным подходом и математическими приемами анализа. Т. П. Ломтев был твердо убежден, что в лингвистике, подобно тому как и в других эмпирических науках, математические, дедуктивные по своему характеру приемы анализа могут сыграть весьма важную исследовательскую и эвристическую роль, если они будут уметь использоваться с последовательным учетом специфики языкового объекта, если с их помощью исследователь добьется интересных результатов. Он отрицательно отзывался о тех исследованиях, в которых применение математических формул способствовало скорее искажению исследуемой языковой действительности, нежели более глубокому ее пониманию. Будучи хорошим знатоком фактического языкового материала, глубоко понимая его не только коммуникативную, но и социальную природу, Т. П. Ломтев на практике довольно осторожно пользовался формализованным математическим аппаратом.

Можно сказать, что рассматриваемый период принес ряд важных теоретических положений, которые не только сыграли существенную роль в дальнейших творческих размышлениях Т. П. Ломтева, но и получили более широкий резонанс в науке о языке.

Итак, изучая эволюцию взглядов Т. П. Ломтева в области теории синтаксиса, можно увидеть, как проходило развитие и переосмысление таких фундаментальных понятий, как члены предложения, синтагматические и парадигматические отношения, означаемое и означающее в предложении, синтаксическая позиция и др., как от периода к периоду совершенствовалась и обогащалась синтаксическая теория, достигнув в последний период, который можно назвать периодом предикативного синтаксиса, высокой степени адекватности. Благодаря оригинальной, стремительно развивающейся творческой мысли Т. П. Ломтева, широкому диапазону его знаний, умению находить связи и аналогии между различными, иногда очень отдаленными областями и явлениями, провицательной исследовательской интуиции значительно обогатилась наука о языке, существенным образом увеличались наши знания о многоаспектной природе синтаксических явлений и методах их изучения.

* * *

В настоящий раздел включены работы, которые отражают наиболее характерные моменты научной деятельности Т. П. Ломтева в области создания теоретических основ синтаксиса современного русского языка и не вошли в состав двух последних монографий.

В рамках каждого периода при определении очередности публикаций учитывался проблемный критерий, который не всегда совпадает с хронологическим.

ОБ АБСОЛЮТНЫХ И РЕЛЯЦИОННЫХ СВОЙСТВАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(О понятии позиции в теории синтаксиса) (1960 г.)

1

Современное языкознание отличается от традиционного целым рядом особенностей. Среди них важное место занимает вопрос о роли отношений частей в целом. В настоящее время существует два решения этого вопроса. Представители традиционного языкознания полагают, что лингвистические единицы обладают свойствами независимо от тех отношений, в которые они вступают в системе языка. По мнению этих лингвистов, все свойства объектов языка принадлежат им самим по себе; единицы языка, вступая в те или другие отношения, не получают новых свойств; свойства лингвистических единиц имеют абсолютный характер, они не порождают их отношениями и не зависят от последних.

Современное языкознание предлагает другое решение этого вопроса. Оно исходит из предпосылки, согласно которой свойства лингвистических единиц распадаются на два класса. Одни свойства не зависят от той системы отношений, которая является объектом исследования; с этими свойствами данная лингвистическая единица вступает в отношения с другими лингвистическими еди-

ностями; они имеют абсолютный характер в данной системе отношений и могут существовать вне ее. Эти свойства лингвистической единицы обнаруживаются лишь в ее отношениях к другим единицам, а не порождаются ими. Другие свойства зависят от той системы отношений, которая является объектом исследования; эти свойства лингвистических единиц появляются только в данной системе отношений; они имеют реляционный характер в зависимости от их места в системе и не могут существовать вне ее. Защитники традиционного языковедения, признавая только абсолютные свойства лингвистических единиц, ссылаются на слова К. Маркса о том, что «свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (Капитал, т. 1, 1951, стр. 64). Они полагают, что материалистическим является только взгляд, согласно которому все свойства единиц не зависят от их отношений и не определяются отношениями единиц. Следует, однако, заметить, что приведенная цитата К. Маркса не имеет того смысла, который ей приписывают. К. Маркс в указанном месте первой главы «Капитала» говорит о том, что сюртук обладает свойством тяжести и теплопроводности, кроме того, он обладает свойством товара, т. е. свойством обмениваться на другие товары. Всякому ясно, что свойство сюртука иметь тяжесть и теплопроводность не зависит от общественных отношений и не определяется ими. Но свойство сюртука быть товаром не является таким же природным свойством, как тяжесть и теплопроводность. Оно определяется соответствующими общественными отношениями. Само собой разумеется, что два продукта получают свойства товара не потому, что они вступили в отношение обмена; они потому вступают в отношение обмена, что они получили свойство товаров. А это свойство определяется не физическими свойствами продуктов, а стоимостью.

Существуют физические свойства звуков, но существуют и фонологические отношения. Материально одинаковые звуки в разных языках, обладающих разными фонологическими системами, могут иметь разные реляционные свойства. Если физическое свойство глухости в русских звуках *к* и *х* не зависит от фонологической системы русского языка, то свойство глухости иметь или не иметь различительное значение не может не зависеть от фонетической системы и не определяться фонетическими отношениями.

Звуки *к* и *х* обладают одинаковым свойством глухости. Глухость этих звуков является их физическим материальным свойством. Но одна и та же глухость обладает неодинаковыми свойствами в звуках *к* и *х*: глухость в звуке *к* имеет различительное свойство, так как глухой звук *к* имеет звонкий противочлен *г* (ср. *кость* и *гость*); глухость в звуке *х* не имеет различительного свойства, так как глухой звук *х* не имеет в литературном языке звонкого противочлена.

Различное свойство глухости в звуках *к* и *х* зависит от системы фонологических отношений и определяется ими.

Свойства, которые являются реляционными в одной системе отношений, имеют абсолютный характер в другой системе. В системе отношений *воды* и *вады* свойства звука *а* имеют реляционный характер; так как они определяются позицией, т. е. положением звука *о* в первом предударном слоге, а в системе отношений *сарок* (род. п. слова *сорока*) и *сурок* свойства звука *а* в том же предударном слоге имеют абсолютный характер.

Признание того, что лингвистические объекты обладают не только абсолютными, но и реляционными свойствами, представляет собою важнейшее завоевание современного языкознания, и в этом заключается принципиальное отличие современного языкознания от традиционного.

Марксизм не отрицает реляционных свойств объектов. Марксизм только утверждает, что реляционные свойства неразрывно связаны с абсолютными, что первые представляют собою только видоизменение вторых, что содержанием релятивного является абсолютное.

Признание реляционных свойств лингвистических единиц или объектов в языке не имеет ничего общего с идеализмом. Ленин писал: «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики) от диалектики, между прочим, то, что в объективной диалектике относительно (релятивно) различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (Ленин, Философские тетради, стр. 326).

В соответствии с требованиями современного языкознания синтаксическая теория должна разработать понятия об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. Возникает необходимость выяснить природу синтаксических отношений и синтаксических единиц как членов этих отношений.

Определение языка в качестве средства общения между людьми, обмена мыслями предполагает различение трех фактов: того, что является средством общения, того, что является предметом общения, и того, что является целью общения; средством общения являются знаки, предметом общения — содержание, т. е. мысли, чувства, понятия и т. п., которыми обмениваются люди, целью общения — взаимопонимание.

В этой концепции язык находит себе место в системе трех явлений: а) знака как явления материального мира; б) идеального как отражения объективной действительности и в) объективной действительности, существование которой не зависит от существования идеального и его знака.

С этой точки зрения сущность лингвистического объекта, т. е. лингвистической единицы, представляет собою единство материального, т. е. знака, и идеального, т. е. значения.

В каждой лингвистической единице мы находим то, с помощью чего она является доступной восприятию, и то, для чего она служит в языке. Сущность лингвистического явления заключается в

конвенциональности не между знаком и объектом, а между знаком и значением как отражением объекта. Между значением знака и объектом существует отношение отражения, а не отношение конвенциональности.

Материальной стороной предложения как синтаксической единицы является словесная организация, которая служит средством общения; идеальной стороной предложения является высказывание, представляющее собою объект сообщения. Как в слове, так и в предложении мы находим единство знака и значения, материального и идеального. Словесная организация и высказывание в предложении являются тем, чем в слове являются звуковая оболочка и значение: словесная организация является выражающей стороной предложения, высказывание — выражаемой стороной предложения.

Синтаксические единицы внутри простого предложения также имеют выражающую и выражаемую стороны; выражающей стороной является грамматическая форма¹, выражаемой — часть высказывания.

2

В составе высказывания как значения предложения обычно выделяют пять слагаемых: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство.

Предполагается, что между этими слагаемыми внутри простого предложения существуют определенные отношения.

Выделяются отношения между подлежащим и сказуемым (предикативные), между сказуемым и дополнением (объектные), между сказуемым и обстоятельством (обстоятельственные), между предметом и его определением (атрибутивные). Свойства синтаксических единиц, выделяемых по свойствам частей высказывания, имеют абсолютный характер. Они не зависят от структуры предложения. Для иллюстрации] рассмотрим понятие дополнения. Считается, что дополнение обозначает объект; в качестве одной синтаксической единицы, т. е. дополнения, принимаются винительный падеж *сестру* при переходном глаголе — *Он любит сестру*, род. п. *сестры* при сравнительной степени — *Он любит брата больше сестры*, при имени существительном — *Приглашение сестры в гости было получено вечером*.

Свойство «быть объектом» является абсолютным свойством дополнения. Оно не зависит от словесной организации предложения, от его структуры; оно не определяется и не порождается структурой предложения. Свойство дополнения быть объектом совместимо с разными типами предложения, как это видно из приведенных предложений.

¹ Точнее — словесная форма, которая рассматривается как единство слова и грамматической формы.

Части высказывания — такие единицы в предложении, которые обладают своими собственными свойствами, источником которых является содержание высказывания, а не синтаксическая система. Они не обладают такими свойствами, источником которых является синтаксическая система.

Представители формально-логического направления в грамматике за основу выделения синтаксических единиц принимали смысловое содержание и перечисляли грамматические формы, с помощью которых оно выражается; одна грамматическая форма, например форма творительного падежа, может быть двумя разными синтаксическими единицами, если она выражает два разных смысловых тождества, ср.: *падал штопором* и *чертил штопором*. Две разные грамматические формы могут быть одной синтаксической единицей, если они выражают одно смысловое тождество: ср.: *поехал в субботу* (глагол + *в* + вин. п.) и *поездка в феврале* (имя существительное + *в* + мест. п.). В этой концепции синтаксическая единица сохраняет свое тождество независимо от того, членом каких конструкций или отношений она выступает.

Обстоятельство может быть членом глагольного отношения (*поехал в Ленинград*) и членом именного отношения (*поездка в Ленинград*); оно может быть выражено наречием (*говорил вчера*) и предложным сочетанием (*говорил в прошлом году*).

Дополнение может быть членом глагольного отношения (*читал книгу*) и членом именного отношения (*чтение книги*); оно может быть выражено формой падежа (*читал книгу*) и предложным сочетанием (*говорил о брате*) и т. п.

Такие единицы в предложении, как подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство, определение, являются членами высказывания, представленного в предложении, а не членами структуры последнего.

Основной характер единиц на уровне высказывания заключается в том, что при тождестве своего смыслового содержания они имеют различные средства своего выражения, ср. наличие разных частей речи в значении сказуемого, например, *«Иван писал и Иван — писатель»* или наличие разных падежных форм в значении объекта, например, *говорил брату, говорил о брате, видел брата*.

На уровне высказывания единицы выражаемого не находятся во взаимно-однозначных соответствиях с единицами выражающего; в соответствии с одним тождеством на стороне выражаемого мы находим разные тождества на стороне выражающего.

В составе словесной организации предложения как материальной стороны предложения обычно выделяют грамматические формы частей речи. Словесная организация предложения *Он читает книгу* состоит из грамматических форм им. падежа ед. ч. местов-

мения 3 лица (он), глагола настоящего времени 3 лица ед. числа (читает) и вин. падежа ед. ч. имени существительного (книгу). Свойства синтаксических единиц, выделяемых по свойствам морфологических единиц, также имеют абсолютный характер.

Грамматические формы — такие единицы в предложении, которые вступают в отношения со своими собственными свойствами, источником которых является морфологическая, а не синтаксическая система.

Свойство данной единицы быть данной грамматической формой по отношению к синтаксической системе имеет абсолютный характер; свойство грамматической формы *книгу* в выражении *читал книгу* быть винительным падежом не зависит от синтаксической системы, не определяется и не порождается ею.

Следовательно, грамматические формы как единицы в предложении также не обладают реляционными свойствами в синтаксической системе. С этой точки зрения, форма родительного падежа *журналов* в предложениях *Ученики не читают журналов* и *Чтение журналов интересовало учеников* является одной синтаксической единицей, несмотря на то, что построение этих предложений принципиально отличается.

А. Б. Шапиро считает грамматические формы частей речи синтаксическими единицами внутри предложения, а отношения грамматических форм — синтаксическими отношениями. Он писал: «Обычно говорят об отношениях предикативных и не предикативных, об отношениях атрибутивных, объектных, релятивных (обстоятельственных). Конкретизируя и уточняя указанные виды отношения, часто фактически сводят дело к указаниям на типовые лексические значения определяемого и определяющего члена словосочетания, забывая о самих синтаксических отношениях». «Синтаксические отношения между членами словосочетания — это отношения между входящими в его состав знаменательными словами как носителями определенных грамматических значений, выражаемых формальной структурой этих слов (т. е. как частями речи в тех или иных формах)»². Синтаксические отношения — это, следовательно, отношения между грамматическими формами частей речи. Действительные синтаксические отношения выражаются в научных понятиях согласования, управления и примыкания.

Проф. А. Б. Шапиро полагает, что природа синтаксических отношений вообще сводится к отношению между словами как морфологическими единицами. Из этого положения следует, что синтаксические отношения в выражениях *любит отца* и *любовь к отцу* имеют разный характер, так как членами этих отношений являются разные части речи в разных формах, а синтаксические от-

² А. Б. Шапиро. Словосочетание в русском языке. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 197—199.

ношения в выражениях *говорил с удовольствием* и *говорил с братом* имеют одинаковый характер, так как членами этих сочетаний являются одни и те же части речи в тождественных формах.

То, что предложная конструкция *с удовольствием* имеет значение обстоятельства, а предложная конструкция *с братом* — значение сопровождающего объекта, характеризует якобы не синтаксические, а смысловые отношения, которые не могут быть предметом синтаксиса.

Основной характер синтаксических единиц на уровне выражения (знака) заключается в том, что при тождестве выражающего средства они имеют различные смысловые единства, ср. наличие разного смыслового содержания одного творительного падежа в предложениях *Выражал одобрение взглядом* и *Знал Петра мальчиком*.

На уровне выражения морфологические единицы в предложении не находятся во взаимно-однозначных соответствиях с единицами выражаемого: в соответствии с одним тождеством на стороне выражающего мы находим разные тождества на стороне выражаемого.

Сущность отношения единиц на уровне выражения не выводима из отношения частей высказывания, представляющих содержание предложения.

Зная о словосочетании только то, что оно представляет собою сочетание глагола с творительным падежом субстантива, мы ничего другого не можем сказать о нем, кроме того, что оно представляет собою синтаксическую связь управления. Знание того, что управляемая форма является творительным падежом, не обеспечивает знания того, какое содержание выражается этим падежом. Он может выражать разные смысловые отношения, ср. *мыслью понятиями* (средство, ср. «при помощи понятий») *поехал переулком* (место, ср. «по переулку») и *управлял государством* (объект).

4

Если синтаксические единицы внутри простого предложения должны рассматриваться в качестве таких членов синтаксических отношений, которые обладают свойствами, с которыми они вступают в данные отношения, и свойствами, которые они получают в них, то при выделении синтаксических единиц мы не можем ограничиться указанием на то, какую часть высказывания они представляют — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство и определение — или какой грамматической формой они выражены.

Требования современного языкознания заключаются в том, чтобы синтаксические единицы внутри простого предложения рассматривались как такие объекты, которые обладают не только абсолютными, но и реляционными свойствами.

Для того чтобы выделить синтаксические единицы внутри простого предложения как члены отношения, необходимо в качестве основания их выделения принять их реляционные свойства.

Выделяя синтаксические единицы внутри простого предложения по их реляционным свойствам, мы не отрицаем их абсолютных свойств. Чтобы в синтаксической единице могли появиться реляционные свойства, она должна обладать абсолютными свойствами. Реляционные свойства синтаксических единиц представляют собою форму проявления их абсолютных свойств. В реляционных свойствах обнаруживается специфика той роли, которую имеют грамматические формы в единстве с их значением в данном синтаксическом отношении, а не в другом. Реляционные свойства одной грамматической формы с одним значением различны, если она выступает в качестве члена разных синтаксических конструкций.

В предложениях *Он написал письмо пером* и *Письмо написано пером* мы можем выделить единицу *пером*. Свойство этой единицы, заключающееся в том, что она представляет собою грамматическую форму творительного падежа, не определяется характером предложения. Грамматическая форма творительного падежа обладает данным свойством в любых предложениях. Свойство этой единицы, заключающееся в том, что она представляет собою орудие, также не определяется характером предложения, так как она сохраняет свое тождество в двух разных предложениях. Но свойство этой единицы, заключающееся в том, что она в одном предложении зависит от глагола (*написал письмо пером*), а в другом — от причастия страдательного залога (*письмо написано пером*), — определяется характером предложения, его структурой.

Реляционными свойствами синтаксических единиц являются разные виды зависимости между ними в разных отношениях.

Форма вин. падежа имени существительного (*математику*) в предложении *Наш ученик очень хорошо знает математику* относится к глаголу *знает*, а форма род. падежа того же существительного (*математики*) в предложении *Знания математики у нашего ученика очень хороши* относится к имени существительному *знания*. Зависимость данной грамматической формы от той или другой части речи является реляционным свойством этой формы как единицы внутри предложения. Формы вин. падежа (*математику*) и род. падежа (*математики*) в обоих предложениях обозначают объект. Если руководствоваться только этим соображением, то необходимо было бы признать, что формы *математику* и *математики* представляют собою одну синтаксическую единицу внутри простого предложения — дополнение. Но в таком случае было бы утрачено принципиальное различие между моделями первого и второго предложения. Чтобы удерживать различие между структурой этих предложений, мы должны указать на то, что одна грамматическая форма относится к глаголу и образует с ним отношение глагольного словосочетания в одной модели предложения, а дру-

гая форма относится к имени существительному и образует с ним отношение именного словосочетания в другой модели предложения. Если мы хотим достигнуть такого понимания синтаксических единиц внутри простого предложения, при котором удерживалось бы различие между разными моделями разных предложений, мы не должны объединять в одну синтаксическую единицу грамматические формы, зависящие от разных частей речи. В нашем случае мы не должны считать одной синтаксической единицей внутри простого предложения формы *математику* и *математики*, так как первая зависит от глагола и является членом отношения с одной моделью, а вторая зависит от имени существительного и является членом отношения с другой моделью.

Грамматические формы, зависящие от разных частей речи, не могут представлять собою одной синтаксической единицы в предложении.

Не представляют одной синтаксической единицы формы *книгу* и *книги* в выражениях *читаю книгу* и *чтение книги*, так как первая относится к глаголу, а вторая — к имени существительному, а также предложная конструкция в выражениях *чернеет от копоти* и *черный от копоти*, так как в первом случае предложная конструкция относится к глаголу, а во втором — к имени прилагательному. Творительный падеж *аспирантом* в двух разных предложениях *Он был аспирантом* и *Он руководил аспирантом* представляет собою две разные синтаксические единицы внутри простого предложения, так как он является членом двух разных синтаксических моделей.

Для обозначения реляционных свойств синтаксических единиц мы должны найти термин. Вносится предложение обозначать эти свойства с помощью термина «позиция». В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма.

Позиция грамматической формы является приглагольной, если она зависит в предложении от глагола и уточняет глагольное действие или состояние ср.: *Ученик читает букварь; Ребенок лежит в постели* и т. д.

Позиция грамматической формы является присубстантивной, если она зависит в предложении от имени существительного и уточняет значение грамматического предмета, выраженного именем существительным, ср.: *Чтение книги всех заинтересовало; На лугу стоит стог сена; Сочинение нашего ученика получило высокую оценку* и т. д.

Позиция грамматической формы является приадективной, если она зависит в предложении от имени прилагательного и уточняет значение качества, выраженного прилагательным, ср.: *мокрый от дождя; черный от копоти; способный к музыке; жадный до дела* и т. д. В такой же зависимости находятся грамматические формы от

порядковых имен числительных, ср.: *первый от начала, второй от конца* и т. д.

Позиция грамматической формы является принаречной, если она зависит в предложении от наречия и уточняет значение наречия, ср.: *Ученик о ч е н ь хорошо учится; Мальчик с л и ш к о м громко читает* и т. д.

Установление зависимости данной грамматической формы в предложении от той или другой части речи является важнейшей операцией в синтаксическом анализе. Без ее осуществления нельзя выделить такие единицы внутри простого предложения, которые были бы связаны со структурой предложения. Без применения этой операции мы должны были бы считать одной единицей внутри предложения формы *книги* и *книгу* в предложениях «Чтение книги всех заинтересовало» и «Все с интересом читали книгу». Между тем эти предложения совершенно различны по своему строению, их члены — *книги* и *книгу* — обладают разными реляционными свойствами.

Итак, понятие позиции грамматической формы отражает реляционное свойство ее как члена данного, а не другого отношения.

Синтаксические единицы как члены отношений различаются по их реляционным свойствам, т. е. по характеру позиций, которые занимают данные грамматические формы в данных отношениях.

5

Отношения между лингвистическими единицами распадаются на два класса: синтагматические и парадигматические.

Синтагматическими являются отношения между единицами данной последовательности, таковы отношения между морфемами *вод-* и *-а* в слове *вода*, между словами *вода* и *течет* в предложении «вода течет».

Парадигматическими являются отношения между единицами данной последовательности и соответствующими единицами другой последовательности; таковы отношения между формой *вода* в выражении «вода течет» и формой *воду* в выражении «вижу воду».

Отношения единиц образуют целые. Целые бывают двух классов: целые, основанные на синтагматических отношениях; таковы *в-о-д-а* (целое, состоящее из фонологических единиц), *вод-а* (целое, состоящее из морфем), *вода течет* (целое, состоящее из словесных форм). Целые, основанные на парадигматических отношениях, таковы: *вода* — *воды* — *воде* — *водой* и т. п.; *плотники построили дом* и *дом построен плотниками*, *держал дверь за ручку* и *держался за ручку двери* и т. п.

Каждая лингвистическая единица, являясь единицей в синтагматическом целом, не перестает быть единицей в парадигматическом целом. Являясь единицей парадигматического целого, не перестает быть единицей синтагматического целого,

Каждая лингвистическая единица выступает в синтагматическом целом как парадигматическая единица и как синтагматическая единица. Синтагматическое целое может рассматриваться с точки зрения единиц как частей данного синтагматического целого и как единиц парадигматического целого. Синтаксические единицы являются членами не только синтагматических, но и парадигматических отношений.

Отношения между формами *вечером* и *днем* в выражениях *писал вечером* и *писал днем* принципиально отличаются от отношения между формами *читал* и *вечером* или *читал* и *днем*.

Если мы хотим определить природу формы *ночью* как синтаксической единицы в предложении «Иван писал ночью», то мы должны учитывать не только ее связь с глаголом в данном предложении, но и ее связь с соответствующими формами в других предложениях, т. е. связь с формами *днем*, *пером*, *ночами*, *по ночам* и т. п. в выражениях *написал днем*, *писал пером*, *писал по ночам* и т. п.

Природа синтаксической единицы должна определяться не только на основе тех синтаксических отношений, в которые она вступает в синтагматическом целом, но и на основе тех синтаксических отношений, в которые она вступает в парадигматическом целом. Это значит, что тождество данной синтаксической единицы и ее отличие от других синтаксических единиц должно определяться не только на основе синтагматических, но и парадигматических отношений. Для конкретизации понятия позиции мы ограничимся рассмотрением глагольных сочетаний.

Построим несколько двухместных синтагматических целых так, чтобы одно место занималось одной грамматической формой одного имени существительного, например, *днем*, а другое место — одной грамматической формой разных глаголов, например, *писал*, *читал*, *смотрел*, *слушал* и т. д.

писал	днем	смотрел	днем
читал	днем	слушал	днем

Члены этих синтагматических целых находятся в отношениях синтагматических и парадигматических. Отношения между формами *писал* и *днем*, *читал* и *днем*, *смотрел* и *днем*, *слушал* и *днем* являются синтагматическими. Отношения между формами *писал*, *читал*, *смотрел*, *слушал* при форме *днем*, а также отношения между употреблением формы *днем* при глаголах *читал*, *писал*, *смотрел*, *слушал* являются парадигматическими.

Если признать тождественными отношения между членами двухместных синтагматических отношений

	а	б
№ 1	читал	и днем
№ 2	писал	и днем
№ 3	смотрел	и днем
№ 4	слушал	и днем.

то мы должны признать парадигматическое тождество соответствующих мест или позиций в двухместных синтагматических отношениях № 1, 2, 3, 4.

Первое парадигматическое место, или позиция *а*, занимается одной формой разных слов, т. е. разными словесными формами, тождественными в качестве морфологических единиц и различными в качестве отдельных слов. Образуется парадигматический ряд тождественных позиций: *читал* — *писал* — *смотрел* — *слушал*; второе парадигматическое место или позиция *б* занимается одной формой одного слова, т. е. одной словесной формой. Образуется парадигматический ряд тождественных позиций: *днем (читал)* — *днем (смотрел)* — *днем (слушал)*. Из этого следует, что одна форма одного имени существительного *днем* в четырех предложениях является одной синтаксической единицей, и одна форма разных глаголов *читал*, *писал*, *смотрел*, *слушал* также является одной синтаксической единицей; тождество соответствующих синтаксических единиц определяется не тождеством грамматической формы, хотя она и тождественна, а тождеством позиции в соответствующих отношениях.

Построим несколько двухместных синтагматических целых так, чтобы одно место занималось одной грамматической формой одного имени существительного, например, *брат*, а другое место — разными грамматическими формами одного глагола, например, *пишет*, *писал* бы:

брат	пишет	
брат	писал	
брат	писал	бы

Члены этих синтагматических целых находятся в отношениях синтагматических и парадигматических:

Синтагматические: *брат* и *пишет*, *брат* и *писал*, *брат* и *писал* бы.

Парадигматические: а) *брат* (пишет) — *брат* (писал) — *брат* (писал бы); б) *пишет* (брат) — *писал* (брат) — *писал* бы (брат).

Если признать тождественными отношения между членами двухместных синтагматических отношений

	а		б
№ 1	брат	и	пишет
№ 2	брат	и	писал
№ 3	брат	и	писал бы,

то мы должны признать парадигматическое тождество соответствующих мест, или позиций, в двухместных синтагматических отношениях № 1, 2, 3.

Первое парадигматическое место, или позиция *а*, занимается одной грамматической формой одного имени существительного; образуется парадигматический ряд тождественных позиций: *брат* (пишет) — *брат* (писал) — *брат* (писал бы).

Второе место, или позиция б, занимает разными грамматическими формами одного глагола, т. е. разными словесными формами, различными в качестве морфологических единиц и тождественными в качестве одного слова. Образуется парадигматический ряд тождественных позиций: *пишет* (брат) — *писал* (брат) — *писал бы* (брат).

Из этого следует, что разные формы одного глагола (пишет, писал, писал бы) в трех указанных предложениях занимают одну позицию и являются одной синтаксической единицей. Тождество этой синтаксической единицы определяется тождеством позиции в соответствующих отношениях, а не тождеством грамматической формы.

Построим множество двухместных синтагматических целых так, чтобы одно место занималось одной формой одного глагола, а другое — разными формами, тождественными в качестве грамматических форм и различными в качестве отдельных классов слов, например:

записал днем	записал пером	записал чернилами
записал вечером	записал карандашом	записал красками
записал утром	записал ручкой	записал молоком
записал летом	записал кистью	записал тушью

В этих примерах мы видим три парадигматических ряда тождественных позиций, которые занимаются разными словесными формами твор. падежа:

- а. днем — вечером — утром — летом (записал);
- б. пером — карандашом — ручкой — кистью (записал);
- в. чернилами — красками — молоком — тушью (записал).

Основанием тождества членов, занимающих три парадигматических ряда позиций, является тождество их в качестве грамматических форм.

Основанием различия членов, занимающих позиции в первом парадигматическом ряду, от соответствующих членов, занимающих позиции во втором и третьем парадигматических рядах, является принадлежность отдельных слов, принявших форму твор. падежа, к трем разным классам.

Грамматическая форма твор. падежа, представленная именами существительными трех классов, находится в соответствии с тремя парадигматическими рядами тождественных позиций. Ввиду этого грамматическая форма твор. падежа не может быть одной синтаксической единицей внутри предложения.

Словесные формы твор. падежа *днем*, *пером*, *чернилами* в предложениях «писал днем», «писал пером», «писал чернилами» принадлежат к трем разным классам имен существительных и занимают позиции в трех разных парадигматических рядах отношений.

В пределах одного парадигматического ряда тождественных позиций представлены имена существительные одного класса:

днем — вечером — утром — зимой и т. п. Словесные формы твор. падежа *днем* и *вечером* в предложениях «писал *днем*» и «писал *вечером*» представляют собою одну элементарную синтаксическую единицу, так как они являются членами одного ряда парадигматических отношений.

Тождество данной синтаксической единицы определяется тождеством не грамматической формы, а позиции, которую занимают соответствующие словесные формы в соответствующих отношениях.

Словесные формы *пером, карандашом, ручкой, кистью* в соответствующих предложениях представляют другую синтаксическую единицу, так как они являются членом другого ряда парадигматических отношений. Тождество данной синтаксической единицы и ее отличие от предшествующей определяется тождеством и своеобразием позиции, которую занимают соответствующие словесные формы в соответствующих отношениях. Словесные формы *чернилами, красками, тушью* в соответствующих предложениях представляют третью синтаксическую единицу, так как они являются членами третьего ряда парадигматических отношений. Тождество данной синтаксической единицы и ее отличие от предшествующих двух определяется тождеством и своеобразием позиции, которую занимают соответствующие словесные формы в соответствующих отношениях.

Представители традиционного языкознания скажут, что выделенные синтаксические единицы совпадают с традиционными членами предложения. Это, однако, в корне неверно. Они совпадают с ними по содержанию, по характеру сообщаемого, но не в качестве членов отношений. Для традиционного языкознания форма *чернилами* представляет собою один член предложения в выражениях «записал *чернилами*» и «запись или записывание *чернилами*». Оно выделяет члены предложения по тому, что они обозначают. Для современного языкознания форма *чернилами* в указанных выражениях представляет собою две разные синтаксические единицы. Оно выделяет синтаксические единицы внутри простого предложения не по тому, что они обозначают, хотя то, что они обозначают, входит в их характеристику, а по тому, членом какого отношения они являются.

Формы творительного падежа *днем* и *чернилами* представляют собою разные синтаксические единицы и для традиционного и для современного языкознания, но на разном основании.

Для традиционного языкознания эти формы являются разными членами предложения потому, что одна из них обозначает время, а другая — материал. Для современного языкознания эти формы являются разными синтаксическими единицами внутри простого предложения потому, что они входят в качестве членов в разные парадигматические ряды. В традиционном языкознании они различаются по их абсолютным признакам, по тому, что они обозначают. В современном языкознании они отличаются по реляцион-

ным свойствам, по тому, членами каких отношений они выступают.

Построим множество двухместных синтагматических целых так, чтобы одно место занималось одной словесной формой глагола *работает*, а другое — разными предложными конструкциями, тождественными по морфологическому составу и различными по характеру классов слов, например:

I

работает по утрам
работает по вечерам
работает по ночам
работает по воскресеньям

II

работает по убеждению
работает по соглашению
работает по традиции
работает по приказу

В этих примерах мы видим два парадигматических ряда тождественных позиций, которые занимают предложные конструкции:

а) по утрам — по вечерам — по ночам — по воскресеньям (работает).

б) по убеждению — по соглашению — по традиции — по приказу (работает).

Основание тождества членов, занимающих два парадигматических ряда позиций, заключается в тождестве их по морфологическому составу.

Основанием различия членов, занимающих тождественные позиции или одну позицию в одном парадигматическом ряду, от соответствующих членов, занимающих другие тождественные позиции или другую позицию во втором парадигматическом ряду, является принадлежность имен существительных, входящих в данную конструкцию, к двум разным классам.

Предложная конструкция «по + дат. п.», представленная именами существительными двух классов, находится в соответствии с двумя парадигматическими рядами тождественных позиций. Ввиду этого одна предложная конструкция «по + дат. п.» не может быть одной синтаксической единицей.

Предложные конструкции *по ночам* и *по убеждению* в предложениях «работал по ночам» и «работал по убеждению» представляют собою разные синтаксические единицы, так как они являются членами двух рядов парадигматических отношений и, следовательно, занимают позиции в разных парадигматических рядах. Ввиду этого они представляют собою два разных тождества. Различие этих синтаксических единиц определяется различием их позиций в синтаксических отношениях.

Предложные конструкции *по ночам* и *по утрам* в предложениях «работал по ночам» и «работал по утрам» представляют одну синтаксическую единицу, так как они являются членами одного ряда парадигматических отношений и, следовательно, занимают

позиции в одном парадигматическом ряду. Ввиду этого они представляют собою одно тождество.

Построим множество двухместных синтагматических целых так, чтобы одно место занималось одной формой одного глагола, например, *работает*, а другое место — разными грамматическими средствами, тождественными по отнесенности их лексического состава к одному классу слов и различными по морфологическому составу, например:

работает ночами	работает вечерами
работает по ночам	работает по вечерам

В этих примерах мы видим один парадигматический ряд двухместных отношений, в котором одну позицию занимает одна форма глагола *работает*, а другую — форма творительного падежа *ночами*, *вечерами* или предложное сочетание *по ночам*, *по вечерам*. Форма твор. падежа и предложная конструкция представляют собою одно синтаксическое тождество, определяемое тождеством позиции в том ряду отношений, которую они занимают. Они являются одним членом одного отношения; предложения «работает ночами» и «работает по ночам» представляют собою не два разных отношения, а одно отношение. В этом отношении представлено два члена: одним является форма *работает*, другим — *ночами* или *по ночам*, *вечерами* или *по вечерам*.

Тождество этого члена выражается в тождестве части речи, к которой он относится (глагол *работает*), в принадлежности имен существительных, представленных в творительном падеже и в предложной конструкции, к одному классу и в тождестве сообщаемого; если бы форма твор. падежа или предложная конструкция относилась к имени существительному *работа* (ср. *работа ночами*, *работа по ночам* и т. д.), они представляли бы другую синтаксическую единицу, так как были членом другого отношения. Эта одна синтаксическая единица имеет не одинаковое материальное представительство или выражение: в одном случае она представлена формой твор. падежа, в другом — предложной конструкцией; но это материальное различие не нарушает тождества данной синтаксической единицы, так как оно не служит дифференциальным признаком разных единиц в выражаемой, или идеальной, стороне предложения.

6

Итак, синтаксические единицы внутри предложения выделяются не по тому, что они обозначают, не по тому, чем выражается обозначаемое, а по тому, членом какого отношения они выступают. Реляционным свойством синтаксической единицы внутри предложения является его свойство быть данным членом данного отношения, т. е. занимать данную позицию в данном отношении. Одна грамматическая форма, с одним значением может представлять

две синтаксические единицы, если она выступает членом двух разных отношений, ср. «работает ночами» и «работа ночами». Разные грамматические средства с одним значением представляют одну синтаксическую единицу, если они в двух разных выражениях являются членами одного отношения, ср. «работает ночами» и «работает по ночам».

Для представителей традиционного языкознания утверждение, что *ночами* и *по ночам* в указанных выражениях представляет одну синтаксическую единицу внутри предложения, равнозначно утверждению, что она представляет собою один член предложения — обстоятельство. Им кажется, что определение синтаксических единиц по их реляционным свойствам ничем не отличается от обычного определения члена предложения по его значению. По мнению А. Б. Шапиро, например, все равно, как формулировать мысль относительно словосочетаний типа «уехал вчера», «уехал далеко» и т. п. — скажем ли, что здесь временные, пространственные и т. п. отношения, или что *вчера*, *далеко* выполняют временные или пространственные функции, или что словесные формы *вчера*, *далеко* и т. п. занимают позицию времени, места и т. п.³

Чуждые современным исканиям, связанным с понятиями абсолютного и реляционного, они истолковывают современное понятие позиции, выражающее реляционное свойство синтаксической единицы, в качестве обычного значения традиционного члена предложения. В действительности же между понятием позиции словесной формы в предложении и понятием члена предложения существует принципиальное различие. Понятие позиции отражает реляционные свойства синтаксических единиц, которые существуют только в данном отношении и которые вне его не существуют. Понятие члена предложения отражает единицу выражаемой стороны предложения, которая обладает свойствами, независимыми от отношений.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (1959 г.)

1

Определяя предложение как единицу, которая, с одной стороны, представляет высказывание, а с другой — средства его выражения, мы ничего не вносим в понятие лингвистической единицы, кроме указания на то, что она является двусторонней¹. Этого,

³ А. Б. Шапиро. [Рец.] Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. — ВЯ, 1959, № 6, стр. 137.

¹ Принимается предпосылка, согласно которой всякое лингвистическое явление, в том числе и синтаксическое, представляет собой двусторонний объект, в котором одна сторона есть материальное воплощение явления —

однако, вполне достаточно, чтобы поставить задачу установления различия предложений.

Два предложения, извлеченные из речевой последовательности, являются одним предложением языка, если не имеют отличия ни с внешней, ни с внутренней стороны, т. е. если при наложении друг на друга совпадают, ср.: *Иван пишет* и *Иван пишет*. Это два предложения в речи и одно — в языке.

Два предложения, извлеченные из речевой последовательности, являются разными предложениями языка, если они имеют отличия во внешней или внутренней стороне, т. е. если при наложении друг на друга не совпадают, ср.: *Иван пишет* и *Иван уже пишет*. Это два разных предложения речи и языка. Предложение *Иван молодой* отличается от предложения *Иван еще молодой* отсутствием частицы *еще*. Возникает вопрос: представляют ли эти два разных предложения речи два разных предложения языка или одно предложение языка?

Если мы будем исходить из характера высказывания со всеми его смысловыми и экспрессивными оттенками, то наличие в одном предложении речи частицы *еще* делает его другим высказыванием и, следовательно, другим предложением языка: *Иван молодой* и *Иван еще молодой* — разные высказывания, и если предложения различаются по характеру высказывания, то в этих двух выражениях мы должны признать два предложения языка. Сравним предложение *Иван подарил книгу брату вечером* с предложением *Иван подарил книгу брату*. Отсутствие формы *вечером* в одном из двух предложений делает их разными высказываниями и, следовательно, двумя разными предложениями языка. Если замена одного слова другим в данном предложении делает его другим высказыванием, то такие два предложения речи являются двумя разными предложениями языка, например: *Иван писал* и *Петр писал*.

Два предложения речи могут отличаться по составу словесных форм и сохранять полное тождество по характеру высказывания, например: *Бригада добилась успехов с помощью соревнования* и *Бригада добилась успехов посредством соревнования*. Если предложения различаются только по составу форм, то эти два выражения мы должны признать разными предложениями. С этой точки зрения разными предложениями должны быть признаны: *Иван побледнел от страха* и *Иван побледнел со страха*; *Иван поступил сообразно со своими взглядами* и *Иван поступил в соответствии со своими взглядами* и т. п.

будем ее называть внешней, — а другая — его назначение — будем ее называть внутренней. Синтаксический объект — двустороннее единство. В качестве отправного пункта анализа принимается простое предложение. Признается различие языка и речи не как разных явлений, а как сущности и явления. Критический анализ основных направлений в области синтаксиса см.: Т. П. Л о м т е в. «Филологические науки», 1958, № 4.

Итак, два предложения речи, различных по характеру высказывания или по характеру словесных форм, есть два предложения языка; два выражения, тождественных по характеру высказывания и по характеру словесных форм, представляют одно предложение языка. Предложения языка являются единицами языка и могут быть объединены в классы. Обе стороны предложения могут быть использованы в качестве основания для классификации предложений. Классификация их по тому, чем выражается сказуемое, образует классы предложений по характеру внешней стороны одного из членов предложения — сказуемого; таковы классы глагольных, субстантивных, адъективных, наречных, инфинитивных предложений. Классификация их по смысловым свойствам образует классы предложений по характеру их внутренней стороны; таковы классы объектных и безобъектных предложений и т. п.

Классификация предложений по характеру выражения одного из его членов представляет особый отдел синтаксиса — систематику предложений. В синтаксической литературе этот раздел синтаксиса разработан хорошо.

Предложения языка, будучи различными, обладают в то же время и свойством тождества. Разные предложения могут входить в разные ряды предложений.

Одно данное предложение может входить в один ряд тождественных предложений, ср.: *Иван любил Павла; Сидор ненавидел Петра; Максим презирает Федора* и т. п. Другое данное предложение может входить в другой ряд тождественных предложений, ср.: *Иван подарил Петру портфель; Сидор преподнес Павлу подарок* и т. п. Различия предложений, входящих в один тождественный ряд, связаны с внешней и внутренней сторонами предложения. В предложении *Иван любит Павла* сообщается, что Иван любит Павла, а не Сидора или Петра, что он любит, а не презирает, и т. п. В этом заключается различие между указанными предложениями с внутренней стороны. В предложениях *Брат любит сестру* и *Иван любит Павла* морфологический состав слов, кроме глагола *любит*, имеет разный характер. В этом заключается различие между указанными предложениями с внешней стороны. Итак, разные предложения языка по характеру внешней и внутренней сторон могут быть только различными. Если мы находим, что ряд предложений *Иван любит Павла; Сидор ненавидит Петра; Максим презирает Федора; Брат любит сестру* представляет одно тождество, то оно должно заключаться не во внешней и внутренней сторонах предложения, так как по этим сторонам разные предложения только различаются, а в чем-то третьем. Если разные предложения могут быть только различными по характеру двух сторон — внешней и внутренней, — то, чтобы они могли быть тождественными, необходимо, чтобы в каждом отдельном предложении данного ряда была третья сторона, которая могла быть основой тождества интересующих нас предложений.

Разрешение задачи тождества разных предложений данного ряда достигается при помощи различения в каждом предложении его переменных и постоянных элементов. Постоянный элемент предложения представляет собой форму слова, взятую с отвлечением от индивидуальности и конкретности лексического значения и морфологического строения. Постоянными элементами являются грамматические формы — единицы внутрипарадигматических противопоставлений, и валентные свойства слов в данной форме, т. е. в данных единицах внутриграмматических противопоставлений. Переменными элементами являются индивидуальные значения данной грамматической формы и ее индивидуальный морфологический состав. Предложения *Иван интересовался книгой* и *Петр любовался луной* тождественны по составу постоянных элементов предложения и по характеру их отношений и различны по индивидуальным свойствам слов, т. е. по составу морфем слов и значений слов.

Формы слова устанавливаются с помощью внутрипарадигматического противопоставления. Валентные свойства слова определяются по способности данной формы данного слова сочетаться со всеми другими формами. Разные слова обладают разными валентными свойствами; по различию валентных свойств слова распадаются на классы, представителями которых выступают те или другие единицы внутрипарадигматических отношений: в предложениях *Иван писал пером* и *Иван писал вечером*² форма творительного падежа является носителем двух разных классов имен. Форма падежа входит в предложение в качестве постоянного элемента как морфологическая единица, квалифицированная относительно класса слов; в выражениях *Иван писал вечером* и *Иван писал днем* все постоянные элементы тождественны; различны только переменные элементы, представленные формой творительного падежа.

В морфологической единице содержатся элементы трех уровней: элемент, отражающий свойства части речи; элемент, отражающий свойства классов слов внутри части речи; элемент индивидуальный. Первое — понятие морфологической единицы как единицы внутрипарадигматического противопоставления; второе — понятие морфологической единицы как представителя класса слов внутри данной части речи; третье — понятие морфологической единицы как представителя одного отдельного слова. Единицы внутрипарадигматических отношений и классы этих единиц являются постоянными элементами, индивидуальные свойства тех же единиц являются переменными элементами предложения.

Глаголы делятся на классы в зависимости от того, с какими предложно-падежными средствами они сочетаются. Набор предложно-падежных средств является набором дифференциальных

² Форма *вечером* рассматривается как форма падежа, а не как форма наречия.

признаков, которыми отличается один класс глаголов от других. В синтаксических работах мы обычно находим выделения классов глаголов по семантическим признакам; различают глаголы говорения, глаголы чувства, в частности глаголы горестного чувства, и др. Тот, кто выделяет таким путем классы внутри глагола, вынужден руководствоваться своим пониманием значения данного глагола. Возникает задача поисков таких признаков для классификации глагольных форм, которые допускали бы однозначное истолкование любым субъектом, воспринимающим речь.

Классы глагольных форм можно характеризовать по их валентным свойствам, т. е. по возможностям их сочетания с другими формами. Причем необходимо отделить такие связи глаголов и зависимых форм, которые свойственны всем глаголам, от таких связей, которые характеризуют только отдельные группы глаголов; наличие связей первого рода не вычленяет классы глагольных форм, тогда как наличие связей второго рода может служить дифференциальным признаком отдельных классов глагольных форм.

Грамматические формы с временным значением сочетаются с любыми глаголами, ср. *Спал днем, Ночью любовался луной, Купил книгу вечером* и т. п. Эти формы не могут быть использованы в качестве дифференциальных признаков того или другого класса глагольных форм.

Грамматические формы с другими значениями сочетаются с отдельными классами глагольных форм; ср. возможность сочетаний *шел туда* и *шел оттуда* и невозможность сочетаний форм *туда* и *оттуда* с глаголами *спал, читал, лежал* и т. п. Такие грамматические формы могут быть использованы в качестве дифференциальных признаков отдельных классов глагольных форм³.

Таблица дифференциальных признаков глаголов

S ₄	+	+	+	+
S ₃	+	—	—	+
S ₅	+	—	+	—
S ₆	+	—	—	—
	<i>пишет</i>	<i>любит, учит</i>	<i>держит</i>	<i>учит</i>

Глагол *пишет* обладает всеми четырьмя признаками. Глагол *любит* только одним из них, именно S₄, все другие признаки исключаются. Глагол *держит* имеет два дифференциальных признака S₄ и S₅, другие признаки также исключаются. Глагол *учит*

³ Для обозначения постоянных элементов предложения введем следующие знаки: S — имя существительное, V — глагол, S₁ — имен. пад., S₂ — род. пад., S₃ — дат. пад., S₄ — вин. пад., S₅ — твор. пад., S₆ — предл. пад. Следует обратить внимание на то, что применение знаков в изложении не означает применения математических методов в науке о языке.

имеет два валентных свойства. Одно совпадает с валентными свойствами глагола *любит*, ср.: «Иван любит науки», «Иван учит уроки». Другое имеет свои особые дифференциальные признаки S_4 и S_3 .

Если соединим дифференциальные признаки глаголов в той совокупности, в какой они характеризуют классы глагольных форм, то получим объективные основания для вычленения классов глагольных форм, например:

1. Класс $S_1 V S_4 S_3 S_6 S_6$: *питает, читает, сообщает*.

2. Класс $S_1 V S_4$: *любит, обожает, ненавидит, презирует, учит*.

3. Класс $S_1 V S_4 S_5$: *держит, пугает, питает, насыщает, опоясывает, напоминает, мучит, пьет, укрепляет* и др.

4. Класс $S_1 V S_4 S_3$: *учит, уподобляет, дарит, купит* и т. п. ⁴

Постоянными элементами предложения являются формы, занимающие неполнозначные позиции: предлоги, союзы, связки, частицы и др.; в выражениях «Петр думал о сестре» и «Иван мечтал о счастье» предлог является постоянным элементом предложения; в выражениях *побелел со страха* и *побелел от страха* предлоги *с* и *от* являются постоянными элементами предложения; в выражениях *Иван был писателем* и *Иван будет писателем* связки *был* и *будет* являются постоянными элементами предложения. ⁵

Отличие разных предложений языка, принадлежащих одному тождественному ряду, выражается в переменных элементах предложения. Тождество тех же предложений — в постоянных элементах предложения ⁶.

2

Предложение со стороны своего содержания есть высказывание, содержащее постоянные и переменные элементы.

Единство постоянных и переменных элементов предложения и представляет собой конкретное предложение языка. Закономерная связь постоянных элементов предложения — это его модель. Таким образом, модель предложения есть то, в чем заключается его тождество с рядом других предложений. Предложение со стороны своей модели есть высказывание, содержащее только постоянные элементы. Модель предложения — это целое, состоя-

⁴ Эти классы глаголов приводятся в качестве примера. Глаголы *держал* и *назвал* имеют одинаковые дифференциальные признаки $S_1 V S_4 S_5$, но предложения с этими глаголами имеют различный характер, ср.: «Иван держал стакан рукой» и «Иван назвал Петра молодым». Это ставит вопрос о необходимости уточнения дифференциальных признаков глаголов.

⁵ Постоянные элементы, занимающие неполнозначные позиции, передаются натурально; постоянные элементы, занимающие полнозначные позиции, передаются с помощью символов. Предложение «Иван пишет письмо» с помощью символов для постоянных элементов записывается так: $S_1 V S_4$. а предложение «Иван был писателем» — S_1 был S_1 .

щее из постоянных элементов, объединенных закономерной связью. Предложение же есть целое, состоящее из постоянных элементов, являющихся носителями переменных элементов. Модель предложения есть остаток после вычета из предложения его переменных или индивидуальных элементов как со стороны звучания, так и со стороны конкретности значения. Разные предложения могут быть различными по характеру переменных элементов и тождественными по характеру постоянных элементов. Такие предложения, имеющие одну модель, образуют упорядоченный ряд. Один ряд образуют предложения *держал за ручку, ухватил за ветку, прицепил за петлю* и т. п.; другой ряд образуют предложения *любовался луной, интересовался искусством, занимался спортом* и т. п. Все предложения языка распадаются на упорядоченные ряды; в каждом ряду предложение содержит различные переменные элементы и тождественные постоянные элементы.

Различение одной модели предложений от другой достигается анализом состава постоянных элементов предложения языка. Разные предложения языка имеют одну модель, если при наложении друг на друга их постоянные элементы совпадают, ср.: *Иван подарил Петру портфель* и *Сидор дал Федору книгу*. Они имеют разные модели, если при наложении друг на друга их постоянные элементы не совпадают, ср.: *Иван подарил портфель Петру в день его рождения* и *Иван подарил портфель Петру*.

В модели с постоянными элементами $S_1 V S_4 S_5$ (ср.: *Иван держал камень руками*) одна глагольная морфологическая единица может быть представлена множеством переменных (ср.: *Иван укрепляет сами веревкой, Иван пьет воду стаканом, Иван наполняет карман камнями* и т. п.). Если мы возьмем модель $S_1 V S_4 S_5$ и морфологические единицы S_4 и S_5 квалифицируем относительно класса, то обнаружатся две возможности: *подарить что, кому и учить кого, чему*. Вин. пад. и дат. пад., т. е. S_4 и S_5 , являются здесь представителями двух разных классов. Обозначим это особыми знаками: S_{04} и S_{05} — вин. и дат. пад. класса существительных, обозначающих одушевленные предметы, S_4 и S_5 — вин. и дат. пад. класса существительных, обозначающих неодушевленные предметы. Тогда мы получим две модели: $S_1 V S_{04} S_5$ и $S_1 V S_4 S_{05}$. Вторая модель может быть представлена в выражении *Иван подарил Петру книгу*, ср.: *Иван купил Петру карандаш, Иван поручил Петру портфель, Иван внушает Петру правила поведения* и т. п.

Эти примеры показывают, что существуют модели предложения и существуют единицы или члены этих моделей. Изучение единиц моделей предложения образует собой первый отдел в учении о моделях предложения⁶. Модели предложений не представляют собой голых схем: они содержательны. Но их содержание

⁶ Задачам и проблемам этого раздела науки синтаксиса посвящена работа: Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.

имеет обобщенный характер. Модели предложения свойственна модальность; так, формы одного глагола повелительного и изъявительного наклонений являются разными постоянными элементами предложений; модели предложений, содержащие разные по характеру наклонения формы глагола, обладают разными модальными свойствами, ср.: $S_1 V_{изъяв.}$ S_4 (*Иван читал книгу*) и $S_1 V_{пов.}$ S_4 (*Иван, читай книгу*).

Модели предложения свойственна предикативность, ср. модели глагольного предложения $S_1 V$ (*Иван писал*) и модель именного предложения S_1 был S_1 (*Иван был писатель*).

Модели разных глагольных предложений также имеют разный содержательный характер. Модели типа $S_1 V S_4 S_3$ (*Некто завещал нечто некоему*) имеют иное содержание по сравнению с моделями типа $S_1 V S_4$ на S_4 (*Иван удлинил пальто на сантиметр*). Разные предложения, обладающие моделью типа $S_1 V S_4 S_3$ (*Некто завещал нечто некоему*) имеют общее содержание, отличное от содержания предложений, обладающих моделью типа $S_1 V S_4$ на S_4 .

Разные модели предложений могут быть тождественны и различны (нетождественны). Одна данная модель предложений может входить в ряд тождественных моделей, ср.: *Некий подарил некоему нечто*, *Некий подарил нечто*, *Некий подарил некоему* и т. п. Другая модель предложений может входить в другой ряд тождественных моделей, ср.: *Некий презирал нечто*, *Некий любил нечто*. Это значит, что один ряд моделей предложений может представлять собой одно тождество, другой — другое тождество. Каждая отдельная модель предложений отлична от других моделей того же ряда и тождественна с ними. Разрешение задачи установления тождества и различия, или нетождества, моделей предложения достигается с помощью разделения всех постоянных элементов одного предложения на необходимые и не необходимые.

Все постоянные элементы модели предложения имеют коммуникативное назначение. Необходимость одних определяется исключительно коммуникативными потребностями; необходимость других — потребностями постоянных элементов модели. Первые являются свободными, вторые — необходимыми⁷. Разные модели предложений тождественны, если обладают свойством тождества их все необходимые элементы, ср.: *Некий ненавидел некоего*, *Некий любил некоего*.

Они сохраняют свое тождество, если свободные элементы различны: *Некий любил некоего в прошлом году* и *Некий ненавидел некоего вчера*.

⁷ Понятия о необходимых и второстепенных элементах при глаголах соответствуют понятиям сильного и слабого управлений. Требования необходимых связей у глаголов бывают двух видов: необходимая связь может не зависеть от наличия или отсутствия приставки, ср.: *Подарил что кому*; необходимая связь может зависеть от приставки, ср.: *Завинтить что чем* и *Ввинтить что во что*, *Доплыть до*, *Переплыть что или через что* и т. п.

Две разные модели, различающиеся по наличию или отсутствию свободных элементов, например в выражениях *Иван спал* и *Иван спал днем*, являются вариантами одной модели.

Модели предложений, тождественные по необходимым и различные по свободным элементам, также являются вариантами одной модели, ср.: *Некий видел нечто вчера* и *Некий видел нечто в прошлом году*.

Модель предложения может содержать полный набор необходимых элементов, ср.: *Некий подарил некоему нечто*. Она может содержать неполный набор необходимых элементов, ср.: *Некий подарил нечто* или *Некий подарил некоему*. Разные модели предложений, тождественные по полному набору необходимых элементов и различные по наличному составу этих элементов, также находятся в отношении вариантности. Модели *Некий подарил некоему* и *Некий подарил нечто* являются вариантами модели *Некий подарил некоему нечто*. Если из модели $S_1 \vee S_4 S_3$, ср. *Иван подарил книгу брату*, мы исключим $S_{3,1}$, т. е. дательный падеж, то это исключение не приведет к образованию особой, самостоятельной модели: получим только вариант основной модели, т. е. различия в одном тождестве. В предложении *Отец купил портфель* модель — $S_1 \vee S_4$, а в предложении *Отец купил портфель сыну* модель — $S_1 \vee S_4 S_3$. Но эти две модели в действительности представляют собой одну модель в двух вариантах, это $S_1 \vee S_4 S_3$ и $S_1 \vee S_4$. Вторая модель является неразвернутым вариантом первой.

Модель предложения с полным набором необходимых элементов является инвариантом, а все ее разновидности — его вариантами. Отношение инварианта к своим вариантам есть вариантное отношение. Модели предложений, находящиеся в указанных отношениях, будем называть вариантными. Изучение вариантных отношений и вариантов моделей образует особый отдел синтаксиса.

Разные модели предложений, нетождественные по полному набору необходимых элементов, находятся в отношениях инвариантности. Они независимы и самостоятельны. Модели *Некий любил нечто* и *Некий подарил некоему нечто* есть особые, независимые инварианты.

Тождество наличного состава необходимых постоянных элементов может представлять собой независимые модели, т. е. инварианты. *Некий любил нечто* и *Некий подарил нечто* — это не одна модель разных предложений, а самостоятельные, независимые модели, т. е. инварианты: *Некий подарил нечто* является вариантом *Некий подарил некоему нечто*, а *Некий любил нечто* есть особая независимая модель, т. е. инвариант.

На первый взгляд кажется, что два предложения: *Отец купил портфель* и *Отец пил воду* — построены по одной модели — $S_1 \vee S_4$. В действительности, это не так: модель предложения *Отец купил портфель* — $S_1 \vee S_4$ — является неразвернутым ва-

риантом модели $S_1 \vee S_4 S_3$; модель предложения *Отец пил воду* — $S_1 \vee S_4$ — является неразвернутым вариантом модели $S_1 \vee S_4 S_5$, ср.: *Отец пил воду стаканом*. Модель $S_1 \vee S_4$ в указанных двух предложениях не является одной моделью. Модель $S_1 \vee S_4$ является в одном предложении неразвернутым вариантом одной модели, например $S_1 \vee S_4 S_5$, а в другом предложении — неразвернутым вариантом другой модели, например $S_1 \vee S_4 S_3$. Если же взять предложение «Отец любил дочь», то моделью в нем будет $S_1 \vee S_4$. Но эта модель в данном предложении является не вариантом какой-либо другой модели, а самостоятельной независимой моделью, т. е. инвариантом. В предложении *Отец пьет* модель $S_1 \vee$. Та же модель в предложении *Отец спит*. Но модель $S_1 \vee$ в предложении *Отец пьет* является неразвернутым вариантом модели $S_1 \vee S_4 S_5$ (ср. *Отец пьет воду стаканом*), а в предложении *Отец спит* она является самостоятельной, независимой моделью, т. е. инвариантом. В предложении *Отец пьет стаканом* модель $S_1 \vee S_5$. Возникает вопрос, является эта модель неразвернутым вариантом модели $S_1 \vee S_4 S_5$ или она — неполный вариант той же модели? Признавая такое предложение неполным, мы можем выделить понятие неполного варианта основной модели предложения.

Основной вид модели предложения, или инвариант, определяется по совокупности тех необходимых ее элементов, которые отвечают на требования других ее элементов. Но в модель предложения могут вводиться элементы, которые функционируют в нем сами по себе. В предложение *Отец купил сыну книгу* можно вставить форму *вечером*, получим: *Отец купил сыну книгу вечером*. Если такие элементы считать распространением модели предложения, то мы получим понятие распространенного варианта модели предложения. Одна основная модель предложения, или инвариант, может иметь варианты: неразвернутый, неполный и распространенный.

Таким образом, инвариант представляет собой такую модель предложения, которая обладает свойством тождества и различия по отношению к своим вариантам и свойством различия по отношению к другим инвариантам.

Два предложения с различными постоянными и тождественными переменными элементами могут вступать в парную коррелятивную связь, если с различием постоянных элементов связано смысловое противопоставление по одному основанию.

Таковы отношения действительности (активности) и страдательности (пассивности), ср.: *Плотники построили дом* и *Дом построен плотниками*, отношение объектности и безобъектности действия, ср.: *Иван держал дверь* и *Иван держался за дверь*, отношение субъектности и бессубъектности действия ср.: *На горе горит дом* и *На горе горит*, отношение бытия предмета и долженствования предмета, ср.: *Был бычок на веревочке* и *Быть бычку на веревочке*, и др. Предложения, соотнесенные в одном смысловом плане,

имеют противопоставленный характер и являются взаимно необходимыми; существование одного из них имеет данное назначение только при существовании другого. Они взаимно предполагают друг друга.

Свойство противопоставленности предложений на основе взаимной необходимости делает их постоянные элементы соотносительными. В отношении соотносительности могут вступать тождественные постоянные элементы противопоставленных предложений, ср. дат. пад. в двух противопоставленных друг другу моделях *Иван подарил Петру книгу* и *Книга была подарена Петру Иваном*.

В данном случае словесные формы противопоставленных предложений сохраняют свое тождество в качестве постоянных и переменных элементов, т. е. и в качестве форм слов и в качестве показателей одного данного конкретного объекта; в обоих предложениях выражается один данный конкретный объект одной грамматической формой.

В отношении соотносительности могут вступать различные постоянные элементы противопоставленных моделей. В данном случае словесные формы противопоставленных предложений сохраняют свое тождество в качестве переменных элементов и противопоставляются в качестве постоянных элементов. Имен. пад. в предложении *Плотники построили дом* и твор. пад. в предложении *Дом построен плотниками* являются разными постоянными элементами и одним переменным элементом.

Разные постоянные элементы противопоставленных предложений обладают свойством различия в качестве форм слов и свойством тождества в качестве показателей одного объекта. Предложение *Отец купил книгу*, имеющее признак действительности, содержит модель $S_1 \vee S_4$. Если это предложение будет преобразовано в страдательное, предметы, которые в действительном предложении выражаются постоянными элементами S_1 и S_4 , в страдательном получают выражение в постоянных элементах S_5 и S_1 , а место действительного глагола займет страдательное причастие с вспомогательным глаголом, ср.: *Отец купил книгу* и *Книга была куплена отцом*.

Первую модель предложения обозначим $S_1 \vee S_4$, а вторую — S_1 была PS_5 , где P обозначает причастие. Простейшие отношения в противопоставлении постоянных элементов действительных и страдательных предложений связаны с преобразованием S_1 в S_5 , а S_4 в S_1 .

В действительном предложении есть и другие постоянные элементы, которые при преобразовании его в страдательное подвергаются изменениям. Действительное предложение «Иван поразил Петра умом» при трансформации его в страдательное исключает преобразование постоянного элемента S_{1-4} ⁸ в постоянный элемент

⁸ Знак $\leftarrow$ указывает направление преобразования.

S_5 и допускает преобразование постоянного элемента S_1 в постоянные элементы S_2 в присубстантивной позиции, а постоянный элемент S_5 сохраняет свои позиции в обеих моделях: $S_{1-} V S_4 S_5$ и S_1 был $P S_5 S_{2-1}$; ср.: *Петр был поражен ужом Ивана*, ср. еще: *Петр раздражал Ивана глупостью и Иван был раздражаем глупостью Петра* и др. Но возможны и другие случаи, когда преобразования постоянных элементов S_1 и S_4 подчиняются общим правилам, а постоянный элемент S_5 преобразуется в группу посредством S_2 или с помощью S_2 получается соотношение моделей $S_1 V S_4 S_5$ и S_{1-4} был $P S_{5-1}$ посредством S_2 , ср.: *Петр зарабатывал средства существования искусством и Средства существования зарабатывались Петром посредством искусства, Петр убедил Ивана словом и Иван был убежден Петром с помощью слова*.

Возможны и такие случаи, когда постоянный элемент преобразуется в группу предлог *у* плюс постоянный элемент S_2 или совсем устраняется, получается соотношение моделей $S_1 V S_4 S_5$ и $S_{1-4} V_{ср} S_{5-1} S_5$ или $V S_{2-1}$, ср.: *Иван пьет воду стаканами и Вода пьется Ивановым стаканом, Иван заполнил время чтением и Время было заполнено у Ивана чтением, Иван наполнил кубок вином и Кубок был наполнен у Ивана вином* и т. п. Возможен и такой случай, когда постоянный элемент S_1 действительного предложения преобразуется в постоянный элемент S_{5-1} , а постоянный элемент S_1 страдательного предложения преобразуется не из S_4 , а из S_5 ; получается соотношение моделей $S_1 V S_5$ и $S_{5-1} V_{ср} S_{5-1}$, ср.: *Иван управляет кораблем и Корабль управляется Ивановым*. Если мы преобразуем предложение *Иван держит дверь рукой*, обладающее моделью $S_1 V S_4 S_5$, в безобъектное, то получим предложение «Иван держится за дверь рукой», обладающее моделью $S_1 V_{ср} за S_1 S_5$. Здесь позиции постоянного элемента S_5 (рукой) сохраняются, а постоянный элемент S_4 преобразуется в группу предлог *за* плюс постоянный элемент S_1 (*держит дверь и держится за дверь*).

Преобразование предложения *Иван насыщает Петра пищей*, обладающего моделью $S_1 V S_4 S_5$, приводит к устранению постороннего элемента S_1 , т. е. вин. пад. прямого объекта. Ср. еще: *Иван расчесывал Петра гребешком и Иван расчесывался гребешком, Иван воодушевлял Петра словом и Иван воодушевлялся словом*.

Соотношение предложений *Иван покори́л Петра* и *Иван покорился Петру* выражается в моделях $S_1 V S_4$ и $S_1 V S_{ср} S_3$, из которых видно, что на месте постоянного элемента S_4 , т. е. вин. пад., в объектной конструкции употребляется постоянный элемент S_3 , т. е. дат. пад. в безобъектной конструкции, ср.: *молил кого и молился кому, уподобил кого чему и уподобился кому, чему; удивлял кого и удивлялся кому, чему; радовал кого и радовался кому, чему*.

Можно противопоставить утвердительные и отрицательные предложения: если модель первых обозначить $S_1 V S_4$, то модель вторых должна быть обозначена $S_1 не V S_2$, ср.: *Иван купил книгу и Иван не купил книги*.

Можно противопоставить два или несколько предложений, которые соотносительны с одним. Если мы возьмем два предложения с непротивопоставленными единицами, например: *Луна светила, Звезды сверкали*, то они могут быть преобразованы в одно сложносочиненное с помощью союза *и*, ср.: *Луна светила, и звезды сверкали*. Если мы возьмем два предложения с противопоставленными единицами (хотя бы одной), например: *Петр писал хорошо, Иван писал плохо*, то с помощью союза *и* они не могут быть объединены в одно сложносочиненное предложение, тогда как с помощью союза *а* это возможно сделать, ср.: *Петр писал хорошо, а Иван — плохо*. Два предложения с непротивопоставленными единицами, из которых одна является общей, могут образовать одно слитное предложение, ср.: *Растения растут, Растения цветут, Растения растут и цветут*.

Таким образом, в предложениях, противопоставленных на основании взаимной необходимости, различаются соотносительные элементы двух классов. Соотносительные элементы первого класса сохраняют свое тождество со стороны формы, т. е. в качестве постоянных элементов предложения, и со стороны их отношения к объекту, т. е. в качестве переменных элементов предложения. Такие соотносительные элементы в противопоставленных моделях будем называть непротивопоставленными.

Соотносительные элементы второго класса преобразуют свои формы, т. е. различаются в качестве постоянных элементов предложения, но сохраняют тождество со стороны их отношения к объекту, т. е. не различаются в качестве переменных элементов предложения. Такие соотносительные элементы в противопоставленных моделях будем называть противопоставленными.

Изучение противопоставленных предложений и соотношения их непротивопоставленных и противопоставленных элементов образует особый отдел синтаксиса.

Отношения между предложениями, противопоставленными на основе взаимной необходимости, имеют константный характер. Эти отношения постоянны и не содержат в себе условий неизбежности устранения самого отношения. Существование одного предложения, противопоставленного другому по какому-либо признаку, не содержит в себе необходимости устранения второго при помощи первого. Противопоставленные предложения не находятся в позиции взаимного исключения. Они не исключают, а взаимно предполагают друг друга.

Существование элемента противопоставленных предложений имеет свойство равной необходимости. Оба члена в противопоставлении *Плотники построили дом и Дом построен плотниками* обладают свойством равной необходимости в системе языка. Нельзя сказать об одном из этих двух членов, что он обладает преимуществами, которые делают его существование необходимым, а существование другого не необходимым.

Два предложения с различными постоянными и тождественными переменными элементами могут не противопоставляться по одному смысловому основанию. В таком случае они различаются только по характеру средств языка, ср.: *Бригада добилась успехов с помощью соревнования* и *Бригада добилась успехов путем соревнования*. С различиями постоянных элементов не связаны различия смысловые.

Указанные предложения с различными постоянными и тождественными переменными элементами не находятся в отношении противочленов и не являются взаимно необходимыми по какому-либо смысловому признаку. Существование одного предложения исключает существование другого. Если по различию постоянных и тождеству переменных элементов объединяются только два предложения и они не находятся в отношении противопоставления, то их различные постоянные элементы не обладают свойством противопоставленности, они занимают тождественные позиции и их судьба альтернативна; система языка нуждается только в одном из них; такие элементы будем называть альтернантами.

Если по различию постоянных и тождеству переменных элементов объединяется более двух предложений, то отношения между ними имеют более сложный характер. Возможны случаи, когда все они оказываются непротивопоставленными, а их различные постоянные элементы — альтернантами; в древнерусском языке в альтернативных отношениях находились предложные конструкции для плюс род. пад. (ср. *Приезжали в село Булышево для долгов — из-за долгов.* — Хов. Мор. 1, № 41); при плюс род. пад. (ср. *Не может бо погибнуть праведник про беззаконника — из-за беззаконника.* — Средн.); за плюс вин. пад. (ср. *Пострадати за Адамово преступление — из-за преступления Адама.* — Лавр., л. 24) и др.⁹

Гораздо более многочисленны случаи, когда отдельные предложения, различные по характеру постоянных и тождественные по характеру переменных элементов, представляют собой множество, в котором каждое отдельное предложение, являясь членом этого множества, обладает индивидуальными свойствами в акте общения, например: *Иван прошел по кухне, Иван прошел через кухню, Иван прошел сквозь кухню, Иван прошел кухней*. Наличие своего индивидуального свойства у каждого предложения множества, сформированного указанным способом, подтверждается тем, что оно входит в свой особый ряд предложений, в которых постоянные элементы тождественны, а переменные различны.

⁹ См. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 370 и сл.

и т. п. Ср.: 1) «Прошел по кухне», «Пробежал по дорожке», «Шел по полю»

и т. п. 2) «Прошел через кухню», «Пробежал через дорожку», «Шел через поле»

и т. п. 3) «Прошел сквозь кухню», «Пробежал сквозь лес», «Шел сквозь поле»

и т. п. 4) «Прошел кухней», «Пробежал лесом», «Шел полем» и т. п.

Эти ряды могут быть объединены в пары, т. е. между ними может быть установлена парная коррелятивная связь, в которой противочлены имеют противопоставленный характер.

Парные противопоставления предложений в приведенных группах распадаются на две группы: в одних противопоставление осуществляется по принципу преобразования признака, в других — по принципу наличия или отсутствия признака.

Первую группу противопоставлений образуют следующие шесть пар:

1. «Прошел по кухне» и «Прошел через кухню»
2. «Прошел по кухне» и «Прошел сквозь кухню»
3. «Прошел через кухню» и «Прошел по кухне»
4. «Прошел через кухню» и «Прошел сквозь кухню»
5. «Прошел сквозь кухню» и «Прошел по кухне»
6. «Прошел сквозь кухню» и «Прошел через кухню»

Вторую группу противопоставлений образуют следующие три пары:

1. «Прошел по кухне» и «Прошел кухней»
2. «Прошел через кухню» и «Прошел кухней»
3. «Прошел сквозь кухню» и «Прошел кухней»

В этих парных корреляциях противочлены соотносятся по принципу наличия или отсутствия признака. Но парные корреляции этого рода могут быть и такими, когда в одном члене представлена пара средств, противопоставленных по принципу преобразования признака, а в другом — одно средство без указания на противопоставления своего противочлена. Ср.:

I	II
«Прошел по кухне»	«Прошел кухней»
«Прошел через кухню»	
«Прошел по кухне»	«Прошел кухней»
«Прошел сквозь кухню»	
«Прошел через кухню»	«Прошел кухней»
«Прошел сквозь кухню»	

Первая группа характеризуется тождеством переменных элементов предложения и различием его постоянных элементов; предложения этой группы противопоставляются попарно. Вторая

группа характеризуется тождеством переменных и постоянных элементов. Эта группа представлена одним предложением. Она составляется путем трехкратного повторения одного предложения «Прошел кухней». Члены этой группы не противопоставляются, поскольку они представлены одним предложением. Возникает двухполюсная группировка средств языка. На одном полюсе — одно средство, на другом — множество противопоставленных средств, которому свойствен определенный диапазон парных корреляций. Состав этих пар дает диапазон противопоставлений в том множестве членов, которые группируются вокруг одного полюса и противостоят одному члену как другому полюсу. Этот член образует другое множество, поскольку одно средство вступает в разные отношения с разными парами.

Диапазон противопоставлений, в который может входить этот один член, равен диапазону парных корреляций множества грамматических средств, выступающих в качестве его противочлена.

Диапазон употребительности одного средства определяется парой противопоставленных средств. Ср., например, шесть пар: 1. *По кухне и через кухню*. 2. *По кухне и сквозь кухню*. 3. *Через кухню и по кухне*. 4. *Через кухню и сквозь кухню*. 5. *Сквозь кухню и по кухне*. 6. *Сквозь кухню и через кухню*. Диапазон парных корреляций трех средств *через кухню*, *сквозь кухню*, *по кухне* исчисляется шестью парами противопоставлений. Тот же диапазон употребительности имеет и одно средство — твор. пад. *кухней*. Следовательно, диапазон употребительности этого средства исчисляется теми же шестью парами противопоставлений. Если же выражение *Прошел сквозь кухню* исключить, что останутся два выражения: «... *по кухне*» и «... *через кухню*». Они могут образовать только одну парную корреляцию. Противопоставление этой пары и будет диапазоном употребительности одного средства — творительного падежа.

Тождество диапазона является осью противопоставления двух полюсов, на одном из которых одно средство, а на другом — множество. Первый член является элементом старого качества: он представлен одной формой с определенным диапазоном парных корреляций, в которые оно входит. Второй член является элементом нового качества: он представлен разными средствами, но диапазон парных корреляций равен диапазону употребительности их противочлена. Оба члена противопоставления употребляются в одной и той же синхронной системе, но первый из них представляет собой отмирающее явление, а второй — развивающееся.

Они находятся в позиции взаимного исключения. Побеждает тот член, который представлен множеством противопоставленных средств. Член, представленный одним средством, отмирает.

Возьмем примеры из литературных произведений конца XVIII и начала XIX в. На одном полюсе мы находим форму творительного падежа, например *сокрушаться потерю*, на другом — две разные конструкции с разными значениями, ср. *сокрушаться*

из-за потери (причина) и сокрушаться о потере (делиберативный объект).

Противопоставление отмирающих и развивающихся средств характеризуется следующими признаками.

1. Противопоставление членов по принципу развития имеет синхронический характер: оба члена противопоставления относятся к одному синхронному состоянию, однако это состояние не обладает свойством константности.

2. Противопоставленные по принципу развития члены имеют неравную необходимость своего существования в системе языка. Предложные сочетания в выражениях *страдать по деде* и *страдать из-за деды* были необходимы в системе языка, но форма творительного падежа в выражении *страдать девою* не обладала в том же синхроническом тождестве необходимостью своего существования, так как она занимала то же место в системе языка, которое занимали названные конструкции; она обладала равным с ними диапазоном парных корреляций, но не обладала равными возможностями.

3. Противопоставленные по принципу развития члены не предполагают, а взаимно исключают друг друга, они находятся в состоянии взаимного исключения. Если существуют предложения конструкции в выражениях *страдать о деде* и *страдать из-за деды*, то они не оставляют места для существования формы творительного падежа в выражении *страдать девою*. Употребление формы творительного падежа в указанном выражении в XIX в. было фактом действительности, но не фактом необходимости. Оно находилось в противоречии с употреблением соответствующих предложных форм, и это противоречие разрешалось путем отмирания противочлена, существование которого не было необходимостью.

Противочлены, образующие одно развивающееся единство, неравнозначны с точки зрения развития языка; один из них развивается и закрепляется, другой — отмирает; один является элементом нового качества, другой — элементом старого качества; оба они существуют и сосуществуют, но существование одного обладает свойством необходимости, существование другого не обладает этим свойством.

4. Отношения между членами, противопоставленными по принципу развития, не обладают свойством константности. Они содержат в себе источники необходимости своего преобразования путем возобладания одного противочлена и устранения другого. Противопоставления единиц в выражениях *страдал девою* — *страдал о деде*, *страдал девою* — *страдал из-за деды* обладают свойством необходимости устранения этого противопоставления путем устранения творительного падежа, если он не получит нового назначения в других противопоставлениях. Принцип вычленения единств или множеств с указанными противочленами предполагает источник необходимости своего преобразования. Отношения между этими противочленами могут быть более длительными и менее

длительными; они могут сохраняться веками, но они сохраняются не константными, а постоянно изменяющимися в пользу одного из противочленов. Синхронические состояния, в которые входят эти отношения, не обладают свойством константности.

Изучение отношений между предложениями в позиции их взаимного исключения составляет особый раздел синтаксиса современного русского языка.

* * *

Итак, синтаксис современного русского языка как система языка, а не речи, содержит следующие разделы.

1. Изучение предложений по их внешней или внутренней стороне. Такое изучение приводит к установлению классов предложений по свойствам средств выражения и по свойствам выражаемых единиц.

2. Изучение предложений по их постоянным элементам. Такое изучение приводит к установлению моделей предложений, классов моделей предложений, вариантов и инвариантов моделей предложений, упорядоченных рядов предложений.

3. Изучение отношений разных предложений по различию постоянных и тождеству переменных элементов в позиции взаимной необходимости. Такое изучение приводит к установлению коррелятивных рядов предложений, соотносительности тождественных и нетождественных постоянных элементов в коррелятивных парах предложений, закономерностей преобразования постоянных элементов данного ряда предложений в постоянные элементы коррелятивного ряда. Эти закономерности могут быть сформулированы в форме определенных правил.

4. Изучение отношений разных предложений по различию постоянных и тождеству переменных элементов в позициях взаимного исключения, которые предполагают разные виды внутренних противоречий в качестве источников развития синтаксической структуры. Такое изучение приводит к установлению соотносительности между постоянными элементами в разных упорядоченных рядах предложений в качестве альтернантов, а также элементов старого или нового качества в данной синхронной системе языка и, следовательно, закономерностей перехода от одной ступени развития данной системы к другой, от низшего к высшему.

О МЕТОДАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

И ИСЧИСЛЕНИИ ИХ ЗНАЧИМОСТЕЙ (1963 г.)

В последние годы внимание ученых все более привлекается к методам исследования лингвистической реальности... Одной из важных задач исследования синтаксической реальности является идентификация синтаксических объектов.

В синтаксической литературе мы постоянно встречаемся с разноречивыми суждениями о сущности одного и того же синтаксического объекта. Так, предложения типа *Сегодня пятница* одни ученые определяют в качестве полных, а другие — в качестве неполных.

У одних ученых предложения типа *Помещение убирается, Белье стирается, Лес вырубается, Директор вызывается* считаются действительными¹, у других ученых подобные предложения признаются страдательными.

Одни ученые полагают, что предложения типа «Сельцо Кистеневка досталось ему по смерти родителя» (А. Пушкин) являются страдательными², другие ученые признают это мнение неосновательным.

Доказательства истинности той или другой идентификации данного синтаксического объекта не обладают достаточной эффективностью. Так, ученые, по мнению которых предложения типа *Директор вызывается* не являются страдательными, доказывают истинность предложенной ими идентификации данного синтаксического объекта ссылкой на отсутствие в предложении формы твор. п.

Однако это доказательство едва ли можно признать эффективным. Отсутствие формы твор. п. не доказывает, что предложение *Директор вызывается* имеет действительный характер и обозначает намерение директора, например, проводить кого-либо.

Другие ученые для доказательства правильности предлагаемой ими идентификации синтаксического объекта используют те или другие возможности преобразования конструкции. Так, некоторые авторы считают, что предложения типа *Он увлекается фонетикой* имеют страдательный характер, и в качестве доказательства истинности своего суждения приводят тот факт, что указанные предложения допускают преобразования в предложении типа *Его увлекает фонетика*³.

¹ А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ», кафедра русского языка, 1941, вып. I, т. V, стр. 54.

² См. И. П. Мучник. О залогах русских глаголов. «Уч. зап. кафедры русского языка МГПИ», 1938, вып. II, стр. 150.

³ Н. А. Янко-Триницкая. Страдательное значение возвратных глаголов в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1959, вып. 6, стр. 88.

Однако это доказательство также едва ли возможно признать эффективным. Непосредственные наблюдения показывают, что соотношения в предложениях *Он решает вопросы — Вопросы решаются им* и *Фонетика увлекает его — Он увлекается фонетикой* имеют принципиально различный характер.

Все это настоятельно выдвигает вопрос о необходимости дальнейшего обсуждения методов идентификации синтаксических объектов.

В настоящей работе обсуждаются вопросы, связанные с использованием операций противопоставления синтаксических объектов для их идентификации и исчисления их значимостей. Основная идея заключается в том, что проблемы идентификации лингвистических объектов и установления между ними системы отношений принципиально отличаются от проблем установления и исчисления значимостей этих объектов. Система лингвистических объектов и система их значимостей устанавливается с помощью операций противопоставления объектов. Но операции противопоставления объектов в том и в другом случае осуществляются на разных основаниях.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

При построении системы лингвистических объектов и их идентификации операции противопоставления осуществляются на основе следующих ограничений.

1. Лингвистические объекты противопоставлены по множеству одиночных оснований.

Пусть наша система состоит из четырех объектов a^1 , a^2 , a^3 , a^4 . Пусть они противопоставляются по двум основаниям, в каждом из которых имеется по два различия. Различия по первому основанию будем записывать цифрами 0 и 1 в первой позиции, а различия по второму основанию — цифрами 0 и 1 во второй позиции. Тогда наши символы получают следующий вид: a^{100} , a^{210} , a^{301} , a^{411} .

Лингвистические объекты a^{100} и a^{210} , a^{301} и a^{411} противопоставляются по одному первому основанию, лингвистические объекты a^{100} и a^{301} , a^{210} и a^{411} — по одному второму основанию.

Лингвистические объекты a^{100} и a^{411} , a^{210} и a^{301} противопоставляются одновременно по двум основаниям, т. е. по двоекратному основанию 1 и 2. Лингвистические объекты можно противопоставлять по одному и нескольким основаниям. Объекты a^{100} и a^{210} , a^{100} и a^{301} противопоставляются по одному одиночному основанию. Но объекты нашей лингвистической системы могут быть противопоставлены и по двум одиночным основаниям.

Идентификация лингвистических объектов и установление их системы осуществляются с помощью операции противопоставления по множеству одиночных оснований.

2. Отношения между лингвистическими объектами, противопоставленными по одному одиночному основанию, признаются симметричными. Если объект a^100 относится к объекту a^210 так же, как объект a^210 относится к объекту a^100 , то такие отношения являются симметричными. На основе этих отношений строится лингвистическая система и идентифицируются ее объекты.

Мы будем строить синтаксические системы и идентифицировать их объекты с учетом указанных ограничений.

Начнем с рассмотрения синтаксических систем, содержащих четыре объекта: a^100 , a^210 , a^301 , a^411 . Для того чтобы идентифицировать эти синтаксические объекты и установить между ними системные отношения, мы должны противопоставить их по двум основаниям.

Из представленных четырех синтаксических объектов мы построим систему в форме простой квадратной матрицы⁴:

a^100	a^210
a^301	a^411

В этой матрице на горизонтали записывается противопоставление синтаксических объектов по первому основанию, ср.: a^100 и a^210 , a^301 и a^411 .

На вертикали записывается противопоставление синтаксических объектов по второму основанию, ср.: a^100 и a^301 , a^210 и a^411 .

В этой системе каждый синтаксический объект идентифицируется по двум одиночным основаниям.

Если мы поставим вопрос о природе синтаксического объекта a^100 , то мы не можем высказаться о нем, противопоставляя его другим объектам только по одному основанию. Объект a^100 может быть идентифицирован только на основе противопоставления объекту a^210 по первому основанию и объекту a^301 по второму основанию.

Объект a^210 может быть идентифицирован только на основе его противопоставления объекту a^411 по второму основанию и объекту a^100 — по первому основанию. Таким же образом идентифицируются другие объекты той же системы. Объектами нашей системы, члены которой противопоставляются в данном случае по двум основаниям, будем считать предложения современного русского языка.

При идентификации предложений нам придется описывать их различные свойства и отделять одно предложение от другого по различию этих свойств.

⁴ По техническим причинам квадраты в данной работе заменены прямоугольниками. — *Прим. ред.*

В субстантивных именах, функционирующих в предложениях, мы будем различать: денотаты и их функции, грамматические формы и их позиции. Термином «денотат» будем называть грамматический предмет, обозначенный данным субстантивным именем. В качестве символа всякого денотата будем использовать букву Д. Различия денотатов будем обозначать цифрами, например Д1, Д2, Д3 и т. д.

Денотат имени в предложении имеет функцию. Для общего обозначения всякой функции денотата будем использовать большую букву Ф. Различия в функциях денотатов будем обозначать цифрами: Ф1, Ф2, Ф3 и т. д.

В дальнейшем изложении будут использованы следующие различия в функциях денотатов имени.

1. Функция производителя действия.

2. Функция предмета, испытывающего или воспринимающего действие.

3. Функция предмета, находящегося в данном состоянии.

4. Функция предмета, обладающего данным свойством.

Цифры, под которыми записаны данные функции, будут использованы в качестве знаков этих функций в дальнейших символических обозначениях, например, Ф1 обозначает функцию производителя действия, Ф2 — функцию предмета, испытывающего действие производителя действия и т. д.

Субстантивное имя, обозначающее данный денотат, имеет грамматические формы. Для общего обозначения категории субстантивных грамматических форм будет использоваться строчная буква ф. Конкретные падежные формы будем обозначать цифрами: ф1 — им. п., ф2 — род. п., ф3 — дат. п., ф4 — вин. п., ф5 — твор. п., ф6 — пред. п.

Грамматические формы имен занимают определенные позиции в предложении. Для общего обозначения категории позиции будем использовать букву Р. Отдельные позиции будем обозначать буквой Р с добавлением цифр, например Р1, Р2, Р3 и т. д.

Будем различать позиции подлежащего, сказуемого, позиции, обусловленные валентными свойствами глаголов, например: сказать *ему*, интересовался *музыкой*; позиции, обусловленные конструкцией предложения, например: *ему* не спится, дом строится *плотниками*. Названные позиции именных грамматических форм в модели предложения будем обозначать следующими символами:

Р₁ — позиция подлежащего,

Р₂ — позиция сказуемого,

Р₃ — приглагольная позиция, т. е. обусловленная валентными свойствами глагола.

Р₄ — конструктивная позиция, т. е. позиция, обусловленная конструкцией предложения.

Невозвратный глагол, как обычно, будет обозначаться буквой V, возвратный — буквами V + ся, сочетание глагола с инфинитивом V + инф.

Любое простое глагольное предложение, состоящее из двух имен и одного глагола, может быть обозначено символами ДФФР V ДФФР или ДФФР V + ся ДФФР, где Д — показатель денотатов, Ф — показатель функции денотатов, ф — показатель грамматических форм субстантивных имен, Р — показатель позиции грамматических форм в модели предложения.

Модель предложения «Он пишет письмо» может быть выражена следующим образом: Д1Ф1ф1Р1 V Д2Ф2ф4Р3.

Запись Д1 и Д2 обозначает, что денотаты двух имен предложения разные (*он* и *письмо*), запись Ф1 и Ф2 означает, что денотат первого имени (Д1) имеет функцию производителя действия (Ф1), а денотат второго имени (Д2) имеет функцию предмета, испытывающего действие (Ф2); запись ф1 и ф4 означает, что первое имя имеет форму им. п., а второе имя — форму вин. п.; запись Р1 и Р3 означает, что форма первого имени занимает позицию подлежащего, а форма второго имени — приглагольную позицию.

После этих предварительных замечаний мы можем приступить к идентификации предложений с помощью операций их противопоставления по множеству оснований.

Сначала будем противопоставлять синтаксические объекты по двум основаниям.

Первым основанием будем считать противопоставление по линии действительности и страдательности (актива — пассива). Вторым основанием — противопоставление определенно-личного характера денотата, выступающего в функции производителя действия, и неопределенно-личного характера денотата, выступающего в той же функции⁶.

Введенной ранее символике приписываем следующее содержание: а — знак всякого предложения, а¹, а², а³ и т. д. — знаки разных предложений. Цифры 0 и 1 по первому основанию обозначают действительность и страдательность. Цифры 0 и 1 по второму основанию обозначают определенно-личный и неопределенно-личный характер денотатов.

Возьмем четыре предложения *Плотники строят дом*, *Дом строится плотниками*, *Дом строят* и *Дом строится*. Первое предложение, в дальнейшем а¹, противопоставляется второму предложению, в дальнейшем а², по основанию страдательности и действительности; по тому же основанию третье предложение, в дальнейшем а³ (*Дом строят*), противопоставляется четвертому предложению (*Дом строится*), в дальнейшем а⁴. Предложение а¹ противопоставляется предложению а³ по признаку определенно-личного и неопределенно-личного характера денотата в функции производителя действия. Таким образом, эти предложения образуют квадрат:

⁶ Эти противопоставления более подробно рассмотрены в кн.: Т. П. Л о м т е в. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, гл. V—VI. (Примечание ред.).

Плотники строят дом	Дом строится плотниками
Дом строят	Дом строится

... Символически отношения между указанными четырьмя предложениями можно записать в форме следующего квадрата:

a ¹⁰⁰	a ²¹⁰
a ³⁰¹	a ⁴¹¹

... Если возникает вопрос об идентификации предложения (*Дом строится*) (a⁴¹¹), то мы можем признать его страдательным, если установим, что оно входит в систему четырех синтаксических объектов, противопоставленных по двум указанным основаниям.

В данном случае рассматриваемое предложение действительно имеет страдательный характер, так как оно входит в систему четырех предложений, противопоставленных по двум основаниям.

А. Б. Шапиро полагает, что выражения: *Помещение убирается, Белье стирается, Лес вырубается, Директор вызывается* имеют характер действительных, а не страдательных предложений.

Для того чтобы выяснить основательность предложенной А. Б. Шапиро идентификации указанных предложений, мы построим отдельные четверки предложений, противопоставленных по двум указанным основаниям:

a ¹⁰⁰ Уборщица убирает помещение	a ²¹⁰ Помещение убирается уборщицей
a ³⁰¹ Помещение убирают	a ⁴¹¹ Помещение убирается

a ¹⁰⁰ Прачка стирает белье	a ²¹⁰ Белье стирается прачкой
a ³⁰¹ Белье стирают	a ⁴¹¹ Белье стирается

a ¹⁰⁰ Лесорубы рубят лес	a ²¹⁰ Лес рубается лесорубами
a ³⁰¹ Лес рубают	a ⁴¹¹ Лес рубается

a ¹⁰⁰ Секретарь вызывает директора	a ²¹⁰ Директор вызывается секретарем
a ³⁰¹ Директора вызывают	a ⁴¹¹ Директор вызывается

Как видим, названные А. Б. Шапиро предложения включаются в соответствующие четверки предложений, члены которых противопоставлены по двум установленным основаниям. Это является неоспоримым доказательством того, что все рассматриваемые предложения имеют страдательный характер, хотя они и не имеют в своем составе твор. п. Отсутствие твор. п. в данном случае является знаком того, что денотат, обладающий функцией производителя действия, имеет неопределенно-личный характер: *Директор вызывается* значит «вызывается каким-то неопределенным лицом».

Некоторые из рассматриваемых предложений в другой системе противопоставлений имеют иной характер.

Допустим, что наши синтаксические объекты противопоставляются по двум следующим основаниям: действительность — страдательность и агентивность — безагентивность. Противоположность по первому основанию будем задавать по горизонтали, противоположность по второму основанию — по вертикали. Тогда получим следующую систему четверок:

a ¹⁰⁰ Они стирают белье	a ²¹⁰ Белье стирается ими
a ³⁰¹ Ø	a ⁴¹¹ Белье стирается

В этой системе противопоставленное предложение *Белье стирается* не имеет страдательного характера: оно не означает предмета, испытывающего действие со стороны другого предмета, имеющего неопределенно-личный характер; оно обозначает предмет, находящийся в данном состоянии: *Белье стирается* значит «находится в состоянии стирки». В рассматриваемой системе противопоставлений тот же смысл получает и предложение *Дом строится*, т. е. находится в состоянии стройки.

Предложения типа *Белье стирается*, *Дом строится* имеют омонимичный характер: в одной системе противопоставлений они обозначают предмет, испытывающий действие, в другой системе противопоставлений — предмет, находящийся в состоянии.

Наличие в составе предложения твор. п. также не является доказательством того, что оно имеет страдательный характер, как и его отсутствие не доказывает того, что предложение не имеет страдательного характера.

Акад. В. В. Виноградов считает, что предложение *Комната освещается свечой* имеет страдательный характер⁶. Однако наличие в нем творительного орудия не доказывает ни того, что оно имеет страдательный характер, ни того, что оно его не имеет.

В системе противопоставлений по двум основаниям, из которых одно является противопоставлением действительности и страдательности, а другое — противопоставлением определенно-личного и неопределенно-личного характера денотата, оно имеет страдательный характер, ср.:

Они освещают комнату свечой	Комната освещается ими свечой
Комнату освещают свечой	Комната освещается свечой

Но денотат слова *комната* в предложении *Комната освещается свечой* может иметь и другую функцию — функцию предмета, испытывающего состояние (*Комната освещается свечой* — комната находится в состоянии освещения). В таком случае оно не имеет страдательного значения.

Если мы противопоставим синтаксические объекты по двум основаниям, из которых одно является противопоставлением действительности — страдательности, а другое — противопоставлением денотата с функцией предмета, подвергающегося действию, и того же денотата с функцией предмета, испытывающего состояние, то мы получим неполную четверку:

Комнату освещают свечой	Комната освещается свечой
∅	Комната освещается

В паре *Комнату освещают свечой* — *Комната освещается свечой* полярность сводится к различию моделей предложений при тождестве функций денотатов: в этом и заключается сущность страдательности и действительности; в первом и втором предложении денотат слова *комната* имеет функцию предмета, подвергающегося воздействию.

В паре *Комната освещается свечой* — *Комната освещается* полярность сводится к различию в функциях денотата слова *комната*: в первом случае денотат имеет функцию предмета, подвергающегося воздействию, во втором случае — функцию предмета, испытывающего состояние.

⁶ См. В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 633.

Предложение *Он увлекается фонетикой* признается страдательным, так как субъект этого предложения может быть преобразован в объект другого, ср. *Фонетика увлекает его*.

Предложения с глаголами *увлекается*, *возмущается*, *интересуется* и др. действительно могут быть получены путем преобразования предложений с глаголами *увлекает*, *возмущает*, *интересует* и др. Например: *Фонетика увлекает его* — *Он увлекается фонетикой*, *Музыка интересуется его* — *Он интересуется музыкой*, *Слова возмущают его* — *Он возмущается словами* и т. д.

Но в данном случае нет тождества функции денотатов исходных и преобразованных предложений. Постоянный элемент слова *фонетика* в исходном предложении имеет форму им. п. и занимает позицию подлежащего, а денотат формы имеет функцию деятеля, в преобразованном предложении постоянный элемент того же слова получает форму твор. п. и занимает приглагольную позицию, но денотат формы не сохраняет функцию деятеля, а получает функцию предмета, находящегося в поле действия другого предмета. Постоянный элемент местоимения *он* в исходном предложении имеет форму вин. п. и занимает приглагольную позицию, а денотат формы имеет функцию предмета, испытывающего действие. В преобразованном предложении постоянный элемент того же слова принимает форму им. п. и занимает позицию подлежащего, а денотат формы не сохраняет функции предмета, испытывающего действие, а получает функцию предмета, испытывающего состояние.

... Отсутствие тождества функций денотатов в интересующих нас предложениях не дает основания рассматривать преобразованные предложения в качестве страдательных конструкций, а само преобразование как доказательство действительности одного предложения и страдательности другого. Предложения типа *Дом строится плотниками* и предложения типа *Он увлекается фонетикой* не тождественны: если одно из них является страдательным, то другое не может быть признано страдательным; формальным выражением различия рассматриваемых предложений является тот факт, что твор. п. в предложении *Он увлекается фонетикой* употребляется на основе требований глагольной валентности и что это предложение не может быть преобразовано в предложение *Он увлекается*, тогда как твор. п. в предложении *Дом строится плотниками* употребляется на основе требования конструкции, и это предложение может быть преобразовано в предложение *Дом строится*.

Предложение *Дом строится плотниками* входит в состав четырехчленной системы, описанной нами выше, а предложение *Он увлекается фонетикой* не входит в состав указанной системы.

Предложение *Фонетика увлекает его* не находится в противопоставлении с предложением *Его увлекают*. Предложение *Его увлекают* не находится в противопоставлении с предложением *Он увлекается* (в смысле он увлекается кем-то).

Предложение *Он увлекается фонетикой* не находится в противопоставлении с предложением *Он увлекается*. Все это говорит о том, что рассматриваемое предложение не имеет страдательного характера.

Итак, если противопоставление предложений по двум рассматриваемым основаниям образует полную четверку предложений, то предложение с возвратной формой имеет страдательный характер:

Они читают книги	Книги читаются ими
Книги читают	Книги читаются

Если противопоставление предложений по двум рассматриваемым основаниям не образует полной четверки предложений, то предложение с возвратною формою глагола не имеет страдательного характера:

Фонетика увлекает его	Он увлекается фонетикой
Ø	Ø

Предложения *Его увлекают* и *Он увлекается* не входят в установленную систему противопоставлений. На этом основании нельзя признать правильным утверждение, что предложение *Он увлекается фонетикой* противостоит предложению *Фонетика увлекает его* как страдательное действительному.

Проф. А. Б. Шапиро полагает, что предложение *Солнечный свет поглощается листьями* имеет страдательный характер. Однако это мнение также не может быть признано обоснованным.

Предложения с глаголами *поглощаться*, *отражаться*, *усваиваться* и др. могут быть получены путем преобразования предложений с глаголами *поглощать*, *отражать*, *усваивать* и т. д. Например: *Солнечный свет поглощается листьями* — *Листья поглощают солнечный свет*; *Лучи солнца отражаются поверхностью моря* — *Поверхность моря отражает лучи солнца*; *Эта пища хорошо усваивается организмом* — *Организм хорошо усваивает эту пищу*.

Но это преобразование не может служить доказательством того, что преобразованные предложения имеют страдательное значение, так как в систему синтаксических объектов, противопоставленных по двум указанным основаниям, они не входят.

Предложение *Листья поглощают солнечный свет* не находится в противопоставлении с предложением *Солнечный свет поглощают*.

Предложение *Солнечный свет поглощается листьями* не находится в противопоставлении с предложением *Солнечный свет поглощается*.

Следовательно, рассматриваемое предложение не имеет страдательного характера. Это объясняется тем, что функции денотатов исходного и производного предложения не совпадают.

Постоянный элемент слова *листья* в предложении *Листья поглощают солнечный свет* имеет форму им. п. и занимает позицию подлежащего, а денотат формы имеет функцию деятеля; постоянный элемент слова *свет* имеет форму вин. п. и занимает приглагольную позицию, а денотат формы имеет функцию предмета, испытывающего действие.

Постоянный элемент слова *листья* принимает форму твор. п. и занимает приглагольную позицию, ср. *Солнечный свет поглощается листьями*. Но денотат формы не сохраняет функцию деятеля. Он получает функцию предмета, воспринимающего действие, а не производящего его. Постоянный элемент слова *свет* принимает форму им. п. и занимает позицию подлежащего, но денотат формы не сохраняет функцию предмета, испытывающего действие, а получает функцию предмета, находящегося в состоянии или обладающего свойством, указанным глаголом: *Свет поглощается листьями* значит «находится в состоянии поглощения листьями» или «обладает свойством поглощаться листьями». *Пища усваивается организмом* значит «находится в состоянии усваивания организмом» или «обладает свойством усваиваться организмом» и т. д. Доказательством того, что денотат формы твор. п. не является деятелем, является тот факт, что форма твор. п. может быть заменена предложной конструкцией, тогда как в страдательных предложениях такая замена твор. п. недопустима. Например: *Солнечный свет поглощается листьями* — *Солнечный свет поглощается в листьях*; *Бытие отражается сознанием* — *Бытие отражается в сознании*; *Эта пища хорошо усваивается организмом* — *Эта пища хорошо усваивается в организме*. *Лучи солнца отражаются поверхностью моря* — *Лучи солнца отражаются от поверхности моря* и т. д.

В предложениях *Листья поглощают солнечный свет* и *Солнечный свет поглощается листьями* нет тождества функций их денотатов.

Ввиду этого мнение о том, что преобразованные предложения рассматриваемого типа имеют страдательный характер, должно быть признано недоказанным.

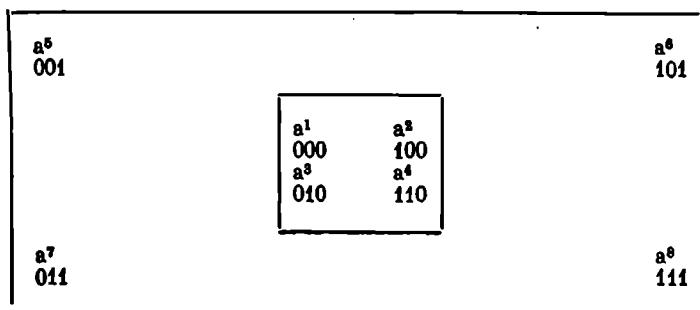
В ряде случаев недостаточным оказывается противопоставление синтаксических объектов по двум основаниям.

В таком случае задача идентификации синтаксических объектов разрешается с помощью операций их противопоставления по трем основаниям.

Если по каждому основанию имеется по два различия, то синтаксическая система будет содержать 8 объектов, которые мы

можем обозначить следующими символами: a^1000 , a^2100 , a^3010 , a^4110 , a^5001 , a^6101 , a^7011 , a^8111 .

Системные отношения между этими объектами можно выразить с помощью геометрического построения, состоящего из квадрата, вписанного в другой квадрат, например:

В этом построении на горизонтальных линиях отмечаются синтаксические объекты, противопоставленные по одному первому основанию, при тождестве их по второму и третьему основаниям, ср.: a^1000 и a^3100 , a^3010 , и a^4110 , a^5001 и a^6101 , a^7011 и a^8111 .

Как видим, в любой паре символов различия наблюдаются только в цифрах, занимающих первую позицию.

На вертикальных линиях синтаксические объекты противопоставляются по второму основанию при тождестве их по первому и третьему основаниям, ср.: a^1000 и a^3010 , a^2100 и a^4110 , a^5001 и a^7011 , a^6101 и a^8111 .

Как видим, в любой паре символов различие наблюдается только в цифрах, занимающих вторую позицию.

Синтаксические объекты, расположенные в аналогичных углах двух квадратов, противопоставляются по третьему основанию при тождестве их по первому и второму основаниям, ср.: a^1000 и a^5001 , a^2100 и a^6101 , a^3010 и a^7011 , a^4110 и a^8111 .

Как видим, в любой паре символов различие наблюдается только в цифрах, занимающих третью позицию.

В этой системе каждый синтаксический объект, взятый в отдельности, идентифицируется по трем одиночным основаниям. Об одном отдельном объекте этой системы нельзя высказываться, противопоставляя его только одному объекту.

Для того чтобы идентифицировать каждый отдельно взятый объект этой системы, необходимо, чтобы он был противопоставлен другим объектам по трем основаниям. Объект a^1000 идентифицируется путем его противопоставления объекту a^2100 по первому основанию, объекту a^3010 — по второму основанию и объекту a^5001 — по третьему основанию. Точно так же идентифицируются и другие объекты этой системы.

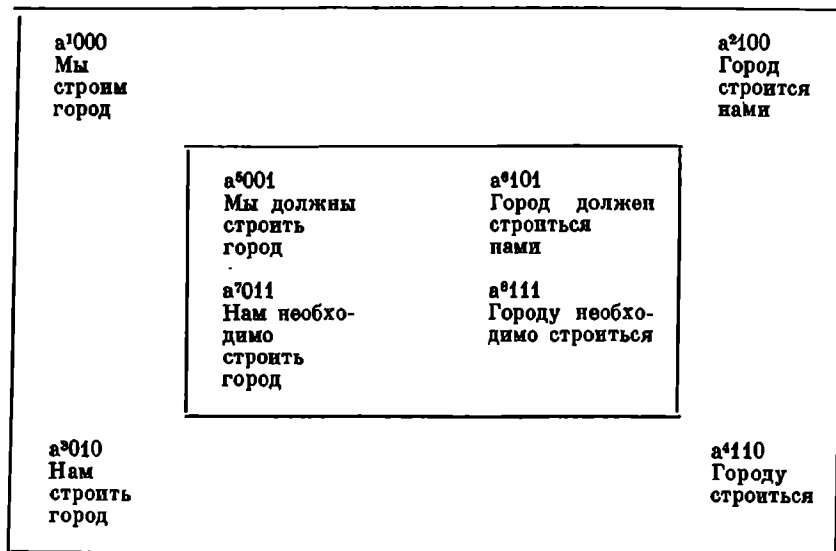
В качестве объекта идентификации с помощью операций противопоставления по трем основаниям мы возьмем предложение *Нам строить город*.

Пусть первым основанием противопоставления будет действительность 0 и страдательность 1, вторым основанием — личность 0 и безличность 1, третьим основанием — повествовательность 0 и необходимость 1.

Тогда наши символические обозначения могли бы соответствовать следующим синтаксическим объектам:

- a^1100 — «Мы строим город».
- a^2100 — «Город строится нами»
- a^3010 — «Нам строить город»
- a^4110 — «Городу строиться»
- a^5001 — «Мы должны строить город»
- a^6101 — «Город должен строиться нами»
- a^7011 — «Нам необходимо строить город»
- a^8111 — «Городу необходимо строиться».

Для удобства обозрения отношений между этими предложениями мы запишем их в форме квадрата, вписанного в другой квадрат.

Символы каждого предложения раскрывают его природу, т. е. дают его полную идентификацию.

Предложение a^6001 (*Мы должны строить город*) является действительным, личным и имеет модальность необходимости, предложение a^7011 (*Нам необходимо строить город*) является действительным, безличным и имеет модальность необходимости, предло-

жение a^{1000} (*Мы строим город*) является действительным, личным и имеет модальность повествовательности. Предложение a^{3010} (*Нам строить город*), если принимается построенная система, является действительным, безличным и имеет модальность повествовательности. Следовательно, в предложенной нами системе это предложение модальности необходимости не содержит. Это предложение (a^{3010}) отличается от предложения a^{1000} (*Мы строим город*) тем, что оно является безличным (ср. a^{3010} — a^{1000}), а от предложения a^{7011} (*Нам необходимо строить город*) — тем, что оно повествовательное (ср. a^{3010} — a^{7011}).

В той же системе не имеет модальности необходимости и предложение a^{110} (*Городу строиться*); по первому основанию оно противопоставляется предложению a^{3010} (*Нам строить город*) и отличается от него тем, что имеет страдательный, а не действительный характер, по второму основанию оно противопоставляется предложению a^{2100} (*Город строится нами*) и отличается от него тем, что имеет безличный характер, по третьему основанию оно противопоставляется предложению a^{111} и отличается от него тем, что имеет повествовательный характер.

Предложения *Нам строить город* и *Городу строиться* можно толковать и как предложения необходимости, но тогда они должны рассматриваться как особый тип предложений, в котором само отсутствие формы является знаком модального значения необходимости: *Нам (необходимо, надлежит, нужно и т. д.) строить город, Городу (необходимо) строиться*.

В данном случае система рассматриваемых предложений должна быть представлена в следующем виде:

a ¹⁰⁰⁰ Мы строим город		a ¹⁰⁰ Город строится нами
a ⁰⁰¹ Мы должны строить город	a ¹⁰¹ Город должен строиться нами	
a ⁰¹¹ Нам необходимо строить город. Нам строить город	a ¹¹¹ Городу необходимо строиться. Городу строиться.	
a ⁰¹⁰ Ø		a ¹¹⁰ Ø

В первой системе противопоставлений предложения *Нам строить город* и *Городу строиться* имеют значение изъявительной модальности, во второй системе противопоставлений они получают модальное значение необходимости. Для решения вопроса о том, какая из этих идентификаций рассматриваемых предложений является правильной, необходимо построить системы других предложений, противопоставленных по тем же трем основаниям. Построим соответствующие предложения с глаголом *читать*.

a ¹⁰⁰⁰ Он читает книгу			a ¹⁰⁰ Книга читает- ся им
	a ⁰⁰¹ Он должен читать книгу	a ¹⁰¹ Книга должна читаться им	
	a ⁰¹¹ Ему необходимо читать книгу. Ему читать книгу	a ¹¹¹ Книге необходимо читаться. Книге читаться	
a ⁰¹⁰ Ему читается			a ¹¹⁰ 0

В этой системе обнаружены два дативных предложения *Ему читать книгу* и *Ему читается*. Последнее предложение не имеет значения необходимости и не может его иметь; оно характеризуется следующими признаками: действительностью, безличностью и изъявительностью (a⁰¹⁰). В этом предложении дат. п. сочетается с возвратною формой глагола (*Ему читается*). Такое сочетание характеризует определенные связи словоформ в речи.

Рассмотрим предложение *Ему читать книгу*. В этом предложении мы видим сочетание дат. п. с инфинитивом. Но возможна ли зависимость инфинитива от дат. п. имени? Зависит ли в этом предложении форма инфинитива *читать* от формы *ему*.

В предложении *Ему необходимо читать книгу* инфинитив *читать* зависит от формы *необходимо* (*есть*). Это предложение может быть преобразовано по требованию категории времени: *Ему необходимо читать книгу*, *Ему необходимо было читать книгу*, *Ему необходимо будет читать книгу*. Предложение *Ему читать книгу* не может быть преобразовано по требованию категории

времени, так как этому требованию отвечают формы *необходимо (есть), необходимо было, необходимо будет*. Но эти формы в данном предложении не имеют места. Отсутствие названных форм в предложении *Ему читать книгу* функционально, значимо; оно является знаком того, что это предложение обозначает действие безотносительно ко времени. Но если отсутствие указанных форм в предложении *Ему читать книгу* имеет определенную значимость, состоящую в отнесении функции этого предложения к любому времени, то само их отсутствие в составе предложения является его структурным элементом. Он имеет нулевой характер. Его назначением является отнесение модального значения необходимости к любому времени.

Из этого мы должны сделать вывод, что инфинитив *читать* в предложении *Ему читать книгу* соотносится не с дат. п. формы *ему*, а с нулевой формой, выражающей значение необходимости безотносительно к конкретному времени, и зависит от нее. Две формы с дат. п. *Ему читается* и *Ему читать книгу* не могут быть одинаково идентифицированы в отношении их модальности. Если предложение *Ему читается* имеет значение изъявительной модальности, то предложение *Ему читать книгу* может иметь только значение необходимости, знаком чего является само отсутствие показателей модальности, ориентированных во времени.

Возвратимся к предложению *Мы строим город*. Его можно преобразовать в предложение *Нам строится*. Структурно оно возможно, но фактически не употребляется. Его место в системе языка остается незанятым. Предложение *Нам строить город* не только возможно, но и фактически употребляется. Оно должно занять свое место в системе противопоставлений предложений по множеству оснований. В этой системе оно займет свое особое, специфическое место.

В системе противопоставлений по трем указанным основаниям оно занимает одно место вместе с предложением *Нам необходимо строить город*.

Для полной идентификации предложения «Нам строить город» оказывается недостаточным включение его в систему противопоставлений предложений по трем основаниям.

Введем четвертое основание противопоставления. Четвертым основанием противопоставления будем считать различие предложений по категории времени. Знак 0 в четвертой позиции означает настоящее время, знак 1 в той же позиции — прошедшее время, знак 2 в той же позиции — будущее время, знак 3 в той же позиции означает действие безотносительно к конкретному времени. Будем составлять таблицы предложений по каждому времени в отдельности; предложения, не ориентированные по отношению к конкретному времени, также будут даны в отдельной таблице.

В этой таблице все предложения имеют значимость действия безотносительно к конкретному времени, т. е. значимость неопределенного времени.

Система предложений, противопоставленных по четырем основаниям, в настоящем времени

a ⁰ 0010 Он должен читать книгу		a ⁰ 1010 Книга должна читаться им				
<table><tr><td>a¹0000 Он читает книгу</td><td>a²1000 Книга читается им</td></tr><tr><td>a³0100 Ему читается</td><td>a⁴1000 Ø</td></tr></table>			a ¹ 0000 Он читает книгу	a ² 1000 Книга читается им	a ³ 0100 Ему читается	a ⁴ 1000 Ø
a ¹ 0000 Он читает книгу	a ² 1000 Книга читается им					
a ³ 0100 Ему читается	a ⁴ 1000 Ø					
a ⁷ 0110 Ему необходимо читать книгу		a ⁸ 1110 Книге необходимо читаться				

Таблица предложений, противопоставленных по четырем основаниям, в прошедшем времени

а ¹³ 0011 Он должен был читать книгу		а ¹⁴ 1011 Книга должна была читаться им				
<table><tr><td>а⁰0001 Он читал книгу</td><td>а¹⁰1001 Книга читалась им</td></tr><tr><td>а¹¹0101 Ему читалось</td><td>а¹²1101 Ø</td></tr></table>			а ⁰ 0001 Он читал книгу	а ¹⁰ 1001 Книга читалась им	а ¹¹ 0101 Ему читалось	а ¹² 1101 Ø
а ⁰ 0001 Он читал книгу	а ¹⁰ 1001 Книга читалась им					
а ¹¹ 0101 Ему читалось	а ¹² 1101 Ø					
а ¹⁵ 0111 Ему необходимо было читать книгу		а ¹⁶ 1111 Книге необходимо было читаться				

Общая система синтаксических объектов, противопоставленных по четырем основаниям

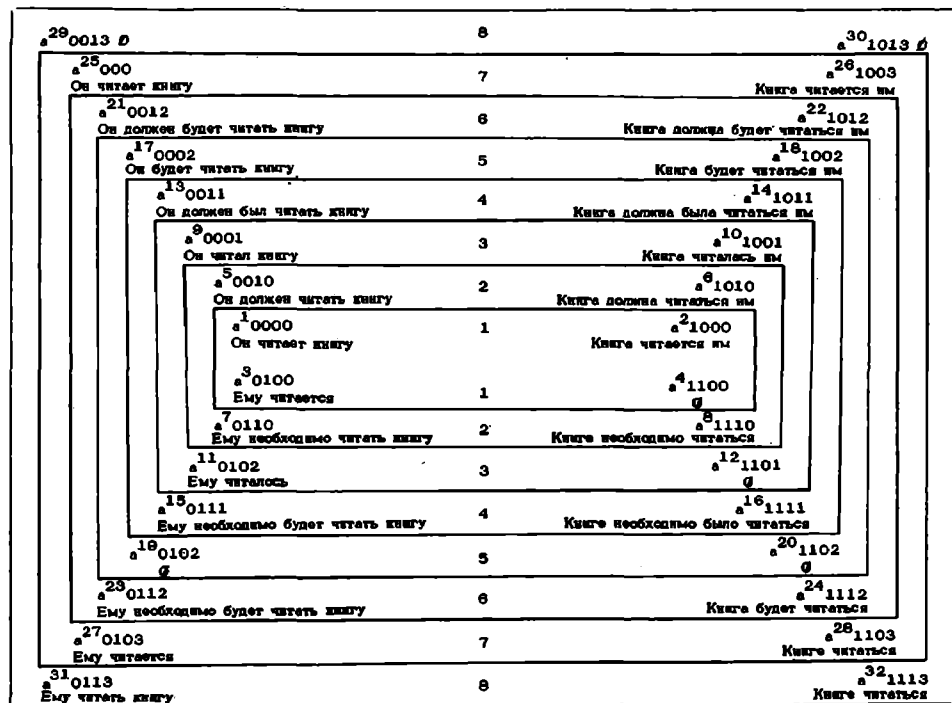

Таблица предложений, противопоставленных по четырем основаниям, в будущем времени

$a^{20}0012$ Он должен будет читать книгу	$a^{22}1012$ Книга должна будет читаться им
$a^{17}0002$ Он будет читать книгу $a^{18}0102$ $\emptyset$	$a^{18}1002$ Книга будет читаться им $a^{20}1102$ $\emptyset$
$a^{22}0112$ Ему необходимо будет читать книгу	$a^{22}1112$ Книге необходимо будет читаться

Таблица предложений, противопоставленных по четырем основаниям, безотносительно к конкретному времени (неопределенное время)

$a^{22}0013$ $\emptyset$	$a^{20}1013$ $\emptyset$
$a^{22}000—$ Он читает книгу $a^{22}010—$ Ему читается	$a^{22}100—$ Книга читается им $a^{22}110—$ $\emptyset$
$a^{21}0113$ Ему читать книгу	$a^{22}1113$ Книге читаться

Как видим, синтаксические объекты допускают полную и правильную идентификацию только в системе их противопоставления по множеству оснований.

ИСЧИСЛЕНИЕ ЗНАЧИМОСТЕЙ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

При построении системы значимостей лингвистических объектов операции их противопоставлений осуществляются на основе следующих ограничений.

1. Лингвистические объекты противопоставляются не только по одиночным, но и по сложным основаниям. Операции противопоставлений осуществляются не только между объектами a^{100} и a^{210} , которые различаются по одному первому основанию, но и

между объектами a^{100} и a^{411} , которые различаются по двоекратному основанию, т. е. одновременно по двум основаниям.

2. Отношения между лингвистическими объектами, противопоставленными по тому или другому основанию, признаются несимметричными; это значит, что отношение объекта a^{100} к объекту a^{210} не равно отношению объекта a^{210} к объекту a^{100} .

Объект a^{100} имеет свою значимость при противопоставлении с объектом a^{210} , а объект a^{210} имеет свою значимость при противопоставлении с объектом a^{100} .

Объект a^{100} имеет разные значимости при противопоставлении с объектами: a^{210} , a^{301} , a^{411} . Объект a^{210} имеет разные значимости при противопоставлении с объектами: a^{100} , a^{301} , a^{411} и т. д.

Значимости лингвистических объектов исчисляются с помощью попарного противопоставления. Ввиду этого число значимостей лингвистических объектов данной системы равняется квадрату числа самих лингвистических объектов, содержащихся в данной системе. Если число членов в лингвистической системе равно n , то число значимостей лингвистических объектов будет равно n^2 .

Лингвистическая система, содержащая 2 объекта a^1 и a^2 , имеет 4 значимости: 2 нулевых — a^1a^1 и a^2a^2 и 2 ненулевых — a^1a^2 и a^2a^1 . Лингвистическая система, содержащая 4 объекта, имеет 16 значимостей, лингвистическая система, содержащая 8 объектов, имеет 64 значимости и т. д.

Значимости лингвистической системы, содержащей 4 объекта, можно представить в форме следующей матрицы.

a^1a^1	a^1a^2	a^1a^3	a^1a^4
a^2a^1	a^2a^2	a^2a^3	a^2a^4
a^3a^1	a^3a^2	a^3a^3	a^3a^4
a^4a^1	a^4a^2	a^4a^3	a^4a^4

По главной диагонали, идущей слева направо, даны записи a^1a^1 , a^2a^2 , a^3a^3 , a^4a^4 . Эти записи обозначают нулевую значимость объектов a^1 , a^2 , a^3 , a^4 . Все остальные записи фиксируют ненулевые значимости каждого объекта в отдельности.

Значимости синтаксических объектов выделяются с помощью их противопоставлений по отдельным одиночным и сложным основаниям. Пусть наша синтаксическая система содержит 4 объекта: a^{100} , a^{210} , a^{310} , a^{411} .

Тогда матрицу значимостей этих синтаксических объектов можно установить с указанием оснований, по которым они выделяются (см. табл. на стр. 178).

На основе этой матрицы мы можем построить систему полярных двоичных значений четверки синтаксических объектов, объединенных противопоставлением по двум основаниям (см. табл.).

Матрица двоичных значений членов синтаксической системы, содержащей 4 объекта: a^{100} , a^{210} , a^{301} , a^{411}

1	2	3	4
0 a^{100} a^{100}	1 a^{100} a^{210}	2 a^{100} a^{301}	12 a^{100} a^{411}
1 a^{210} a^{100}	0 a^{210} a^{210}	12 a^{210} a^{301}	2 a^{210} a^{411}
2 a^{301} a^{100}	12 a^{301} a^{210}	0 a^{301} a^{301}	1 a^{301} a^{411}
12 a^{411} a^{100}	2 a^{411} a^{210}	1 a^{411} a^{301}	0 a^{411} a^{411}

Таблица полярных двоичных значений четырех синтаксических объектов: a^1 , a^2 , a^3 , a^4 , противопоставленных по двум основаниям

Обозначим нашими символами следующие синтаксические объекты:

a^{100} — «Плотники строят дом», a^{301} — «Дом строят»,
 a^{210} — «Дом строится плотниками», a^{411} — «Дом строится»

Основания противопоставления			
0	1	2	12
$a^{100} - a^{100}$	$a^{100} - a^{210}$	$a^{100} - a^{301}$	$a^{100} - a^{411}$
$a^{210} - a^{210}$	$a^{210} - a^{101}$	$a^{301} - a^{100}$	$a^{411} - a^{100}$
$a^{301} - a^{301}$	$a^{301} - a^{411}$	$a^{210} - a^{411}$	$a^{301} - a^{210}$
$a^{411} - a^{411}$	$a^{411} - a^{301}$	$a^{411} - a^{210}$	$a^{210} - a^{301}$

Полярные значимости синтаксических объектов, противопоставленных по двум основаниям, могут устанавливаться по одиначным основаниям 1 и 2 и по двоянному основанию 12.

В этой символике противопоставление по основанию действительности — страдательности обозначается знаками 0 и 1 в первой позиции, противопоставление по основанию определенности — неопределенности лица денотата обозначается знаками 0 и 1 во второй позиции.

Согласно таблице полярных двоичных значимостей четырехчленной системы объектов предложения a^{100} — a^{210} , a^{301} — a^{411} противопоставляются по первому основанию, т. е. по основанию действительность — страдательность.

Следовательно, предложения a^{100} и a^{301} , т. е. *Плотники строят дом* и *Дом строят*, обладают значимостью действительности в их соотношении с предложениями a^{210} и a^{411} , т. е. *Дом строится плотниками* и *Дом строится*, но эти последние предложения обладают полярною значимостью страдательности в их соотношении с первыми предложениями.

Объекты a^{100} — a^{301} и a^{210} — a^{411} противопоставляются по второму основанию. В наших синтаксических объектах вторым основанием их противопоставления является противоположность между определенно-личным и неопределенно-личным характером денотата, выступающего в функции производителя действия.

Следовательно, предложения a^{100} и a^{210} , т. е. *Плотники строят дом* и *Дом строится плотниками*, обладают значимостью определенного лица денотата, выступающего в функции производителя действия, в их соотношении с предложениями a^{301} и a^{411} , т. е. *Дом строят* и *Дом строится*, но эти последние обладают полярною значимостью неопределенного лица денотата, выступающего в функции производителя действия, в их соотношении с первыми.

Объекты a^{100} — a^{411} и a^{301} и a^{210} противопоставляются по двоянному основанию 12. В наших синтаксических объектах в сложение входят действительность — страдательность и определенность — неопределенность лица денотата. Следовательно, предложение a^{100} (*Плотники строят дом*) обладает значимостью действительности и определенности лица денотата с функцией производителя действия в его соотношении с предложением a^{411} (*Дом строится*), а предложение a^{411} (*Дом строится*) обладает полярною значимостью страдательности и неопределенности лица денотата в его соотношении с предложением a^{100} (*Плотники строят дом*).

Предложение a^{301} (*Дом строят*) обладает значимостью действительности и неопределенности лица денотата — производителя действия в его соотношении с предложением a^{210} (*Дом строится плотниками*), а предложение a^{210} (*Дом строится плотниками*) обладает полярною значимостью страдательности и определенности лица денотата — производителя действия.

На основании той же матрицы двоичных значимостей четырехчленной системы лингвистических объектов мы можем установить систему полярных значимостей каждого лингвистического объекта в отдельности, входящих в одну четверку (см. табл.).

Таблица двоичных полярных значимостей каждого синтаксического объекта в отдельности:

a¹00 («Плотники строят дом»)   a³01 («Дом строят»)
a²10 («Дом строится плотниками»)   a⁴11 («Дом строится»)

Основания противопоставлений			
0	1	2	12
a ¹ 00	a ² 10	a ³ 01	a ⁴ 11
a ² 10	a ¹ 00	a ⁴ 11	a ³ 01
a ³ 01	a ⁴ 11	a ¹ 00	a ² 10
a ⁴ 11	a ³ 01	a ² 10	a ¹ 00

Предложение a¹00 (*Плотники строят дом*) обладает значимостью действительности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a²10 (*Дом строится плотниками*), значимостью определенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по второму основанию с предложением a³01 (*Дом строят*), значимостью действительности и определенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении с предложением a⁴11 (*Дом строится*).

Предложение a²10 (*Дом строится плотниками*) обладает значимостью страдательности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a¹00 (*Плотники строят дом*), значимостью определенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по второму основанию с предложением a⁴11 (*Дом строится*), значимостью страдательности и определенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 12 с предложением a³01 (*Дом строят*).

Предложение a³01 (*Дом строят*) обладает значимостью действительности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a⁴11 (*Дом строится*), значимостью неопределенности лица денотата—производителя действия в его противопо-

ставлении по второму основанию с предложением a^{100} (*Плотники строят дом*), значимостью действительности и неопределенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 12 с предложением a^{210} (*Дом строится плотниками*).

Предложение a^{111} (*Дом строится*) обладает значимостью страдательности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a^{301} (*Дом строят*), значимостью неопределенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по второму основанию с предложением a^{210} (*Дом строится плотниками*), значимостью страдательности и неопределенности лица денотата—производителя действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 12 с предложением a^{100} (*Плотники строят дом*).

Значимости синтаксической системы, содержащей 8 объектов, можно представить в форме следующей матрицы:

a^1a^1	a^1a^2	a^1a^3	a^1a^4	a^1a^5	a^1a^6	a^1a^7	a^1a^8
a^2a^1	a^2a^2	a^2a^3	a^2a^4	a^2a^5	a^2a^6	a^2a^7	a^2a^8
a^3a^1	a^3a^2	a^3a^3	a^3a^4	a^3a^5	a^3a^6	a^3a^7	a^3a^8
a^4a^1	a^4a^2	a^4a^3	a^4a^4	a^4a^5	a^4a^6	a^4a^7	a^4a^8
a^5a^1	a^5a^2	a^5a^3	a^5a^4	a^5a^5	a^5a^6	a^5a^7	a^5a^8
a^6a^1	a^6a^2	a^6a^3	a^6a^4	a^6a^5	a^6a^6	a^6a^7	a^6a^8
a^7a^1	a^7a^2	a^7a^3	a^7a^4	a^7a^5	a^7a^6	a^7a^7	a^7a^8
a^8a^1	a^8a^2	a^8a^3	a^8a^4	a^8a^5	a^8a^6	a^8a^7	a^8a^8

В этой записи дано 8 нулевых значимостей (a^1a^1 , a^2a^2 , a^3a^3 , a^4a^4 , a^5a^5 , a^6a^6 , a^7a^7 , a^8a^8) и 56 ненулевых значимостей.

Значимости синтаксических объектов, как указано выше, выделяются с помощью их противопоставления по отдельным основаниям. Пусть наша синтаксическая система содержит 8 следующих синтаксических объектов: a^{1000} , a^{2100} , a^{3010} , a^{4110} , a^{5001} , a^{6101} , a^{7011} , a^{8111} .

Матрица двоичных значимостей членов синтаксической системы, содержащей 8 объектов: $a^1, a^2, a^3, a^4, a^5, a^6, a^7, a^8$

1	2	3	4	5	6	7	8
0 a^{1000} a^{1000}	1 a^{1000} a^{2100}	2 a^{1000} a^{3010}	12 a^{2000} a^{4110}	3 a^{1000} a^{5001}	13 a^{1000} a^{6101}	23 a^{1000} a^{7011}	123 a^{1000} a^{8111}
1 a^{2100} a^{1000}	0 a^{2100} a^{2100}	12 a^{2100} a^{3010}	-2 a^{2100} a^{4110}	13 a^{2100} a^{5001}	3 a^{2100} a^{6101}	123 a^{2100} a^{7011}	23 a^{2100} a^{8111}
2 a^{3010} a^{1000}	12 a^{3010} a^{2100}	0 a^{3010} a^{3010}	1 a^{3010} a^{4110}	23 a^{3010} a^{5001}	123 a^{3010} a^{6101}	3 a^{3010} a^{7011}	13 a^{3010} a^{8111}
12 a^{4110} a^{1000}	2 a^{4110} a^{2100}	1 a^{4110} a^{3010}	0 a^{4110} a^{4110}	123 a^{4110} a^{5001}	23 a^{4110} a^{6101}	13 a^{4110} a^{7011}	3 a^{4110} a^{8111}
3 a^{5001} a^{1000}	13 a^{5001} a^{2100}	23 a^{5001} a^{3010}	123 a^{5001} a^{4110}	0 a^{5001} a^{5001}	1 a^{5001} a^{6101}	2 a^{5001} a^{7011}	12 a^{5001} a^{8111}
13 a^{6101} a^{1000}	3 a^{6101} a^{2100}	123 a^{6101} a^{3010}	23 a^{6101} a^{4110}	1 a^{6101} a^{5001}	0 a^{6101} a^{6101}	12 a^{6101} a^{7011}	2 a^{6101} a^{8111}
23 a^{7011} a^{1000}	123 a^{7011} a^{2100}	3 a^{7011} a^{3010}	13 a^{7011} a^{4110}	2 a^{7011} a^{5001}	12 a^{7011} a^{6110}	0 a^{7011} a^{7110}	1 a^{7011} a^{8111}
123 a^{8111} a^{1000}	23 a^{8111} a^{2100}	13 a^{8111} a^{3010}	3 a^{8111} a^{4110}	12 a^{8111} a^{5001}	2 a^{8111} a^{6101}	1 a^{8111} a^{7011}	0 a^{8111} a^{8111}

Тогда матрицу значимостей этих синтаксических объектов можно установить с указанием оснований, по которым они выделяются.

На основе этой матрицы мы можем построить систему полярных двоичных значимостей восьмерки синтаксических объектов, объединенных противопоставлением по трем основаниям.

Полярные значимости лингвистических объектов, противопоставленных по трем основаниям, можно устанавливать по одиночным основаниям 1, 2 и 3, по двойным основаниям 12, 13, 23, а также по строенному основанию 123.

Таблица полярных двоичных значимостей 8 синтаксических объектов: a^{1000} , a^{2100} , a^{3010} , a^{4110} , a^{5001} , a^{6101} , a^{7011} , a^{8111} , противопоставленных по трем основаниям

Основания противопоставлений			
0	1	2	3
$a^{1000} - a^{1000}$	$a^{1000} - a^{2100}$	$a^{1000} - a^{3010}$	$a^{1000} - a^{5001}$
$a^{2100} - a^{2100}$			
$a^{3010} - a^{3010}$	$a^{3010} - a^{4110}$	$a^{2100} - a^{4110}$	$a^{2100} - a^{6101}$
$a^{4110} - a^{4110}$			
$a^{5001} - a^{5001}$	$a^{5001} - a^{6101}$	$a^{5001} - a^{7011}$	$a^{3010} - a^{7011}$
$a^{6101} - a^{6101}$			
$a^{7011} - a^{7011}$	$a^{7011} - a^{8111}$	$a^{4110} - a^{8111}$	$a^{4110} - a^{8111}$
$a^{8111} - a^{8111}$			

Основания противопоставлений			
12	13	23	123
$a^{100} - a^{410}$	$a^{1000} - a^{6101}$	$a^{1000} - a^{7011}$	$a^{1000} - a^{8111}$
$a^{2100} - a^{3010}$	$a^{2100} - a^{5001}$	$a^{2100} - a^{8111}$	$a^{2100} - a^{7001}$
$a^{5001} - a^{8111}$	$a^{4110} - a^{7011}$	$a^{3010} - a^{5001}$	$a^{4110} - a^{5001}$
$a^{6101} - a^{7011}$	$a^{8111} - a^{3010}$	$a^{4110} - a^{6101}$	$a^{3010} - a^{6101}$

Обозначим нашими символами следующие синтаксические объекты:

- a^{1000} — *Плотники строят дом*
- a^{2100} — *Дом строится плотниками*
- a^{3010} — *Дом строят*
- a^{4110} — *Дом строится*
- a^{5001} — *Плотники построили дом*
- a^{6101} — *Дом построен плотниками*
- a^{7011} — *Дом построили*
- a^{8111} — *Дом построен*

В этой символике противопоставление действительности — страдательности отражается в первой позиции: 0 — действительность, 1 — страдательность, противопоставление определенности — неопределенности лица денотата — производителя действия отражается во второй позиции: 0 — определенность, 1 — неопределенность, противопоставление действия несовершенного вида действию совершенного вида отражается в третьей позиции: 0 — несовершенство, 1 — совершенство.

Согласно таблице двоичных значимостей восьмичленной системы лингвистических объектов предложения $a^{1000} - a^{2100}$, $a^{3010} - a^{4110}$, $a^{5001} - a^{6101}$, $a^{7011} - a^{8111}$, получают противоположные значимости по основанию действительность — страдательность при тождестве их признаков по двум другим основаниям.

Предложения, символы которых содержат 0 в первой позиции, т. е. предложения a^1000 (*Плотники строят дом*), a^3010 (*Дом строят*), a^5001 (*Плотники построили дом*), a^7011 (*Дом построили*) обладают значимостью действительности в их соотношении с предложениями, символы которых в той же позиции имеют 1, т. е. a^2100 (*Дом строится плотниками*), a^4110 (*Дом строят*), a^6101 (*Дом построили*), a^8111 (*Дом построен*). Наоборот, последние предложения, т. е. предложения, символы которых содержат в первой позиции 1, обладают полярною значимостью страдательности в их соотношении с первыми предложениями.

Предложения a^1100 — a^3010 , a^2100 — a^4110 , a^5001 — a^7011 , a^6101 — a^8111 получают противоположные значимости в противопоставлении по основанию определенность — неопределенность лица денотата — производителя действия, при тождестве признаков по двум другим основаниям. Предложения, символы которых имеют 0 во второй позиции, т. е. предложения a^1000 (*Плотники строят дом*), a^2100 (*Дом строится плотниками*), a^5001 (*Плотники построили дом*), a^6101 (*Дом построен плотниками*), обладают значимостью определенности лица денотата в соотношении с предложениями, символы которых содержат во второй позиции 1, т. е. с предложениями a^3010 (*Дом строят*), a^4110 (*Дом строится*), a^7011 (*Дом построили*), a^8111 (*Дом построен*). Наоборот, эти последние предложения обладают полярною значимостью неопределенности лица денотата в соотношении с первыми предложениями.

Предложения a^1000 — a^5001 , a^2100 — a^6101 , a^3010 — a^7011 , a^4110 — a^8111 получают противоположные значимости в противопоставлении по основанию совершенность — несовершенность вида глагольного действия при тождестве признаков по двум другим основаниям.

Предложения, символы которых в третьей позиции имеют 0, т. е. предложения a^1000 (*Плотники строят дом*), a^2100 (*Дом строится плотниками*), a^3010 (*Дом строят*), a^4110 (*Дом строится*) обладают значимостью несовершенности вида глагольного действия в их соотношении с предложениями, символы которых содержат в третьей позиции 1, т. е. с предложениями a^5001 (*Плотники построили дом*), a^6101 (*Дом построен плотниками*), a^7011 (*Дом построили*), a^8111 (*Дом построен*). Наоборот, эти последние в отношении с первыми обладают полярною значимостью совершенности вида глагольного действия.

Предложения a^1000 — a^4110 , a^2100 — a^3010 , a^5001 — a^8111 , a^6101 — a^7011 получают противоположные значимости по двоячному первому и второму основанию при тождестве их признаков по третьему основанию ...

Предложения a^1000 — a^6101 , a^2100 — a^5001 , a^4110 — a^7011 , a^8111 — a^3010 получают противоположные значимости по двоячному первому и третьему основанию при тождестве признаков по второму основанию ...

Предложения $a^{1000} - a^{7011}$, $a^{2100} - a^{4111}$, $a^{3010} - a^{5001}$, $a^{4110} - a^{6101}$ получают противоположные значимости при противопоставлении по двоекному второму и третьему основанию при тождестве их признаков по первому основанию ...

Предложения $a^{1000} - a^{4111}$, $a^{2100} - a^{7011}$, $a^{4110} - a^{5001}$, $a^{3010} - a^{6101}$ получают противоположные значимости по строенному первому, второму и третьему основанию. Эти предложения обладают полярными свойствами по всем основаниям их противопоставлений. Они тождественны или различны по другим основаниям, которые не включены в данную систему противопоставлений. Но в системе 8 объектов, противопоставленных по трем установленным основаниям, они полярны по всем этим основаниям ...

На основе той же матрицы двоичных значимостей восьмичленной системы синтаксических объектов мы можем установить систему полярных значимостей каждого синтаксического объекта в отдельности, входящих в одну восьмерку.

В этой системе полярные значимости отдельного объекта устанавливаются по одиночным основаниям 1, 2, 3, по двоекным основаниям 12, 13, 23, по строенному основанию 123.

Таблица двоичных полярных значимостей каждого лингвистического объекта в отдельности

a^{1000} («Плотники строят дом»)	a^{5001} («Плотники построили дом»)
a^{2100} («Дом строится плотниками»)	a^{4101} («Дом построен плотниками»)
a^{3010} («Дом строят»)	a^{7011} («Дом построили»)
a^{4110} («Дом строится»)	a^{6111} («Дом построен»)

Основания противопоставлений

0	1	2	3	12	13	23	123
a^{1000}	a^{2100}	a^{3010}	a^{4110}	a^{4110}	a^{4101}	a^{7011}	a^{4111}
a^{2100}	a^{1000}	a^{4110}	a^{6101}	a^{3010}	a^{5001}	a^{4111}	a^{7011}
a^{3010}	a^{4110}	a^{1000}	a^{7011}	a^{2100}	a^{4111}	a^{5001}	a^{6101}
a^{4110}	a^{3010}	a^{2100}	a^{4111}	a^{1000}	a^{7011}	a^{6101}	a^{5001}
a^{5001}	a^{6101}	a^{7011}	a^{1000}	a^{4111}	a^{2100}	a^{3010}	a^{4110}
a^{6101}	a^{5001}	a^{4111}	a^{2100}	a^{7011}	a^{1000}	a^{4110}	a^{3010}
a^{7011}	a^{4111}	a^{5001}	a^{3010}	a^{6101}	a^{4110}	a^{1000}	a^{2100}
a^{4111}	a^{7011}	a^{6101}	a^{4110}	a^{5001}	a^{3010}	a^{2100}	a^{1000}

Предложение a^{1000} (*Плотники строят дом*) обладает полярной значимостью действительности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a^{2100} (*Дом строится плотниками*), полярную значимость определенности лица дежотата в его противопоставлении по второму основанию с предложением a^{3010} (*Дом строят*), полярную значимостью несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по третьему основанию с предложением a^{5001} (*Плотники построили*).

ли дом), полярною значимостью действительности и определенности лица денотата в его противопоставлении по сдвоенному основанию 12 с предложением a^{4110} (Дом строится), полярною значимостью действительности и несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 13 с предложением a^{6101} (Дом построен плотниками), полярною значимостью неопределенности лица денотата и несовершенности глагольного действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 23 с предложением a^{7011} (Плотники построили дом), полярною значимостью действительности, определенности лица денотата и несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по строенному основанию 123 с предложением a^{8111} (Дом построен).

Предложение a^{4100} (Дом строится плотниками) обладает полярною значимостью страдательности в его противопоставлении по первому основанию с предложением a^{1000} (Плотники строят дом), полярною значимостью определенности лица денотата в его противопоставлении по второму основанию с предложением a^{4110} (Дом строится), полярною значимостью несовершенного вида глагольного действия в его противопоставлении по третьему основанию с предложением a^{6101} (Дом построен плотниками), полярною значимостью страдательности и определенности лица денотата в его противопоставлении по сдвоенному основанию 12 с предложением a^{3010} (Дом строят), полярною значимостью страдательности и несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 13 с предложением a^{6001} (Плотники построили дом), полярною значимостью определенности лица денотата и несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по сдвоенному основанию 23 с предложением a^{8111} (Дом построен), полярною значимостью страдательности, определенности лица денотата и несовершенности вида глагольного действия в его противопоставлении по строенному основанию 123 с предложением a^{7011} (Дом построили). ...

Точно таким же образом могут быть описаны полярные значимости других объектов системы предложений: a^{3010} , a^{4110} , a^{6001} , a^{6101} , a^{7011} , a^{8111} .

Таким образом, ни одно предложение не обладает одною значимостью, каждое предложение обладает множеством полярных значимостей. В системе противопоставления объектов по двум основаниям оно имеет 4 полярные значимости (одна нулевая), в системе противопоставления объектов по трем основаниям оно имеет 8 полярных значимостей (одна нулевая). Число полярных значимостей противопоставленных предложений относится к числу предложений, объединенных данными противопоставлениями, как квадрат числа к числу.

ПРИРОДА СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

(К вопросу о предмете синтаксиса)

Во всякой лингвистической теории существуют два основных вопроса: вопрос о единицах в данной области лингвистических явлений и вопрос об их отношениях. Предлагаемая синтаксическая теория за отправную единицу принимает предложение, а за основную предпосылку построения теории — положение, согласно которому в лингвистическом объекте признается наличие двух сторон — означающей и означаемой, находящихся в отношениях соответствия.

За предложение принимается лингвистическая единица, означающей стороной которой является словесная форма или сцепление словесных форм, а означаемой — предикативное отношение, т. е. сообщение¹. Словесная форма или организация словесных форм в предложении рассматривается как то, что имеет своим назначением выражать; предикативные отношения, или сообщение, в предложении — как то, что имеет назначением быть выраженным и понятым.

Поскольку означаемой стороной предложения является предикативное отношение, постольку принципом рассмотрения структуры предложения признается бинарность, независимо от того, сколько слов содержится в его выражаемой стороне. Предложение *Светает*, представленное одним словом, описывается с помощью принципа бинарности, как и предложение *Эта геометрическая фигура есть четырехугольник с равными углами и равными сторонами*, представленное множеством слов². Части сложного предложения признаются предложениями, поскольку их означаемой стороной является предикатное отношение.

Отделение означающего от означаемого является основным требованием лингвистической теории синтаксического анализа.

В означаемой и означающей сторонах предложения различаются свои особые единицы. Единицы означаемой стороны требуют выражения: они представляют собою части сообщения. Традиционные члены предложения рассматриваются как единицы означаемой стороны предложения. Единицы означающей стороны предложения служат для выражения означаемого, они представляют собою выражающие средства. Грамматические формы частей речи

¹ Означаемую сторону предложения разные авторы называют по-разному: логической фразой (П. В. Ч е с н о к о в. Понятие о суждении вопроса, побуждении и логической фразе. Уч. зап. Ростовского пединститута, вып. 4, 1955), логическим предложением (А. С. А х м а н о в. Логические формы и их выражение в языке. Сб. «Мышление и язык». М., 1957, стр. 203), высказыванием (М. Н. А л е к с е е в и Г. В. К о л ш а н с к и й. О соотношении логических и грамматических категорий. — ВЯ, 1955, № 5, стр. 10).

² Подчеркиваю, что речь идет не об объекте, а методах его описания.

рассматриваются как единицы означающей стороны предложения. Словосочетания рассматриваются как часть означающей, а не означаемой стороны предложения.

Границы единиц означаемой стороны не совпадают с границами единиц означающей стороны: один и тот же член предложения может выражаться разными грамматическими формами различных частей речи ³ (ср.: *просил его* и *простил ему*), и одна грамматическая форма может выражать разные члены предложения (ср.: *был аспирантом* и *руководил аспирантом*).

Между грамматическими формами частей речи как означающим и членами предложения как означаемым нет взаимно-однозначного соответствия ⁴. Это означает, что в понятиях грамматических форм частей речи и членов предложения не достигается единства между означающим и означаемым. Единство означающего и означаемого приводит к совпадению границ их единиц, т. е. к наличию взаимно-однозначного соответствия между означающим и означаемым ⁵. В предложении есть такой каркас, в котором означающее и означаемое находятся в единстве. Это — модель предложения, в ее членах означающее и означаемое находятся во взаимно-однозначном соответствии.

Из этого следует, что членами модели предложения не могут быть ни грамматические формы частей речи, ни члены предложения, так как они не находятся в отношениях взаимно-однозначного соответствия. Членами модели предложения могут быть только те единицы, в которых означающее и означаемое находятся в отношениях взаимного соответствия.

Этому требованию удовлетворяют словесные формы в их валентных свойствах. Словесными формами называют отдельные слова в данной грамматической форме. Разные словесные формы обладают разными свойствами сочетаемости с другими словесными формами. Поясню это на примере: словесные формы *подарил* и *взял* представляют собой одну грамматическую форму одной части речи. Но они обладают разными способностями сочетаться с падежными формами. Словесная форма *подарил* сочетается с дат. и вин. падежами, ср.: *подарил кому что*, а словесная форма *взял* — с вин. и твор. падежами, ср.: *взял что чем*. Возможность данной словесной формы к сочетанию с другими словесными формами называют ее валентным свойством.

Так как модель предложения представляет собой такой каркас предложения, в котором означающее и означаемое находятся в единстве, то членами модели предложения могут быть только сло-

³ Но подлежащим может быть имя только в именительном падеже.

⁴ Отношение между единицами двух множеств является взаимно-неоднозначным, если одному члену одного множества соответствует несколько членов другого множества.

⁵ Отношение между единицами двух множеств является взаимно-однозначным, если каждому отдельному члену одного множества соответствует особый член в другом множестве.

весные формы и их валентные свойства (только в них означающее и означаемое находятся в отношениях взаимно-однозначного соответствия). Словесные формы *взял, вытащил (что чем)* входят в одну модель разных предложений и являются единицей одной модели предложения. Словесные формы *подарил, преподнес, купил, предназначил (кому что)* входят в другую модель разных предложений и являются единицей другой модели предложения.

Итак, единицами на уровне взаимно-однозначного соответствия между обозначаемым и обозначающим являются словесные формы в их валентных свойствах. Валентные свойства словесных форм имеют реляционный характер по отношению к модели предложения. Эти свойства зависят от модели предложения. Они и делают данную словесную форму единицей данной, а не другой модели предложения.

Словесная форма обладает данными свойствами как часть данного отношения, т. е. как член модели ⁶.

Валентные свойства словесных форм как членов модели принадлежат не отдельным словам, а классам слов внутри данной части речи, которые являются носителями данной грамматической формы ⁷. Возникает необходимость разрабатывать теорию классов словесных форм внутри данной части речи по их валентным свойствам в качестве единиц моделей предложения ⁸.

Всякая модель предложения имеет содержательную, т. е. означаемую сторону, и формальную, т. е. означающую сторону. Модель предложения прежде всего содержательна. Если мы признаем модели двух предложений — *подарил кому что и подари кому что* разными, то мы обязаны сделать вывод о том, что различие моделей предложений связано с повествовательностью и побудительностью, т. е. с некоторыми содержательными, означаемыми моментами.

Но эта содержательность имеет особый характер: она формализована; она не содержит в себе индивидуальных моментов выражаемого. Предложения *Иван писал письмо карандашом* и *Петр держал железо клещами* имеют индивидуальное различие в содержании, в выражаемом; но если вычтем из выражаемого индивидуальное различие, мы получим в остатке общее по каждому компоненту предложения. Свойства предикативности и модальности являются свойствами модели предложения, если они рассматриваются с точ-

⁶ Более подробно о реляционных свойствах синтаксических единиц см. Т. П. Ломтев. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. — НДВШ, Фил. науки, 1960, № 4 (статья включена в настоящий сборник, стр. 124—140. — Прим. ред.).

⁷ Свойствами управления могут обладать глагол и имя существительное. Ср. *читал книгу* и *чтение книги*. Выделение частей речи принимается за первое основание разделения слов на классы.

⁸ Основные понятия о таких классах в применении к русскому языку изложены: Т. П. Ломтев. О некоторых вопросах структуры предложения. — НДВШ, Фил. науки, 1960, № 4 (См. настоящий сборник, стр. 140—157. — Прим. ред.).

ки зрения взаимно-однозначного соответствия между означающим и означаемым. Если модальность или предикативность рассматриваются вне связи с моделью предложения, то они представляют собою чисто смысловую проблему. Учение о модели предложения как о формализованной содержательности вбирает в себя традиционные вопросы о членах предложения, а также о его предикативности и модальности.

Модель предложения не только содержательна, т. е. имеет означаемую сторону, но и формальна, т. е. имеет означающую сторону. Означающая сторона предложения представляет собою связь грамматических форм частей речи. Но, как показано было раньше, грамматические формы частей речи могут выражать разное содержание, т. е. могут иметь разное означаемое. Для того чтобы грамматическая форма части речи могла быть осмыслена, она должна анализироваться не на уровне части речи, а на уровне класса слов внутри части речи. Формы *писал* и *знал* являются изъявительными формами глагола; в предложениях *Иван писал письмо карандашом* и *Иван знал Петра мальчиком* они выражают один член предложения — сказуемое, но в моделях этих предложений они выступают в качестве разных членов моделей. По отношению к означаемой стороне предложения они выступают в качестве грамматических форм частей речи; в моделях же — в качестве грамматических форм класса слов внутри части речи.

Если в словесной форме мы устраним индивидуальные черты, то получим грамматическую форму с валентными свойствами того класса слов внутри части речи, к которому относится слово, являющееся носителем этой формы. Назовем грамматическую форму с валентными свойствами класса слов внутри части речи постоянным элементом предложения, а ее индивидуальное наполнение — переменными элементами предложения. В таком случае моделью предложения является организация его постоянных элементов. Единицы моделей предложения, каковыми являются словесные формы в их валентных свойствах, характеризуются рядом особенностей.

1. Как указано было выше, в членах модели означающие и означаемые предложения находятся во взаимно-однозначном соответствии. В них совпадают границы означающего и означаемого тождества. Если одна грамматическая форма имеет значение двух разных членов предложения, то она не может служить основанием одного члена определенной модели предложения, так как одна грамматическая форма находится в соответствии со значением разных членов предложения, ср.: *работал по ночам* и *работал по договору*. Случаи, когда значение одного члена предложения выражается разными грамматическими формами, требуют особого рассмотрения.

2. Члены модели предложения имеют реляционный характер по отношению к модели; их свойства связаны с характером модели предложения. Одна грамматическая форма может представлять

собою разные члены разных моделей предложения; так, форма творительного падежа одного существительного *аспирантом* в предложениях *он знал его аспирантом* и *он руководил аспирантом* представляет собою два разных члена двух моделей предложения, так как она входит в качестве члена в две разные модели предложения.

Тождество члена модели предложения не определяется тождеством грамматической формы.

Одна часть сообщения (один член предложения) может представлять собою разные члены разных моделей предложения; так, в предложениях *он читал книгу* и *чтение книг было его основным занятием* один член предложения — дополнение, выраженное формами *книгу* и *книг*, представляет собою две разные синтаксические единицы, так как он входит в качестве члена в две разные модели предложения. Разные члены модели предложения могут соответствовать одному его члену.

Характер члена модели предложения зависит от характера целого, т. е. от модели предложения. В разных моделях предложений различными являются и их члены, несмотря на тождество грамматической формы или члена предложения (части сообщения).

ОТНОШЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Отношения между словесными формами как членами модели предложения, как известно, распадаются на два класса. Существуют отношения между одной словесной формой и другой словесной формой в той же модели предложения. Таковы отношения между формами *писал* и *вечерами* в сочетании *писал вечерами*. Эти отношения обычно называют синтагматическими. Но существуют отношения между одной словесной формой одной модели и другой словесной формой другой модели предложения. Таковы отношения между формами *вечерами* и *по вечерам* в сочетаниях *писал вечерами* и *писал по вечерам*. Эти отношения обычно называют парадигматическими.

Синтагматические отношения представляют собою междусловные связи внутри одной модели предложения.

Парадигматические отношения представляют собою смысловые отношения между элементами разных моделей разных предложений.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Предметной областью синтагматических отношений являются связи и зависимости между словесными формами в предложении; с помощью синтагматических отношений изучаются компоненты предложения по их реляционным свойствам. Синтагматические отношения лежат в основе так называемого дистрибутивного анализа, т. е. объективного анализа единиц по их валентным свойствам, по окружению.

Связи между словесными формами в одной модели предложения, т. е. в одной синтагматической последовательности, имеют ряд характерных особенностей.

1. Связи словесных форм в синтагматических отношениях имеют цепной характер. Это значит, что каждая данная словесная форма соотносится в синтагматическом ряду только с другими словесными формами.

Означающая сторона предложения представляет собою дискретную цепь отдельных звеньев. Звеньями дискретной цепи предложения могут быть отдельные словесные формы, ср. *Они читали книги*.

В этом предложении словесная форма *они* связана с словесной формой *читали*, а эта последняя с словесной формой *книги*. Звеньями дискретной цепи может быть сочетание слов: *красный шелковый платок висел на балконе*. В этом предложении словесная форма *красный* соотносится с сочетанием *шелковый платок*, а не с отдельной словесной формой *платок*. Предложная конструкция *за Ставрополем* в предложении *За Ставрополем уже стало так тепло, что Оленин ехал без шубы* (Л. Толстой. Казаки) входит в сцепление с сочетанием *стало тепло*. В предложении *Он пришел усталый* с формой *он* соотносится не *пришел* или *усталый*, а *пришел усталый* и т. д.

Цепная связь словесных форм в предложении имеет разнообразные виды и формы. Словесные формы могут входить в сцепление друг с другом в порядке последовательной связи, ср.: *он читал книгу брата*, где *он читал*, *читал книгу*, *книгу брата*, или в порядке параллельной связи, ср.: *он читал книгу вечером в саду*, где *читал книгу*, *читал вечером*, *читал в саду* и т. д.

2. Цепные связи словесных форм в модели предложения имеют мотивированный характер. Связи членов модели предложения по характеру их мотивированности распадаются на два класса.

К первому классу относится связь членов модели предложения, источником которой являются требования предикативности. Такой характер носит связь первого именительного со вторым именительным, ср. *Иван писатель*, связь именительного с творительным предикативным, ср.: *Иван был писателем*, связь именительного с инфинитивом в предложении *Ваша задача — учиться*, связь дательного лица с безличным глаголом, ср.: *ему не спится*. Во всех этих случаях словесные формы вступают в связь не на основе своих валентных свойств, а на основе требований предикативности.

Ко второму классу относится такая связь членов моделей предложения, источником которой являются собственные валентные свойства словесных форм.

Такой характер носит связь словесных форм *задача* и *учиться* в предложении *Перед Вами поставлена задача учиться*, связь словесных форм *читает* и *книгу* в предложении *Он читает книгу*, связь словесных форм *ему* или *его* с формой *прости* в предложениях

Прости ему или *Прости его*. Во всех этих случаях словесные формы вступают в связь на основе своих валентных свойств.

В связи с этим различают предикативные отношения словесных форм и валентные отношения словесных форм. Между этими отношениями существует принципиальное различие. В выражении *Вам бы сказать ему; а не молчать* есть два дательных падежа. Но только второй дательный (*ему*) связан с инфинитивом *сказать* на основе валентных отношений и управляется им, первый же дательный (*Вам*) связан с тем же инфинитивом не в порядке управления, а на основе предикативных отношений. Два рода отношений — предикативные и валентные — определяют два рода реляционных свойств членов этих отношений: свойство быть членом предикативных отношений и свойство быть членом валентных отношений.

Для обозначения реляционных свойств компонентов предложения принимается термин позиция словесных форм. Быть членом данных отношений значит занимать позицию в данных отношениях. Если данная словесная форма является членом предикативных отношений, то она соотносится либо с субъектом, либо с предикатом. Словесная форма, соотносящаяся с субъектом, занимает позицию подлежащего, словесная форма, соотносящаяся с предикатом, занимает позицию сказуемого. Строй предложения в славянских языках принято называть номинативным, так как предполагается, что в этих языках в функции подлежащего может выступать только именительный падеж имени. В действительности, в этих языках соотносится с субъектом и дательный падеж. Дательный падеж может быть управляемым, и тогда он является членом валентных отношений; он может быть неуправляемым, и тогда он является одним из членов предикативных отношений; дательный падеж соотносится с субъектом только в безличных предложениях, ср.: *Вам полезно, Вам необходимо, Вам следует* и т. д.

Если данная словесная форма является членом валентных отношений, то она может занимать или независимую позицию или зависимую позицию. Словесные формы в независимой позиции являются таким членом валентных отношений, валентные свойства которого раскрываются и выражаются с помощью других словесных форм; в выражении *читает книгу* глагол *читает* занимает независимую позицию, валентные свойства которого раскрываются и выражаются с помощью винительного падежа *книгу*. Словесные формы в зависимой позиции являются таким членом валентных отношений, который служит для раскрытия и выражения валентных свойств словесных форм в независимой позиции. Так, форма винительного падежа *книгу* в указанном выражении служит для раскрытия и выражения валентных свойств глагола *читает*.

Словесная форма, раскрывающая валентные свойства глагольной словесной формы, занимает приглагольную позицию, ср.: *читал букварь, читал медленно, читал в очках*. Однако позиция

подлежащего не является приглагольной, так как именительный падеж не раскрывает валентные свойства глагола как части речи.

Словесная форма, раскрывающая валентные свойства субстантивной словесной формы, занимает присубстантивную позицию, ср.: *отцов дом, дом отца, работник обкома, шнурки от ботинок, бочки из-под молока* и т. п. Позиция сказуемого не является присубстантивной, так как глагол не раскрывает валентных свойств именительного падежа как субстантивной формы.

Словесная форма, раскрывающая валентные свойства адъективной словесной формы, занимает приаъективную позицию, ср.: *черный от копоти, полный восторга, склонный к занятиям наукой* и т. п.

Характер позиции данной словесной формы определяет, членом какого отношения она является. Если словесная форма родительного падежа *книг* занимает приглагольную позицию (*не читал книг*) или присубстантивную позицию (*чтение книг*), то это указывает на то, что рассматриваемая форма представляет собою два разных члена в двух разных моделях, что характер этого члена определяется не тем, чем он выражен, и не тем, что он выражает, а тем, членом какого отношения или какой модели он выступает⁹.

3. Вопрос о сложном предложении есть вопрос о связях предложений в синтагматической цепи.

В последнее время получило распространение мнение, что сложное предложение не может состоять из предложений, так как часть не может быть одновременно и целым. Однако этот силлогизм здесь совершенно неуместен.

Характерная черта структуры языка заключается в том, что единицы низшего уровня являются частями или компонентами единиц высшего уровня. Компонентами морфемы являются фонемы, компонентами словесной формы — морфемы, компонентами предложения — словесные формы, компонентами сложного предложения — предложения. Сложные предложения представляют собою определенного типа линейную последовательность предложений.

В линейной последовательности нескольких предложений нет таких пар, которые бы не были связаны теми или другими смысловыми отношениями. Свойство смысловой связи принадлежит любым двум предложениям в любой синтагматической последовательности. Но не всякая последовательность предложений, объединенных по смыслу, образует одно сложное предложение. Такие выражения, как *Ножи стучат, посуда звенит, масло шипит* (Чехов. Свадьба), представляют собою не одно сложное предложение, а одну синтагматическую серию однородных предложений. Если члены этой серии соединяются союзами, то она не перестает быть

⁹ Подробнее см.: Т. П. Ломтев. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. — НВДШ, Филологические науки, 1960, № 4 (см. настоящий сборник, стр. 124—140. — *Прим. ред.*).

серией однородных предложений и не образует одного сложного предложения, ср.: *и ножи стучат, и посуда звенит, и масло шипит*. Только бинарная последовательность предложений образует одно сложное предложение. Связь двух предложений может быть союзной и бессоюзной; наличие или отсутствие союзов не нарушает тождества сложного предложения, ср.: *К Северьянову их не пустили: он вел бюро* (Б. Полевой. Глубокий тыл) и *К Северьянову их не пустили, так как он вел бюро*.

Это не означает, что наличие или отсутствие союза не имеет значения. В отдельных случаях наличие или отсутствие союза делает сложные предложения прямо противоположными по смыслу, ср.: *А лгал, что он видел Б* и *А лгал: он видел Б*. Первое утверждает, что *А не видел Б*, а второе утверждает, что *А видел Б*.

В бинарную связь, образующую одно сложное предложение, могут входить в качестве членов этого отношения не только простые предложения, но и сложные. В сложном предложении *Пока они бежали, луна ушла за тучу, стало темно* (В. Панова. Сентиментальный роман) первым членом бинарного отношения является одно предложение *пока они бежали*, а вторым членом того же отношения — два предложения *луна ушла за тучи, стало темно*. Само собою разумеется, что объединение предложений в одно сложное предложение представляет собою преобразование, которые имеют многообразные формы. Но преобразование предложений в одном сложном предложении не лишает их свойства быть предложением и не превращает их в словесную форму или какую-либо другую единицу, которая не обладает свойством предложения. Сложное предложение остается сложным до тех пор, пока в него входят разные предложения; как только одно из них перестает быть предложением, сложное предложение перестает быть сложным, ср.: *он читал газеты, которые были получены вчера вечером* и *он читал газеты, полученные вчера вечером*.

Итак, бинарность синтагматических отношений, членами которого являются именно предложения, является свойством сложного предложения; оно и придает ему новое качество по сравнению с единицей предшествующего уровня — простым предложением.

Связи предложений в одном сложном предложении по характеру их мотивированности распадаются на два класса.

К первому относится такая связь предложений, в которой одно предложение отвечает на смысловые потребности другого предложения, ср.: *Меня теперь не замечают: устарел (так как устарел)* (В. Ажаев. Далеко от Москвы).

Ко второму относится такая связь предложений, в которой одно предложение отвечает на валентные потребности словесной формы другого предложения, ср.: *Я знаю: в вашем сердце есть и гордость и прямая честь* (Пушкин).

Признание парадигматических отношений в качестве объекта синтаксической науки исходит из предпосылки, что между двумя разными предложениями могут существовать закономерные отношения. Не всякая связь двух предложений представляет собою парадигматические отношения. Между предложениями *Светило солнце. Было жарко* есть смысловая зависимость, но нет закономерных парадигматических отношений. Между предложениями *Депутатов избирают тайным голосованием и Депутаты избираются тайным голосованием* нет смысловой зависимости в линейной последовательности, но есть закономерные парадигматические отношения.

Парадигматическими являются не всякие отношения между двумя предложениями, а только те, которые имеют закономерный характер. Признание закономерного характера отношений между разными предложениями делает необходимым рассматривать их как объект науки. Игнорирование или непризнание парадигматических отношений в качестве объекта науки исходит из предпосылки, что в отношениях между разными предложениями нет никакой закономерности¹⁰. Однако отрицание такой закономерности не может быть оправдано. Многовековой опыт преподавания языка доказал полезность сближения, например, придаточных предложений и причастных конструкций (*человек, который смеется и смеющийся человек*), сближения разных грамматических форм (*начали войну и начали воевать*) и т. п.

Все это делает необходимым понятие парадигматических отношений в области синтаксиса. Тем самым представляется обоснованным признание парадигматических отношений между синтаксическими единицами в качестве объекта науки.

Предметной областью парадигматических отношений является значимость, или выражаемая сторона единиц; с помощью парадигматических отношений изучаются единицы по их значимости, семантике, содержанию и т. д.

При установлении парадигматических отношений возникает необходимость выявления основания тождества соответствующих предложений и основания их различия. Формулировка основания тождества необходима, чтобы была возможность закономерно

¹⁰ В этом отношении мы не можем согласиться с мнением Р. Ф. Микуша, согласно которому «всякое лингвистическое исследование: «синтаксическое», «морфологическое», даже «фонетическое», должно основываться только на линейном характере означающего. Все, что представляется в «вертикальном» плане (ассоциативные ряды, «склонения», «спряжения», «парадигмы», лексика, схемы и стеммы и, наконец, язык) la langue (в сосюрловском смысле), является лишь построением ученых, подобно, например, периодической системе элементов или классификации в зоологии (природные реалии никогда не располагаются согласно этим схемам)» (ВЯ, 1960, № 5, стр. 133).

сблизить разные предложения для установления того или другого парадигматического отношения. Формулировка основания различия или противопоставления необходима, чтобы была возможность определить значение и соотношение противочленов того или другого парадигматического отношения.

Парадигматические отношения распадаются на два класса в зависимости от основания тождества и различия между предложениями.

К первому классу относятся парадигматические отношения, основанные на тождестве и различии постоянных или переменных элементов разных предложений. Основанием тождества нескольких предложений может быть тождество постоянных элементов и различие переменных, например: *Петр любил Ивана. Федор презирал Сидора. Павел ненавидел Сергея* и т. д.

Предложения, тождественные по постоянным элементам и различные по переменным элементам, образуют парадигматическую серию.

Основанием тождества нескольких предложений может быть тождество переменных элементов и различие постоянных элементов. Предложения, тождественные по переменным элементам и различные по постоянным элементам, образуют парадигматический ряд, членами которого являются две серии предложений.

Различие постоянных элементов предложений, принадлежащих разным сериям, может не связываться с различием в смысле; такие предложения образуют непротивопоставленный парадигматический ряд, например, *стоял у стены и стоял около стены, работали у дороги и работали около дороги, писал ночами и писал по ночам* и т. д.

Различие постоянных элементов предложений, принадлежащих разным сериям, может связываться с различием в смысле; такие предложения образуют противопоставленный парадигматический ряд, например: *Он поранил руку о стекло и Он поранил руку стеклом, Он ушиб ногу о камень и Он ушиб ногу камнем. Он вытер ноги о ковер и Он вытер ноги ковром* и т. п.

Между предложениями, образующими парадигматический ряд на основе тождества переменных элементов, существуют отношения преобразования. Состав словесных форм предложений одной парадигматической серии можно рассматривать как преобразование словесных форм предложений другой парадигматической серии.

При установлении отношения преобразования между предложениями необходимо строго руководствоваться определенными принципами.

Произвольное сближение двух предложений, из которых одно рассматривается как объект преобразования, а другое как результат преобразования, нарушает самый принцип закономерности парадигматических отношений.

Так, Д. С. Уорф сближает *Иван приехал стариком* и *Старик приехал* и рассматривает второе как преобразование первого¹¹. Это, как и многие другие преобразования указанного автора, представляет собою случайное отношение.

Необходимым условием наличия между двумя предложениями отношений преобразования является тождество их переменных элементов и различие хотя бы части их «постоянных элементов». Предложения *Дом строили плотники* и *Дом строился плотниками* находятся в отношениях преобразования, так как они имеют общие переменные элементы и разные постоянные элементы.

В преобразовании одних предложений в другие существуют определенные закономерности преобразования их моделей. Изучение этих закономерностей является одной из важнейших задач синтаксиса как науки.

Ко второму классу относятся парадигматические отношения, основанные на тождестве и различии валентных свойств словесных форм в разных предложениях.

На основании тождества и различия валентных свойств словесных форм выделяются парадигматические ряды в порядке необратимой последовательности.

Парадигматические ряды, основанные на валентных свойствах словесных форм, имеют эшелонированное расположение: каждый данный парадигматический ряд имеет предшествующий и последующий ряды. Это значит, что эшелонированная структура парадигматических отношений имеет начальные и конечные ряды. Поясню это на следующих примерах.

Все глаголы в позиции сказуемого имеют общее свойство сочетаться со словесными формами, имеющими временное значение. Это тождество является основанием сближения всех двусоставных глагольных предложений.

Однако все глаголы в позиции сказуемого распадаются на два класса в зависимости от способности к сочетанию со словесными формами в объектных значениях: одни глаголы обладают этим свойством, другие — нет. Это различие является основанием противопоставления серии объектных предложений и серии безобъектных предложений как противочленов одного парадигматического ряда, например: *Он болел в прошлом году* и *Он написал книгу в прошлом году. Он стоял вчера на площади* и *Он рассматривал афиши вчера на площади. Он спал вчера в саду* и *Он читал книгу вчера в саду* и т. д. Основанием для построения этого парадигматического ряда является тождество глагольных предложений в в одном отношении и различие тех же предложений в другом отношении, именно в их отношении к объектности.

За этим парадигматическим рядом следует другой парадигматический ряд. То, что представляло собою противочлен различия

¹¹ D. S. W o r t h. Transform analysis of russian instrumental «constructions». — «Words», 1958, № 14, стр. 269.

в предшествующем ряду, становится основанием тождества в данном ряду. Одним из противочленов в предшествующем ряду было наличие объектности; в данном парадигматическом ряду оно становится основанием тождества, а основанием противопоставления выступает различие характера объектности: в одних глагольных предложениях наличие одного объекта предполагает необходимость другого объекта; в других не предполагает.

Это различие является основанием противопоставления серии одних объектных предложений и серии других объектных предложений как противочленов одного парадигматического ряда, например: *Он подарил книгу брату. Он учил Петра физике* и т. д. *Он любит Сидора. Он ненавидит Петра. Он простил Петра. Он учил физику.*

Основанием тождества этого парадигматического ряда является наличие объектности, т. е. то, что было моментом различия в предшествующем парадигматическом ряду, а основанием различия — разный характер объектности.

За этим парадигматическим рядом следует другой парадигматический ряд. В этом последнем основании тождества является то, что было моментом различия в предшествующем ряду.

Одним из моментов различия в предшествующем ряду было наличие такой объектности, при которой один объект предполагает необходимость другого объекта. В данном парадигматическом ряду этот момент различия предшествующего ряда становится основанием тождества, а основание противопоставления становится различием в характере объекта, необходимость которого предполагается.

Это различие является основанием противопоставления серии объектных предложений, предполагающих необходимость объекта одного характера, и серии объектных предложений, предполагающих необходимость объекта другого характера, например: *Он поранил руку о стекло* и *Он поранил руку стеклом.*

Как видно из соответствующего изложения, парадигматические ряды, основанные на валентных свойствах глагольных форм, имеют необратимое последовательное расположение. Причем, то, что составляет момент различия в данном парадигматическом ряду, становится основанием тождества в последующем парадигматическом ряду, а то, что является основанием тождества в данном парадигматическом ряду, является моментом различия в предшествующем парадигматическом ряду.

Вся система парадигматических отношений имеет взаимосвязанный характер. В этой системе парадигматические ряды имеют эшелонированное расположение. Изучение закономерностей эшелонирования парадигматических рядов является одной из важных задач синтаксиса как науки.

Таким образом, синтаксический объект представляет собою синтаксические единицы разных уровней в их синтагматических и парадигматических отношениях.

Так как природа всякого лингвистического объекта заключается в соответствии между означающим и означаемым, то требованием синтаксической теории должно быть установление в каждой синтаксической единице того, что представляет собою означающее, и того, что представляет означаемое, а также изучение взаимно-однозначного соответствия между означающим и означаемым. Предмет синтаксиса нельзя ограничить одной стороной указанного соответствия.

Он не может быть ограничен изучением членов предложения, модальности и предикативности, так как этот круг вопросов относится к семантике синтаксических единиц, которая представляет собою лишь означаемую сторону лингвистического объекта.

Он не может быть ограничен изучением словосочетаний и их цепочек, так как указанный круг вопросов относится к внешней стороне предложения, которая представляет собою лишь означающую сторону лингвистического объекта. Ввиду этого я не могу согласиться с мнением А. Б. Шапиро, который полагает, что учение о словосочетаниях и их цепочках должно быть предметом синтаксиса, а учение о членах предложения должно быть предметом другой научной дисциплины, например, риторики.

Если за основу построения лингвистической теории принимается принцип двусторонности лингвистического объекта, то предметом синтаксиса должны быть признаны синтаксические единицы, в которых выделяемы означающее и означаемое в их взаимно-однозначных соответствиях, а также те отношения, в которых функционируют указанные синтаксические единицы.

По характеру отношений между синтаксическими единицами в синтаксисе как науке необходимо различать две части.

В первой должны изучаться синтаксические единицы в их синтагматических отношениях. В этой части синтаксиса важнейшее значение имеют понятия модели предложения — простого и сложного, члена модели предложения и позиции словесной формы в предложении.

Во второй должны изучаться синтаксические единицы в их парадигматических отношениях. В этой части синтаксиса важнейшее значение имеют понятия парадигматической серии предложений, парадигматического ряда, противочленов парадигматического ряда, преобразованного и эшелонированной последовательности в расположении парадигматических рядов.

Новые понятия о природе синтаксических объектов и их отношений требуют новых методов изучения синтаксических явлений. На основе признания синтагматических и парадигматических отношений вырастают многообразные методы синтагматического и парадигматического анализа (дистрибутивный анализ, метод преобразования и т. п.). Эти методы направлены на изучение структуры синтаксических явлений и их функционирования. Они не отрицают смыслового содержания предложения, но определяют объективные подходы к его изучению.

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СОСТАВ ПРЕДИКАТНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Мы распространяем метод отношения именования и на предложение. Предложение есть упорядоченная цепочка слов, которая представляет собою имя некоторого предмета. Предмет, который именуется предложением, есть некоторое информационное содержание или некоторая отдельная логическая валентность. Предложение имеет еще один семантический компонент — предикат. Предикат есть способ задать некоторое информационное содержание. Предикат представляет собою множество предикатных предметов, связанных определенными отношениями. Необходимо строго различать понятие информационного содержания и понятие предиката как способа задания данного информационного содержания. Одно информационное содержание может быть задано разными способами, например: *он обедал* и *он ел обед*. Предложения *Он обедал* и *Он ел обед* выражают разные предикаты, но обозначают один предмет, т. е. одно информационное содержание.

В предикате будем различать предикатные предметы и их отношения, а в предложении — имена предикатных предметов и имена их отношений. Все элементы словесной организации предложения должны обладать свойством вхождения либо в имя предикатного предмета, либо в имя их отношений.

Здесь мы рассмотрим только те вопросы структуры предложения, которые находятся в связи с количеством предикатных предметов в одном предикате.

Разные предикаты задают разное количество предикатных предметов.

Предикат *а больше b* задает два предикатных предмета *а* и *b*, ср. Земля больше Луны, Москва больше Воронежа и т. д. Предикат *лицо а вложило предмет b в предмет с* задает ¹ три предикатных предмета: *а*, *b* и *с*, ср. Охотник вложил патрон в ружье.

Предикат, задавая множество предикатных предметов, устанавливает отношения между ними.

Предикат *а делает b* задает два предикатных предмета, устанавливает отношение между ними как отношение производителя и произведенного и утверждает, что один из предикатных предметов является производящим лицом, а другой — производимым предметом.

В качестве производящего лица возможны разные лица, а в качестве производимого — разные предметы, ср. *кожевник выделывает кожу*; *мать готовит обед*; *ювелир делает брошь*; *бабушка вяжет чулки*; *чеканищи бьют монету*; *бабушка сучит нить*; *сапожник шьет сапоги* и т. п.

¹ Предикаты записываются с малой буквы курсивом, а предложения — с большой буквы прямым.

Предикат *лицо а изучает науку b* задает два предикатных предмета *a* и *b*, устанавливает отношение между ними как отношение овладевающего лица и предмета овладения и утверждает, что один из предикатных предметов является овладевающим лицом, а второй — тем, чем овладевает лицо, — наукой *b*. В качестве овладевающего возможны разные лица, а в качестве овладеваемого — разные предметы (науки), ср. *ученик изучает физику; студент изучает математику; аспирант изучает философию* и т. п.

Сопоставление понятий членов предложения, с одной стороны, и понятий предикатных предметов и их отношений — с другой, показывает, что так называемое сказуемое не член предложения, т. е. не есть член отношения; оно представляет собою то, что связывает все члены предложения в одно целое, т. е. некоторое отношение. Подлежащее и дополнение можно рассматривать как члены некоторого отношения, а сказуемое — как их отношение, а не член того множества, членом которого являются подлежащее и дополнение.

Состав отношений зависит от количества предикатных предметов. Возникает задача нахождения количества предикатных предметов у каждого предиката в отдельности. Например, в предикатах *лицо а оскорбило b* и *лицо а нанесло оскорбление лицу b*.

Прежде всего возникает вопрос о том, можно ли считать предикатным предметом *оскорбление* в предикате *лицо а нанесло оскорбление с лицу b*. Если мы согласимся с тем, что этот предикат имеет трехместный характер, то возникает вопрос о том, сколько предикатных предметов имеет предикат *лицо а оскорбило лицо b*. Не является ли трехместным и этот предикат? Для того, чтобы выявить двухместный или трехместный характер предиката *лицо а оскорбило лицо b*, необходимо провести семантический анализ глаголов и соответствующих имен существительных, например: ударить — удар, оскорбить — оскорбление, замерзать — замерзание, удваивать — удвоение, удерживать — удержание и т. п.

Мы приняли положение, согласно которому всякое имя именует предмет. Следовательно, имена *оскорбление, удар, лечение* именуют предметы *оскорбление, удар, лечение*. Эти предметы в содержании высказывания (в предикате) и являются предикатными предметами. В составе предиката они находятся в некоторых отношениях и получают свойства соответствующих предикатных предметов в этих отношениях, ср. *Лечение продолжалось долго, Он получил удар в спину*. Необходимо выяснить свойство таких предметов для того, чтобы затем сопоставить эти предметы с тем, что обозначают соответствующие глаголы. Приведенные выше имена обозначают процессы. Соответствующие им глаголы также обозначают процессы, ср. *выстрел и выстрелил, удар и ударил, волнение и волнуется, или волнует, заседание и заседают, приглашение и приглашает* и др.

Семантику имен можно было бы отличать от семантики соответствующих глаголов с помощью введения семантического элемента

субстантивности, предметности в обычном понимании смысла этих слов. Тогда два дифференциальных семантических элемента — I. процесс и II. предметность — задают действие как предмет, а один дифференциальный элемент процесса без момента предметности задает процесс действия не как предмет. Но такое решение вопроса неудовлетворительно в одном отношении: мы ввели новое понятие предметности, которое неотличимо от понятия предмета, и, следовательно, введение дифференциального элемента предметности означает то же самое, что и введение дифференциального элемента предмета, т. е. того, что мы должны определить. Привлечение дифференциального элемента предметности не разрешает вопроса о том, что такое предмет; понятие о предмете остается невыведенным и нераскрытым.

Представляется возможным сформулировать понятие о предмете на основе понятия о предикате.

Выше мы определили предикат как такое содержание высказывания, которое задает множество предикатных предметов и отношения между ними. Если процесс в предикате есть предикатный предмет, то он должен вступать в некоторое отношение с другим предметом, т. е. быть членом отношения. Если процесс в предикате есть отношение, то оно должно иметь члены данного отношения.

В предикате *рыбаки производили ловлю рыбы*, *ловля* есть процесс и представляет собою предмет, так как она член отношения, другим членом которого является *рыбаки*. В предикате *рыбаки ловили рыбу*, *ловили* есть процесс и представляет собою отношение, так как оно предполагает члены данного отношения: *рыбаки* и *рыбу*.

Процесс в предикате есть предмет, если он имеет отношение к другому предмету, и отношение, если он имеет некоторые члены отношения. Процесс *ловили* есть некоторое отношение, так как оно предполагает соответствующие члены: того, кто ловил, и того, что ловили. Процесс *ловля* есть предмет, так как он является членом отношения, другим членом которого является *рыбаки*; это отношение именуется глаголом *производили*.

Процесс + свойство быть членом отношения есть предмет. Процесс + свойство иметь члены отношения есть отношение. Первое именуется именем, второе — глаголом. Один и тот же процесс может быть предметом, если он обладает свойством быть членом отношения, и отношением, если он обладает свойством иметь члены отношения. С точки зрения принятого здесь определения понятия предмета и понятия отношения мы можем сказать, что *визит*, *удар*, *оскорбление* являются предикатными предметами в предикатах; *лицо а наносит визит (с) лицу b*; *лицо а нанесло удар (с) лицу b*; *лицо а нанесло оскорбление (с) лицу b*. Общей формулой этих предметов является *лицо а нанесло с лицу b*.

Предложенное здесь решение вопроса может быть подкреплено формальными преобразованиями одного предложения. Так, предложение *Лицо а нанесло оскорбление лицу b* может быть преобразовано так, что имя *оскорбление* будет именовать предикатный

предмет и в другой позиции, ср. Оскорбление лицу *b* было нанесено лицом *a*. Ср. также Лицо *a* нанесло удар лицу *b* и Удар был нанесен лицу *b* лицом *a*, Лицо *a* нанесло визит лицу *b* и Визит лицу *b* был нанесен лицом *a* и т. п.

В одном и том же языке аналогичные предикаты могут быть трехместными и двухместными в зависимости от его словообразовательных возможностей. Если существует имя, всегда являющееся именем предмета, и от этого имени может быть образован глагол, всегда являющийся именем отношения, то возможны трехместные и двухместные аналогичные предикаты, например: *лицо a нанесло оскорбление лицу b* и *лицо a оскорбило лицо b*. Если в русском или другом славянском языке существует имя, но от него не образуется в этом языке глагол, то предикат, если он является трехместным, не может быть двухместным: так, от имени существительного «визит» в русском языке не образуется глагол; поэтому в русском языке предикат *лицо a нанесло визит лицу b* может быть только трехместным.

Если в языке существует имя и образованный от него глагол, то существуют две возможности построения предикатов и их имен — предложений.

Первая возможность заключается в том, что в предложении используется имя как имя предмета и тогда уже в предикате не может быть отношения того же содержания, а в предложении имени этого отношения — глагола. Так, предложения Он завтракал, Он ужинал, Он обедал именуют одностепенные предикаты, которые содержат только один предикатный предмет — *он*. В предикатах, именуемых этими предложениями, не может быть предмета, именуемого именами завтрак, обед, ужин, так как соответствующее содержание задано как отношение.

Вторая возможность заключается в том, что в предложении используется глагол как имя отношения, и тогда уже в предикате не может быть предмета, а в предложении — его имени, так как соответствующее содержание задано как отношение, ср. *он поел свой ужин, он поел свой завтрак, он поел свой обед*.

Если некоторое содержание формируется как предмет и именуется именем, то в предикате не может быть соответствующего отношения, а в предложении — имени этого отношения, глагола, ср. *он натирал стол воском; он покрывал брошь серебром; он покрывал медальон золотом* и т. п. Если то же самое содержание формируется как отношение и именуется глаголом, то в предикате не может быть соответствующего предмета, а в предложении — имени этого предмета, ср. *он воцелил стол; он серебрил брошь; он золотил медальон* и т. п. В этом отношении структура предложений может иметь разный характер в разных славянских языках.

Как было указано выше, в русском языке предложения Он завтракал, Он обедал, Он ужинал выражают одностепенные предикаты и содержат в своей структуре только одно имя одного предикатного предмета.

В польском языке существуют имена *śniadanie* 'завтрак', *obiad* 'обед' и *kolacja* 'ужин', но глаголы от этих имен не образуются. В польском языке соответствующие предложения выражают двухместные предикаты, ср. (On) *jadł obiad*, (On) *jadł śniadanie*, (On) *jadł kolację*.

В русском языке есть имя локоть и есть глагол облокотиться. Поэтому возможны два построения предложения: Он облокотился на стол и Он оперся локтями о стол. Первое предложение именует двухместный предикат, в котором содержится два предмета — он и стол, второе — трехместный предикат, в котором содержится три предмета — он, локти и стол.

В польском языке имеется имя *łokieć*, но нет глагола, образованного от этого имени. Соответствующее предложение в польском языке имеет вид (On) *oparł się łokciami o stół*. Оно именует трехместный предикат, который содержит три предикатных предмета: он, локти и стол.

В русском языке имеется имя впечатление; от него можно образовать глагол впечатлять. Можно построить предложение Фильм произвел большое впечатление; оно обозначает двухместный предикат, который содержит предикатные предметы *фильм* и *впечатление*.

Можно построить предложение Фильм впечатлял, ср. Фильм впечатляет, хотя сделан неровно, не без шероховатости. (Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова.) Это предложение выражает одноместный предикат, который содержит только один предикатный предмет *фильм*.

В польском языке имеется имя *wrażenie* 'впечатление', но нет соответствующего глагола. В польском языке возможно одно построение предложения *Film robi duże wrażenie*, т. е. 'Фильм производит сильное впечатление'. Это предложение польского языка выражает двухместный предикат, который содержит два предикатных предмета — *фильм* и *впечатление*.

В русском языке имеется имя наука, но нет глагола, образованного от этого имени.

В польском языке имеется имя *nauka* и соответствующий глагол *napaukować*. В польском языке предложение *On napaukował swój artykuł* выражает двухместный предикат, который содержит два предикатных предмета — он и статья.

В русском языке такое предложение построить нельзя, так как в нем нет глагола *науковать*. В русском языке возможно только предложение Он придал своей статье научный характер: оно обозначает трехместный предикат, который содержит три предикатных предмета — он, статья и научный характер.

Таким образом, состав предикатных предметов в структуре предиката находится в некотором соответствии с составом имен предметов в структуре предложения.

Именами предикатных предметов являются падежные и предложно-падежные формы имен. В предикате *портняга (а) шьет*

платье (*b*) имеется два предикатных предмета — *a* и *b*. В соответствующем предложении Портника шьет платье именем одного предикатного предмета *a* является именительный падеж имени портника, а именем другого предикатного предмета *b* является винит. падеж имени платье.

Необходимо строго различать предикатные предметы и их имена. Одна падежная или предложно-падежная форма может быть именем нескольких предикатных предметов, и несколько падежных или предложно-падежных форм могут быть именами одного предикатного предмета. Одна форма род. п. лишних слов может быть именем двух разных предикатных предметов в предикатах *он наговорил лишних слов* и *он избегал лишних слов*. Две разные падежные и предложно-падежные формы могут быть разными именами одного предикатного предмета в предикате: *он говорил о деле* и *он говорил про дело*.

Между множеством предикатных предметов и множеством их имен имеет место взаимно-однозначное соответствие. Каждому предикатному предмету в предикате соответствует одно-единственное имя, и каждому имени словесной организации предложения соответствует один-единственный предикатный предмет. Предложение *Мать любит дочь* содержит два имени предикатных предметов — имя *мать* и имя *дочь*; предикат, именуемый этим предложением, также содержит два предикатных предмета — лицо *мать* и лицо *дочь*. В двухместном предикате, как правило, имеется два имени двух предикатных предметов, ср. *Земля больше Луны*. В трехместных предикатах имеется три имени трех предикатных предметов, ср. *Охотник вложил патрон в ружье*.

Исключения есть, но они представляют собою только видимость и не нарушают общего правила. Предложение *С ним не пропадешь* выражает двухместный предикат, в котором один предикатный предмет представляет обобщенное грамматическое лицо, а другой — третье грамматическое лицо. В структуре предложения нет имени обобщенного грамматического лица, но само отсутствие этого имени является знаком данного предикатного предмета. Здесь мы имеем ситуацию, которая встречается на состязаниях: отсутствие выстрела есть знак подготовки к старту, а выстрел есть знак начала старта.

С рассматриваемой точки зрения представляет интерес предложение типа *Отец моет сына* и *Отец моется*. Первое предложение является двухместным предикатом: в нем два имени *отец* и *сын* являются именем двух предикатных предметов — *отец* и *сын*. Возникает вопрос, какой предикат выражает предложение *Отец моется* — двухместный или одноместный.

Ответ на этот вопрос зависит от решения вопроса о количестве мест в предикате, обозначенном предложением *Отец моет себя*. В этом предикате имеет место два вхождения в предикат одного и того же предикатного предмета. В первом вхождении он выражается именем *отец*, во втором вхождении он именуется воз-

вратным местоимением себя. Следовательно, предикат, который выражается предложением Отец моет себя,² содержит один предикатный предмет, который имеет два вхождения. Если при определении количества предикатных предметов мы будем руководствоваться учетом числа вхождений в предикат, хотя бы и одного предмета, то рассматриваемый нами предикат следует признать двухместным. В таком случае мы должны признать двухместным и предикат, выражаемый предложением Отец моется. В нем нет имени второго вхождения предикатного предмета, но само отсутствие имени является знаком второго вхождения в предикат того же предикатного предмета, который именуется именем отец. Возможно и другое решение, которое мы здесь не будем рассматривать.

Таким образом, состав предикатных предметов в данном предикате находится в связи с словообразовательными возможностями отдельных славянских языков и с составом имен предложения, выражающего данный предикат. Одно и то же информационное содержание может быть оформлено в предикатах, имеющих разный состав предикатных предметов. Предикаты, которые содержат разный состав предикатных предметов, имеют разную структуру предложений, обозначающих эти предикаты.

Из взаимно-однозначного соответствия между предикатными предметами, имеющимися в составе предиката, и именами предикатных предметов, имеющимися в составе предложения, не следует, что состав имен определяется составом предикатных предметов или, наоборот, состав предикатных предметов в предикате определяется составом имен в предложении. Зависимость существует не между предикатным предметом и его именем, а между множеством предикатных предметов и их отношениями в предикате.

Здесь нет возможности обсудить вопрос о том, чем являются так называемые обстоятельства в составе предиката и чем являются средства, выражающие обстоятельства в составе предложения, выражающего данный предикат. Укажем в общей форме только на то, что одни обстоятельства по содержанию представляют собою предикатный предмет, другие — часть содержания отношения между предикатными предметами. В соответствии с этим средства, выражающие обстоятельства, в одних случаях являются именами предикатных предметов, в других — входят в состав имени отношений (уточняют значение глагола). В предложении Парашютист с ускорением падал на землю именами предикатных предметов являются парашютист и на землю, а именем отношения — падал с ускорением. Следовательно, предложная форма с ускорением представляет собою часть, входящую в построение имени отношения предикатных предметов, а не имя отдельного предикатного предмета².

² Рассмотрение этого вопроса можно найти в кн.: Т. П. Ломтев. Структура предложения в современном русском языке. Изд-во МГУ (Прим. ред.).

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (1969 г.)

Вопрос о типах предложений, определение критериев их выделения и само понятие типа предложения зависит от принятых способов представления структуры предложения.

Существуют два способа представления структуры предложения. Первый из них основывается на представлении содержания высказывания как субъектно-предикатной структуры. Согласно этому представлению выделяются субъект и предикат, причем предикатом является то, что утверждается или отрицается относительно субъекта. Согласно теории субъектно-предикатного строения содержания высказывания структура предложения рассматривается как состоящая из двух составов, из которых один обозначает субъект, а другой предикат. Из этих двух составов предложения выделяется так называемое предикатное ядро, которое в двусоставных предложениях содержит форму именительного падежа имени и некопулятивного глагола или копулятивного глагола с присвязочными формами.

Общей схемой такого представления структуры предложения может служить следующая упорядоченная система символов: $S = (N + V, \Phi, D)$, где S — общий символ предложения, $N + V$ — предикатное ядро, Φ — формы слов, используемые для расширения состава предложения, а D — правила построения предикатного ядра предложения и распространения состава предложения за счет других форм.

Если правила D не используют символа Φ , предложение S содержит субъектно-предикатное ядро $N + V$, которое перепиывается так $n_1 + V$, например *Птица летает, Рыба плавает*. Некоторые предлагают ограничить понимание предикатного ядра только необходимыми элементами сказуемого; предложение S содержит глагол как предикатное ядро, а его символом становится знак V , не $N + V$; предикатное ядро предложения *Рыбы плавают* выражается в данном случае знаком V .

Если правила D используют символы Φ для расширения состава предложения теми или другими формами слов по правилам пословной связи слов, т. е. по правилам словосочетаний, то каждый из этих символов распространяется путем присоединения форм других слов в порядке словосочетания, тогда предложение *Мой брат купил хорошую книгу* должно быть представлено в следующем виде: $an_1 + Van_4$.

Правила распространения предикативного ядра имеют следующий состав:

1.1. $S \rightarrow N + V$	2.1. $V \rightarrow V, \Phi$
1.2. $N \rightarrow \Phi, n_1$	2.2. $\Phi \rightarrow \Phi', n_4$
1.3. $\Phi \rightarrow a$	2.3. $\Phi' \rightarrow a$

или линейно:

$$an_1 + Van_4$$

Если правила D используют символ Ф для расширения состава предложения за счет таких форм, относительно которых предполагается, что они относятся ко всему предложению, но в представлении предложения должно найти отражение указанное предположение, тогда предложение *Вчера мой брат купил хорошую книгу* должно быть представлено в форме $d(a_{n_1} + Va_{n_4})$. Такая скобочная запись указывает на то, что d относится ко всему предложению.

Такой способ истолкования структуры предложения имеет место в Академической грамматике русского языка и в ряде других работ, например, в статье Н. Ю. Шведовой «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство» (см. «Вопросы языкознания», № 6, 1964).

Представление структуры предложения на основе порождающей схемы Н. Хомского всецело опирается на субъектно-предикатное представление содержания высказывания. Общая схема представления всякого предложения имеет вид $S + (V, D)$, где S — исходный символ, V — набор терминальных символов, а D — правила вывода (или подстановки)¹. Н. Хомский предлагает определенные правила порождения предложения из исходного символа S , которые мы приведем в применении к порождению предложения *Человек ударил мяч*².

1. $S \rightarrow NP + VP$ (NP — группа подлежащего, VP — группа сказуемого)

2. $NP \rightarrow N$	4. $VP \rightarrow \text{Verb} + N$
3. $N \rightarrow \text{человек}$	5. $\text{Verb} \rightarrow \text{ударил}$
	6. $N \rightarrow \text{мяч}$

Процесс порождения указанного предложения осуществляется в следующем порядке применения указанных правил:

1. $S \rightarrow NP + VP$	4. человек + Verb N
2. $N + VP$	5. человек + ударил N
3. человек + VP	6. человек + ударил + мяч.

Второй способ представления структуры предложения основывается на представлении структуры содержания высказывания как системы с отношениями или, иначе, как функцию от нескольких (возможно и одного) аргументов.

Понятие системы с отношениями предложено А. Тарским, а использование понятия функции от нескольких аргументов для истолкования структуры предложения естественных языков предложено Г. Рейхенбахом³.

¹ Более точно схема порождающей грамматики описывается Э. Д. Стоцки: «Грамматика, — говорит он, — это упорядоченная четверка $G = (V, W, S, R)$, где V — алфавит терминальных символов, W — алфавит вспомогательных символов, $V \cap W = \emptyset$, S — исходный символ, $S \in W$ и R — система правил вывода» (Информационно-поисковые системы, т. II. М., 1967, стр. 48).

² «Новое в лингвистике», вып. II, 1962, стр. 430—431.

³ H. R e i c h e n b a c h. Elements of Symbolic Logic. New York, 1948.

В данной концепции выделяются отношения и места в отношениях, которые занимают предикатные предметы и которые связываются этими отношениями. Словом предикат обозначают отношение, содержащее места для предметов, а не то, что утверждается или отрицается относительно субъекта. Один из предикатных предметов мы будем называть исходным, а другие — последующими. С этой точки зрения структура предложения состоит из имен предикатных предметов и имен их отношений. В предложении *Правда светлее солнца* именем исходного предикатного предмета *Правда* является форма им. п. имени *правда*, именем последующего предикатного предмета *солнце* — форма род. п. имени *солнца*, а именем отношения между предметами нулевой копулятивный глагол и форма сравнительной степени *светлее*.

В рассматриваемой концепции предложение является системой с отношением. Для решения проблемы представления структуры предложения мы воспользуемся определением, данным А. Тарским термину система с отношениями⁴. Система с отношениями представляет собою конечную последовательность вида $S = (A, P)$, где S — система, A — некоторая предметная область, а P — те или другие отношения. Общая схема всякого предложения как системы с отношениями имеет вид $S = (A, P, n, V, \Phi, D)$, где S — предложение, A — множество предикатных предметов, связанных отношением P , P — отношение, связывающее некоторое множество предикатных предметов, n — имя предикатного предмета, V — имя отношения между предикатными предметами, Φ — формы, обладающие свойством вхождения в состав имен предикатных предметов или имен их отношений, а D — правила, определяющие вхождение имен в состав имен предметов или имен их отношений.

Приведенная выше общая схема структуры предложения имеет различные виды в зависимости от числа предикатных предметов. Структура предложения, выражающего одноместные предикаты, может иметь следующее представление $a(n_1) P(V)$, где a — предикатный предмет, n_1 — форма им. п., являющаяся его именем, а V — невозвратный глагол, являющийся именем этого отношения. Описанную структуру имеет предложение *Рыба плавает*. Структура предложения, выражающего двухместные отношения, может иметь следующее представление:

$a(n_1) P(V) b(n_2)$, где a и b предикатные предметы, n_1 — форма имен. п., являющаяся именем исходного предмета a , n_2 — форма вин. п., являющаяся именем последующего предмета b , P — отношение между предметами a и b , а V — невозвратный глагол, являющийся именем указанного отношения, ср. *Мать любит дочь*.

Структура предложения, выражающего трехместные отношения, может иметь следующее представление: $a(n_1) P(V) b(n_2) c(n_3)$, где a , b и c — предикатные предметы, n_1 , n_2 и n_3 — формы им.,

⁴ A. Tarski. Contributions to the theory of Models, I, II. Indagationes Mathematicae, 16, 1959, стр. 548—588.

вин. и дат. падежей, являющиеся именами соответствующих предикатных предметов, Р — трехместное отношение, а V — глагол, являющийся именем этого отношения, ср. *Мать подарила книгу сыну*.

Мы рассмотрим признаки, по которым выделяются типы предложений в славянских языках на основе представления структуры предложения как системы с отношениями.

Первым признаком деления предложений на типы должен быть признак количества предикатных предметов в предикате. Соответствующие типы предложений мы только назовем, не рассматривая их сколько-нибудь подробно. Мы будем различать структуры предложений, выражающих: 1. одноместные отношения, 2. двухместные отношения, 3. трехместные отношения и 4. вообще n-местные отношения.

Другие основания выделения типов предложения в славянских языках мы будем рассматривать в связи с теми признаками, которые используются в настоящее время в других исследованиях по данному вопросу.

Прежде всего необходимо обсудить вопрос о значении двусоставности и односоставности для выделения типов предложения в славянских языках.

Двусоставность и односоставность предложения являются наиболее распространенными характеристиками типов предложения в современной литературе. Так, М. Грель в «К сущности типов предложения в славянских языках» утверждает, что односоставность — двусоставность применительно к славянским языкам оказывается наиболее важным признаком⁵. Однако понятия односоставности и двусоставности не являются сколько-нибудь ясными. Если предложение рассматривается как система с отношениями, то понятия односоставности и двусоставности вообще не применимы в качестве признаков для выделения разных типов предложения.

Рассмотрим с точки зрения двусоставности и односоставности предложения, содержащие и не содержащие наличных имен исходных предикатных предметов, типа *Я люблю Петра творение* и *Люблю тебя, Петра творение*. Необходимо прежде всего уточнить понятие односоставности относительно того, имеется ли в виду отсутствие исходного предикатного предмета или только отсутствие имени исходного предикатного предмета. Ясно, что в обоих приведенных предложениях исходные предикатные предметы имеются: это — говорящее лицо. В первом из них есть и имя этого предмета — личное местоимение *я*, во втором оно отсутствует. Возникает вопрос, является ли достаточным основанием для введения понятия односоставности при отсутствии личного местоимения *я* в составе предложения и чем тогда должно отличаться понятие односоставности предложения от понятия неполнокомплектного словесного состава предложения. По отношению к пред-

⁵ «Вопросы языкознания», № 5, 1967, стр. 60.

ложениям типа *Люблю тебя, Петра творение* понятие односоставности совпадает с понятием неполнокомплектного словесного состава предложений и не представляет собой какой-либо специфической черты отдельного типа предложения.

Рассмотрим теперь предложения *В колхозе стариков уважают* и *В колхозе молодежь уважает стариков*. В первом предложении отсутствует имя исходного предикатного предмета, но сам предмет есть: это неопределенное лицо. В данном случае отсутствие имени исходного предикатного предмета и есть знак неопределенности лица. Отсутствие знака в специфической функции есть такой же материальный факт, как присутствие наличного знака. Ясно, что отсутствие знака, имеющее назначение быть знаком, не может являться фактом неполнокомплектности словесного состава предложения. В то же время оно не может быть квалифицировано как односоставность предложения, т. е. как отсутствие знака некоторого состава предложения. В данном случае более приемлемыми были бы понятия, различающие структуры предложений с материальными именами исходных предикатных предметов и с нулевыми именами тех же предметов.

Так же истолковываем мы и предложения типа *Смеркается, Светает*. Они обозначают предикаты, содержащие предметы в качестве членов пустого множества, т. е. формальные предметы. Отсутствие имени такого предмета также является значимым, т. е. нулевым именем. По отношению к рассматриваемым типам предложений если и есть смысл в сохранении терминов двусоставность и односоставность предложения, то именно только для того, чтобы различить структуры предложений с материальными и нулевыми именами исходных предикатных предметов.

В статье М. Греля выдвигается в качестве основания для выделения типов предложений признак агенсности и неагенсности. Исследование этого признака выделения разных типов предложений рекомендуется в заключительном документе Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, разосланном членам комиссии после синтаксического симпозиума в Брно.

В качестве деагенсных конструкций М. Грель приводит примеры из русского языка *Дочь вспомнилась матери* и *Мне так думается*. Здесь объединяются в один тип предложения, принадлежащие совершенно различно различным типам. Рассмотрим сначала предложение *Мне так думается*. В русской традиции предложения такого типа называются односоставными. В русских работах в качестве двусоставных и односоставных различают предложения *Писатель хочет написать хорошую книгу* и *Писателю хочется написать хорошую книгу*. Оба эти предложения выражают двухместные отношения, причем места заняты одинаковыми предикатными предметами. И в первом и во втором предложениях имеются имена исходных предикатов. Оба они являются полнокомплектными, т. е. двусоставными и с точки зрения состава пре-

дикатных предметов и с точки зрения состава имен предметов и имен отношений. Разница заключается в том, что в первом случае исходный предикатный предмет обозначен формой им. падежа, а во втором — формой дат. падежа. Первое имеет номинативную структуру предложения, второе — дативную структуру предложения. Этот признак имеет весьма существенное значение для характеристики типов предложения в славянских языках, так как он встречается в балтийских языках и отсутствует в таких языках, как английский, и многих других.

Если бы потребовалось дать семантическую характеристику этим двум типам славянского предложения, то мы предпочли бы выделить признак совершаемости действия в результате деятельности исходного предикатного предмета в первом типе предложения и совершаемости действия безотносительно к деятельности исходного предикатного предмета во втором типе предложений. М. Греплъ предложил термины агенсность — деагенсность для выражения указанных понятий. Термины агенсность и деагенсность неудобны в одном отношении: они предполагают наличие или отсутствие предикатного предмета в составе предиката, т. е. отношения; тогда как в действительности предметы есть в данных отношениях, разница заключается только в способе его осуществления: в данном случае оно осуществляется в результате деятельности исходного предмета (агенса), ср. *Он не спит*, во втором — безотносительно к деятельности того же исходного предикатного предмета (агенса), ср. *Ему не спится*.

Если термины агенсность и деагенсность понимать с указанным ограничением, то они вполне могут быть использованы для семантической характеристики предложений номинативного строя и дативного строя.

Но в качестве терминов для обозначения выделенных двух типов славянского предложения я использую номинативность и дативность строя предложения. Я полагаю, что термины, характеризующие структуру словесной организации предложения, удобнее терминов, характеризующих некоторые черты семантики предложения. Кроме того, термины номинативной и дативной структуры предложения находят параллельные построения в форме терминов номинативные и эргативные конструкции предложений для других языков. В качестве агенсных и деагенсных типов предложений М. Греплъ приводит предложения «*Matematiku jesm studoval lence*» и «*Matematika se mi studovala lence*». Из русского языка в качестве деагенсного автор приводит предложение *Дочь вспоминалась матери*, а в качестве его агенсного прототипа было бы предложение *Мать вспоминает дочь*.

Оба предложения и в чешском и в русском языках с точки зрения количества предикатных предметов принадлежат к одному типу: они являются предложениями, которые выражают двухместные предикаты (отношения). *Мать* и *дочь* являются предикатными предметами в предикатах, выраженных русскими предло-

жениями, и *говорящее лицо* и *математика* в предикатах, выраженных чешскими предложениями. Предикатные предметы в рассматриваемых отношениях представлены в полном составе. Ясно, что деагенсность предложения *Матери вспоминается дочь* заключается не в отсутствии агенса (деятеля): он существует и существует именно как деятель.

Разница между двумя рассматриваемыми типами предложения заключается в различии направления отношения между предикатными предметами. В предикате *а больше b* исходным предикатным предметом является *а*. Этот предмет является точкой отсчета в построении отношения; в предикате *b меньше а* то же отношение имеет конверсный характер; в нем точкой отсчета в построении отношения является предмет *b*. Если первое отношение назвать прямым, то второе пришлось бы назвать конверсным. Но в данном случае оба отношения являются взаимными *конверсивами*: каждое из них с одинаковым основанием может быть прямым и конверсным. Предложения типа *Земля больше Луны* и *Луна меньше Земли* являются взаимными конверсивами.

Но в других предложениях можно точно фиксировать неконверсивность или конверсивность направления предикатных предметов, выражаемых такими предложениями. Прямыми мы будем называть отношения, которые в предложении выражаются нерелексивным глаголом, например, *Мать вспоминает дочь*. Конверсным мы будем называть то же отношение с обратным направлением, если оно выражается рефлексивной формой глагола или причастием страдательного залога, например *Дочь вспоминается матери*. Грамматический тип предложений первого вида мы будем называть прямым, грамматический тип предложений второго вида мы будем называть конверсным.

Свойство неагенсности с указанными выше ограничениями не принадлежит конверсным предложениям типа *Матери вспоминается дочь*, тогда как предложения *Писателю хочется написать хорошую книгу* или *Мне так думается* обладают указанным свойством, т. е. свойством, которое заключается в том, что отношения, связывающие предикатные предметы, осуществляются безотносительно к деятельности исходного предикатного предмета. Предложения *Матери вспоминается дочь* и *Мне так думается* принадлежат совершенно различным грамматическим типам предложений и не объединяются одним свойством неагенсности.

Предложение номинативного строя *Я так думаю* и предложение дативного строя *Мне так думается* с семантической стороны можно рассматривать как агенсные и неагенсные, — не в том смысле, что в одном из них агент есть, а в другом — нет, а в том, что в одном случае действие осуществляется в результате деятельности исходного предикатного предмета, в данном случае говорящего лица, а во втором — безотносительно к его деятельности.

Но различие между предложением прямого строя *Мать вспоминает дочь* и предложением конверсного строя *Матери вспоми-*

нается *дочь*, связанное с характером направления между предикатными предметами, не определяется различием агенсности и неагенсности. В обоих случаях отношение между предикатными предметами осуществляется в результате деятельности одного и того же предикатного предмета. Свойства неагенсности в указанном смысле нет ни в одном предложении: ни в прямом, ни в конверсном.

Итак, мы выделяем структурные типы прямых и конверсных предложений, основанием различия которых является характер направления отношения между предикатными предметами.

Один из вопросов, определяющих типы предложений в славянских языках, связан с различием в отнесении данной словесной формы к отдельному слову или всему предложению, в целом. Возник вопрос об отнесении словесных форм, обозначающих разные обстоятельства, не к глаголу, как выражению сказуемого, а к целому предложению. В. В. Виноградов приводит предложение «В селе за рекою потух огонек» (Пушкин) и полагает, что предложная конструкция «за рекою» относится к целому предложению. Эта точка зрения получила широкое распространение в советском языкознании⁶.

Уже давно обращено внимание на то, что словесные формы входят в предложения на разных основаниях. В высказывании *Он видел книгу на столе*⁷ форма вин. п. *книгу* входит в состав предложения на одном основании, а предложная конструкция *на столе* — на другом основании. Точно так же формы род.-вин. п. *Петра* и твор. п. *мальчиком* входят в предложение *Он знал Петра мальчиком* на разных основаниях⁸. Для объяснения этих фактов стóронники различения связей слов в составе словосочетания и в предложении считают необходимым выделить два класса форм в составе предложения: одни относятся к отдельным словам и распространяют семантику этих слов, другие относятся к предложению в целом и являются самостоятельными распространителями предложения в целом, а не отдельных слов в составе предложения. Тогда форма вин. п. *книгу* входит в предложение *Он видел книгу на столе* на основании законов словосочетания, т. е. как распространитель глагола *видел*, а предложная конструкция *на столе*

⁶ Е. В. К р о т о в и ч. Члены предложения в современном русском языке. Львов, 1954; О н ж е. О связи слов в словосочетании и в предложении. — РЯШ, 1958; О н ж е. Предложение и его признаки. Львов, 1954; В. П. М а л а ц е н к о. О связи слов в словосочетании и в предложении. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону ун-та», 1957, вып. 4; Н. Ю. Ш в е д о в а. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство. — ВЯ, 1964, № 6.

⁷ Пример, который обсуждал Ф. Копечный (F. K o p e c n ý. Zaklady české skladby. Praha, 1958, стр. 245).

⁸ Ср. «Я помню его молодым» — пример, который обсуждал А. В. Исаченко (А. В. И с а ч е н к о. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 89).

входит в то же предложение как распространитель целого предложения. Такова точка зрения большинства советских синтаксистов, в том числе и Н. Ю. Шведовой, которая предложила рассматривать формы *на столе* в предложениях рассматриваемого типа как детерминирующее обстоятельство, т. е. как самостоятельный распространитель предложения. Е. Курилович пытался доказать, что отнесение формы к сказуемому или к предложению — это одно и то же понятие⁹.

Однако это в принципе верное положение оставляет открытым поставленный вопрос: нет никакого сомнения в том, что форма *вин. п. книгу* распространяет сказуемое — глагол *видел* в названном выше предложении, а предложная конструкция *на столе* имеет совершенно другой статус.

Та же проблема обсуждается и в понятиях облигаторных (необходимых) и факультативных элементов предложения. Предполагается, что в составе предложения имеются необходимые, конститутивные (облигаторные) элементы и свободные неконститутивные, факультативные элементы. Первые не допускают исключения из состава предложения (без нарушения его статуса); вторые могут свободно вводиться в предложение и исключаться из него. С этой точки зрения к разным типам должны быть отнесены предложения *В Кабуле Суриц пробыл недолго* и *В Шанхае нас повели в большую типографию*¹⁰. В первом случае предложное сочетание *в Кабуле* является обязательным (облигаторным) элементом предложения, во втором — предложное сочетание *В Шанхае* является свободным элементом соответствующего предложения.

Сами по себе эти факты не вызывают никакого сомнения: глагол *пробыл* предполагает место: где — в Кабуле, но глагол *повели* не предполагает места: где — в Шанхае. Однако понятие «свободного элемента предложения» или «независимого распространителя предложения» не приемлемо с точки зрения представления предложения как системы с отношениями. Так как отношения предполагают места, занимаемые членами этого отношения, то нельзя мыслить ни отношений без предметов, которые являются членами этих отношений, ни предметов без отношений как необходимых элементов этих отношений.

Принятие этого тезиса обязывает нас рассматривать высказывание *В Кабуле Суриц пробыл недолго* как тип предложения, которое выражает несовмещенное (одиночное) отношение: пребывание некоторой материальной точки в некоторой точке пространства, ср. *Тбилиси находится на берегах Куры*, а высказывание *В Шанхае нас повели в большую типографию* как тип предложения, которое выражает совмещенные отношения, в данном случае два отношения: 1. движение материальной точки относительно конца

⁹ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 59.

¹⁰ Е. К р ж и ж к о в а. Адвербальная детерминация со значением места и направления. — ВЯ, 1967, № 2, стр. 34 и 39.

его траектория (*нас повели в большую типографию*) и 2. пребывание некоторой материальной точки в некоторой точке пространства (*Мы находились в Шанхае*). В первом отношении нет места для пространственной формы, обозначенной предложным отношением *в Шанхае*, тогда как второе отношение немыслимо без указанной пространственной формы. Когда говорят, что пространственная форма в *Шанхае* факультативный элемент предложения, то остается неясным, о каком отношении говорится: в первом оно вообще не присутствует, во втором оно абсолютно необходимо.

Итак, в качестве основания для различения типов предложения выдвигается совмещенность или несовмещенность отношений между предикатными предметами, которые выражают данные предложения, а не наличие или отсутствие так называемых «самостоятельных» или свободных распространителей предложения.

Ряд чешских славистов развивает перспективную идею о глубинных структурах предложения (А. В. Исаченко, Е. Кржижкова, М. Кубик и мн. др.). С точки зрения указанной идеи предложения *Я помню его молодым* и *Он видел книгу на столе* правильно рассматриваются как результирующие предложений *Я помню его* и *Он был молодым*, *Он видел книгу* и *Книга была на столе*. Мне всячески хотелось бы подчеркнуть важность и перспективность этой идеи. Однако механизмы объединения двух предложений в одно результирующее различаются в зависимости от способов представления структуры предложения: решение, приемлемое с точки зрения одного способа, оказывается неприемлемым с точки зрения другого способа. Так, Е. Кржижкова принимает представление предложения в форме иерархии узлов дерева: $S \rightarrow NP + VP$. Естественно, возникает необходимость принимать решение в том, что одно предложение инкорпорируется не в другое предложение, а в NP или VP, субъект или объект другого предложения. Тогда предложение *Он видел книгу на столе* объясняется как результат инкорпорации предложения *Книга была на столе* в позицию объекта предложения *Он видел книгу*.

Это решение вопроса неприемлемо с точки зрения представления предложения как системы с отношениями: каждое предложение выражает отношение, связывающее множество предикатных предметов, занимающих места в этом отношении. Никакое отношение, выраженное данным предложением, нельзя инкорпорировать в предмет, занимающий место в другом отношении, выраженном соответствующим предложением. Подобные операции логически невозможны, если предложение рассматривается как система с отношениями. С точки зрения названного представления предложения результирующие предложения имеют такую структуру, которая выражает совмещенные отношения. Эти предложения образуются в результате совмещения двух (и более) отношений при выборе одного имени двух совмещенных отношений и теоретико-множественного объединения множества предикатных предметов, связанных одним отношением, с множеством предикатных предметов, связанных другим отношением.

Представим предложение *Он видел книгу* в форме $a(p_1)P_1(V)b(p_4)$, а предложение *Книга была на столе* — в форме $b(p_1)P_2(V)c(на\ p_6)$, тогда совмещение отношений с выбором одного имени двух отношений дает $P_1P_2(V)$, а теоретико-множественное объединение $\{a, b\} \cup \{b, c\}$ дает $\{a, b, c\}$, — с выбором имен: $\{a(p_1), b(p_4), c(на\ p_6)\}$; все предложение получит вид: $a_1(p_1)P_1P_2(V)b_{1-2}(p_4), c_2(на\ p_6)$: *Он видел книгу на столе*; индексы при предметных переменных a_1, b_{1-2}, c_2 указывают на то, что предмет a_1 входит только в одно первое отношение P_1 , предмет b_{1-2} входит в первое отношение P_1 и второе отношение P_2 , предмет c_2 входит только в одно второе отношение P_2 .

Мы рассмотрели только некоторые основания для различения типов предложения в славянских языках. Типы предложения можно различать в зависимости от способов выражения отношений между предикатными предметами, в зависимости от свойств самих отношений между указанными предметами и т. п. Во всех случаях типы предложений в славянских языках формулируются различно в зависимости от избранного способа представления структуры предложения: понятия двусоставности и односоставности предложения, облигаторности и факультативности элементов предложения и т. п. имеют различный смысл в зависимости от того, избирается ли представление структуры предложения на основе принципа субъектно-предикатного строения содержания высказывания или на основе принципа системы с отношениями. Вопрос о выборе способа представления структуры предложения имеет кардинальное значение для всех вопросов теории синтаксиса.

КОНСТИТУЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧИ (1972 г.)

Глаголы речи в составе предложения выражают информационный процесс. Эта категория глаголов давно уже привлекала к себе внимание исследователей¹. Однако она изучалась главным образом с точки зрения теории членов предложения, которая рассматривает каждую составную часть предложения (каждый член предложения) отдельно, безотносительно к структуре целого пред-

¹ М. К. М и л ы х. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956; О н ж е. Конструкции с прямой речью в современном русском языке. Л., 1962; В. П. Б а х т и н а. Некоторые особенности глаголов речи в русском языке. «Уч. зап. Башкирского ун-та», сер. филол., вып. XVIII. Уфа, 1964; О н ж е. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском языке. «Материалы по русско-славянскому языкознанию». Воронеж, 1966; Н. П. П о т а п о в а. Структура предложения с глаголами говорения. «Уч. зап. Пермского ун-та», № 192, 1969; И. М. Б о н д а р ь. Глаголы речи в русском и болгарском языках. «Вопросы славянского языкознания». Саратов, 1968.

ложения. Это приводит к тому, что глаголы речи изучаются в плане их семантики и сочетаемости.

Теория моделей предложения рассматривает части предложения (составляющие его конститuenty) как организованную структуру его компонентов. Эта теория изучает целостную организацию предложения, в которой один конститuent осмысливается на фоне всех его других конститuentов.

Ниже мы рассмотрим модели предложения с глаголами речи, исходя из гипотезы, согласно которой модели предложений имеют семантизированный характер: каждой определенной модели предложения строго соответствует своя особая семантика.

Мы опишем сначала семантические свойства предложений с глаголами речи. Выражение разных типов информационного процесса является основным семантическим свойством указанных предложений. Далее с отдельными типами информационного процесса мы сопоставим отдельные модели предложений и выявим системные отношения между указанными моделями.

Информация может быть адресованной. В таком случае предложение содержит имя говорящего лица в форме именительного падежа и имя лица, получающего информацию, в форме дательного падежа. Говорящее лицо мы будем называть адресантом, а слушающее лицо — адресатом. В предложении *Сын рассказывал родителям о своей учебе* форма именительного падежа слова *сын* обозначает лицо, называемое адресантом, а форма дательного падежа *родителям* — лицо, называемое адресатом.

Информация может быть неадресованной. В таком случае в предложении имеется имя адресанта, но отсутствует имя адресата. В предложении *Он говорил о своих делах* имеется имя адресанта, представляющее собою местоимение 3-го лица [*он*], но имени адресата нет. Неадресованная информация может представлять собою просто факт наличия или отсутствия говорения, речи, ср. *Он говорил, Он молчал* и т. п.

Семантические признаки адресованности или неадресованности свойственны всем предложениям, выражающим информационный процесс...

Всякое мыслительное содержание, выражаемое предложением естественного языка, является либо содержанием места в отношении между предикатными предметами, либо содержанием, сопутствующим отношению между предикатными предметами. В первом случае оно имеет форму предикатного предмета и выражается именем или цепочкой слов, опирающихся на имя. Во втором случае оно имеет форму содержания, сопутствующего отношению между предикатными предметами, и выражается глаголом или цепочкой слов, опирающихся на глагол.

Информация, передаваемая предложением, может занимать в содержании предложения место в отношении, и тогда она представляет собою предмет, который выражается именем. В предложении *Она наговорила ему грубостей* информация имеет форму пред-

мета трехместного отношения, выраженного глаголом *наговорила*. Это отношение предполагает место для говорящего лица, место для слушающего лица и место для сообщаемой информации.

В предложении *Она нагрубила ему* та же самая информация имеет форму содержания, сопутствующего двухместному отношению, выраженного глаголом *нагрубила*. Это отношение предполагает место для говорящего лица и место для слушающего лица, а сама информация представляет собою как бы семантическое окружение отношения. Ниже мы будем различать информацию в форме содержания места в отношении и форме содержания, представляющего собою семантическое окружение отношения между предикатными предметами или между предикатным предметом и его предикатным свойством, выраженным глаголом, ср. *Он говорил тихо*.

Информация, представленная в форме содержания места в отношении, имеет три разновидности.

Предложение может сообщать информацию, которая принимает форму содержания семантического предмета, при этом предмет, к которому относится информация, отсутствует, тогда указанная информация выражается именем, например: *Мать рассказывала сыну сказку*. В содержании этого предложения имеется только информация о некотором предмете, выраженная формой винительного падежа имени *сказка*, причем указаний на характер предмета, о котором повествует сказка, нет.

Другой пример: *Она наговорила ему грубостей*. В этом предложении глагол *наговорила* выражает отношение между адресантом и адресатом, а сама информация выражается формой родительного падежа множественного числа *грубостей*.

Предложение может сообщать предмет, к которому относится информация, без указания самой информации, например: *Он повествовал о детских годах Мити* (Достоевский. Братья Карамазовы). Это предложение содержит указание на предмет, к которому относится информация (*детские годы Мити*), но сама информация не сообщается.

Другой пример: *Мать рассказывала сыну о золотой рыбке*. В содержании этого предложения имеется только предмет некоторой информации, выраженный локативной формой сочетания *о золотой рыбке*, причем указаний на характер информации нет.

Предложение может сообщать и предмет, к которому относится информация, и саму информацию о нем, например: *Мать рассказывала сыну сказку о золотой рыбке*, ср. *Вы много сказали о характере брата и... сказали беспристрастно* (Достоевский. Преступление и наказание).

Информация выражается именем в винительном падеже, а предмет, к которому она относится, — локативной формой.

Выражение *Сказка о золотой рыбке* является одним именем одного предикатного предмета. Это доказывается тем, что указанное выражение может занимать позицию имени исходного предмета

(субъекта), например: *Сказка о золотой рыбке понравилась детям*, ср. *Эта песня понравилась детям*; позицию имени первого последующего предмета (объекта), например: *Дети любили сказку о золотой рыбке*, ср. *Дети любили эту песню* или *Дети интересовались сказкой о золотой рыбке*.

Как указано было выше, информация может принимать не только форму содержания места в отношении, но и форму содержания, сопутствующего отношению адресанта к адресату, и тогда она выражается глаголом, например: *Она льстила ему*. В этом предложении глагол *льстила* обозначает отношение между говорящим и слушающим, а также само содержание информации (лесть).

Семантика, сопутствующая отношению между адресантом и адресатом, представляет собою как бы облако, которое окутывает, окружает это отношение.

Если в содержании предложения имеется адресант и адресат, то отношения между ними могут быть несимметричными и симметричными. Отношения между адресантом и адресатом являются несимметричными, если в этом отношении адресант и адресат не меняются своими ролями. Глагол *рассказывать* выражает такой информационный процесс, в котором одно лицо всегда остается адресантом, а другое — адресатом, например: *Он рассказал нам о своих делах*. В информационном процессе, который передает это предложение, 3-е лицо является только говорящим, адресантом, а 1-е лицо — только слушающим, адресатом.

То же и в предложении *Мать сообщила сыну новость*. Из того, что мать сообщила сыну новость, не следует в данном информационном процессе, что и сын сообщил матери новость.

Глагол *обсуждать* выражает такой информационный процесс, в котором его участники взаимно обмениваются сведениями, каждый из которых попеременно является то говорящим, адресантом, то слушающим, адресатом, например: *Он обсуждал с нами вопрос о дисциплине*. В информационном процессе, который выражает это предложение, 3-е лицо попеременно является то говорящим, то слушающим. Сообразно с этим и 1-е лицо является говорящим, когда слушает 3-е лицо, и слушающим, когда говорит 3-е лицо. Таково содержание и предложения *Мать разговаривала с сыном о его успехах в школе*. Из того, что мать разговаривала с сыном о его успехах в школе, следует, что и сын разговаривал с матерью о своих успехах в школе.

Если в содержании предложения имеется предмет информации, то оно может иметь два семантических признака: в содержании предложения может отсутствовать или присутствовать момент агрессивности отношения к предмету информации.

Структура предложения *Подмастерье наускивал мастеру на своих товарищей* содержит семантический элемент агрессивности к предмету, в данном случае — к лицу информации, и это отражается в наличии предложного сочетания *на + винительный падеж: на товарищей*.

Структура предложения *Подмастерье говорил мастеру о своих товарищах* не содержит указания на наличие семантического элемента агрессивности к предмету информации, и это отражается в наличии предложного сочетания *о + местный падеж: о товарищах*.

Рассмотрим отмеченные особенности подробнее. Структура предложения семантически: образующие ее конstituенты наделены определенной семантикой. Семантический элемент агрессивности содержат некоторые глаголы эмоционального содержания и речевого поведения, например *злиться, кричать на кого-либо*. Этот семантический элемент находит отражение в модели предложений, содержащих глаголы с указанной семантикой, в форме наличия структурного конstituента, состоящего из предлога *на* и винительного падежа. Наличие этого конstituента указывает на то, что семантика самой модели предложения с глаголами эмоционального содержания и речевого поведения содержит указанный выше семантический элемент агрессивности, например: *Он наговаривал на соседей, Он наущивал на своих товарищей*, ср. *Он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика* (Лермонтов. Максим Максимыч). Ту же структуру имеют предложения с глаголами эмоционального содержания с семантическим элементом агрессивности, например: *Сестра разозлилась на брата*. Структурный конstituент «*на + винительный падеж*» в предложениях с глаголами эмоционального содержания и речевого поведения имеет только одно значение — значение предмета, по отношению к которому проявляется агрессивность. Но семантический элемент агрессивности может принадлежать только семантике глагола. Тогда соответствующий конstituент предложения не принимает форму «*предлог на + винительный падеж*», тогда указанный семантический элемент является фактом семантики глагола, т. е. слова, а не семантики самой модели предложения, ср. *Он ругает соседей*. Структурный конstituент «*о + предложный падеж*» в предложениях с глаголами эмоционального содержания и речевого поведения указывает не на то, что в содержании соответствующего глагола нет семантического элемента агрессивности, а на то, что модель предложения не содержит указания на наличие этого момента в семантике самой структуры предложения. Можно сказать *Он сплетничал на своих соседей* и *Он сплетничал о своих соседях*. В первом случае элемент агрессивности является семантическим свойством модели предложения и принадлежит синтаксической семантике, во втором случае — семантическим свойствам слова и принадлежит лексической семантике.

Семантические признаки наличия или отсутствия агрессивности к предмету имеются только в предложениях, содержащих указания на предмет, к которому относится информация.

Все рассмотренные выше семантические признаки предложений, выражающих информационный процесс, имеют строгую систему.

Семантические признаки моделей предложений,
выражающих информационный процесс

Ранги разбиений	Множество, подлежащее разбиению	Семантические признаки моделей предложений, получаемые в разбиении
I	<i>И</i> {	1. Адресованная информация 2. Неадресованная информация
II	<i>И</i> {	1. Сообщается информация в форме семантического предмета 2. Сообщается предмет, к которому относится информация, без указаний самой информации
III	<i>И</i> 10 {	3. Сообщается информация и предмет, к которому она относится 4. Сообщается информация в форме содержания, сопутствующего отношению
	<i>И</i> 20 {	1. Несимметричные отношения между адресантом и адресатом
	<i>И</i> 12 {	2. Симметричные отношения между адресантом и адресатом
IV	<i>И</i> 13 {	0
	<i>И</i> 141 {	1. Без наличия момента агрессивности к предмету информации или к адресату
	<i>И</i> 200 {	2. С наличием момента агрессивности к предмету информации или к адресату
		0

Представим семантические признаки моделей предложений, выражающих информационный процесс, в форме табл. 1.

Эта таблица имеет три графы: в первой указываются ранги разбиений предложений; во второй — те предложения, на множестве которых выделяются семантические признаки моделей предложений; в третьей указываются сами семантические признаки.

В первом разбиении все рассматриваемые нами предложения разделяются на два подкласса, из которых первый характеризуется адресованностью информации, второй — неадресованностью информации, причем эти семантические признаки выделяются на множестве всех предложений, т. е. каждое из названных предложений имеет либо один семантический признак, либо другой. Знаком того, что указанные семантические признаки выделяются на всем множестве предложений, является буква *И* во второй графе.

Во втором разбиении все предложения разбиваются на четыре класса. Первый класс характеризуется тем, что информация сообщается в виде содержания семантического предмета, который выражается именем, ср. *Он говорит правду*. Второй класс характеризуется тем, что сообщается предмет, к которому относится информация, без указания самой информации, ср. *Он говорил о своих делах*. Третий класс характеризуется тем, что сообщается инфор-

мация и предмет, к которому они относятся, ср. *Он говорил правду о своих делах*. Четвертый класс характеризуется тем, что сообщается информация в виде содержания, сопутствующего отношению, которое выражается глаголом, ср. *Она ему льстила*.

Знаком того, что рассматриваемые семантические признаки выделяются на всем множестве интересующих нас предложений, является буква *И* во второй графе.

В третьем разбиении разделяются только те предложения рассматриваемого типа, в содержании которых имеются адресанты и адресаты, при этом различаются несимметричные и симметричные отношения между первым и вторым.

Различие семантических признаков несимметричности и симметричности отношений между адресантом и адресатом имеет место только в предложениях, обозначающих адресованную информацию. Знаком этого множества предложений является *И* 10 во второй графе. Цифра 1 в первой позиции после буквы *И* указывает на то, что из всего множества предложений берется только подмножество предложений, выражающих адресованную информацию, цифра 0 во второй позиции указывает на то, что выделяемые семантические признаки имеются в любом подмножестве предложений второго разбиения, содержащих момент адресованности информации.

В четвертом разбиении разделяются только те предложения, в которых сообщается предмет информации без указания на информацию или с указанием на информацию о нем, при этом различаются две семантические разновидности. Значение предложения может содержать или не содержать семантический момент агрессивности отношения к предмету информации.

Семантические признаки отсутствия или наличия момента агрессивности к предмету информации имеют место только в тех предложениях, в которых содержатся адресат или указание на предмет информации, знаком чего является *И* 12, *И* 13 и *И* 141 во второй графе. Цифра 1 в первой позиции после буквы *И* указывает на то, что указанные семантические признаки имеют место в содержании предложений, выражающих адресованную информацию, а цифры 2 и 3 во второй позиции после буквы *И* указывают на то, что из выделенных предложений берутся только те, в которых имеется указание на предмет информации.

Цифра 4 указывает на то, что информация представлена в форме семантического окружения отношения, вследствие этого момент агрессивности относится к адресату. Цифра 1 в третьей (последней позиции) указывает на то, что рассматриваемые различия наблюдаются во множестве предложений, выражающих несимметричные отношения между адресантом и адресатом.

Все семантические признаки, которые выделены в предшествующем изложении, находят отображение в моделях предложений. Каждой отдельной модели предложения свойствен свой отдельный набор семантических признаков.

Приведенная выше таблица семантических признаков содержания предложений позволяет выделить следующие 15 видов информационных процессов, каждому из которых соответствует своя особая модель предложения: 1) *И 1110* (информация адресована, представлена в качестве содержания семантического предмета, отношение между адресантом и адресатом несимметрично); 2) *И 1211* (информация адресована, сообщается предмет информации без указания самой информации, отношение между адресатом и адресантом несимметрично, отсутствует семантический момент агрессивного отношения к предмету информации); 3) *И 1311* (информация адресована, сообщается предмет информации и информация о нем, отношение между адресантом и адресатом несимметрично, отсутствует семантический момент агрессивности к предмету информации); 4) *И 1411* (информация адресована, представлена в форме содержания окружающего отношения между адресантом и адресатом, отношение между указанными предметами несимметрично, отсутствует момент агрессивности к адресату); 5) *И 1120* (информация адресована, представлена в качестве содержания семантического предмета, отношение между участниками речи симметрично); 6) *И 1220* (информация адресована, сообщается предмет информации без указания самой информации, отношение между участниками речи симметрично); 7) *И 1320* (информация адресована, сообщается предмет информации и информация о нем, отношение между участниками речи симметрично); 8) *И 1420* (информация адресована, представлена в форме семантического окружения отношения, отношение между участниками речи симметрично); 9) *И 1212* (информация адресована, сообщается предмет информации без указания самой информации, отношение между адресантом и адресатом несимметрично, присутствует семантический момент агрессивности к предмету информации); 10) *И 1312* (информация адресована, сообщается информация и предмет, к которому она относится, отношение между адресантом и адресатом несимметрично, присутствует семантический момент агрессивности отношения к предмету информации); 11) *И 1412* (информация адресована, представлена в форме семантического окружения отношения, отношение между участниками речи несимметрично, присутствует семантический момент агрессивности к адресату); 12) *И 2100* (информация не адресована, представлена в форме содержания семантического предмета); 13) *И 2200* (информация не адресована, сообщается предмет, к которому относится информация, без указания самой информации); 14) *И 2300* (информация не адресована, сообщается информация и предмет, к которому она относится); 15) *И 2400* (информация не адресована, представлена в форме семантического окружения отношения).

Ниже мы рассмотрим модели предложений, выражающие отдельные виды информационных процессов; причем при характеристике моделей предложения будем учитывать невозвратность или возвратность глагола.

Все модели предложений, выражающие указанные виды информационных процессов, мы разделим на три группы. Первую образуют модели предложений, выражающих адресованную информацию без момента агрессивности к предмету информации или адресату. Вторую образуют модели предложений, выражающих адресованную информацию с наличием момента агрессивности к предмету информации или адресату. Третью образуют модели предложений, выражающих неадресованную информацию.

Во всех указанных случаях мы будем различать модели предложений с невозвратными глаголами, например *беседовать, балагурить, болтать, ворковать, обсуждать, разговаривать, потолковать* и др. (ср. *Иван беседует с Петром*), и модели предложений с возвратными глаголами, например, *заболтаться, перешептываться, ругаться, браниться, объясняться, договариваться, заговариваться* и др. (Ср. *Иван бранится с Петром*). Модели предложений с возвратными глаголами в трехместных предложениях представлены только таким построением, в котором сообщается о предмете информации, обозначенном локативной формой, например: *Петр договаривался с Иваном о посещении театра*.

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ АДРЕСОВАННУЮ ИНФОРМАЦИЮ БЕЗ МОМЕНТА АГРЕССИВНОСТИ К ПРЕДМЕТУ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ К АДРЕСАТУ

1. Адресованная информация, представленная в форме содержания семантического предмета с несимметричными отношениями между адресантом и адресатом (т. е. информационный процесс И 1110), выражается трехместной моделью предложения. При этом адресант обозначается формой именительного падежа имени, адресат — формой дательного падежа имени, а информация, представляющая собой семантический предмет, — формой винительного падежа имени, например: *Мы тебя тогда обманули, написали, что это из скопленных дунечкиных прежних денег, но это было не так, а теперь (я) сообщаю тебе всю правду, потому что все теперь переменялось* (Достоевский. Преступление и наказание); *Нет, видите ли, я вам всю правду скажу* (Достоевский. Преступление и наказание); *Я тебе сказку расскажу, — заговорила Маргарита* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита), ср. *Он изложил ей философию Гегеля; Он предвещал ей несчастье*.

Модель таких предложений мы будем называть аккузативно-дательной по характеру падежа имени, обозначающего информацию, и падежа имени, обозначающего адресата. Символическое представление указанной модели имеет следующий вид:

$$a_0 (N_n) P (V) b_1 (N_a) c_2 (N_d)^2$$

² В этой записи буквы *a*, *b* и *c* обозначают предикатные предметы: адресанта, информацию и адресата, буква *P* означает отношение между этими

Описанную модель имеют и предложения типа *Учитель преподавал детям физику; Профессор доказывал студентам теорему; Учитель сообщал ученикам глубокие знания.*

Вариантом аккузативно-дательной модели является генитивно-дательная модель предложения: последняя характеризуется тем, что имеет родительный падеж единственного или множественного числа имени информации. Обычно форма родительного падежа единственного и множественного числа имени информации употребляется в том случае, если глагол имеет приставку *на-*, например: *наговорил, наболтал, намолол, нагородил* и т. д., ср.: *Он наговорил ей гадостей; Он нашептал ей всякого вздора; Она наговорила барышне грубостей* (Л. Толстой. Воскресение); *Она наговорила ему дерзостей.*

Символическое представление этой модели имеет следующий вид:

$$a_0 (N_n) P (V) b_1 (N_q) c_2 (N_d)$$

2. Адресованная информация, в которой сообщается о предмете информации без указания на саму информацию, с несимметричными отношениями между адресантом и адресатом, без момента агрессивности к предмету информации (т. е. информационный процесс *И 1211*), выражается трехместной моделью предложения, причем, как и в первом случае, адресант обозначается формой именительного падежа имени, адресат — формой дательного падежа имени, а предмет, о котором говорится, — локативной формой, например: *Сын сообщил отцу о ходе собрания; Дочь рассказала матери о своей работе; Брат напомнил сестре о собрании*, ср. *Немедленно по приезде я доложил о положении в Восточном секторе генерал-майору Шишенину* (Н. И. Крылов. В боях за Одессу).

Структуру таких предложений мы будем называть локативно-дательной по характеру падежа имени, выражающего предмет информации, и падежа имени адресата.

Символическое представление модели этих предложений имеет вид:

$$a_2 (N_n) P (V) b_1 (oN_l) c_2 (N_d)$$

Обычно эту модель имеют предложения с глаголами *сказать, поведать, лягнуть, сказануть, наябедничать.*

Структура некоторых предложений указанного типа может содержать возвратные глаголы типа *проболтался, проговорился, обмолвился* и т. п., например: *Она проболталась ему о своей тайне*, ср. *Она выболтала ему свой секрет.*

предметами. Знак N_n означает именительный падеж имени адресата, знак V означает глагол, выражающий отношение между предметами a , b и c . Знак N_a означает винительный падеж имени информации. Знак N_d означает дательный падеж имени адресата. Формы падежей будут обозначаться следующим образом: N_n — им. п., N_g — род. п., N_d — дат. п., N_a — вин. п., N_i — твор. п., N_l — предл. п.

Предмет, о котором сообщается в предложении, может выражаться не локативной формой, а сочетанием предлога *про* + винительный падеж имени или сочетанием предлога *насчет* + родительный падеж имени, например: *Маргарита, хоть и не толковала вовсе про пятое измерение, а толковал о нем сам Коровьев, весело рассмеялась, прослушав рассказ о похождениях квартирного проныры* (Булгаков, Мастер и Маргарита); *Козонков был пьяный и рассказывал про свою молодость* (В. Белов, Плотничкине рассказы); *Наконец, он заговорил насчет ремонта бани и той депеши, что пришла в контору по поводу Олеси* (там же).

3. Адресованная информация (содержащая и саму информацию, представленную в форме семантического предмета, и предмет, к которому относится информация, с несимметричными отношениями между адресантом и адресатом, без наличия момента агрессивности к предмету) выражается трехместной моделью предложения, причем в структуре предложения употребляется винительный падеж имени информации и локативный падеж предмета информации, которые образуют одну дескрипцию, обозначающую один предмет отношения: *Она говорила ему правду о своей жизни; Они сообщили вам сведения о ходе сева*. Структуру таких предложений мы будем называть сложно-дативной. В этом названии часть «сложно-» указывает на составной характер выражения информации, а часть «дативная» — на характер падежа имени адресата.

Символическое представление указанной структуры имеет следующий вид:

$$a_0 (N_n) P (V) c_2 (N_d) b_1 (N_a o N_l)$$

Когда ясен адресат, имя его не употребляется, например: *Она должна была сказать мне о содержании письма* (М. Горький, Жизнь Кл. Самгина).

Вместо локативной формы может употребляться сочетание: «предлог *про* + винительный падеж имени», например: *Он поведал всю историю про корабль; Эту грустную историю про мужика и его коня Костя рассказал совсем некстати*.

4. Адресованная информация, представленная в форме семантического окружения несимметричного отношения между адресантом и адресатом, с отсутствием момента агрессивности к последнему (т. е. информационный процесс И 1411), выражается двухместной моделью предложения. Первое имя имеет форму именительного падежа, а второе — форму дательного падежа, имя со значением информации отсутствует и не может быть при наличии данного глагола введено в состав предложения, так как информация включается в содержание глагола. Двухместную структуру имеют предложения с глаголами *дерзить*, *грубить*, *лыстить* и т. п., например: *Она грубила ему; Она лыстила ему* и др.; *Я миру лгал* (Пушкин, Борис Годунов); *Мальчишки отбились от взрос-*

лых — дерзят взрослым (А. Мусатов, Стожары); *Таня была нервна, грубила начальству* (А. Первенцев, Огненная земля).

Модель таких предложений мы будем называть номинативно-дательной по характеру падежа имени исходного и последующего предметов (адресанта и адресата).

Модель указанных предложений имеет вид:

$$a_0 (N_n) P (V) c_2 (N_d)$$

Если рассматриваемые предложения декомпрессируются, т. е. выделяют информацию в форме предмета, то они получают трехместный характер: *Она говорила ему грубости; Она говорила ему дерзости; Она говорила ему лестные слова* и т. п.

Все рассмотренные модели предложений, содержание которых характеризовалось несимметричностью отношений между адресантом и адресатом, соотносятся с параллельными моделями предложений, содержание которых характеризуется симметричностью отношений между участниками речи.

Рассмотрим соответствующие информационные процессы и модели предложений, с помощью которых они выражаются.

5. Адресованная информация, представленная в форме семантического предмета с симметричными отношениями между адресантом и адресатом (т. е. информационный процесс И 1120), выражается трехместной моделью предложения, причем исходное лицо информационного отношения обозначается формой именительного падежа имени, сама информация — формой винительного падежа имени, а последующее лицо — предложным сочетанием предлога с + творительный падеж имени, например: *Отец обсуждал с матерью успехи сына в школе.*

Модель таких предложений мы будем называть аккузативно-инструментальной по характеру падежа имени информации и падежа имени адресата.

6. Адресованная информация, в которой сообщается о предмете информации без указания на саму информацию, с симметричными отношениями между участниками речи (т. е. информационный процесс И 1220), выражается трехместной моделью предложения, причем исходное лицо информационного отношения обозначается формой именительного падежа имени, последующее лицо того же отношения — предложным сочетанием с + творительный падеж имени, а предмет информации обозначается локативной формой, например: *Отец беседовал с матерью об успехах сына в школе; Мы когда-нибудь поподробнее побеседуем об этом предмете с вами, любезный Евгений Васильевич* (Тургенев, Отцы и дети); *Я обо многом с вами беседовал, а между тем есть один очень важный для меня вопрос* (Тургенев, Отцы и дети).

Модель таких предложений мы будем называть локативно-инструментальной по характеру падежа имени предмета информации и падежа имени последующего лица в информационном отношении.

Модель некоторых предложений рассматриваемого типа может содержать возвратный глагол, например: *Иван договорился с Петром о посещении театра; Изредка оборачиваясь с опаской, не слышит ли кто, мальчишка перешептывался с товарищем о какой-то ерунде.*

7. Адресованная информация, содержащая саму информацию, представленную в форме семантического предмета, и предмет, к которому относится информация, с симметричными отношениями между участниками речи (т. е. информационный процесс И 1320) выражается трехместной моделью предложения. В этой модели исходное лицо информационного отношения обозначается формой именительного падежа имени, последующее лицо того же отношения — предложным сочетанием с + творительный падеж имени, а сообщаемое — дескрипцией, состоящей из винительного падежа + локативная форма, например: *Отец обсуждал с матерью вопрос об успехах сына в школе; Пойдите в мою комнату. Обсудимте (с Вами) вопрос со всех сторон* (А. Островский, Бешеные деньги).

Модель таких предложений мы будем называть сложно-инструментальной.

8. Адресованная информация, представленная в форме семантического окружения симметричного информационного отношения между его участниками (т. е. информационный процесс И 1420), выражается двухместной моделью предложения. Имя исходного лица информационного отношения имеет форму именительного падежа, а имя последующего лица в том же отношении — форму предложного сочетания с + творительный падеж; имя сообщаемой информации отсутствует, так как последняя включена в содержание глагола. Глагол может иметь невозвратную форму, например: *Он балагурит с ней; Он с каждым губернским тузом побеседовал отдельно, каждого расспросил о подробностях вверенной ему части* (Салтыков-Шедрин, Помпадур и помпадурши); *Он лично с Понтием Пилатом разговаривал* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Вот только что он говорил с Берлиозом, а через минуту — голова* (там же).

Двухместную модель указанного типа могут иметь предложения с глаголами *болтает, воркует, балагурит* и др.

Глагол может иметь возвратную форму, например: *Он бранился с ней. Девуцы смеялись и перешептывались со своими соседями* (Пушкин, Дубровский); *(Щипцов) «вдрызг» поругался во время спектакля с антрепренером* (Чехов, Актерская гибель).

Двухместную структуру указанного типа могут иметь предложения с глаголами *заболтался, перешептывался, заговорился, бранился* и др.

Модель предложений указанного типа с невозвратными и возвратными глаголами мы будем называть номинативно-инструментальной по характеру падежей или участников информационного отношения.

**МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
ВЫРАЖАЮЩИХ АДРЕСОВАННУЮ ИНФОРМАЦИЮ
С НАЛИЧИЕМ МОМЕНТА АГРЕССИВНОСТИ
К ПРЕДМЕТУ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ К АДРЕСАТУ**

... Наличие семантического момента агрессивности к предмету информации или к адресату может иметь место в тех случаях, когда информация принимает форму семантического предмета с указанием или без указания на предмет, к которому она относится.

Кроме того, это имеет место в тех случаях, когда информация принимает форму содержания отношения; в последнем случае момент агрессивности относится к адресату.

Отношения между адресантом и адресатом в информационном процессе с наличием момента агрессивности к предмету информации имеют несимметричный характер.

Модели предложений, выражающие несимметричные информационные отношения с моментом агрессивности к предмету, не имеют параллельных образований с симметричными отношениями между участниками речи.

9. Адресованная информация, в которой сообщается о предмете, информация без указания на саму информацию, с несимметричными отношениями между адресантом и адресатом, с наличием момента агрессивности к предмету информации (т. е. информационный процесс *И 1212*), выражается трехместной моделью предложения. При этом адресант обозначается формой именительного падежа имени, адресат — формой дательного падежа имени, а предмет, к которому относится информация, — предложным сочетанием *на* + винительный падеж имени. Глагол может иметь невозвратную форму, например: *Подмастерье наушничает мастеру на своих товарищей; Наговорила ему на меня напрасно* (А. Островский, На бойком месте); *Он наязбедничал Вам на товарища; Они наклеветали Вам на товарища*, ср. *Они успели тебе пожаловаться, выдумали, наклеветали на меня* (Аксаков, Семейная хроника).

Глагол может иметь возвратную форму, например: *Сестра жаловалась матери на брата*, ср. *Я на тебя жалуюсь ему самому* (Гоголь, Ревизор); *Вам на меня по этому случаю пожаловались* (Тургенев, Однодворец Овсянников).

10. Адресованная информация, в которой содержатся и информация и предмет, к которому она относится, с несимметричным отношением между адресантом и адресатом, с наличием момента агрессивности к предмету информации (т. е. информационный процесс *И 1312*), выражается трехместной моделью предложения. При этом адресант и адресат обозначаются соответственно формами именительного и дательного падежей имен, а сообщаемое — дескрипцией, состоящей из родительного падежа множественного числа и предложного сочетания *на* + родительный падеж или *на* +

винительный падеж имени, например: *Он наговорил мне всяких гадостей на Вас; Они могут Вам наклеветать на него что угодно.*

Рассмотренные здесь модели предложений мы будем называть предложно-дательными.

11. Адресованная информация, представленная в форме семантического окружения несимметричного отношения между адресантом и адресатом с наличием момента агрессивности к предмету (т. е. информационный процесс И 1412), выражается двухместной моделью предложения. Первое имя имеет форму именительного падежа, а имя со значением информации отсутствует, так как она включается в содержание глагола, имя второго предмета (адресата) имеет форму предложного сочетания *на + винительный падеж*, ср.: *Бабушка ворчала на внука; Он накричал на нее. Ср. Ты просто наклеветал на себя* (Тургенев, Накалуне).

Рассмотренные здесь модели предложения могут быть названы номинативно-предложными.

Все рассмотренные модели предложений образуют систему, связанную определенными законами (см. табл. 2).

Наличие или отсутствие момента агрессивности к предмету информации или к адресату разделяет предложенную систему моделей, выражающих адресованную информацию, на две группы. Первую группу образуют предложения, содержащие семантический момент агрессивности к предмету информации или к адресату. Отношения между адресантом и адресатом в этой группе предложений имеют только несимметричный характер. Вторую группу образуют предложения, не содержащие семантического момента агрессивности к предмету информации или к адресату. Отношения между адресантом и адресатом в этой группе предложений могут быть несимметричными и симметричными.

Принцип несимметричности и симметричности отношений действует только во второй группе и выделяет две колонки предложений.

Левую колонку образуют предложения с несимметричными отношениями между участниками речи. Правую колонку образуют предложения с симметричными отношениями между участниками речи. Первые характеризуются наличием дательного падежа имени второго участника речи, вторые — наличием предложной конструкции *с + творительный падеж* имени того же предмета («говорил кому» — «разговаривал с кем»).

Таким образом, все предложения разделяются на три колонки: предложения, содержащие семантический момент агрессивности и имеющие несимметричные отношения; предложения, не содержащие семантического момента и имеющие несимметричные отношения; предложения, не содержащие семантического элемента агрессивности и имеющие симметричные отношения.

Если информация представлена в форме содержания места в отношении, то модель предложения всех трех групп имеет трехместный характер. Если она представлена в форме семантического

Система моделей предложений, выражающих адресованную информацию

Адресованная информация в форме содержания места в отношении	Информация с моментом агрессивности	Информация без момента агрессивности	
	несимметричные отношения между адресантом и адресатом	несимметричные отношения между адресантом и адресатом	симметричные отношения между участниками речи

Модели предложений, выражающих трехместные отношения

сообщается только информация	Предложно-дательная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) b_1(на N_a) c_2(N_d)$ <i>Подмастерье научил мастера на товарищ</i>	Аккузативно-дательная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) b_1(N_a) c_2(N_d)$ <i>Мать рассказывала сыну сказку</i> Локативно-дательная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) b_1(о N_i) c_2(N_d)$ <i>Мать рассказывала сыну о золотой рыбке</i>	Аккузативно-инструментальная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_a) P(V) b_1(N_a) c_2(c N_i)$ <i>Мать обсуждала с сыном сказку</i> Локативно-инструментальная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) b_1(о N_i) c_2(c N_i)$ <i>Мать беседовала с сыном о золотой рыбке</i>
сообщается только предмет	Предложно-дательная модель с возвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V_s) b_1(на N_a) c_2(N_d)$ <i>Сестра жаловалась матери на брата</i>	Локативно-дательная модель с возвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V_s) b_1(о N_i) c_2(N_d)$ <i>Она проболталась ему о своей тайне</i>	Локативно-инструментальная модель с возвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V_s) b_1(о N_i) c_2(c N_i)$ <i>Он договорился с ней о посещении театра</i>
сообщается информация и предмет	Сложно-дательная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) b_1(N_g на N_a) c_2(N_d)$ <i>Она всем наговорила гадостей на него</i>	Сложно-дательная модель: $a_0(N_n) P(V) b_1(N_a о N_i) c_2(N_d)$ <i>Мать рассказывала сыну сказку о золотой рыбке</i>	Сложно-инструментальная модель: $a_0(N_n) P(V) b_1(N_a о N_i) c_2(c N_i)$ <i>Мать обсуждала с сыном сказку о золотой рыбке</i>

Модели предложений, выражающих двухместные отношения

Адресованная информация в форме отношения	Номинативно-предложная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) c_1(на N_a)$ <i>Он кричал на нее</i>	Номинативно-дательная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) c_1(N_d)$ <i>Она летила ему</i>	Номинативно-инструментальная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V) c_1(c N_i)$ <i>Он балагурит с ней</i> Номинативно-инструментальная модель с возвратным глаголом: $a_0(N_n) P(V_s) c_1(c N_i)$ <i>Он бранится с ней</i>

окружения отношения, то модели предложений имеют двухместный характер: *Она говорила ему грубости — Она грубила ему.* Информация, представленная в форме содержания места в отношении, имеет три вида. Может сообщаться информация о предмете без указания на самый предмет. Предложений этого вида, содержащих момент агрессивности, не существует и принципиально существовать не может, так как отсутствует предмет, к которому направляется агрессивность. Предложения этого вида, не содержащие момента агрессивности, существуют в двух разновидностях — с несимметричными и симметричными отношениями между участниками речи. Модель предложения в первом случае имеет аккузативно-дательный характер («рассказывать что кому»), во втором — аккузативно-инструментальный характер («обсуждать что с кем»).

Может сообщаться предмет информации без указания на самую информацию. Предложения этого вида имеются во всех трех колонках. В первой они имеют предложно-дательный характер («наушничать кому на кого»), во второй — локативно-дательный характер («рассказывать о чем кому»), в третьей — локативно-инструментальный характер («беседовать о чем с кем»).

Может сообщаться информация о предмете и предмет, к которому она относится. Предложения этого вида имеются во всех трех колонках. В первой и второй они имеют сложно-дательный характер³ («наговорить кому на кого чего-либо и рассказать кому что о чем»), в третьей — сложно-инструментальный характер («обсуждать что о чем с кем»).

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕАДРЕСОВАННУЮ ИНФОРМАЦИЮ

... Принципиальная особенность моделей таких предложений заключается в отсутствии и недопустимости адресата и, следовательно, в отсутствии имени этого предикативного предмета.

Различаются три вида информационного процесса, содержащего неадресованную информацию, и соответственно три вида моделей предложений, выражающих указанный процесс.

12. Неадресованная информация, представленная в форме семантического объекта (т. е. информационный процесс И 2100), обычно выражается двухместной номинативно-аккузативной мо-

³ В этих предложениях конструкция «о + предложный падеж» обычно называется предложным падежом, хотя имеет изъяснительное значение. Для того чтобы охарактеризовать модель предложения по двум косвенным падежам, из которых один является предложным, а другой — дательным или творительным, приходится строить выражения локативно-дательные или локативно-инструментальные (например, локативно-дательная модель предложения), в которых часть *локативно-* указывает на семантику элемента предложения, а на его падежную принадлежность.

делью, например: *Он произнес речь; Он говорил правду*, ср. *Ссылнаторжнй писатель уже высказывал в остроге свои консервативные убеждения* (Л. Гроссман, Достоевский); *Очевидно, она говорила правду, ей нужен был он, мастер, а вовсе не готический особняк* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Сам того не понимая, мальчишка разболтал наши планы* (П. Вершигора, Люди с чистой совестью); *Акулинична растрезвила ответ его по всему городу* (Даль, Колбасники и бородачи).

Тот же информационный процесс может выражаться номинативно-генитивной моделью предложения, например: *Съезди к губернатору и расскажи по правде, как было дело, чтоб тот [Тычков] не наплел вздору* (Гончаров, Обрыв); *Спирька-солдат из Питера пришел, домой вернулся, наказы разных небылиц* (В. Шишков, Тайга); [Медынов:] *Убрался молодец. То-то он тут намолол вздору* (Невек., Старое на новое).

Номинативно-аккузативная и номинативно-генитивная модели находятся в отношении дополнительного распределения: первая встречается с глаголами, не имеющими приставки *на-*, ср. *Он говорил глупости, болтал чепуху, молол ерунду* и т. п.; вторая встречается с глаголами, имеющими приставку *на-*, ср. *Наговорил глупостей, наболтал чепухи, намолол всякой ерунды* и т. п.

13. Неадресованная информация, содержащая предмет информации без указания самой информации (т. е. информационный процесс И 2200), может выражаться двухместной номинативно-локативной моделью, например: *Он говорил о содержании пьесы, об опыте работы в школе* и т. п., ср. *Они стали говорить о Лизавете. Студент рассказывал о ней с каким-то особенным удовольствием, и все смеялись* (Достоевский. Преступление и наказание); *И долго, долго дедушка о горькой доле пахаря с тоскою говорил* (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо).

Тот же информационный процесс может выражаться номинативно-предложной моделью, например: *Читака. . . — Олеша даже отодвинулся. — Разве я про то говорю. — А про чего* (В. Белов, Плотнические рассказы); *Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы ее видели в Харькове* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Номинативно-локативная и номинативно-предложная модели находятся в синонимических отношениях. Предложения, имеющие указанные модели, могут встречаться с одинаковыми глаголами, например: *Может быть странным покажется, что я так распространяюсь о мелочах* (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова); *То-то слушаю, он все про цветы какие-то распространяется* (А. Толстой, Нечистая сила).

14. Неадресованная информация, содержащая и саму информацию, представленную в форме семантического предмета, и предмет, к которому относится информация (т. е. информационный процесс И 2300), может выражаться номинативно-аккузативно-локативной моделью, например: *Он говорил правду о своей жизни*.

Тот же информационный процесс может выражаться номинативно-аккузативно-предложной моделью, например: *Она оживленно болтала что-то про свою кухню и время от времени взглядывала на свое отражение; Все уселось в ряд по скамьям, а старуха начала речитативом рассказывать былинку про Добрынюшку.*

Номинативно-аккузативно-локативная и номинативно-аккузативно-предложная модели предложений с точки зрения содержания информационного процесса находятся в синонимических отношениях, ср. *Он говорил правду о своей жизни* и *Он говорил правду про свою жизнь*. Выше было отмечено, что модели предложений, выражающих неадресованную информацию, принципиально двухместны: они не допускают в своем составе адресата речи.

Наблюдения показывают, что в трехместных и двухместных предложениях, выражающих информационный процесс, может употребляться один глагол: например: *Он говорил Вам о своей работе* и *Он говорил о своей работе*. Первое предложение содержит имя адресата в форме дательного падежа. Второе предложение не содержит его. Наличие или отсутствие дательного падежа имени адресата имеет принципиальное значение, и один и тот же глагол в этих моделях выражает принципиально разные отношения: в первом случае семантика глагола содержит направленность информации к адресату, во втором случае семантика того же глагола не содержит отнесенности информации к адресату. В этом заключается принципиальное различие в семантике одного и того же глагола в разных предложениях, имеющих трехместную и двухместную модели.

Тождество глагола в разных предложениях с разными моделями не означает тождества его семантики и тождества информационного процесса, выражаемого этими предложениями.

Один глагол в двух разных предложениях, из которых одно имеет трехместную, а другое — двухместную модель, с точки зрения выражения отношений в информационном процессе является омонимичным. Различительными средствами в этих предложениях являются не глаголы, а другие элементы структуры предложения, например наличие дательного падежа имени адресата. Его наличие в модели предложения свидетельствует об одной семантике глагола, а его отсутствие — о другой семантике того же глагола.

Есть, однако, глаголы, семантика которых, как правило, допускает в значении предложения отсутствие адресата, например *сообщать*, *высказать* и др. Эти глаголы предполагают такую информацию, которая имеет адресованный характер, ср. *Он сообщил Вам новые сведения; Он высказал Вам свои соображения* и т. п.

В этих предложениях может отсутствовать дательный падеж имени адресата, и тогда предполагается существование неопределенно-личного адресата, ср. *Он сообщил новые сведения* (без указания на определенность лица — адресата); *Он высказал свои соображения* (безотносительно к конкретным лицам).

Есть глаголы, семантика которых, как правило, не допускает в значении предложения наличие адресата; таковы *разглагольствовать*, *распространяться* и др., например: *Он разглагольствовал о своих похождениях*; ср. *Про военные подвиги он тоже не любил разглагольствовать* (А. Толстой, Рассказы Ив. Сударова); *Может быть, странным покажется, что я так распространяюсь о мелочах* (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова).

15. Неадресованная информация может представлять такую семантику, которая принимает вид окружения ассерторического отношения (т. е. отношения между говорящим и процессом его говорения), выраженного глаголом. Она осуществляется в форме наличия или отсутствия факта говорения (информационный процесс И 2400).

Модели предложений, выражающие информационный процесс указанного типа, имеют одноместный характер; они выражают ассерторические отношения. Рассмотренные предложения могут содержать невозвратные глаголы, например: *Мы подошли к закусочному столу и вмешались в толпу, в которой ораторствовал учительный Анемподист Петрович* (Лесков, Бесстыдник); *Он сегодня все время шутил и болтал без умолку* (Вересаев, Поветрие); *Порфирий Владимирович разглагольствовал долго, не переставая ...* (Салтыков-Штедрин, Господа Головлевы); *Хлебун, который у себя в отделе кадров был немногоречив, сух и строг, здесь [дома] беспрерывно ругался, сквернословил* (Э. Казакевич, Дом на площади).

Предложения могут содержать возвратные глаголы, например: *Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу. Он выразился осторожно и сказал, что. . .* (Достоевский, Преступление и наказание).

Один и тот же глагол может входить в состав предложения, выражающего неадресованную информацию, и предложения, выражающего простую констатацию наличия речи.

Предложения первого вида имеют двухместные модели, предложения второго — одноместные модели, например: *Евдокия тоже говорила, только говорила про какой-то чересседельник* (В. Белов, Плотнические рассказы).

Модель первого предложения имеет одноместный характер: $a_0(N_n)P(V)$, модель второго предложения имеет двухместный характер: $a_0(N_n)P(V)b_1$ (про N_a).

Глагол *говорить* выражает принципиально различные значения: в первом предложении он обозначает простой акт говорения, безотносительно к предмету речи, во втором предложении он обозначает говорение относительно предмета речи. В первом предложении выражается отношение между говорящим лицом и фактом его говорения, во втором предложении выражается отношение между говорящим лицом и предметом, о котором он говорит.

Глагол *говорить* трижды омонимичен.

В предложениях, имеющих одноместную модель, он выражает ассерторическое отношение, например: *Прислонившись к яблоне,*

Система моделей предложений, выражающих неадресованную информацию

Модели предложений

Модели предложений, выражающих двухместные отношения

Неадресованная информация в форме содержания места в отношении:	
только информация	Номинативно-аккузативная модель: $a_0(N_n)P(V)b_1(N_a)$ <i>Он произнес речь</i>
только предмет	Номинативно-локативная модель: $a_0(N_n)P(V)b_1(oN_l)$ <i>Он говорил о своих делах</i>
информация и предмет	Номинативно-сложная модель: $a_0(N_n)P(V)b_1(N_a o N_l)$ <i>Он произнес речь о вреде курения</i>

Модели предложений, выражающих ассерторические отношения

Неадресованная информация в форме окружения отношения	Номинативная модель с невозвратным глаголом: $a_0(N_n)P(V)$ <i>Он говорил громко</i> Номинативная модель с возвратным глаголом: $a_0(N_n)P(V_s)$ <i>Он наговорился</i>

он говорил тихим голосом, запинаясь и подыскивая слова (А. Первенцев, Огненная земля).

В предложениях, имеющих двухместную модель, он выражает отношение между говорящим лицом и информацией или предметом информации, например: *Он говорил правду* или *Он говорил о пьесе*.

В предложениях, имеющих трехместную модель, он выражает отношения между говорящим лицом, адресатом и сообщаемым, например: *Вы ей о бугорках говорили* (Достоевский, Преступление и наказание).

В этих предложениях выражаются три разных информационных процесса, и различительным средством является не глагольный элемент модели, а весь состав элементов этих моделей.

Рассмотренные выше 15 отдельных моделей предложений, выражающие отдельные виды информационных процессов, представляют строго согласованную и упорядоченную систему. Законами упорядоченности системы рассматриваемых предложений яв-

ляются: 1) адресованность или неадресованность информации, 2) наличие или отсутствие семантического момента агрессивности к предмету информации или к адресату, 3) несимметричность и симметричность отношений между участниками речи, 4) наличие четырех форм представления содержания информации.

ОТНОШЕНИЯ ПОРЯДКА КАК ОСНОВАНИЕ ВЫДЕЛЕНИЯ УРОВНЕЙ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Говоря об уровнях в грамматике, мы должны условиться относительно самого понятия уровня.

Если мы имеем множество объектов, природа которых определена, и если мы говорим об уровнях, то понятие уровня может быть истолковано в плане отношения порядка.

Примерными образцами отношений порядка между некоторыми объектами являются отношения больше или меньше, старше или моложе, длиннее или короче, позже или раньше и т. п. Множество объектов может быть упорядочено, т. е. в нем могут быть установлены уровни объектов, если им свойственны отношения порядка.

Всякое отношение между объектами является отношениями порядка и, следовательно, отношением уровней, если оно обладает следующими по меньшей мере тремя свойствами, которые мы опишем на примере отношения предшествования.

Первым свойством этого отношения является антирефлексивность. Свойство антирефлексивности выражается формулой

$$\text{Ax } \neg \text{П} (x, x).$$

Эта формула читается так: Для всякого x не верно, что x предшествует x , т. е. предшествует самому себе.

Вторым свойством является антисимметричность. Свойство антисимметричности выражается формулой

$$\text{AxAyП} (x, y) \rightarrow \neg \text{П} (y, x).$$

Эта формула читается так: Для всякого x и для всякого y из того, что x предшествует y , следует «неверно, что y предшествует x ».

Смысл этого выражения заключается в следующем: ни один элемент x не может быть предшествующим и одновременно следующим по отношению к элементу y .

Третьим свойством является транзитивность. Свойство транзитивности выражается формулой

$$\text{Ax Ay AzП} (x, y) \text{ П} (y, z) \rightarrow \text{П} (x, z).$$

Эта формула читается так: Для всякого x , для всякого y , для всякого z из того, что x предшествует y , а y предшествует z , следует, что x предшествует z .

Отношение уровней должно обладать еще одним свойством — наличием начальной точки отсчета. Это свойство выражается следующим образом:

$$Ex Ay \Pi (x, y).$$

Это значит, что существует один такой x , который предшествует всякому y . В последовательности объектов должен быть выделен такой объект, который предшествует всем остальным и не имеет предшествующих элементов в данной системе объектов.

Теперь мы попытаемся применить эти понятия к характеристике разных классов отношений между лингвистическими объектами.

Мы строго различаем предикаты и предложения; последние рассматриваются нами как выражения предикатов. Предикаты и предложения связаны, следовательно, отношением выражения. Как известно, предикаты относятся к области обозначаемого, а предложения — к области обозначающего. Отношения выражения как отношения обозначения обладают двумя из перечисленных свойств отношений порядка. Они обладают свойством антирефлексивности: если некоторый объект является выражаемым, то он не может быть выражающим. Если предикат есть объект выражаемый, то он не может быть объектом выражающим. В этом отражается требование не смешивать объекты разных планов или уровней. Они обладают свойством антисимметричности. Если объект a относится к объекту b как выражаемое к выражающему, то не может быть, чтобы и объект b относился к объекту a как выражаемое к выражающему.

Если предикат относится к предложению как выражаемое к выражающему, то предложение относится к предикату не как выражаемое к выражающему, а как выражающее к выражаемому. О свойстве транзитивности в данном отношении говорить нельзя, так как отсутствует третий член, связанный тем же отношением.

Рассматриваемые нами отношения не позволяют один из членов считать начальным, а другой последующим. Нет никаких оснований, которые позволяли бы выражаемое, предикат, считать начальной точкой, а выражающее, предложение, последующим объектом.

Рассмотренные нами соображения позволяют нам высказать мысль о нецелесообразности применения понятия уровней к отношению между планом содержания и планом выражения, если отношение уровней является одним из отношений порядка.

Если план содержания и план выражения считаются объектами разных уровней, то понятия уровней не связываются с понятием отношения порядка, и уровни объектов устанавливаются на каких-то других основаниях.

Предположим теперь, что нашими объектами являются фонемы, морфемы, формы слов, простые предложения и сложные предложения. Упорядочивание этого множества объектов должно

выявить те уровни, к которым принадлежат те или другие из перечисленных объектов.

Была предложена попытка упорядочить указанное множество объектов с помощью отношения возможности описания фонем без привлечения понятия о морфемах и невозможности описания морфем без привлечения понятия формы слова и невозможности описания форм слов без привлечения понятия морфем и т. п. Эти отношения удовлетворяют основным свойствам отношений порядка, но они не выполнимы на указанном множестве объектов.

Звуки *о* и *а* в одних условиях являются разными фонемами, а в других — разными вариантами одной фонемы, и эти различия доказуемы только при условии привлечения понятия морфемы. В морфемах *вол* и *вал* звуки *о* и *а* являются разными фонемами, а в морфеме *вол* + $\#$ и *вал* + *ы* звуки *о* и *а* являются вариантами одной фонемы.

Не выполнима и программа идентификации падежных форм слова без привлечения предложения или словосочетания. Падежная форма *матери* не определима вне словосочетания. Последовательность фонем *матери* мы квалифицируем в качестве формы род. падежа в выражении *Матери не было* и в качестве формы дат. падежа в выражении *Сказали матери*. В выражении *Верность матери* та же последовательность фонем допускает двойственное толкование: в качестве формы дат. падежа (верность кому) и в качестве формы род. падежа (верность кого). Следовательно, различные уровни структуры языка на основе указанного отношения между объектами теории не могут быть установлены.

Однако, рассматриваемое нами множество объектов может быть упорядочено отношением части и целого, в котором и часть, и целое рассматриваются как объекты. Это отношение обладает указанными выше свойствами и выполняется на указанном множестве объектов.

Предполагается, что объекты предшествующего уровня включаются в качестве элементов объекта последующего уровня. Фонемы являются элементами морфем; морфемы — элементами форм слов; формы слов — элементами простого предложения; простые предложения — элементами сложного предложения. Следовательно, фонемы, морфемы, формы слов, простые предложения, сложные предложения являются объектами разных уровней структуры языка. Уровень фонем предшествует уровню морфем; уровень морфем предшествует уровню форм слов; уровень форм слов предшествует уровню простого предложения; уровень простого предложения предшествует уровню сложного предложения.

Во всякой теории, объекты которой допускают отношения порядка (как в данном случае), должны быть выделены объекты, которые ограничивают область объектов данной теории со стороны низшего и высшего уровней.

Принцип части и целого выполняется, если допустить существование хотя бы нулевых морфем, которые могут быть частями объектов высшего уровня.

Отношения части и целого обладают указанными выше свойствами антирефлексивности, антисимметричности и транзитивности. Ни один объект не может быть частью самого себя (антирефлексивность): фонема *б* не может быть частью фонемы *б*, морфема *-тель* не может быть частью морфемы *-тель*.

Если некоторый объект является частью другого, то этот последний не может быть частью первого (антисимметричность): если фонема *т* является частью морфемы *-тель*, то морфема *-тель* не может быть частью фонемы *т*; если морфема *-тель* является частью формы *писатель*, то форма *писатель* не может быть частью морфемы *-тель*.

Если некоторый объект является частью другого объекта, а этот последний — частью третьего объекта, то первый объект является частью третьего объекта: если фонема *т* является частью морфемы *-тель*, а морфема *-тель* является частью формы *писатель*, то и фонема *т* является частью формы *писатель*. Было бы не рационально утверждать, что *т* является частью морфемы *-тель* и не является частью формы *писатель*: если Воронеж является частью РСФСР, а РСФСР — частью СССР, то Воронеж является не только частью РСФСР, но и частью СССР.

Предложенный принцип позволяет выделить объекты разных уровней первого ранга: 1. уровень фонемы, 2. уровень морфем, 3. уровень форм слов, 4. уровень простых предложений, 5. уровень сложных предложений.

В каждом уровне первого ранга можно различать уровни второго ранга. Ниже мы рассмотрим объекты разных уровней в множестве простых предложений.

Отношения деривативности являются отношением порядка. В деривативном отношении один объект рассматривается первичным, производящим, а другой — вторичным, производным, т. е. полученным из первого с помощью некоторых правил.

Отношения деривативности обладают тремя указанными свойствами отношения порядка. Пусть *a* есть некоторый первичный объект, *b* — объект производный от *a*, а *c* — объект, производный от *c*.

Отношение деривативности антирефлексивно, так как никакое *a* нельзя рассматривать как произведенное само от себя: $\forall x \neg D(x, x)$, где D — отношение деривативности. Отношение деривативности антисимметрично, так как из того, что *b* произведено от *a*, следует, что *a* не может быть произведено от *b*: $\forall x \forall y (D(x, y) \rightarrow \neg D(y, x))$, или иначе: $aRb \rightarrow \neg bRa$ (из отношения aRb не следует отношение bRa). Отношение деривативности транзитивно: если *a* по одному правилу производит *b*, а *b* по тому же или другому правилу производит *c*, то *a* по тем же правилам производит и *c*:

$$\forall x \forall y \forall z (D(x, y) \wedge D(y, z) \rightarrow D(x, z)).$$

Если *писа-* производит *писатель* по правилу присоединения *-тель*, а *писатель* производит *писательский* по правилу присоединения *-ский*, то *писа-* производит *писательский* по правилам присоединения *-тель*, а затем *-ский*.

Если деривативные отношения содержат только два члена, но возможность третьего не исключается, то свойство транзитивности не проявляется, но не исключается.

Все отношения деривации обладают еще одним свойством — наличием начальной точки отсчета. В деривационной цепочке *писа-*, *писатель* и *писательский* начальной точкой является *писа-*.

В системе, члены которой находятся в деривативном отношении, имеется столько уровней объектов, сколько имеется актов производности, если первичный объект считать объектом первого уровня. Если *писа-* объект первого уровня, то *писатель* — объект второго уровня, а *писательский* — объект третьего уровня.

Если отношения содержат два члена и третий принципиально не возможен, то эти отношения деривации обладают только тремя свойствами: наличием начальной точки, антирефлексивностью и антисимметричностью. Такие деривативные отношения мы будем называть отношениями частичного порядка и выделять два уровня объектов, например: *стол* и *столик*, или *столице* и т. д.

Отношение деривативности объектов распадается на два класса в зависимости от характера деривации. Деривация может быть последовательной и возвратной.

Отношения последовательной деривации выражаются формулой:

$$Д(a, b) \wedge Д(b, c) \wedge Д(c, d) \text{ и т. п.}$$

Это значит, что объект *a* производит объект *b*, объект *b* производит объект *c*, объект *c* производит объект *d* и т. п.

В выражении *писательский* форма *писа-* производит форму *писатель*, форма *писатель* производит форму *писательск-*, форма *писательск-* производит форму *писательский*.

Отношения возрастной деривации выражаются формулой:

$$Д(a, b) \wedge Д(a, c) \wedge Д(a, d) \text{ и т. п.}$$

Это значит, что объект *a* производит объект *b*, тот же объект *a* производит объект *c*, тот же объект *a* производит объект *d* и т. п., например, форма *дом* производит форму *домик*, та же форма *дом* производит форму *домище*, та же форма *дом* производит форму *домишко*.

В деривационной последовательности *дом* → *домик*, *дом* → *домище*, *дом* → *домишко* имеется три цикла, каждый из которых начинается с одной и той же формы *дом*. Объединение последовательной и возвратной деривации образует последовательно-возвратные деривационные отношения, которые мы рассмотрим ниже.

Отношения деривации существуют между предложениями, выражающими предикаты с разными модальными свойствами.

Если структуру предложений, выражающих действительные отношения между предикатными предметами, считать первичной, а структуру предложений, выражающих отношение с другими модальными свойствами, производными от них, то предложения первого вида можно считать объектами первого уровня, а предложения других видов — объектами последующих уровней. Предложения, выражающие действительные отношения, лежат в основании образования предложений, выражающих отношения между предикатными предметами с другими модальными свойствами. Ввиду этого отношения деривации между этими предложениями имеют возвратный характер. В каждом акте деривации начальным объектом являются предложения, выражающие действительные отношения между предикатными предметами. В каждом акте деривации образуются объекты других уровней, которые мы будем называть объектами первого уровня возвратной деривации, объектами второго уровня возвратной деривации и т. п.

Предложение *Писатель пишет книгу* является объектом первого уровня первого цикла, предложение *Писатель должен написать книгу* образуется из первого предложения и является объектом второго уровня первого цикла. Первое предложение является объектом первого уровня и второго цикла, предложение *Писатель может написать книгу* образуется из первого предложения и является объектом второго уровня второго цикла возвратной деривации.

В отношениях возвратной деривации существует столько циклов, сколько существует актов возвратной деривации от одного исходного объекта.

Исходные предикатные предметы имеют различные свойства с точки зрения способа их участия в процессе или стационарном сочетании.

Предикатные предметы могут связываться в одном предикате некоторым процессом или состоянием: в предикате *Металлург выплавляет металл* два предикатных предмета — *металлург* и *металл* — связаны отношением производящего, результативного действия: в предикате *Певец хорошо поет* связывается один предикатный предмет *певец* некоторым процессом; в предикате *Брат слышит* связывается один предикатный предмет *брат* некоторым состоянием.

По характеру участия исходных предикатных предметов в процессе или стационарном состоянии мы разделим все множество исходных предикатных предметов на два подмножества: 1. подмножество активных исходных предикатных предметов в осуществлении процесса или стационарного состояния; 2. подмножество неактивных исходных предикатных предметов в осуществлении процесса или стационарного состояния.

Исходные предикатные предметы могут задаваться предикатом,

т. е. мыслиться с наличием момента активности или личной воли (для лиц) в осуществлении процесса. В предикате *Я сплю* исходный предикатный предмет содержит момент активности (или личной воли). Процесс *сплю* осуществляется как бы с помощью активности лица. Исходные предикатные предметы с наличием момента активности мы будем называть активными. В предложении они обозначаются имен. падежом соответствующего имени. Такие предложения мы будем называть номинативными.

Исходные предикатные предметы могут задаваться предикатом, т. е. мыслиться без наличия момента активности (или личной воли) в осуществлении процесса. В предикате *Мне спится* исходный предикатный предмет не содержит момента активности в осуществлении процесса. Процесс *спится* осуществляется безотносительно к активности или личной воли лица. Исходные предикатные предметы без наличия момента активности мы будем называть неактивными. В предложении они обозначаются дат. падежом соответствующего имени. Такие предложения мы будем называть дативными.

Если сопоставить номинативные предложения *Он спит* с дативными предложениями *Ему спится*, мы можем сделать вывод, что последнее из них производится от первого. Между номинативными и дативными предложениями существует отношение деривации и, следовательно, номинативные предложения являются объектами первого уровня, а дативные предложения — объектами второго уровня. Рассматриваемые отношения являются отношениями частичного порядка, так как они обладают только тремя свойствами: наличием начальной точки отсчета, антирефлексивностью и антисимметричностью.

Отношение последовательной деривации существует между предложениями, выражающими предикаты, которые содержат определенные, неопределенные и обобщенные предметы. Различие определенных, неопределенных и обобщенных предикатных предметов зависит от различия того множества, членом которого они являются. Различаем множества дистрибутивные и множества собирательные.

Множество является дистрибутивным, если оно состоит из отдельных и различных элементов, каждый из которых в любой паре имеет свои специфические отличия, не повторяющиеся ни в какой другой паре.

Множество учеников в классе рассматривается как дистрибутивное множество. 1. Оно содержит в себе члены и его членами является каждый ученик в отдельности. 2. Каждый отдельный ученик класса в любом попарном построении имеет специфические различия в любой отдельной паре этого класса, не повторяемые ни в какой другой паре.

Множество согласных фонем также есть дистрибутивное множество. Каждая отдельная фонема в любом парном построении имеет специфические отличия, которые не повторяются ни в ка-

кой другой паре. Так, фонема /б/ в паре /б — б'/ отличается твердостью, в паре /б — п/ — глухостью, в паре /б — ф/ — смычностью и звонкостью, в паре /б — п'/ — твердостью и звонкостью, в паре /б — ф'/ — твердостью, звонкостью, смычностью и т. п.

Множество является собирательным, если оно состоит из отдельных, но неразличимых элементов. Множество зерен пшеницы в некотором достаточно большом количестве можно рассматривать как собирательное множество: 1. Оно содержит в себе члены и его членами являются отдельные зерна пшеницы. 2. Каждое отдельное зерно рассматривается как неотличимое от любого другого зерна в том же общем количестве.

Предикатные предметы могут мыслиться в качестве членов дистрибутивного множества или собирательного множества. Если исходный предикатный предмет рассматривается как член дистрибутивного множества, то он может быть только определенным.

Всякий предикатный предмет является определенным, если он рассматривается как один-единственный член некоторого дистрибутивного множества, причем предполагается, что отдельный член этого множества отличается специфическим образом от любого другого члена того же множества.

Следовательно, всякий исходный предикатный предмет является определенным, если он удовлетворяет двум следующим условиям: 1. Если он мыслится членом дистрибутивного множества; 2. Если он отличается от любого другого исходного предикатного предмета специфическим образом.

В предикате *Петр студент* предикатный предмет *Петр* мыслится: 1. Как член дистрибутивного множества лиц, 2. Как единственное лицо, причем отличие между этим лицом и любым другим лицом того же множества всегда имеет специфический и неповторимый в других парах характер.

Если исходный предикатный предмет мыслится в качестве члена собирательного множества предметов, то он может быть или обобщенным, или неопределенным.

Исходный предикатный предмет как член собирательного множества является обобщенным, если он мыслится как один, безразлично какой, и притом любой член этого множества. Следовательно, предикатный предмет является обобщенным, если он удовлетворяет двум следующим условиям: 1. Если он мыслится членом некоторого собирательного множества; 2. Если он мыслится как один, безразлично какой и притом любой член этого множества.

В предикате *Любимь кататься* в сочетании предикатов *Любимь кататься, люби и саночки возить* исходный предикатный предмет является обобщенным грамматическим лицом. Этот предикат предполагает множество трех грамматических лиц в качестве собирательного множества, в котором отдельные грамматические лица не отличимы, а предикатный предмет задает как одно безразлично какое и притом любое грамматическое лицо. Обоб-

ценность этого лица в данном предикате заключается в том, что он рассматривается: 1. как член собирательного множества грамматических лиц, неотличимый от других членов этого множества; 2. как одно безразлично какое и притом любое грамматическое лицо.

Исходный предикатный предмет как член собирательного множества является неопределенным, если он мыслится как один, безразлично какой, но не обязательно каждый член этого множества.

Следовательно, предикатный предмет является неопределенным, если он удовлетворяет двум следующим условиям: 1. Если он мыслится членом некоторого собирательного множества; 2. Если он мыслится как один безразлично какой, но не обязательно каждый член этого множества.

В предикате *В нашей конторе не любят критику* исходным предикатным предметом является неопределенное лицо.

Неопределенность этого лица в данном предикате заключается в том, что он мыслится: 1. Как член некоторого собирательного множества; 2. Как одно безразлично какое, но не обязательно каждое лицо этого собирательного множества.

Структура предложений, выражающих предикаты с определенными предикатными предметами, является первичной, а структура предложений, выражающих предикаты с неопределенными или обобщенными предметами, имеет производный характер. В этих отношениях последовательной деривации существует один цикл: $D(a, b, c)$, или иначе $a \rightarrow b \rightarrow c$, где знак $\rightarrow$ обозначает направление деривации. Первый уровень первого цикла образует предложения типа *a*, выражающие предикаты, все предметы которых имеют определенный характер, например: *Они слезам не верят*. Предложения типа *b*, выражающие предикаты, в которых содержится хотя бы один неопределенный предмет, образуются из предложения типа *a* и являются объектами второго уровня цикла, например: *У них слезам не верят*.

Предложения типа *c*, выражающие предикаты, в которых содержится хотя бы один обобщенный предмет, образуются из предложений типа *b* и являются объектами третьего уровня цикла, например: *Москва слезам не верит*.

Предложения, выражающие предикаты с прямым и обратным направлением отношений предикатных предметов, также связаны отношениями деривации. В предложениях, выражающих двухместные предикаты, деривативные отношения образуют два уровня объектов. Если предложения, выражающие предметы с прямым направлением отношений, считать первичными, а предложения, выражающие те же предикаты с обратным направлением отношений, производными, то предложения первого вида являются объектами первого уровня, а предложения второго вида — объектами второго уровня, например: *Эта картина нас восхищает* и *Мы восхищаемся этой картиной*; *Шум сменяет тишину* и *Ти-*

шина сменяется шумом и т. п. В некоторых парах безразлично, какое из предложений считать первичным, например: *a* больше *b* или *b* меньше *a*. В таком случае вопрос о том, какому уровню принадлежит то или другое предложение, решается на основе дополнительных соотношений.

В предложениях, выражающих трехместные предикаты, деривативные отношения образуют 3 цикла, в каждом из которых имеется два уровня объектов, всего 6 уровней, например:

- a { a_1 Мы перерабатываем камень в щебень
- a_2 Камень перерабатывается нами в щебень
- b { b_1 Мы вырабатываем щебень из камня
- b_2 Щебень вырабатывается нами из камня
- c { c_1 Камень перерабатывается у нас в щебень
- c_2 Щебень вырабатывается у нас из камня

Отношения деривации между этими предложениями имеют последовательно-возвратной характер.

Отношения последовательно-возвратной деривации выражаются формулой:

$$p(a_1a_2) \wedge Д(a_1b_1) \wedge Д(b_1b_2) \wedge Д(a_1c_1) \wedge Д(c_1c_2)$$

Это значит, что объект a_1 производит объект a_2 , тот же объект a_1 производит объект b_1 , а объект b_1 производит объект b_2 , тот же объект a_1 производит объект c_1 , а объект c_1 производит объект c_2 .

В этой деривационной последовательности имеется три цикла, каждый из которых начинается с одного и того же объекта a_1 ; первый цикл содержит объекты двух уровней: первый уровень первого цикла образует исходный объект a_1 , второй уровень первого цикла образует объект a_2 ; первый уровень второго цикла образует тот же объект a_1 , второй уровень второго цикла образует объект b_1 , третий уровень второго цикла образует объект b_2 ; первый уровень третьего цикла образует тот же объект a_1 , второй уровень третьего цикла образует объект c_1 , третий уровень третьего цикла образует объект c_2 .

Отношения последовательно-возвратной деривации можно выразить и так:

$$(a_1 \rightarrow a_2) \wedge (a_1 \rightarrow b_1 \rightarrow b_2) \wedge (a_1 \rightarrow c_1 \rightarrow c_2).$$

В этой записи буква *a* с индексами обозначает объекты, знак $\rightarrow$ обозначает направление деривации, а круглые скобки (...) заключают циклы деривации. Эта запись также как и прежняя запись читается так: объект a_1 производит объект a_2 , тот же объект a_1 производит объект b_1 , а объект b_1 производит объект b_2 , тот же объект a_1 производит объект c_1 , а объект c_1 производит объект c_2 .

Пусть начальным объектом является предложение *Мы перерабатываем камень в щебень*. В предикате, который выражается этим предложением, производитель действия имеет непосредствен-

ную связь с предметом *камень*. Указанное выше предложение по определенным правилам образует производное предложение с обратным направлением отношений предикатных предметов *Камень перерабатывается нами в щебень*. Начальная формула бинарных отношений $ab(r)$, $ac(r)$, $bc(r)$ преобразуется в формулу $ba(r)$, $bc(r)$ $ac(r)$.

На этом заканчивается первый цикл деривации, который приводит к выделению второго уровня первого цикла деривации предложений, выражающих трехместные предикаты.

То же предложение начинает и второй цикл деривации; оно образует предложения второго уровня второго цикла, которое характеризуется тем, что в непосредственные отношения с исходным предикатным предметом ставится второй последующий предикатный предмет *щебень*: *Мы вырабатываем щебень из камня*; в данном случае начальная формула бинарных отношений $ab(r)$, $ac(r)$, $bc(r)$ преобразуется в формулу $ac(r)$, $ab(r)$, $cb(r)$; в этом преобразовании осуществляется конверсия отношения b к c : $bc(r) \rightarrow \rightarrow cb(r)$. Полученное предложение является объектом второго уровня второго цикла деривации. Предложение *Мы вырабатываем щебень из камня* образует по определенным правилам предложение *Щебень вырабатывается нами из камня*. Последнее предложение является объектом третьего уровня второго цикла деривации. Оно образовано по правилам преобразования прямого отношения непосредственно связанных предикатных предметов в обратные отношения. В данном случае формула бинарных отношений $ac(r)$, $ab(r)$, $cb(r)$ преобразуется в формулу $ca(r)$, $cb(r)$, $ab(r)$.

На этом заканчивается второй цикл деривации предложений, выражающих трехместные предикаты.

То же начальное предложение *Мы перерабатываем камень в щебень* начинает третий цикл деривации предложений. Оно образует предложение следующего уровня *Камень перерабатывается у нас в щебень*. Это предложение характеризуется тем, что оно выражает предикат, в котором исходным предикатным предметом является *камень*, находящийся в непосредственной связи с предметом *щебень*. В данном случае начальная формула бинарных отношений $ab(r)$, $ac(r)$, $bc(r)$ преобразуется в формулу $bc(r)$, $ba(r)$, $ca(r)$. Полученное нами предложение является объектом второго уровня третьего цикла деривации предложений, обозначающих трехместные предикаты. Это предложение образует по определенным правилам предложение *Щебень вырабатывается у нас из камня*. Последнее предложение является объектом третьего уровня третьего цикла деривации. Оно образовано по правилам преобразования прямого отношения непосредственно связанных предикатных предметов в обратные отношения.

В данном случае формула бинарных отношений $bc(r)$, $ba(r)$, $ca(r)$ преобразуется в формулу $cb(r)$, $ca(r)$, $ba(r)$. На этом заканчивается третий и последний цикл деривации предложений, выражающих трехместные предикаты.

Как видим, каждое предложение, выражающее трехместный предикат, принадлежит одному из шести уровней деривации, распадающихся на три цикла. Каждое из таких предложений можно рассматривать только в связи с другими предложениями, входящими в рассмотренные циклы деривации.

Выше были выявлены разные классы производности предложений, причем в каждом классе различались свои уровни структуры предложений. Множество предложений разных классов производности пересекаются. Множество предложений, выражающих предикаты с активными и неактивными исходными предикатными предметами, пересекаются с множеством предложений, выражающих предикаты с определенными, обобщенными и неопределенными исходными предметами, а также предикаты с разными модальными свойствами.

В первом множестве предложений различаются два уровня: 1. номинативные и 2. дативные, во втором множестве предложений различаются три уровня: 1. определенные, 2. обобщенные и 3. неопределенные. В третьем множестве предложений мы выделим для настоящего изложения три уровня: 1. действительности, 2. необходимости и 3. возможности.

Пересечение указанных множеств предложений образует следующие 18 уровней предложений, связанных отношениями производности: 1 (111), 2 (121), 3 (131), 4 (112), 5 (122), 6 (132), 7 (113), 8 (123), 9 (133), 10 (211), 11 (221), 12 (231), 13 (212), 14 (222), 15 (232), 16 (213), 17 (223), 18 (233).

Деривационные отношения между указанными 18-тью типами предложений имеют 3 деривационных периода, в первом и третьем периодах имеется по 3 деривационных цикла, кроме того, в каждом цикле различаются деривационные уровни предложений. Второй период является одновременно и циклом. Деривационные отношения указанных предложений можно представить в форме таблицы, в которой № 1, № 2 и т. д. обозначают предложения деривационного списка, в цифры в круглых скобках (...) — индексы соответствующих предложений.

Таблица последовательно-возвратной деривации предложений, выражающих трехместные предикаты

Первый период.

Первый цикл: № 1 (111) → № 2 (121) → № 3 (131)

Второй цикл: № 1 (111) → № 4 (112) → № 5 (122) → № 6 (132)

Третий цикл: № 1 (111) → № 7 (113) → № 8 (123) → № 9 (133)

Второй период.

Единственный цикл: № 1 (111) → № 10 (211)

Третий период.

Первый цикл: № 10 (211) → № 11 (221) → № 12 (231)

Второй цикл: № 10 (211) → № 13 (212) → № 14 (222) → № 15 (232)

Третий цикл: № 10 (211) → № 16 (213) → № 17 (223) → № 18 (233)

Те же деривационные отношения можно представить в форме цепочки символов; причем фигурные скобки { . . . } заключают периоды, квадратные скобки [. . .] — циклы, круглые скобки (. . .) — индексы уровней, № 1, № 2 и т. п. — номера уровней, знак $\wedge$ — знак объединения циклов и периодов, знак $\rightarrow$ знак направления производности:

$$\{[\text{№ 1 (111)} \rightarrow \text{№ 2 (121)} \rightarrow \text{№ 3 (131)}] \wedge [\text{№ 1 (111)} \rightarrow \text{№ 4 (112)} \rightarrow \text{№ 5 (122)} \rightarrow \text{№ 6 (132)}] \wedge [\text{№ 1 (111)} \rightarrow \text{№ 7 (133)} \rightarrow \text{№ 8 (123)} \rightarrow \text{№ 9 (133)}]\} \wedge \{[\text{№ 1 (111)} \rightarrow \text{№ 10 (211)}]\} \wedge \{[\text{№ 10 (211)} \rightarrow \text{№ 11 (221)} \rightarrow \text{№ 12 (231)}] \wedge [\text{№ 10 (211)} \rightarrow \text{№ 13 (212)} \rightarrow \text{№ 14 (222)} \rightarrow \text{№ 15 (232)}] \wedge [\text{№ 10 (211)} \rightarrow \text{№ 16 (213)} \rightarrow \text{№ 17 (223)} \rightarrow \text{№ 18 (233)}]\}.$$

Первый цикл первого периода начинается с объекта № 1, который характеризуется признаками 111. Это предложение номинативное, определенно-личное, с модальностью неусловленной действительности, например: *Вы закрываете лицо воротником.*

Это предложение является объектом первого уровня первого цикла первого периода деривационных отношений. Объект № 1 (111) производит объект № 2 (121) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета. Объект № 2 характеризуется признаками 121. Это предложение номинативное, обобщенно-личное, с модальностью неусловленной действительности, например: *Вы закрываете лицо воротником, Вам дремлется* (Тургенев). Это предложение является объектом второго уровня первого цикла первого периода. Объект № 2 (121) производит объект № 3 (131) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности исходного предикатного предмета. Объект № 3 характеризуется признаками 131. Это предложения номинативные, неопределенно-личные, с модальностью неусловленной действительности, например: *У нас в колхозе стариков уважают.*

Это предложение является объектом третьего уровня первого цикла.

На этом заканчивается первый цикл первого периода деривационных отношений: № 1 (111) $\rightarrow$ № 2 (121) $\rightarrow$ № 3 (131).

Второй цикл первого периода начинается с того же объекта № 1 (111), который и является объектом первого уровня второго цикла первого периода. Он образует объект № 4 (112) путем замены дифференциального элемента модальности неусловленной действительности дифференциальным элементом модальности неусловленной необходимости.

Объект № 4 характеризуется признаками 112. Это предложение номинативное, определенно-личное, с необусловленной модальностью необходимости, например: *Мы здесь должны построить завод*.

Это предложение является объектом второго уровня второго цикла первого периода деривационных отношений.

Объект № 4 (112) производит объект № 5 (122) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета.

Объект № 5 характеризуется признаками 122. Это предложение номинативное, обобщенно-личное, с модальностью необходимости, например: *Должны жить, как совесть велит*. Это предложение является объектом третьего уровня второго цикла первого периода деривационных отношений.

Объект 5 (122) производит объект № 6 (132) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности исходного предикатного предмета. Объект № 6 характеризуется признаками 132. Это предложение номинативное, неопределенно-личное с модальностью необходимости, например: *Здесь должны построить завод* (какая-то организация, но не обязательно каждая). Это предложение является объектом четвертого уровня второго цикла первого периода.

На этом заканчивается второй цикл первого периода деривационных отношений: № 1 (111) → № 4 (112) → № 5 (122) → № 6 (132).

Третий цикл первого периода начинается с того же объекта № 1 (111), который является объектом первого уровня третьего цикла первого периода. Он образует объект № 7 (113) путем замены дифференциального элемента модальности необусловленной действительности дифференциальным элементом модальности необусловленной возможности. Объект № 7 характеризуется признаками 113. Это предложение номинативное, определенно-личное, с модальностью возможности, например: *Мы здесь можем построить завод*. Это предложение является объектом второго уровня третьего цикла первого периода деривационных отношений.

Объект № 7 (113) производит объект № 8 (123) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета.

Объект № 8 характеризуется признаками 123. Это предложение номинативное, обобщенно-личное, с модальностью возможности, например: *Работаешь, как можешь (работать). Можешь или не можешь, а делай*. Это предложение является объектом третьего уровня третьего цикла первого периода деривационных отношений.

Объект № 8 (123) производит объект № 9 (133) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности исходного предикатного предмета.

Объект № 9 характеризуется признаками 133. Это предложение номинативное, неопределенно-личное, с модальностью возможности, например: *Там могут строить новый завод. Работают, как могут (работать)*. Это предложение является объектом четвертого уровня третьего цикла первого периода.

На этом заканчивается третий цикл первого периода, а вместе с тем и первый период деривационных отношений: № 1 (111) → № 7 (113) → № 8 (123) → № 9 (133).

Второй период деривационных отношений состоит из одного цикла № 1 → № 10. Он начинается с того же объекта № 1 (111), который является объектом первого уровня второго периода. Он образует объект № 10 (211) путем замены дифференциального элемента активности дифференциальным элементом неактивности. Объект № 10 характеризуется признаками 211. Это предложения дативные, определенно-личные, с модальностью необусловленной действительности, например: *Ему спится*.

Это предложение является объектом второго уровня второго периода. На этом заканчивается второй период деривационных отношений: № 1 (111) — № 10 (211).

Третий период деривационных отношений начинается с предложения № 10, которое и является объектом первого уровня, первого цикла третьего периода деривационных отношений. Объект № 10 (211), производит объект № 11 (221) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета. Объект № 11 характеризуется признаками 221. Это предложение дативное, обобщенно-личное, с модальностью необусловленной действительности, например: *Вы бросаетесь на землю, Вы напились, но Вам лень пошевелиться* (Тургенев).

Это предложение является объектом второго уровня первого цикла третьего периода деривационных отношений.

Объект № 11 (221) производит объект № 12 (231) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности исходного предикатного предмета.

Объект № 12 характеризуется признаками 231. Это предложение дативное, неопределенно-личное, с модальностью необусловленной действительности, например: *Дома хорошо работается*.

Это предложение является объектом третьего уровня первого цикла третьего периода.

На этом заканчивается первый цикл третьего периода деривационных отношений: № 10 (211) → № 11 (221) → № 12 (231).

Второй цикл третьего периода начинается с предложения № 10 (211), которое является объектом первого уровня второго

цикла третьего периода. Он производит объект № 13 (212) путем замены дифференциального элемента модальности необусловленной действительности дифференциальным элементом модальности необусловленной необходимости. Объект № 13 характеризуется признаками 212. Это предложение дативное, определенно-личное с модальностью необходимости, например: *Нам необходимо работать*. Это предложение является объектом второго уровня второго цикла третьего периода деривационных отношений.

Объект № 13 (212) производит объект № 14 (222) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета.

Объект № 14 характеризуется признаками 222. Это предложение дативное, обобщенно-личное, с модальностью необходимости, например: *Вы бросаетесь на землю, Вам необходимо напиться, но вам лень пошевелиться* (обобщенно-личное).

Это предложение является объектом третьего уровня второго цикла третьего периода деривационных отношений.

Объект № 14 (222) производит объект № 15 (232) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности исходного предикатного предмета. Объект № 15 характеризуется признаками 232. Это предложение дативное, неопределенно-личное, с модальностью необходимости, например: *Перед сном необходимо гулять* (т. е. кому угодно, всякому, но не обязательно каждому). Это предложение является объектом четвертого уровня второго цикла третьего периода. На этом заканчивается второй цикл периода деривационных отношений: № 10 (211) → № 13 (212) → № 14 (222) → № 15 (232).

Третий цикл третьего периода начинается с того же предложения № 10, которое является объектом первого уровня третьего цикла третьего периода. Объект № 10 (211) производит объект № 16 (213) путем замены дифференциального элемента модальности необусловленной действительности дифференциальным элементом модальности необусловленной возможности. Объект № 16 характеризуется признаками 213. Это предложение дативное, определенно-личное, с модальностью необусловленной возможности, например: *Здесь нам можно работать*. Это предложение является объектом второго уровня третьего цикла третьего периода.

Объект № 16 (213) производит объект № 17 (223) путем замены дифференциального элемента определенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом обобщенности исходного предикатного предмета. Объект № 17 характеризуется признаками 223. Это предложение дативное, обобщенно-личное, с модальностью необусловленной возможности, например: *Здесь можно работать* (т. е. безразлично кому и притом каждому). Это предложение является объектом третьего уровня третьего цикла третьего периода деривационных отношений.

Объект № 17 (223) производит объект № 18 (233) путем замены дифференциального элемента обобщенности исходного предикатного предмета дифференциальным элементом неопределенности предикатного предмета, например: *Здесь холодно* (т. е. безразлично кому, но не обязательно каждому).

Это предложение является объектом четвертого уровня третьего цикла третьего периода; вместе с этим заканчивается третий и последний период деривационных отношений.

Множество предложений, выражающих предикаты с прямым и обратным направлением отношений между предикатными предметами, пересекаются с множеством предложений, выражающих предикаты с определенным, обобщенным и неопределенными предикатными предметами, а также предикаты с разными модальными свойствами. Шесть рассмотренных структур могут быть преобразованы в предложения, выражающие предикаты с неопределенными исходными предикатными предметами, например: *Мы производим щебень из камня* → *Щебень производят из камня*; *Щебень производится нами из камня* → *Щебень производится из камня* и т. п.

Предложения последнего рода являются уже объектами других уровней. Мы не будем строить систему этих уровней. Укажем только на то, что в синтаксической системе все предложения соотносятся между собою как объекты различных строго фиксированных уровней, образующих строго определенную иерархию.

Итак, понятия уровней в структуре языка отображают отношения порядка между лингвистическими объектами. Существует множество отношений порядка. Отношение части и целого выделяет уровни объектов первого ранга: объекты фонологического уровня (первого), объекты морфемного уровня (второго), объекты уровня формы слов (третьего), объекты пропозиционного, предложеньческого уровня (четвертого).

В множестве простых предложений возможны разные отношения порядка. Различаются отношения деривации между предложениями, выражающими предикаты с разными модальными свойствами, между номинативными и дативными предложениями, между предложениями, выражающими предикаты с прямым и обратным направлением отношений предикатных предметов, с определенными, неопределенными и обобщенными предикатными предметами. Кроме того, существуют многочисленные пересечения множеств предложений разных уровней. Эти пересечения образуют сложную иерархию различных предложений как синтаксических объектов.

Изучение отношения отдельных предложений к различным уровням деривационных отношений является весьма важной задачей синтаксической науки.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В РАБОТАХ Т. П. ЛОМТЕВА

В работах проф. Т. П. Ломтева наряду с проблемами общелингвистической и синтаксической семантики видное место занимают вопросы лексической семантики.

Можно указать на два обстоятельства, которые, по-видимому, и определяли постоянное внимание Т. П. Ломтева к этим вопросам. Это, во-первых, давно проявившийся интерес ученого к изучению словарного состава языка и закономерностям его изменения. Ему, в частности, принадлежит оставшееся в свое время не опубликованным специальное исследование о семантических изменениях в лексике советской эпохи, написанное в 30-е годы главным образом на материале газет и публицистики и примыкающее к известной работе А. М. Селищева. Во-вторых (и это оказалось главным, решающим), разработка Т. П. Ломтевым универсальных по своему характеру методов исследования языка, которые он предпринял прежде всего в синтаксисе и фонологии, естественно и неизбежно вела ученого к апробированию и конкретизации этих методов на более сложных лексических объектах, в лексико-семантической системе языка.

Концепция значения Т. П. Ломтева формировалась, с одной стороны, на основе критической оценки существующих общефилософских, логических и математических теорий зарубежных ученых (Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнал, А. Чёрч и др.), а с другой — на основе достижений отечественного языкознания, марксистско-ленинской философии, работ советских логиков, математиков и других ученых.

В 1964 г. в журнале «Филологические науки» (№ 2) появляется статья Т. П. Ломтева «Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики», в которой автор излагает свое понимание основных терминов, связанных с анализом семантики единиц лексического уровня, и проводит путем последовательного разбиения множества объектов на подмножества семантический анализ терминов родства в русском языке. В результате этого значение слова, рассматриваемое в определенном семантическом поле, или смысл имени (по терминологии Т. П. Ломтева), предстает как определенный набор дифференциальных семантических признаков (элементов). Например, смысл имени *отец*, его компонентный состав определяется набором таких исходных признаков, как 1) «мужской пол», 2) «родитель», 3) «прямой», 4) «кровный», 5) «в первом поколении». Благодаря этому

каждая лексическая единица получает четкое определение и противопоставление другим именам внутри данного поля. Определенные комбинации первичных семантических признаков дают возможность получить конструктивным путем смыслы всех имен данного множества (семантического поля.) В дальнейшем Т. П. Ломтев развивает, исходя из принятой им интерпретации значения, свое понимание переносного значения слова, применяя комбинаторную методику к более сложным для анализа, различным по своему характеру категориям слов.

В последние годы своей жизни Т. П. Ломтев неоднократно обращается в своих статьях и докладах к вопросам лексической семантики. Здесь прослеживаются три основных направления его исследований: 1) теория значения, ее гносеологический и общелингвистический аспекты, 2) компонентный анализ лексических единиц и 3) проблемы определения значений слов в словарях. Включенные в настоящий раздел избранных трудов Т. П. Ломтева статьи дают наиболее полное представление о разработке ученым этих проблем и постановке основных вопросов семантики. Эти работы являются в то же время в известном смысле итоговыми.

Статья «Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики» дает наиболее полное представление о теории лингвистического значения, как ее себе представлял Т. П. Ломтев. Здесь дано обстоятельное и последнее по времени определение основных понятий, которые он использовал при семантическом анализе лексики. В статье «Принципы выделения дифференциальных семантических элементов» на разнообразном материале демонстрируются приемы дифференциальных семантических признаков слов (имен) с помощью комбинаторной методики и формулируются основные исходные положения такого анализа. Статья «О построении аналитико-смыслового словаря» дает представление о практическом применении результатов анализа лексики, полученных ученым, в лексикографической практике.

ПРИНЦИП ОТРАЖЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ (1970 г.)

Когда В. И. Ленин писал свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм»¹, главным в извращении марксистской теории познания было отрицание существования внешней объективной действительности. Основным содержанием книги В. И. Ленина является доказательство того, что существует внешний мир и существует его отражение в человеческой голове, что первое первично по отношению ко второму: идеальное есть отражение материального.

В настоящее время основное отклонение от марксистской теории познания связано с отрицанием существования идеального как отражения материального. Признание существования идеального

¹ В. И. Л е н и н. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18.

как отражения материального, квалификация знаний, мыслей как идеальных образований признается субъективизмом. «Субъективный подход к знаниям, — говорит А. А. Зиновьев, — в свое время был распространен в логике. Выражением его была психологизация логики. В современной логике психологизм утратил какое бы то ни было значение. Но время от времени он дает знать о себе, в особенности когда логики высказываются по вопросам, непосредственно не затрагивающим формальный аппарат логики. От него трудно избавиться, поскольку каждый нормальный человек наделен способностью к самонаблюдению и убежден в наличии у себя и у других людей некоей «внутренней», «духовной», «идеальной» и т. п. жизни»².

Разумеется, предположение о существовании духовного, идеального в этой концепции рассматривается как пережиток донаучных представлений. «Знания берутся исключительно как совокупности знаков, т. е. как воспринимаемые (видимые, слышимые, осязаемые) предметы особого рода (как особого рода вещи) и как пространственно-временные структуры из таких предметов»³.

Из этих рассуждений видно, что «понятия «идеальное», «духовное», «мысленное» . . . утрачивают . . . практический смысл» потому, что знаки и есть знания. Предположение о том, что знаки выражают мысли, знания, которые являются продуктом деятельности мозга, представляет собой пережиток психологизма, так как знаки и есть сами знания, мысли.

Ниже мы будем различать имена собственные и нарицательные. Среди имен собственных мы будем различать простые имена типа *Иван, Сергей, Иванов, Сергеев* и т. п., сложные имена типа *Иван Иванович Иванов, Жюль Верн, Вальтер Скотт* и т. п. и дескрипции типа *автор «Капитанской дочки», автор Веверлея* и т. п. Среди имен нарицательных мы будем различать простые имена типа *студент, профессор, теплота, движение* и т. п. и дескрипции типа *Дом творчества, студент филологического факультета МГУ* и др.

В теории именования, в которой исключается принцип отражения, предполагается, что имя непосредственно соотносится с предметом действительности, который принято называть денотатом. Предположим, что существует предмет P_1 и предмет P_2 . Предметы P_1 и P_2 являются материальными, воспринимаемыми органами чувств человека. Предположим, что предмет P_1 есть знак предмета P_2 и тогда предмет P_2 является значением предмета P_1 , который становится знаком⁴.

В этой концепции нет места для существования отражения в человеческом сознании. Если существует имя *Сергей*, то предпо-

² А. А. Зиновьев. Основы логической теории научных знаний. М., 1967, стр. 11.

³ Г. М. Щеголькова. Интерсубъективный метод в теории познания. «Проблемы теории познания и логики. Материалы к XIV Международному философскому конгрессу», вып. II. М., 1968, стр. 97.

⁴ А. А. Зиновьев. Указ. соч., стр. 18.

лагается существование реального лица — Сергея, который и является денотатом этого имени, а не предполагается существование какого-либо интеллектуального содержания, которое характеризовало бы это реальное лицо. Если существует имя *студент*, то предполагается существование конкретного лица, которое является денотатом этого имени, а не предполагается существование некоторого мыслительного построения, которое можно было бы рассматривать как отражение некоторой объективной действительности в человеческом сознании.

Б. Рассел, как и другие представители логического позитивизма, сводит денотат общих имен к единственности предмета. Имя *студент* в предложении *Джон видит студента* означает единичное лицо, которое является студентом. «Рассел предлагает рассматривать предложение *Джон видит студента* как предложение, в котором утверждается, что существует такой объект, который является студентом, и Джон видит его»⁵.

Высказывания — это тоже воспринимаемые предметы. Высказывания суть эмпирически данные (воспринимаемые) предметы, построенные из терминов по определенным правилам и с помощью каких-то дополнительных воспринимаемых же предметов. Это — особого рода «вещные» структуры, структуры из воспринимаемых «вещей». Эти вещные структуры не обозначают мысли. «Термины «мысль», «содержание» и т. п. не определены достаточно точно, многосмысленны. Употребление их в данном случае есть пережиток психологизма в логике, согласно которому языковые формы не сами по себе имеют интерес для логики, а лишь как оболочки особых идеальных (духовных) предметов, обитающих где-то в голове»⁶.

Теория именованного, отрицающая наличие интеллектуального, мысленного содержания имени, приводит к многочисленным семантическим антиномиям.

Рассмотрим семантические проблемы, которые возникают при анализе предложений типа *x есть y*. Допустим, что *x* есть имя предмета *s* и *y* есть также имя предмета *s*. Тогда предложение *x есть y* утверждает тот факт, что обозначаемое *x* является также и обозначаемым *y*. Допустим, что есть и третье имя того же предмета — имя *z*. Тогда в предложении *x есть y* мы можем заменить имя *y* именем *z* и получить предложение *x есть z*. Согласно условию, оба предложения должны обозначать одно и то же, и если является истинным предложение *x есть y*, то истинным должно быть и предложение *x есть z*.

«Если два собственных имени обозначают один и тот же объект, то, очевидно, все то, что верно для объекта, именуемого первым именем, будет верно для объекта, именуемого вторым именем; два

⁵ Е. Д. Смирнов, П. В. Тованец. Семантика в логике. «Логическая семантика и модальная логика». М., 1967, стр. 40.

⁶ А. А. Зиновьев. Указ. соч., стр. 40.

предложения, в которые входят эти имена, в силу предметности будут говорить об одном и том же объекте. Так, если верно утверждение *Шекспир был современником Сервантеса*, то верно и утверждение *Шекспир был современником автора «Дон Кихота»*⁷. Замена имени *Сервантес* выражением *автор «Дон Кихота»* не изменяет логической валентности высказывания: оно остается истинным и в том и в другом случае, так как в обоих случаях денотатом является одно и то же лицо.

Однако дальнейшее использование принципа замены имен, по предположению обозначающих один денотат, приводит к семантическим трудностям. С. Я. Яновская, рассматривая предложение *Манагуа есть столица Никарагуа*, производит замену дескрипции *Столица Никарагуа* именем *Манагуа* и получает предложение *Манагуа есть Манагуа*. Хотя последнее предложение истинно, но оно не содержит той информации, которую содержало первое предложение. С. Я. Яновская по этому поводу пишет: «Если, анализируя значение выражения x , мы выясняем, что x означает то же, что и y , т. е. что $x = y$, тогда — если наш анализ правилен — суждение, выраженное в виде предложения $x = y$, должно быть тождественно с суждением, выраженным предложением $x = x$, которое, однако, в общем строе не содержит информации, заключенной в предложении $x = y$ »⁸.

Б. Рассел тот же принцип применил к анализу предложения *Георг IV хотел знать, является ли автором Веверлея Вальтер Скотт*. Если имя *Вальтер Скотт* и выражение *автор Веверлея* обозначают одно и то же лицо, то на основании тождества их денотатов можно в указанном предложении заменить выражение *автор Веверлея* именем *Вальтер Скотт*; тогда предложение получит следующий вид: *Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом*. Ясно, что это предложение ложное. Р. Карнап по этому поводу пишет: «Фреге был первым, кто указал на то, что принцип взаимозаменяемости в его применении к обычным номинатам имен (в другой терминологии — денотатам имен. — Т. Л.) не имеет силы для косвенных контекстов. Хотя формулировка Фреге не дана в терминах противоречия, его результат составляет основу того, что я предлагаю назвать антиномией отношения именования. Антиномический, парадоксальный характер этой ситуации был, по-видимому, впервые замечен Расселом»⁹.

Эти примеры показывают, что отрицание принципа отражения вносит в семантику многочисленные трудности.

Ниже мы покажем, что указанные выше антиномические ситуации во многих случаях не возникают, если теория семантики стро-

⁷ Е. Д. Смирнов, П. В. Тованец. Указ. соч., стр. 30.

⁸ С. Я. Яновская. Введение к книге: Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959.

⁹ Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 206.

и́тся на основе принципа отражения, который предполагает существование объективного мира и его отражение в человеческом сознании.

Но отражение, чтобы стать общественным достоянием, должно объективироваться в знаках, в форме языка.

Рассмотрим знаки естественных языков.

Знаки естественного языка, как и знаки других семиотических систем, должны иметь материальный характер, они должны быть наделены значением. Понятие знака предполагает существование области означающего и области означаемого. На уровне этой констатации никаких расхождений в понимании знака нет. Однако дальнейшее раскрытие природы знака естественных языков приводит к расхождению точек зрения. С точки зрения принципа отражения знаки естественного языка не имеют непосредственного соотношения с действительностью. Их отношение к действительности опосредовано сознанием, отражением действительности в голове человека. Значением знаков естественных языков являются идеальные, духовные, мысленные «вещи», значения, в которых отображается внешний мир. Внешние предметы являются значением знаков естественного языка через их идеальные отображения.

Семантическое составляющее имени в естественных языках бинарно и состоит из семантического предмета и смысла, с помощью которого задается семантический предмет. Смысл есть набор признаков, с помощью которого выделяется или определяется данный предмет, а семантический предмет есть то, что выделяется и определяется указанным способом. Так, слово *дедушка* имеет смысл, содержащий пять следующих признаков: 1) признак лица мужского пола, 2) родителя, 3) родителя по прямой линии родства, 4) кровного родителя, 5) родителя второго поколения¹⁰. Семантическим предметом, который обозначается словом *дедушка*, является лицо, обладающее указанными признаками. И смысл имени, и семантический предмет имени представляют собою отражения некоторой объективной действительности.

Семантический предмет *дедушка*, определенный указанными признаками, отражает конкретное лицо, существующее вне отражения и независимо от него, т. е. это отражение реального предмета. И семантический и реальный предметы являются означающим имени. Принципиальное различие между ними заключается в том, что первый представляет собою отражение, а второй — денотат, отражаемое.

Принципиальное различие между этими двумя видами означаемого мы покажем на примере анализа семантики слова *дядя*.

Смысл слова *дядя*, означаемым которого является семантический предмет *дядя*, представляет собою конъюнкцию пяти признаков: 1) признак лица мужского пола, 2) родителя, 3) родителя по

¹⁰ См. Т. П. Ломтев. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. — НДВШ, Фил. науки, 1984, № 2.

кровной линии родства, 4) кровного (некровного) родителя, 5) родителя первого поколения.

Семантический предмет, определяемый указанным смыслом слова *дядя*, — это лицо мужского пола, относящееся к первому поколению кровных или некровных родителей, связанных с поколением рожденных боковой линией родства.

Денотат же слова *дядя* в современном русском языке может быть передан дизъюнкцией лиц: или *брат отца*, или *брат матери*, или *муж тетки*.

Смысл слова *сын* представляет собою конъюнкцию пяти признаков: 1) признак лица мужского пола, 2) рожденного, 3) рожденного по прямой линии родства, 4) кровнорожденного, 5) рожденного в первом поколении.

Семантический предмет, определяемый указанным смыслом слова *сын*, — это рожденное в первом поколении лицо мужского пола, связанное с родителями отношением прямого, кровного родства.

Денотат же слова *сын* является лицом мужского пола, находящимся в дизъюнктивных отношениях с другими лицами, например: или *сын Петра*, или *сын Ивана*, или *сын Бориса*. . . или *сын лица п*.

Если имя является нарицательным, то его означаемым является семантический предмет и денотат. Семантический предмет определяется конъюнкцией семантических признаков, а денотат — дизъюнкцией реальных предметов.

Таким образом, денотатом собственного имени является единственный предмет действительности, денотатом нарицательного имени — дизъюнкция отдельных предметов действительности: их отражения — это семантические предметы. Вопрос о денотате нарицательных или так называемых общих имен имеет другие решения, которые мы здесь не обсуждаем.

Логик, разделяющие принцип отражения, выделяют наличие процесса изолирующего и аналитического абстрагирования, результатом которого является формирование «абстрактных предметов», например *белизна*, *фасад*, *эластичность*, *твердость*. С помощью этой абстракции опредмечиваются отвлекаемые свойства и отношения: «Они начинают рассматриваться как некоторые «абстрактные предметы», отделенные от их материальных носителей»¹¹.

В естественном языке эти «абстрактные предметы» (в нашем словоупотреблении — семантические предметы. — *Т. Л.*) имеют имена. Означаемым имени *твердость* является абстрактный предмет *твердость* и отражаемые им реальные свойства реальных вещей — денотат.

¹¹ Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961, стр. 25.

В естественном языке существуют имена *геройство, любовь, ненависть*. Их означаемыми являются семантические предметы *геройство, любовь, ненависть* и соответствующие действительные свойства объективных предметов (денотаты).

Логика выделяет наличие процесса идеализации, результатом которого является формирование идеальных предметов, например «абсолютно твердое тело», «инерция», «идеальная жидкость» и т. п.¹²

В естественном языке существуют выражения: *инерция, идеальная жидкость*. Их означаемыми являются идеальные предметы *инерция, идеальная жидкость* и соответствующие действительные реальные предметы (денотаты).

При анализе естественного языка мы имеем дело с существованием фактов трех классов: существуют 1) знаки естественного языка, 2) идеальные отражения вещей внешнего мира в человеческом сознании и 3) вещи внешнего материального мира.

Любое имя предполагает существование этих трех фактов: существует имя *стол*, существует некоторый семантический предмет *стол* как вещь мира отражения и существует реальный предмет как вещь внешнего мира, отражением которого является семантический предмет.

В науке о языке мы можем высказываться 1) о словах естественного языка, 2) об их семантических составляющих, т. е. о некоторых идеальных отражениях, которые являются означаемыми данных слов, 3) о предметах и явлениях внешнего мира, которые отражаются в человеческой голове и также обозначаются словами. Для того чтобы высказываться о предметах трех указанных классов, без которых не существует знаков естественного языка, мы должны иметь соответствующие средства другого языка — метаязыка.

Выше мы ввели слова *имя, смысл, семантический предмет* и *денотат*. Эти слова принадлежат метаязыку, с помощью которого мы говорим о словах и их означаемых в естественном языке. Термин *имя* служит для того, чтобы говорить об означаемом в слове естественного языка. В естественном языке существуют означаемые (т. е. цепочки звуков): *дом, стол, мужество, любовь* и т. п. Общим названием их в метаязыке служит слово *имя*. В естественном языке указанные означаемые имеют каждое в отдельности свой особый смысл. Общим названием отдельных смыслов отдельных имен в метаязыке служит слово *смысл*.

Каждое из этих означаемых имеет означаемое двух видов: свой отдельный семантический предмет и свой отдельный реальный предмет или реальное свойство реального предмета. Общим названием в метаязыке предметов первого рода служит выражение *семантический предмет*, а предметов второго рода — *денотат*.

¹² Д. П. Горский. Указ. соч., стр. 283.

Но в науке о языке возникает необходимость говорить о семантическом предмете, об отдельном смысле отдельного имени, об отдельном реальном означаемом отдельного имени. Тем самым возникает необходимость иметь в метаязыке соответствующие средства. Отдельный смысл отдельного имени мы будем обозначать в метаязыке с помощью набора дифференциальных элементов, как это было показано выше: если предметом нашего обсуждения является имя *стол*, то метаязык должен иметь имя этого имени. Метаязыковым именем имени *стол* мы будем считать слово «*стол*», закурсивленное и взятое в кавычки. Такое имя «*стол*» есть имя имени *стол*.

Если мы будем говорить о семантическом предмете, который обозначается словом *стол*, то мы также должны обозначить его словом же. Семантический предмет, обозначаемый словом *стол*, представляет собою отражение; но в метаязыке он должен иметь имя. В качестве имени семантического предмета, обозначаемого именем *стол*, избираем *сто́л*, набранное полужирным шрифтом; такое слово *стол* есть семантический предмет, обозначаемый словом естественного языка *стол*. Но оно же есть одновременно и знак. Его статус в метаязыке есть статус знака, т. е. статус материального, однако для естественного языка оно имеет статус отражения, идеального, мысленного.

Если мы говорим о данном предмете как принадлежности внешнего мира, мы его в метаязыке также должны обозначить словом же. Избираем для этого слово «*стол*», набранное полужирным шрифтом и взятое в кавычки. Такое слово есть предмет внешнего мира, отражающийся в семантическом предмете *стол*; но оно же является знаком. Однако этот знак имеет статус не идеального, не отражения, а статус материального, статус отражаемого.

В метаязыке существуют знаки трех классов: знаки для знаков, например «*стол*» как знак знака *стол*; знаки для отражений, например *стол* как знак семантического предмета, обозначаемого словом естественного языка *стол*; знаки для отражаемого, например «*стол*» как знак материального предмета, обозначаемого словом естественного языка *стол*. Первые слова имеют статус имен для имен естественного языка, вторые — статус семантических предметов имен естественного языка, третьи — статус денотатов имен естественного языка.

В метаязыке идеальное, т. е. отражение, и материальное, т. е. отражаемое, становится знаком. В нем означающее есть знак, но и означаемое как отражение, а также означаемое как отражаемое есть тоже знаки, т. е. некоторые предметы, воспринимаемые органами чувств человека. Однако эти предметы принципиально имеют разный статус. Например, «*стол*» имеет статус материального, т. е. обозначающего естественного языка; *стол* — статус идеального, т. е. семантических предметов имен существительного языка; «*стол*» — статус материального, т. е. денотатов имен естественного языка.

Предлагаемая здесь концепция естественного языка и метаязыка, с помощью которого говорят о естественном языке, предполагает существование внешнего мира и его отражения в человеческом сознании, т. е. существование идеального, духовного и т. п. и обозначения его средствами естественного языка. В метаязыке идеальное, т. е. отражение, получает обозначение. В связи с этим оно получает статус материального в метаязыке и сохраняет статус идеального для естественного языка.

В метаязыке и материальное, т. е. отражаемое, также получает обозначение. Знак в этом значении имеет статус материального в метаязыке и сохраняет его для естественного языка.

Метаязык существует только в связи с естественным языком и только на основе естественного языка. Выражения метаязыка не имеют смысла вне связи с естественным языком. Знания представляют собою «объективное образование»¹³, «совокупность знаков»¹⁴ только в метаязыке. Но и в нем эти знаки имеют статус идеального, умственного, так как метаязык есть средство говорить о естественном существовании знания, мысли, выраженной естественным языком, и о естественном существовании объектов и явлений действительности.

Мы рассмотрим с помощью предлагаемого аппарата понятий и формальных средств некоторые семантические проблемы, которые не подвергались обсуждению в лингвистической литературе.

Прежде всего имена естественного языка не имеют в составе предложения одного статуса; в разных предложениях они имеют разный статус. Возьмем три следующих предложения: *Мать назвала сына Петром*, *Мать считает сына шахматистом*, *Мать считает сына одним из шахматистов клуба МГУ*.

Означаемым имени *сын* в первом предложении является денотат «сын», т. е. конкретное лицо, но не семантический предмет. Имя *Петр* не имеет своего означаемого, оно имеет статус имени лица, являющегося сыном. Являясь именем, *Петр* представляет собою название денотата другого имени — имени *сын*.

Выражение *Мать назвала сына Петром* в другой формулировке означает тот факт, что мать дала сыну имя *Петр*. В данном случае имя *сын* имеет статус денотата, а имя *Петр* статус имени этого денотата.

Во втором предложении имя *сын* сохраняет тот же статус, но статус имени *шахматист* в творительном падеже не совпадает со статусом имени *Петр* первого предложения: имя шахматист не является именем денотата «сын», оно имеет свое означаемое, но его означаемым является не денотат, т. е. не отдельное лицо, а семантический предмет. Выражение *Мать считает сына шахма-*

¹³ А. И. Р а к и т о в. О природе эмпирических знаний. «Логическая структура научного знания». М., 1965.

¹⁴ А. А. З и н о в ь е в. Основы логической теории научных знаний. М., 1967.

тистом означает тот факт, что мать присвоила сыну звание, категорию, квалификацию. В данном случае имя сын имеет статус денотата, а имя шахматист — статус семантического предмета, отражающего квалификацию денотата «сын».

Лингвиста вынуждает считать означаемым имени шахматист семантический предмет шахматист, а не свойство, так как означаемое этого имени в предложении *Мать считает сына шахматистом* необходимо отличить от означаемого имени добрый в предложении *Мать считает сына добрым*. Структура информации первого предложения является трехместной, и одно место занимает семантический предмет шахматист; структура информации второго предложения двухместная, означаемое имени прилагательного добрый не является семантическим предметом, а представляет собой свойство денотата «сын».

Если бы мы сказали, что означаемое имени шахматист есть свойство денотата «сын», то мы отождествили бы семантику предложения *Мать считает сына шахматистом* и *Мать считает сына добрым*. В третьем предложении имя сын сохраняет прежний статус, а имя шахматист входит в группу одним из шахматистов клуба МГУ, причем эта группа означает некоторое лицо, входящее в множество лиц. В данном случае означаемым этого выражения является не семантический предмет, а реальное лицо — денотат, — которое включается в множество реальных лиц.

Выражение *Мать считает сына одним из шахматистов клуба МГУ* эквивалентно выражению *Мать считает, что ее сын входит в некоторое множество лиц, представляющих собою клуб шахматистов МГУ*.

В выражении *Мать считает сына шахматистом* означаемым имени шахматист является семантический предмет как квалификационная категория, а в выражении *Мать считает сына одним из шахматистов клуба МГУ* означаемым выражения одним из шахматистов клуба МГУ является денотат как реальное лицо, входящее в множество других лиц.

Таким образом, назначение творительного падежа в трех указанных выражениях естественного языка имеет различный характер. В первом предложении творительный падеж *Петром* имеет статус имени предмета, который в том же предложении имеет и другое имя. Во втором — *шахматист* имеет свое особое означаемое, которым является семантический предмет как квалификация денотата. В третьем — *одним из шахматистов клуба МГУ* также имеет свое означаемое, которым является денотат, входящий в некоторое точно указанное множество.

Рассмотрим семантику предложения типа *Манагуа есть столица Никарагуа*. С. Я. Яновская считает, что сочетание столица Никарагуа представляет собою дескрипцию, означаемое которой совпадает с означаемым имени Манагуа.

В данном случае структура информации, выраженной предложением *Манагуа есть столица Никарагуа*, отождествляется со

структурой информации, выраженной предложением *Тулий — это Цицерон*. Выражению *столица Никарагуа* приписывается тот же денотат, который имеет имя *Манагуа*.

Как было указано выше, замена описки *столица Никарагуа* именем *Манагуа* приводит к тавтологии: *Манагуа есть Манагуа*. По мнению С. Я. Яновской, суть дела состоит в том, что «во всяком тождестве есть различие, но от этого различия (в данном контексте) разрешается отвлекаться. Так, даже когда мы пишем $x = x$ с целью выразить тождественность x самому себе, то отвлекаемся от того, что одно x стоит слева, а другое — справа»¹⁵. В данном контексте утверждение о наличии различия в тождестве просто неверно, так как предполагается, что денотатом обоих выражений является один и тот же город; это касается написания буквы x справа или слева, то эта характеристика относится к знакам, а не к означаемому этих знаков. Суть дела не в том, что в тождестве есть различие, а в том, что выражение *есть столица Никарагуа* не является дескрипцией и ее означаемым не выступает город *Манагуа*. Здесь одним именем является *Никарагуа*, а его означаемым — «государство *Никарагуа*», другим же именем в этом предложении является *Манагуа*, а его означаемым — «город *Манагуа*»; сочетание *есть столица* — это словесное выражение отношения «*быть столицей*»; одним членом этого отношения является город *Манагуа*, а другим — государство *Никарагуа*. Предложение *Манагуа есть столица Никарагуа* связывает город, названный именем *Манагуа*, и государство, названное именем *Никарагуа*, отношением «*быть столицей*», т. е. первое относится ко второму как столица к государству.

В рассматриваемом предложении *столица Никарагуа* не является единым означающим и не имеет означаемого; означающие здесь — *есть столица* и *Никарагуа*, а их означаемыми — соответственно отношение «*быть столицей*» и «государство *Никарагуа*».

Выражение *столица Никарагуа* не является дескрипцией и в предложении *X не знает, что Манагуа есть столица Никарагуа*¹⁶.

С. Я. Яновская считает, что означаемое выражения *столица Никарагуа* совпадает с означаемым имени *Манагуа*. Это дает ей возможность заменить первое выражение вторым в предложении *X не знает, что Манагуа есть столица Никарагуа*. В результате такой замены она получает предложение *X не знает, что Манагуа есть Манагуа*, содержание которого безусловно ложно. Однако произведенная замена принципиально недопустима, так как указанные два выражения не имеют одного означаемого: означаемым имени *Манагуа* является денотат, т. е. предмет, имеющий статус отражаемого, а выражение *есть столица Никарагуа* и в этом косвенном контексте не представляет дескрипции и не имеет одного

¹⁵ С. Я. Яновская. Указ. соч., стр. 7.

¹⁶ См. там же стр. 7.

означаемого. В этом предложении, как и в первом, сочетание слов *есть столица* означает отношение. Рассматриваемое предложение имеет следующий смысл: *X не знает, что отношение Манагуа к Никарагуа есть отношение столицы к государству.*

Та же семантическая ситуация обнаруживается при анализе предложения *Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверлея.* Замена дескрипции *автор Веверлея* именем *Вальтер Скотт* приводит к антиномической ситуации, которая возникает на основе неправильного отождествления означаемого имени *Вальтер Скотт* и дескрипции *автор Веверлея*. В рассматриваемом предложении означаемое имени *Вальтер Скотт* есть денотат, т. е. объективное лицо, тогда как выражение *автор Веверлея* не является дескрипцией: дескрипцию представляет *является ли автором*, которая означает отношение авторства лица, именуемого *Вальтером Скоттом*, к произведению, именуемому *Веверлеем*. При таком толковании смысла рассматриваемого предложения выражение *автор Веверлея* не имеет своего особого означаемого; означаемое имеет форма род. падежа *Веверлея* и сочетание *является ли автором*; первое означает произведение, а второе — отношение авторства. Значение словосочетания *автор Веверлея* не тождественно означаемому имени *Вальтер Скотт* и тем самым замена первого вторым представляет собою незаконную операцию.

Замена выражения *автор Веверлея* именем *Вальтер Скотт* недопустима не только в косвенных, но и в прямых контекстах, например в таких, как *Вальтер Скотт является автором Веверлея.* Основанием невозможности указанных замен является тот факт, что это предложение выражает не тождество предмета самому себе, а отношение «*быть автором*», первым членом которого выступает лицо «*Вальтер Скотт*», другим же — произведение «*Веверлей*».

Значение творительного падежа *автором* и в прямом и в косвенном контексте совпадает и в сочетании с глаголом *является* представляет собою отношение «*быть автором*». Совершенно иное значение имеет творительный падеж имени *шахматистом* в предложении *Мать считает сына шахматистом*, так как здесь творительный падеж является именем семантического предмета, а не денотата.

Если бы мы признали, что означаемое имени *сын* и имени *шахматист* тождественно, то мы могли бы построить предложение *Мать считает сына сыном.* И здесь парадоксальная ситуация возникла бы в результате неправомерной замены одного имени другим на основе неправильного отождествления означаемого имен *сын* и *шахматист*. В этом случае имело бы место неразличение того, что означаемым имени *сын* является денотат, т. е. объективный предмет, имеющий статус отражаемого, а означаемым имени *шахматист* — семантический предмет, имеющий статус отражения.

Антиномическая ситуация возникает на основе отрицания существования идеального, отражения; различение двух видов означаемого — денотатов, имеющих статус отражаемого, и семантических предметов, имеющих статус отражения, — делает неправомерным замену одного имени другим и исключает возникновение антиномической ситуации. Нарушение этого принципа приводит к антиномии; она устраняется, если мы введем различие двух видов означаемого — денотатов, имеющих статус отражаемого, и семантических предметов, имеющих статус отражения, т. е. если мы признаем существование объективной действительности и ее отражения в человеческом сознании.

Рассмотрим семантику предложения *Петр слышит шахматистом*. Ясно, что означаемым имени *Петр* является денотат, а не семантический предмет. Предположим, что означаемым имени *шахматист* является тот же денотат; тогда мы можем построить предложение *Петр слышит Петром*. Но это предложение не имеет смысла, и, следовательно, такая замена имен недопустима.

Предположим, что означаемым имени *шахматист* является денотат, представляющий собою множество шахматистов как реальных лиц; тогда мы можем построить предложение *Петр слышит множеством шахматистов*, которое тоже не имеет смысла; следовательно, и такая замена недопустима.

Предположим, что означаемым имени *шахматист* является семантический предмет, в данном случае — семантическое (а не реальное) лицо, которое обладает свойством играть в шахматы. Семантическое лицо как означаемое имени естественного языка — это не Иван, не Петр, а это вообще лицо, умеющее играть в шахматы. Предложение *Петр слышит лицом, умеющим играть в шахматы*, имеет смысл, который этому предложению придает утверждение, что репрезент обозначаемого шахматист является денотат имени *Петр*, т. е. лицо с этим именем; иначе говоря, реальное лицо наделяется свойствами семантического лица. Означаемым именем *шахматист* в рассматриваемом предложении является не денотат, а семантический предмет, семантическое лицо, свойства которого присваиваются реальному лицу.

Рассмотрим предложения *Сократ — человек*, *Тулий — это Цицерон*. Во-первых, мы должны установить, чем отличается означаемое имени *человек* и в каком отношении оно находится в предложении с означаемым имени *Сократ*. Существуют разные способы толкования содержания первого предложения. Один способ заключается в том, что Сократ считается именем элемента, а *человек* — именем множества; тогда содержание этого предложения рассматривается как отношение элемента к множеству. В этом случае предложение *Сократ — человек* по содержанию эквивалентно предложению *Сократ входит во множество лиц*¹⁷.

¹⁷ См.: К. Берка. Функции глагола быть с точки зрения современной формальной логики. «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 169.

Однако с точки зрения семантики естественного языка этот способ истолкования содержания представляется в значительной степени искусственным.

При произнесении предложения *Сократ — человек, говорящий по-русски*, не имеет в виду отнесение лица Сократ к множеству людей. Если бы такое истолкование было принято, то структуру информации этого предложения можно было бы представить как двухместное отношение принадлежности, одним членом которого является некоторый элемент, а другим — множество, которому этот элемент принадлежит.

Другой способ заключается в том, что *Сократ* считается именем лица как денотата, а *человек* именем свойства человека. В этом случае предложение *Сократ — человек* по содержанию эквивалентно предложению *Сократ обладает свойством человека*.

Если бы такое толкование содержания было принято, то структуру информации этого предложения необходимо истолковать как одноместное свойство, т. е. свойство, носителем которого является лицо Сократ.

Однако указанное истолкование неудовлетворительно в одном отношении: оно отождествляет семантику предложений типа *Сократ — мудрец* и *Сократ мудрый*. Оно применимо к содержанию предложения *Сократ мудрый*, но если распространить его на содержание предложения *Сократ — мудрец*, то специфика семантики этих двух типов предложений была бы утрачена.

Для того чтобы различить семантику этих предложений, мы вынуждены рассматривать имя *Сократ* в предложении *Сократ — человек* как имя денотата; а имя *человек* как имя семантического предмета, обладающего свойствами человека. Тогда содержанием предложения *Сократ — человек* является возведение денотата имени *Сократ* в категорию человека, т. е. квалификация его как человека. Если бы такое толкование было принято, то структуру информации предложения можно было бы представить как двухместное отношение квалификации, одним членом которого является денотат, т. е. лицо Сократ, а другим — семантический предмет, квалифицирующий денотат. Статус существования этих двух членов не одинаков. Второй относится к первому как его квалификация, т. е. второй квалифицирует первый, а первый ко второму — как его репрезентация, т. е. первый репрезентирует второго: человек есть квалификация Сократа, а Сократ есть репрезентация человека.

Другую семантику имеет предложение *Тулий — это Цицерон*¹⁸. Означаемым собственного имени *Тулий* является единичный денотат — *лицо*, означаемым собственного имени *Цицерон* является то же самое конкретное лицо. Содержанием данного предложения является установление тождества денотатов двух соб-

¹⁸ См. А. Френкель, И. Бар-Хиллел. Основания теории множества. М., 1966, стр. 227.

ственных имен, т. е. установление того, что означаемое имени *Тулий* есть то же самое, что и означаемое имени *Цицерон*. Структуру информации этого предложения можно представить как двухместное отношение тождества. Это отношение рефлексивно, симметрично и транзитивно ¹⁹.

На основе предложения *Тулий — это Цицерон* могут быть построены предложения *Тулий — это Тулий*, *Цицерон — это Цицерон* (рефлексивность), а также *Тулий — это Цицерон* и *Цицерон — это Тулий* (симметричность).

Таким образом, обозначаемое имени человек в предложении *Сократ — человек* и означаемое имени *Цицерон* в предложении *Тулий — это Цицерон* имеют различную природу: означаемое первого есть семантический предмет, имеющий статус отражения, а означаемое второго — денотат, имеющий статус отражаемого.

Неразличение предметов разных статусов оправдывает незаконную замену одного имени другим, и это приводит к тавтологиям и антиномиям.

Одним из решений антиномических ситуаций является исключение косвенных, неэкстенциональных контекстов. «Самый радикальный метод устранения любой антиномии, возникающей в связи с определенными формами выражений, состоит в полном исключении этих форм, — говорит Р. Карнап. — В случае антиномии отношения именования это решение состояло бы в исключении всех неэкстенциональных контекстов ²⁰.

Однако этим запретом нельзя воспользоваться при организации естественного языка. В последнем такие контексты существуют, и исключить их невозможно.

Ученые, отрицающие принцип отражения, отказываются признавать предметы, обладающие статусом отражения, так как это ведет к умножению сущностей ²¹. Однако в естественном языке эти сущности существуют, и наложение запретов на такие предметы неосуществимо. Семантический анализ таких предложений естественного языка, как *Им владел страх*, был бы невозможен без предположения о том, что означаемым имени *страх* является некоторый семантический предмет (субъект высказывания). В применении к естественному языку решение вопроса заключается не в том, чтобы вводить запрещающее правило, а в том, чтобы различать означаемое двух видов, из которых одно имеет статус отражаемого, а другое — статус отражения.

Анализ значений выражений естественного языка показывает, что принцип отражения, так бескомпромиссно отстаивавшийся В. И. Лениным, представляет собою единственно надежную основу построения непротиворечивой теории семантики предложения естественных языков.

¹⁹ См. там же, стр. 47.

²⁰ Р. Карнап. Указ. соч., стр. 215.

²¹ См. Е. Д. Смирнов, П. В. Тованец. Указ. соч., стр. 47.

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ (1969 г.)

При выделении дифференциальных семантических элементов будем исходить из следующих основных понятий: 1) знак, который обозначает некоторый предмет и называется и м е н е м; 2) объект, который является значением знака и называется п р е д м е т о м, или д е н о т а т о м; 3) способ, которым выделяется данный предмет из общего множества предметов, называемый с м ы с л о м. Следовательно, имя именует некоторый объект (предмет), который является значением этого имени, а сам способ, которым выделяется данный предмет из общего множества, выступает как смысл имени.

Смысл имени предмета выражается в форме множества дифференциальных семантических элементов.

Исходя из указанных положений, мы считаем возможным предложить для обсуждения следующие принципы получения дифференциальных семантических элементов ¹.

1. В словарном составе языка мы выделяем компактную область имен, которые именуют предметы, принадлежащие к одному множеству.

Слово рассматривается как имя некоторого предмета, и если оно является одним именем разных предметов, то рассматривается в разных группах лексики, предметы которых выделяются в качестве разных множеств.

2. Над предметами выделенного множества производятся операции разбиения.

Разбиением называется такое разделение общего множества на собственные подмножества, которое удовлетворяет следующим условиям:

- а) подмножества общего множества не должны пересекаться,
- б) сумма подмножеств должна равняться общему множеству,
- в) подмножествами общего множества не должны быть само множество и пустое множество.

Операция разбиения одного общего множества на подмножества служит для того, чтобы определить дифференциальные элементы, по характеру которых выделяются подмножества в общем множестве. Дифференциальные элементы и будут выделены правильно, если разбиение общего множества произведено правильно, т. е. в соответствии с указанными условиями; в противном случае — неправильно. Так, разделение общего множества родителей на подмножество лиц мужского пола и подмножество лиц жен-

¹ Обоснование необходимости и актуальности исследования дифференциальных семантических элементов в лексике с данной точки зрения см. в статье «О построении аналитико-смыслового словаря русского языка», стр. 289—298.

ского пола является правильным, и оно позволяет установить дифференциальные семантические элементы мужского пола и женского пола. Но разделение общего множества согласных фонем на подмножество звонких согласных и подмножество глухих согласных фонем не является правильным, так как остаются сонорные согласные фонемы, которые не учитываются в данном разбиении. Это разбиение не отвечает условиям правильности разбиения множества согласных фонем и поэтому не дает основания для выделения дифференциальных элементов глухости и звонкости.

Разделение общего множества родителей на подмножество родителей, имеющих это свойство по кровной связи (отец и мать), и родителей, получивших это свойство по брачным связям одного из родителей (отчим и мачеха), не является правильным, так как имеются родители, которые получают это свойство по брачным связям одного из рожденных (свекор — тесть, свекровь — теща). Это разбиение не дает основания для выделения дифференциальных семантических элементов: кровный родитель и родитель по его брачным связям.

Таким образом, критерием правильности выделения дифференциальных семантических элементов является правильность разбиения общего множества на подмножества, т. е. соответствие разбиения трем указанным выше условиям. Объективность и произвольность полученных дифференциальных семантических элементов доказывает правильность разбиения общего множества на подмножества. Неправильность разбиения общего множества на подмножества является доказательством неправильности и субъективности полученных дифференциальных семантических элементов; субъективность и произвольность дифференциальных элементов определяется не тем, что исследователь устанавливает их с помощью деятельности своего ума, а тем, что они формулируются при несоблюдении установленных правил.

Для получения достаточного количества дифференциальных семантических элементов, способных выделить отдельные предметы из общего множества, необходимы несколько разбиений общего множества. Так, для того, чтобы описать смысл имен, обозначающих лицо, являющихся родителями, необходимо произвести несколько разбиений общего множества родителей. Каждому отдельному разбиению мы будем приписывать определенный ранг. Первое разбиение — разбиение первого ранга, второе разбиение — разбиение второго ранга, и т. п.

Обозначим общее множество прямых родителей буквой М и произведем следующие разбиения этого множества (см. табл. 1).

На основе этих разбиений множества прямых родителей на подмножества мы можем построить состав дифференциальных элементов, который можно представить в форме таблицы (см. табл. 2).

Если проведенные выше разбиения множества прямых родителей являются правильными, то правильными должны быть и выделенные дифференциальные семантические элементы.

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Множества, полученные в результате разбиения
1	М	1. Подмножество родителей мужского пола 2. Подмножество родителей женского пола
2	М	1. Подмножество кровных родителей 2. Подмножество юридических родителей 3. Подмножество родителей по брачным связям одного из родителей 4. Подмножество родителей по брачным связям рожденного мужского пола 5. Подмножество родителей по брачным связям рожденного женского пола.

Таблица 2

Дифференциальные элементы смысла имен прямых родителей

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальные семантические элементы, с помощью которых выделяются подмножества
1	М	1. Родитель мужского пола 2. Родитель женского пола
2	М	1. Кровный родитель 2. Юридический родитель 3. Родитель по своим брачным связям 4. Родитель по брачным связям рожденного мужского пола 5. Родитель по брачным связям рожденного женского пола

Правильность и объективность полученных дифференциальных семантических элементов доказываются как тем, что разбиения произведены правильно, так и тем, что комбинации полученных дифференциальных элементов образуют действительно существующие смыслы имен действительно существующих лиц, являющихся прямыми родителями.

Согласно правилам комбинаторики мы можем получить следующие десять смыслов десяти имен родителей:

1. М 11 — родитель мужского пола, кровный родитель: *отец*;
2. М 21 — родитель женского пола, кровный родитель: *мать*;
3. М 12 — родитель мужского пола, юридический родитель: *приемный отец*;

4. М 22 — родитель женского пола, юридический родитель: *приемная мать*;
5. М 13 — родитель мужского пола, родитель по своим брачным связям: *отчим*;
6. М 23 — родитель женского пола, родитель по своим брачным связям: *мачеха*;
7. М 14 — родитель мужского пола, родитель по брачным связям рожденного мужского пола: *тесть*;
8. М 24 — родитель женского пола, родитель по брачным связям рожденного мужского пола: *теща*;
9. М 15 — родитель мужского пола, родитель по брачным связям рожденного женского пола: *свекор*;
10. М 25 — родитель женского пола, родитель по брачным связям рожденного женского пола: *свекровь*.

* * *

Что касается самих составов разбиений разных множеств некоторых предметов, то здесь возможны различные их типы. Отметим некоторые из них.

1. Подмножества разных разбиений одного общего множества могут находиться в отношении пересечения.

Допустим, что имеется некоторое множество лиц, определяемых по их отношению к материальным благам. Обозначим это множество буквой М и произведем следующие его разбиения:

Таблица 3

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, полученные в результате разбиения
1	М	1. Подмножество лиц, увеличивающих свои материальные блага 2. Подмножество лиц, сохраняющих свои материальные блага 3. Подмножество лиц, расточающих свои материальные блага 4. Подмножество лиц, материально помогающих другим лицам
2	М	1. Подмножество лиц, производящих указанные действия неумеренно 2. Подмножество лиц, производящих указанные действия умеренно

На основании предложенных разбиений избранного общего множества мы можем построить состав соответствующих дифференциальных семантических элементов (см. табл. 4)

**Дифференциальные семантические элементы смыслов имен лиц,
определяемых по отношению к материальным благам**

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальные семантические элементы, по которым выделяется подмножество в множество
1	М	1. Увеличивающий свои материальные блага 2. Сохраняющий свои материальные блага 3. Расточающий свои материальные блага 4. Материально помогающий другим
2	М	1. Неумеренно 2. Умеренно

Дифференциальные семантические элементы, выделяющие пересекающиеся подмножества в разных разбиениях, обладают свойством взаимной сочетаемости.

Число возможных комбинаций дифференциальных семантических элементов равно произведению числа дифференциальных элементов первого разбиения на число дифференциальных элементов второго разбиения ($4 \times 2 = 8$).

Комбинации дифференциальных семантических элементов 1 ранга с дифференциальными семантическими элементами 2 ранга, которые образуют смыслы 8 соответствующих имен, имеют следующий вид:

1. М 11 — увеличивающий свои блага неумеренно: *стяжатель, ханука*;
2. М 12 — увеличивающий свои блага умеренно: *рачительный, расчетливый, экономный*;
3. М 21 — сохраняющий свои материальные блага неумеренно: *жадюга, жмот*;
4. М 22 — сохраняющий свои материальные блага умеренно: *скупой, прижимистый*;
5. М 31 — расточающий свои материальные блага неумеренно: *мот, транжир*;
6. М 32 — расточающий свои материальные блага умеренно: *мотоватый*;
7. М 41 — материально помогающий другим неумеренно: *щедрый*;
8. М 42 — материально помогающий другим умеренно: *отоватый* (устар.).

2. Подмножества нескольких разбиений могут находиться в отношении пересечения, а подмножества последующих разбиений — в отношении пересечения только с некоторыми подмножествами предшествующих разбиений.

Пусть мы имеем некоторое множество лиц, определяемых по свойству родства в одном поколении.

Обозначим это множество буквой М и произведем следующие его разбиения:

Таблица 5

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, полученные в результате разбиения
1	М	1. Подмножество лиц мужского пола 2. Подмножество лиц женского пола
2	М	1. Подмножество родителей 2. Подмножество рожденных
	М 01	1. Подмножество родителей в их отношении к другому лицу по брачным связям их рожденных 2. Подмножество родителей в их отношении к другому лицу по собственным брачным связям
3	М 02	1. Подмножество рожденных по их отношению к другому лицу на основе кровной связи с родителями 2. Подмножество рожденных по их отношению к другому лицу на основе брачной связи одного из родителей

Как видим, в этом разбиении подмножества двух первых разбиений взаимно пересекаются, а подмножества третьего разбиения пересекаются с предшествующими подмножествами только частично: подмножества группы М 01 включаются только в подмножество родителей, а подмножества группы М 02 — в подмножество рожденных.

На основе предложенных разбиений указанного общего множества мы можем построить таблицу состава соответствующих дифференциальных семантических элементов (см. табл. 6).

Как видно, дифференциальные семантические элементы пересекающихся подмножеств обладают свойством сочетаемости. Но дифференциальные семантические элементы включающихся множеств обладают свойством сочетаемости только с теми дифференциальными семантическими элементами, которые характеризуют множества, включающие в себя соответствующие подмножества. Число возможных комбинаций дифференциальных элементов равняется числу подразделений последнего разбиения множеств, умноженному на 2 ($4 \times 2 = 8$). Очевидно, что комбинации диф-

**Дифференциальные семантические элементы смыслов имен лиц,
определяемых по свойству их родства в одном поколении**

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальные семантические элементы, по которым выделяются подмножества в множестве
1	М	1. Свойство мужского пола 2. Свойство женского пола
2	М	1. Свойство родителя * 2. Свойство рожденного
3	М 01	1. Свойство отношения к другому лицу по брачным связям их рожденных 2. Свойство отношения к другому лицу по собственным брачным связям
	М 02	1. Свойство отношения к другому лицу по кровной связи одного из родителей

* Имеются в виду фактически наличие и потенциальное свойство родителей.

Дифференциальных элементов трех указанных разбиений образуют смыслы 8 следующих имен:

1. М 111 — лицо, обладающее свойствами мужского пола, родителя, свойством отношения к другому лицу, по брачным связям их рожденных: *сват*;
2. М 211 — лицо, обладающее свойством женского пола, родителя, свойством отношения к другому лицу по брачным связям их рожденных: *сватья*;
3. М 112 — лицо, обладающее свойством мужского пола, родителя, свойством отношения к другому лицу по собственным брачным связям: *муж*;
4. М 212 — лицо, обладающее свойством женского пола, родителя, свойством отношения к другому лицу по собственным брачным связям: *жена*;
5. М 121 — лицо, обладающее свойством мужского пола, свойством рожденного, свойством отношения к другому лицу по кровной связи с родителями: *брат*;
6. М 221 — лицо, обладающее свойством женского пола, рожденного, свойством отношения к другому лицу по кровной связи с родителями: *сестра*;
7. М 122 — лицо, обладающее свойством мужского пола, рожденного, свойством отношения к другому лицу по брачной связи одного из родителей: *сводный брат*;

8. М 222 — лицо, обладающее свойством женского пола, свойством отношения к другому лицу по брачным связям одного из родителей: *сводная сестра*.

3. Подмножества разных разбиений могут не находиться в отношении пересечения: причем подмножества последующих разбиений находятся в отношении включения в одно соответствующее подмножество предшествующих разбиений.

Допустим, что имеется некоторое множество построек. Обозначим это множество буквой М и произведем следующие его разбиения:

Таблица 7

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, полученные в результате разбиения
1	М	1. Множество построек городского типа 2. Множество построек негородского типа
2	М 1	1. Множество благоустроенных построек для постоянного проживания 2. Множество благоустроенных построек для временного проживания
	М 2	1. Множество жилых построек для оседлого населения 2. Множество жилых построек для кочевого населения

На основе этих разбиений общего множества построек мы можем выделить состав дифференциальных семантических элементов (табл. 8).

Таблица 8

Дифференциальные семантические элементы смыслов имен некоторых построек

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальные семантические элементы, по которым выделяются подмножества в множестве
1	М	1. Постройки городского типа 2. Постройки негородского типа
2	М 1	1. Благоустроенные постройки для постоянного проживания 2. Благоустроенные постройки для временного проживания
	М 2	1. Жилые постройки для оседлого населения 2. Жилые постройки для кочевого населения

Ранг разбienia	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, получаемые в результате разбиения
1	М	1. Множество лиц, умеющих работать 2. Множество лиц, не умеющих работать
2	М	1. Множество лиц, желающих работать 2. Множество лиц, не желающих работать
3	М 11	1. Множество лиц, эмоционально работающих 2. Множество лиц, напряженно работающих 3. Множество лиц, ловко работающих
4	М 11	1. Множество лиц, творчески работающих 2. Множество лиц, нетворчески работающих
3	М 12	1. множество лиц, уклоняющихся от работы 2. Множество лиц, мало работающих 3. Множество лиц, плохо работающих
4	М 12	1. Множество лиц, непроизводительно работающих 2. Множество лиц, приносящих своей работой вред обществу
3	М 21	1. Множество лиц, имеющих малый стаж работы 2. Множество лиц, не соответствующих работе
4	М 21	∅ *
3	М 22	1. Множество лиц, не умеющих и не желающих работать в результате своего воспитания 2. Множество лиц, не умеющих, не желающих работать и живущих за счет других
4	М 221	∅
	М 222	1. Множество лиц, живущих за счет других по попустительству последних 2. Множество лиц, живущих за счет других в результате определенного общественного устройства

* Знаком ∅ обозначается отсутствие деления данного подмножества в данном разбиении.

Комбинации полученных дифференциальных семантических элементов образуют 4 набора, представляющих собою смыслы соответствующих имен:

1. М 11 — городская постройка благоустроенного типа для постоянного проживания: *дом*;
2. М 12 — городская постройка благоустроенного типа для временного проживания: *гостиница*;
3. М 21 — постройка негородского типа для проживания оседлого населения: *изба*;
4. М 22 — постройка негородского типа для проживания кочевого населения: *юрта*.

Существуют и другие типы состава разбиений множества объектов. Приведем несколько примеров более сложных по составу разбиений. Так, более сложным является выделение дифференциальных семантических элементов смыслов имен лиц, определяемых по их отношению к труду. Обозначим множество указанных лиц буквой М и произведем следующие его разбиения (см. табл. 9).

На основе этих разбиений общего множества лиц, характеризующихся по их отношению к труду, мы можем состав соответствующих дифференциальных семантических элементов представить в виде следующей таблицы (см. табл. 10).

Комбинации полученных дифференциальных семантических элементов образуют 17 смыслов соответствующих имен:

- 1111 — умеющий работать, желающий работать, эмоционально работающий, творчески работающий: *новатор, передовик, стахановец, ударник*;
- 1112 — умеющий работать, желающий работать, эмоционально работающий, нетворчески работающий: *прилежный, рьяный, старательный, трудолюбивый*;
- 1121 — умеющий работать, желающий работать, напряженно работающий, творчески работающий: *0*;
- 1122 — умеющий работать, желающий работать, напряженно работающий, нетворчески работающий: *двуличный, работага, работающий*;
- 1131 — умеющий работать, желающий работать, ловко работающий, творчески работающий: *деловой, дельный, деловитый, мастер, умелый*;
- 1132 — умеющий работать, желающий работать, ловко работающий, нетворчески работающий: *наторелый, опытный, умелый*;
- 1211 — умеющий работать, не желающий работать, уклоняющийся от работы, непроизводительно работающий: *лежебока, гуляка, празднолюбивый, праздношатающийся*;
- 1221 — умеющий работать, не желающий работать, мало работающий, непроизводительно работающий: *лентяй, ленивец, лодырь, бездельник, лоботряс, ленивый*;

**Дифференциальные семантические элементы смыслов имен лиц,
определяемых по их отношению к труду**

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальные семантические элементы, по которым выделяются подмножества в множестве
1	M	1. Умеющий работать 2. Не умеющий работать
2	M	1. Желающий работать 2. Не желающий работать
3	M 11	1. Эмоционально работающий 2. Напряженно работающий
4	M 11	1. Творчески работающий 2. Нетворчески работающий
3	M 12	1. Уклопяющийся от работы 2. Мало работающий 3. Плохо работающий
4	M 12	1. Непроизводительно работающий 2. Приносящий своей работой вред обществу
3	M 21	1. Имеющий малый стаж работы 2. Не соответствующий работе
4	M 21	∅
3	M 22	1. Не умеющий и не желающий работать в результате своего воспитания 2. Не умеющий, не желающий работать и живущий за счет других
4	M 221	∅
	M 222	1. Живущий за счет других в результате попустительства последних 2. Живущий за счет других в результате определенного общественного устройства

- 1222 — умеющий работать, не желающий работать, мало работающий, приносящий своей работой вред обществу: *прогульщик*;
- 1231 — умеющий работать, не желающий работать, плохо работающий, непроизводительно работающий: *разгильдяй, небрежный, нерадивый*;
- 1232 — умеющий работать, не желающий работать, плохо работающий, приносящий своей работой вред обществу: *бракодел, халтурщик, недобросовестный*;
- 2110 — не умеющий работать, желающий работать, имеющий малый стаж работы: *неопытный, неумелый, неискусный*;
- 2130 — не умеющий работать, желающий работать, не соответствующий работе: *головотяп, сапожник* (= плохо, неумело работающий);
- 2210 — не умеющий работать, не желающий работать в результате своего воспитания: *белоручка*;
- 2221 — не умеющий работать, не желающий работать, живущий за счет других в результате их попустительства: *дармоед, захребетник, прихлебатель, приживальщик, чужестпнник*;
- 2222 — не умеющий работать, не желающий работать, живущий за счет других в результате определенного общественного устройства: *паразит, трутень, обломов*.

Рассмотрим еще более сложный пример данного типа. Пусть мы имеем общее множество лиц, выделяемых по свойствам их ума. Обозначим общее множество буквой М и произведем следующее его разбиение. На основе этих разбиений можно построить соответствующие дифференциальные семантические элементы.

Число возможных комбинаций дифференциальных семантических элементов, зафиксированных в приведенной таблице, равняется числу подразделения в последнем, четвертом, разбиении — 11. Комбинации полученных дифференциальных семантических элементов этих двух разбиений образуют 11 смыслов следующих имен:

1. 1111 — способный рассуждать, с богатой интуицией, быстро соображающий, с большим опытом: *мудрец*.
2. 1112 — способный рассуждать, с богатой интуицией, быстро соображающий, с большой начитанностью: *эрудит*;
3. 1113 — способный рассуждать, с богатой интуицией, быстро соображающий, безотносительно к опыту и начитанности: *талантливый*;
4. 1120 — способный рассуждать, с богатой интуицией, нормально соображающий: *умница, способный человек*;
5. 1210 — способный рассуждать, с интуицией, быстро соображающий: *смекалистый*;

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, получаемые в результате разбиения
1	М	1. Множество лиц, способных рассуждать 2. Множество лиц, ограниченно способных рассуждать 3. Множество лиц, не способных рассуждать
3	М 1	1. Множество лиц с богатой интуицией 2. Множество лиц с наличием интуиции
	М 2	1. Множество лиц, медленно усваивающих информацию 2. Множество лиц, неправильно усваивающих информацию
	М 3	1. Множество лиц, не способных делать выводы из окружающей обстановки 2. Множество лиц, не способных понимать окружающую обстановку
	М 11	1. Множество лиц, быстро соображающих 2. Множество лиц, нормально соображающих
	М 12	1. Множество лиц, быстро соображающих 2. Множество лиц, нормально соображающих 3. Множество лиц, медленно соображающих
	М 21	∅
	М 22	∅
	М 31	∅
	М 32	∅
4	М 111 М 31	1. Множество лиц с большим опытом 2. Множество лиц, с большой начитанностью 3. Множество лиц безотносительно к опыту и начитанности
4	М 112	∅
	М 121	∅

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Подмножества, получаемые в результате разбиения
4	М 122	$\emptyset$
	М 123	$\emptyset$
	М 210	$\emptyset$
	М 220	$\emptyset$
	М 310	$\emptyset$
	М 320	$\emptyset$

6. 1220 — способный, с интуицией, нормально соображающий: *понятливый*;
7. 1230 — способный рассуждать, с интуицией, медленно соображающий: *тугодум*;
8. 2100 — ограниченно способный рассуждать, медленно усваивающий информацию: *бестолковый*;
9. 2200 — ограниченно способный рассуждать, неправильно усваивающий информацию: *дурак, глупец, олух*;
10. 3100 — не способный рассуждать, не способный делать выводы из окружающей обстановки: *тупица, тупоумный*;
11. 3200 — не способный рассуждать, не способный понимать окружающую обстановку: *идиот, слабоумный*.

* * *

Состав разбиений разных рангов должен удовлетворять следующим требованиям:

1. Состав отдельных разбиений должен отвечать принципу совместности или непротиворечивости разбиений разных рангов исходного множества или его подмножества.

Сочетания дифференциальных семантических элементов, полученных в разбиениях разных рангов, должны задавать логически непротиворечивые объекты. Если сочетание дифференциальных семантических элементов разных рангов определяет и выделяет логически противоречивый объект, то состав разбиений должен быть признан непригодным.

Так, если бы мы в разбиении одного ранга выделили дифференциальный семантический элемент «способный творчески рассуждать», а в разбиении другого ранга выделили дифференциальный семантический элемент «неспособный понимать окружающую обстановку», то сочетание указанных дифференциальных семан-

тических элементов задавало бы логически противоречивый объект: не может быть лица, который способен был бы творчески рассуждать и неспособен понимать окружающую обстановку. Состав таких разбиений не отвечает принципу совместности разбиений разных рангов. Но если бы мы в разбиении одного ранга выделили дифференциальный семантический элемент «способный

Таблица 12

Дифференциальные семантические элементы смыслов имен лиц, выделяемых по свойствам их ума

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальный семантический элемент, по которому выделяются подмножества в множестве
1	М	1. Способный рассуждать 2. Ограниченно способный рассуждать 3. Не способный рассуждать
2	М 1	1. С богатой интуицией 2. С интуицией
	М 2	1. Медленно усваивающий информацию 2. Неправильно усваивающий информацию
	М 3	1. Не способный делать выводы из окружающей обстановки 2. Не способный понимать окружающую обстановку
3	М 11	1. Быстро соображающий 2. Нормально соображающий
	М 12	1. Быстро соображающий 2. Нормально соображающий 3. Медленно соображающий
	М 21	∅
	М 22	∅
	М 31	∅
	М 32	∅
4	М 111	1. С большим опытом 2. С большой начитанностью 3. Безотносительно к опыту и начитанности

Т а б л и ц а 12 (окончание)

Ранг разбиения	Множество, подлежащее разбиению	Дифференциальный семантический элемент, по которому выделяются подмножества в множестве
4	М 112	0
	М 121	0
	М 122	0
	М 123	0
	М 210	0
	М 220	0
	М 310	0
	М 320	0

творчески рассуждать», а в разбиении другого ранга выделили бы дифференциальный элемент «с большой начитанностью», то сочетание дифференциальных элементов «способный творчески рассуждать» и «с большой начитанностью» задавало бы логически непротиворечивый объект; лицо, именем которого является *эрудит*.

Состав только таких разбиений отвечает принципу совместности разбиений разных рангов.

2. Если классы разбиений разных рангов являются пересекающимися, то дифференциальные семантические элементы, полученные в разбиениях всех рангов, выделяют подмножества в одном и том же множестве. Дифференциальные семантические элементы, полученные на основе разбиений разных рангов указанного типа, отвечают принципу равносильности их различных свойств. Это значит, что одному любому объекту, заданному соответствующим смыслом имени, соответствует один-единственный объект, отличающийся от первого дифференциальным элементом одного ранга разбиения при тождестве дифференциальных элементов других рангов разбиения.

Так, лицу М 11 (увеличивающий свои материальные блага; неумеренно), именуемому именем хапуга, соответствует одно лицо М 12 (увеличивающий свои материальные блага; умеренно), именуемое именем *рачительный*. Это взаимно-однозначное соответствие устанавливается на основе различия дифференциальных семантических элементов нижестоящего ранга при тождестве дифференциальных семантических элементов вышестоящего ранга.

Тому же лицу М 11 (увеличивающий свои материальные блага; неумеренно — *хапуга*) соответствует одно лицо 21 (сохраняющий свои материальные блага; неумеренно), именуемое именем *жмот*. Это взаимно-однозначное соответствие устанавливается на основе различия дифференциальных семантических элементов вышестоя-

щих рангов при тождестве дифференциальных семантических элементов нижестоящих рангов.

Если классы разбиений разных рангов являются непересекающимися, то дифференциальные семантические элементы разбиений высших рангов выделяют подмножества в множестве большей мощности, дифференциальные семантические элементы разбиений нижестоящих рангов выделяют подмножества в множествах меньшей мощности. Дифференциальные семантические элементы, полученные на основе разбиений разных рангов указанного типа, отвечают принципу иерархической неравномощности их различительных свойств.

Это значит, что одному любому объекту, заданному соответствующим смыслом имени, соответствует несколько объектов, если сопоставляются объекты по различию дифференциальных элементов вышестоящих рангов, и один-единственный объект, если сопоставляются объекты по различию дифференциальных элементов нижестоящих рангов.

Так, одной жилой постройке М 11 (постройка городского типа, благоустроенная, для постоянного проживания), именуемой именем *дом*, соответствуют две жилые постройки — М 21 (постройка негородского типа, постройка для оседлого населения), именуемая именем *изба*, и М 22 (постройка негородского типа, постройка для кочевого населения), именуемая именем *юрта*, если сопоставление осуществляется на основе различия дифференциальных семантических элементов вышестоящих семантических рангов; при этом дифференциальные семантические элементы нижестоящих рангов не могут быть тождественными.

Той же постройке М 11, именуемой именем *дом*, соответствует только одна постройка М 12 (постройка городского типа, благоустроенная, для временного проживания), именуемая именем *гостиница*, если сопоставление осуществляется на основе различия дифференциальных семантических элементов нижестоящих рангов и тождества дифференциальных семантических элементов вышестоящих рангов.

Остальные требования к составу разбиений общего множества мы только сформулируем.

3. Число разбиений общего исходного множества или его подмножеств и число подмножеств в каждом отдельном разбиении должно отвечать принципу минимальности.

4. Комбинации дифференциальных семантических элементов, полученных в разных разбиениях, должны задавать минимальное количество пустых объектов.

Предложенная здесь методика выделения дифференциальных семантических элементов может вызывать критику со стороны тех представителей структурной лингвистики, которые исходят из предпосылки, что семантические описания, основанные на понимании субъектом смысла слов, представляют собою произвольные, субъективные толкования.

Мы считаем такую критику несостоятельной. Все научные истины о природе и обществе основаны на определенном понимании и истолковании явлений субъективным разумом человека. Но субъективность и произвольность знаний определяется не тем, что они устанавливаются субъектом на основании понимания явлений, а тем, что они не соответствуют действительности.

Установленные нами дифференциальные семантические элементы имеют относительный и опытный характер; они должны уточняться и совершенствоваться, но они имеют объективный и непроизвольный характер, так как получены на основе применения строгих процедур разбиений выделяемых множеств предметов, именуемых соответствующими именами; их комбинации, осуществляемые по формальным правилам, образуют реально существующие смыслы реально существующих слов. Не то является субъективным и произвольным, что устанавливается субъектом на основе понимания явления или смысла текста, а то, что устанавливается без применения строгих процедур и что не соответствует действительности.

Полученные формальным, конструктивным путем смыслы рассмотренных здесь имен и их соответствие действительности доказывают правильность и объективность устанавливаемых нами дифференциальных семантических элементов.

О ПОСТРОЕНИИ АНАЛИТИКО-СМЫСЛОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (1967 г.)

В современных словарях есть существенный недостаток, заключающийся в так называемом порочном круге: значение одного слова истолковывается с помощью другого, а значение последнего — с помощью первого.

Так, значение слова *печаль* истолковывается как 'грусть', а значение слова *грусть* — как 'печаль'; значение слова *храбрость* определяется как «мужество», а значение слова *мужество* — как 'храбрость' и т. п.

Некоторые лингвисты не находят в таком методе истолкования значения слов ничего порочного. Так С. Д. Кацнельсон пишет: «Когда мы в Словаре Ушакова в статье курица читаем: «домашняя птица — самка петуха», а затем в статье петух: «домашняя птица — самец кур», то перед нами пример кругового определения, способный вызвать у логиков улыбку. Но в задачи толкового словаря входит не создание стройной и непротиворечивой теории птицеводства и т. п., а раскрытие семантического содержания слова»¹.

¹ С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965, стр. 20.

В данном определении о курице говорится только то, что она самка, а о петухе — что он самец. Это безусловные важные признаки содержания слова курица и слова петух. Но эти слова имеют и другое содержание, которое не выявляется в определениях. Если мы скажем, что *курица* — это 'самка петуха', а *петух* — 'самец курицы', что *гусыня* — 'самка гуся', а *гусь* — 'самец гусыни', что *львица* — 'самка льва', а *лев* — 'самец львицы', то этим мы не выявим семантического содержания слов *курица*, *гусыня*, *львица*, с одной стороны, и слов *петух*, *гусь*, *лев* — с другой.

Из того, что *курица* — 'самка петуха', а *петух* — 'самец курицы', следует, что слово *курица* называет животное одного пола и слово *петух* — 'животное другого пола'; никакого другого семантического содержания эти определения не дают. «Круговые определения» значений двух слов могут выявить разность предметов, обозначаемых этими словами, но они не могут раскрыть семантическое содержание слов.

Математики Г. Фреге, Б. Рассел, А. Черч пришли к выводу о том, что содержание имени имеет два компонента: предмет, который именуется именем, и смысл, который имеет имя. Смысл имени есть способ понимания предмета, именуемого именем.

В соответствии с именем предмет Фреге и Черч употребляют имя денотат. Смысл имени мы будем рассматривать как способ выделить предмет из множества других предметов, т. е. как различительное средство.

Разные предметы, называемые словами *стол* и *стул*, различаются не по фоновым составам этих слов, а по смыслу.

Смысл имени может быть построен из отдельных дифференциальных семантических элементов, семантических множителей.

Мы покажем использование дифференциальных семантических элементов в построении смыслов имен на примере слова *отец*.

Слово *отец* именуется определенное лицо, задаваемое с помощью набора следующих дифференциальных элементов: 1) «лицо мужского пола», 2) «родитель», 3) «прямой родитель», 4) «кровный родитель», 5) «родитель в первом поколении». Этот набор дифференциальных элементов и образует собой смысл слова *отец*.

Замена дифференциального элемента «лицо мужского пола» дифференциальным элементом «лицо женского пола» образует смысл второго имени, новый способ, задаваемый другим лицом, чьим именем является слово *мать*. Замена дифференциального элемента «родитель» дифференциальным элементом «рожденный» образует смысл третьего имени — *сын*. Замена дифференциального элемента «прямой родитель» дифференциальным элементом «косвенный родитель» образует смысл четвертого имени — *дядя*. Замена дифференциального элемента «кровный родитель» дифференциальным элементом «родитель по его брачным связям» образует смысл пятого имени, которым задано новое лицо, обозначаемое в русском языке словом *отчим*. Замена дифференциального эле-

мента «родитель в первом поколении» дифференциальным элементом «родитель во втором поколении» образует смысл шестого имени — *дед* и т. д.

Если бы мы поставили задачу определить смысл слова *земля*, то мы должны были бы привести три смысла слова *земля* в качестве имени трех разных предметов: 1) имени предмета, другим именем которого является словосочетание третья от солнца планета, 2) имени предмета, другим именем которого является слово суша, 3) имени предмета, другим именем которого является слово почва.

Смысл слова *земля* как имени первого предмета можно представить в виде множества следующих дифференциальных семантических элементов: 1) «космическое тело», 2) «несамосветящееся космическое тело», 3) «космическое тело, вращающееся вокруг солнца», 4) «космическое тело с большой массой».

Дифференциальный элемент «космическое тело с большой массой» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от других космических тел, например метеоров. Дифференциальный элемент «космическое тело, третья от солнца» необходим для того, чтобы отличить Землю от других планет солнечной системы. Дифференциальный элемент «космическое тело, вращающееся вокруг солнца», необходимый для того, чтобы отличить Землю от планет других звездных систем. Дифференциальный элемент «несамосветящееся космическое тело» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от космического тела звезда. Дифференциальный элемент «космическое тело» необходим для того, чтобы отличить космическое тело Земля от других предметов, которые не являются космическими телами.

Смысл слова *земля* как имени второго предмета необходимо представить в виде набора других дифференциальных семантических элементов, а смысл слова *земля* как имени третьего предмета должен быть представлен в виде еще одного набора новых дифференциальных элементов.

Кроме дифференциальных семантических элементов в состав смысла имени входят и дополнительные семантические элементы. В русском языке именем *медведь* может быть назван неповоротливый человек. Такое словоупотребление было бы невозможным, если бы смысл имени *медведь* не содержал соответствующего дополнительного семантического элемента. У некоторых северных народов смысл соответствующего имени содержит дополнительный семантический элемент: «хозяин». Назвать человека именем *медведь* — значит подчеркнуть не то, что он неповоротлив, а то, что он уважаемый человек. В русском языке именем *лиса* может быть назван хитрый человек, т. е. смысл имени *лиса* содержит дополнительный семантический элемент. У некоторых других народов смысл этого имени включает и семантический элемент воровства.

Дополнительные семантические элементы слов, обозначающие одни и те же предметы, весьма разнообразны. Их изучение представляет собой важную задачу семантики как науки.

В предлагаемой нами концепции семантика имени бипарна, она содержит предмет, обозначаемый именем, и смысл как способ задания данного предмета.

В концепции классического языкознания семантика имени унарна, она содержит только то, что именуется именем. Полисемантичесность слова заключается в использовании его для обозначения разных предметов без выявления разных смыслов этого слова.

Концепции унарности семантики имени присущ ряд недостатков. Отказ от понятия смысла, задаваемого данным предметом, делает невозможным истолкование так называемых переносных значений. Сравним два выражения — *отец Петра* и *отец русской истории*. Для того, чтобы была возможность назвать некоторое лицо отцом русской истории, необходимо, чтобы имя *отец* сохранило в этом сочетании некоторые элементы содержания. Смысл имени *отец* характеризуется набором указанных выше дифференциальных элементов.

Смысл имени отец русской истории представляет собой преобразование смысла имени отец. Дифференциальные семантические элементы прямого и косвенного родителя, кровного и некровного родителя, родителя первого и непервого поколения устраниваются. Ввиду этого дифференциальный элемент «родитель» получает общественный, а не частно-семейный смысл; он получает значение родоначальника. Но дифференциальные элементы «лицо мужского пола» и «родоначальник» сохраняются. Наличие соответствующих дифференциальных семантических элементов в смысле имени отец русской истории делает понятным, почему мы некоторое лицо называем именем *отец русской истории*. При этом выражение *отец русской истории* не означает родоначальника первого поколения, который предполагает родоначальника второго поколения. Выражение *дедушка русской авиации* не предполагает наличия *отца русской авиации*, а выражение *отец русской истории* не предполагает наличия *дедушки русской истории*.

Понимание слова содержит два момента: 1) знание того предмета, который обозначается данным словом; 2) знание смысла слова, которое дает основание говорящему одно лицо назвать сыном Петра, а другое — сыном полка.

Чтобы иметь возможность употребить слово *лента* в выражениях *лента девушки* и *лента дороги*, необходимо знать не только то, чьим именем является слово *лента*, но и какой оно имеет смысл. Одно знание того, что слово *лента* обозначает некоторый предмет, не дает основания для употребления его в выражении *лента дороги*. Основанием того, почему слово *лента* может быть употреблено в выражениях *лента стоит 50 копеек* и *лента дороги* вьется среди гор, является некоторый элемент в смысле слова *лента*. Говорящий может не осознавать суть этого элемента, но интуитивно он чувствует, что данное слово не только именуется

некоторый предмет, но имеет некоторый смысл, делающий понятным его употребление в двух указанных выражениях.

К сожалению, в толковых словарях, как правило, не раскрывается смысл слов; в них лишь перечислены предметы, которые называются данным словом. Между тем только при выделении смысла и предмета в семантике имени мы можем понять, почему слова *корень*, *закат*, *сын* и др. могут быть использованы в выражениях *корень дерева* и *корень жизни*, *закат солнца* и *закат жизни*, *сын своих родителей* и *сын народа* или *сын полка*.

Остановимся еще на одном аспекте описания значения слова в словарях.

Согласно развиваемому нами принципу, смысл имени *кошка* должен содержать набор дифференциальных семантических элементов, которые отличают это животное от других. При этом количество дифференциальных семантических элементов, образующих смысл имени *кошка*, может быть различным в зависимости от того, из какого множества мы выделяем данное животное. Для выделения из множества домашних животных достаточен следующий набор дифференциальных семантических элементов: «хищное, с втяжными когтями». Семантический элемент «хищное» необходим для отличия кошки от других домашних животных, например лошади. Семантический элемент «втяжные когти» необходим для отличия кошки от собаки.

Если мы хотим выделить это животное из множества всех других животных, необходимы следующие дифференциальные семантические элементы: «хищное», «пальцеходящее», «с острыми когтями», «с втяжными когтями», «мелкой формы».

Все эти семантические признаки выполняют дифференциальную роль в множестве более или менее известных животных. Семантический элемент «хищное» отличает кошку от нехищных животных; семантический элемент «пальцеходящее» отличает кошку от медведя, который является хищным, но стопеходящим; семантический элемент «острые когти» отличает кошку от лисицы, которая является хищным, пальцеходящим, но с тупыми когтями; семантический элемент «втяжные когти» отличает кошку от шакала, который является хищным, пальцеходящим, но не с втяжными когтями; семантический элемент «мелкая форма» отличает кошку от льва, который является хищным, пальцеходящим, с острыми когтями, с втяжными когтями, но не мелкой, а крупной формы.

Представители классического языкознания подвергают критике необходимость выделения в семантике: а) имени предмета и б) смысла как способа задания данного предмета. Они утверждают, что предложенное здесь понимание смысла имен выходит за пределы языкознания. Семантика слова для лингвиста — это не смысл слова как способ задания и понимания предмета, а сам факт наименования данного предмета. Семантика является лингвистической, если она заключается в установлении того, какие предметы называет слово; при описании семантики слова *земля* линг-

вист должен ограничиться указанием на то, что оно называет: 1) космическое тело, 2) сушу, 3) почву и т. п. Задача установления смысла слова *земля* в значении «космическое тело» или смысла того же слова в значении «почва» и т. п. не является лингвистической задачей. Что можно сказать об этом?

Во-первых, специальных наук, которые выявляли бы дифференциальные свойства смыслов имен, нет. Кроме лингвистики, такими вопросами не занимается и не может заниматься ни одна другая наука. Во-вторых, приведенное выше утверждение не находится в соответствии с основным назначением языка. Средства языка имеют различительную функцию. Из этого, конечно, не следует, что все, что имеет различительную функцию, является средством языка: уличные знаки, например, не представляют собой средств языка. Таким образом, все, что принадлежит слову и что служит для различительных целей, входит в предмет науки о языке. Смысл имеет различительное назначение: он служит средством выделения предмета, именуемого данным словом, из множества других предметов. Различительным назначением смыслов имен занимается и может заниматься только лингвистика. Специальные науки изучают существенные свойства предметов, а не их различительные признаки, которые концентрируются в смысле соответствующего имени.

Может быть, неверно то, что смысл имен служит различительным средством; может быть, верно другое: предметы дифференцируются языком не по различию в смыслах их имен, а по различию самих имен; мы отличаем сына от бабушки по фонемному составу слов *сын* и *бабушка*. Но стоит нам взять из незнакомого языка два слова, обозначающие два разных предмета, как сразу обнаружится, что предметы не дифференцируются по различию их имен. Допустим, мы знаем, что латышское слово *aula* (зал) является именем одного предмета, а латышское слово *boze* (дубина) именем другого предмета. Различие предметов, называемых именами *aula* и *boze*, нельзя вывести из различия их имен, так как для того чтобы различить предметы, обозначаемые этими словами, недостаточно знания различия соответствующих слов, необходимо знание смысла этих слов.

Можно было бы далее сказать, что говорящий не сможет определить смысл имен *чернильница*, *ручка*, *стол*, *перо*, так как не сумеет перечислить признаки чернильницы, чтобы отличить ее от ручки, пера и т. п., но говорящий всегда знает, именем какого предмета являются слова *чернильница*, *перо* и т. д. Это, конечно, верно, и то, что это верно, доказывается простым экспериментом: если вы скажете собеседнику *дайте ручку*, он дает ручку, а не чернильницу. (Предполагается, что собеседник знает язык, на котором ведется беседа.) Но из того, что говорящий может не знать смысла имени, а знать только предмет, называемый этим именем, не следует, что языковедение должно интересоваться только тем, какой предмет называет данное слово, и не более.

Лингвистика должна сформулировать смыслы имен и дать их в распоряжение говорящих. Лингвистика должна разъяснять носителям языка смысл употребляемых ими слов, а не только закреплять то, что они знают, т. е. не только перечислять предметы, называемые данным именем. Очень важное значение имеют словари, которые содержат более или менее полное собрание слов с указанием того, какие предметы называются каждым словом в отдельности. Многообразие толковых словарей доказывает необходимость такого собрания слов, в котором читатель может найти, какие предметы обозначаются тем или другим словом. Но кроме названных словарей необходимы словари другого типа: словари, в которых не только перечислялись бы предметы, называемые данным именем, но формулировались бы и смыслы этих имен в форме набора соответствующих дифференциальных семантических элементов.

Работа над такими словарями имела бы большое научное значение, а наличие таких словарей удовлетворило бы многие потребности, которые не удовлетворяются существующими толковыми словарями.

Предлагаемый нами тип словаря необходим для иностранцев, изучающих русский язык. Если иностранец установит по словарю, что *доблесть* — это 'отвага и мужество', т. е. что имя *доблесть* обозначает то же, что обозначают имена *отвага* и *мужество*, он извлечет из этой информации пользу только в том случае, если будет знать, что обозначают имена *отвага* и *мужество*. Если он установит по словарю, что *побывка* значит то же, что *отпуск*, то узнает, что обозначает слово *побывка* только в том случае, если он знает, что обозначает слово *отпуск*. Иностранцам, изучающим русский язык, необходимо дать такой словарь, в котором не только перечислены предметы, обозначаемые данным именем, но формулируются и смыслы этих имен в форме набора дифференциальных семантических элементов.

Если иностранец установит по такому словарю, что смысл интересующего его русского слова содержит дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо», 2) «увеличивающий свои материальные блага», 3) «неумеренно», он легко найдет то слово родного языка, которое обозначает это лицо, и осмысленно свяжет с соответствующим русским словом *стяжатель* или *хапуга*. Если иностранец установит по словарю, что смысл интересующего его русского слова содержит дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо», 2) «расточающий свои материальные блага», 3) «неумеренно», то он установит слово, которое обозначает это лицо в родном языке, и ему останется только усвоить, что именем такого лица в русском языке является *мот* или *транжир*.

Ниже мы приводим образцы толкования смыслов некоторых имен и сопоставление их с соответствующими толкованиями в существующих словарях. Мы рассмотрим смыслы имен лиц, различающихся по уровню интеллектуальных способностей.

Слова *тупица*, *бестолковый*, *дурак*, *глупец*, *идиот* в Словаре русского языка С. И. Ожегова имеют одно одинаковое толкование — «глупый человек», а в Словаре современного русского литературного языка АН СССР — «умственно ограниченный, глупый человек». Семантика выражений *глупый* или *умственно ограниченный человек* не обладает дифференциальными свойствами для различения разных лиц, обозначаемых указанными словами. Наши толкования смыслов рассматриваемых имен с помощью дифференциальных семантических элементов имеют следующий вид: *бестолковый* — 1) «лицо», 2) «ограниченно способный рассуждать», 3) «неправильно усваивающий»; *тупица* — 1) «лицо», 2) «неспособный рассуждать», 3) «неспособный делать выводы из окружающей обстановки»; *идиот* — 1) «лицо», 2) «неспособный рассуждать», 3) «неспособный понимать окружающую обстановку».

Можно оспаривать предложенный набор дифференциальных элементов, можно совершенствовать их формулировки, но нельзя отрицать того, что каждое из упомянутых имен в наших формулировках получает свой особый смысл.

Слово *мудрец* в Словаре Ожегова — «мудрый человек», в Словаре АН СССР — «обладающий высшим знанием», слово *эрудит* в Словаре Ожегова и в Словаре АН СССР — «обладающий эрудицией», слово *талантливый* в обоих словарях — «обладающий талантом», слово *понятливый* в Словаре Ожегова — «быстро соображающий», в Словаре АН СССР — «легко понимающий, усваивающий что-либо», слово *тугодум* в Словаре Ожегова — «медленный на соображение», в Словаре АН СССР — «тот, кто медленно думает».

Объяснение слова *мудрец* словами *мудрый человек*; *эрудит* — словами *человек, обладающий эрудицией*; *талантливый* — словами *человек, обладающий талантом*, не прибавляет новых признаков в содержание соответствующих имен. Объяснение слов *понятливый* и *тугодум* с помощью слов «быстро соображающий» и «медленный на соображение» содержит некоторые дифференциальные семантические элементы. В целом указанные объяснения не выражают смыслов этих слов и не различают соответствующих лиц, именами которых они являются.

Наши толкования смыслов рассматриваемых имен с помощью дифференциальных семантических элементов имеют следующий вид: *мудрец* — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с богатой интуицией», 4) «быстро соображающий», 5) «с большим опытом и знаниями», *эрудит* — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать»; 3) «с богатой интуицией», 4) «быстро соображающий», 5) «с большой начитанностью», *талантливый* — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с богатой интуицией», 4) «быстро соображающий», 5) «безотносительно к опыту и начитанности», *умница* — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с богатой интуицией», 4) «нормально соображающий»; *понятливый* — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с интуицией», 4) «нормально соображающий»;

тугодум — 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с интуицией», 4) «медленно соображающий».

Каждый из дифференциальных семантических элементов выполняет свое особое различительное назначение: дифференциальные семантические элементы «с большим опытом и знанием» и «с большой начитанностью» и «безотносительно к опыту и начитанности» различают смыслы имен *мудрец*, *эрудит* и *талантливый*; дифференциальные семантические элементы «лицо, способное рассуждать», «лицо, ограниченно способное рассуждать» различают смыслы имен *мудрец*, *эрудит*, *талантливый*, с одной стороны, и имен *бестолковый* и *дурак* — с другой.

Конечно, использованные нами дифференциальные семантические элементы не являются безупречными. Их формулировка может совершенствоваться, некоторые дифференциальные элементы в отдельных случаях целесообразно заменить другими. Можно заменить дифференциальный семантический элемент «безотносительно к опыту и начитанности», входящий в состав смысла имени *талантливый*, дифференциальным семантическим элементом «с природными способностями». В таком случае смысл имени *талантливый* содержал бы следующие дифференциальные семантические элементы: 1) «лицо», 2) «способный рассуждать», 3) «с богатой интуицией», 4) «быстро соображающий», 5) «с природными способностями». Но целесообразность такой замены не очевидна.

Предлагаемый нами метод описания смыслов имен имеет особенно большое значение при составлении специальных терминологических словарей и при введении специальной терминологии в общие словари.

Словари всех видов почти всегда дают описания смысла терминов в отличие от обычных слов, смысл которых, как правило, не определяется. Наблюдения за описанием смыслов терминов в общих и специальных словарях показывают, что авторы обычно руководствуются требованием традиционной логики указывать ближайший род и отмечать видовую специфику. Например, смысл слова *сталь* в Словаре Ожегова и в Словаре АН СССР объяснен так: «твердый серебристый металл, соединение железа с определенным количеством углерода». Здесь ближайшим родом является «твердый серебристый металл», а видовую особенность представляет «соединение железа с определенным количеством углерода».

Однако способ определения смысла терминов, состоящий в выделении ближайшего рода и видовой характеристики, не обеспечивает дифференциального назначения смысла данного термина. Так, смысл слова *сталь* содержит в качестве ближайшего рода «твердый, серебристый металл», а в качестве видовой характеристики «соединение железа с определенным количеством углерода», но те же элементы содержатся и в смысле слова *чугун*. Для того чтобы обеспечить дифференциальную роль смысла данного тер-

мина, необходим соответствующий набор дифференциальных семантических элементов.

В общих словарях это требование, как правило, не выполняется. Например, смысл слова *волк* определяется как 'хищное животное, родственное собаке'; но хищными и родственными собаке являются волк, песец, шакал, лиса и др. Смысл слова *барс* определяется как 'крупное хищное животное из семейства кошачьих'. Но крупными хищными из семейства кошачьих являются лев, тигр, барс, леопард и многие другие животные.

Не всегда выполняется указанное выше требование различительности смысла имени и в специальных терминологических словарях. Так, в Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо смысл термина *фонема* определяется как звуковая единица, представляющая совокупность релевантных звуковых характеристик, реализующихся одновременно. В этом определении смысла термина *фонема* ближайшим родом является «звуковая единица», а видовой характеристикой — «совокупность релевантных звуковых характеристик, реализующихся одновременно». Однако предложенное здесь определение смысла термина «фонема» не выполняет полностью дифференциального назначения, позволяя отличить лишь нерелевантные звуковые вариации от фонемы. Различие в свойствах звука *а* в *та* и в *т'а* по данному определению не образует отдельных фонем, так как эти различия не имеют релевантного значения. Но в формах *воды* и *вода* вариации звука *о* и *а* связаны с преобразованием релевантных звуковых свойств. Определение смысла термина *фонема*, данное в Словаре Ж. Марузо, не позволяет установить, являются ли разные звуки *о* и *а* в формах *воды* и *вода* разными звуками и разными фонемами или разными звуками, но одной фонемой. Различные лингвистические школы по-разному решают этот вопрос. Задача специального лингвистического словаря заключается в том, чтобы определить смысл термина «фонема» с точки зрения представителей разных лингвистических направлений. Смысл термина «фонема», сформулированный Ж. Марузо, не позволяет выделить ни для одной лингвистической школы объект, именем которого является фонема, из множества других объектов, имеющих звуковую природу. Стремление определять смысл терминов с помощью ближайшего рода и видовой характеристики является основной причиной неудовлетворительной формулировки смыслов терминов. Для того чтобы смысл термина выполнял различительную функцию, необходимо, чтобы он формулировался в виде набора дифференциальных семантических признаков. Вопрос о том, как установить дифференциальные семантические элементы, каким требованиям они должны удовлетворять, требует особого рассмотрения.

Нам представляется, что подготовка словарей русского языка, в которых сообщались бы смыслы слов в форме набора дифференциальных семантических элементов, имеет большое научное и практическое значение.

Раздел III
ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Т. П. ЛОМТЕВА

Глубокий интерес Т. П. Ломтева к вопросам истории русского и — шире — восточнославянских языков общеизвестен. Об этом интересе со всей очевидностью свидетельствуют такие его значительные труды, как «Исследования в области истории белорусского синтаксиса» (1941), «Из истории синтаксиса русского языка» (1954), «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (1956), «Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. Морфология» (1961), а также многочисленные статьи и выступления. В архиве Т. П. Ломтева сохранился и курс исторической фонетики русского языка — учебный лекционный курс для студентов филологических факультетов.

Как видно, следует различать два аспекта в интересах Т. П. Ломтева к проблемам истории языка. Первый аспект связан с разработкой конкретных вопросов исторической грамматики, прежде всего исторической морфологии и исторического синтаксиса русского и других восточнославянских языков. Этот аспект характеризуется огромным вниманием Т. П. Ломтева к изучению обширного круга памятников древнерусской письменности. На основе анализа фактического материала, извлеченного из этих памятников, Т. П. Ломтев делал широкие обобщения, устанавливая пути развития определенных явлений в области русской морфологии и синтаксиса. Названные выше работы Т. П. Ломтева, относящиеся к области историко-лингвистических его разысканий, поражают богатством разнообразных фактов, ясностью их интерпретации, четкостью авторской концепции.

В настоящем сборнике публикуются две работы Т. П. Ломтева из области исторической морфологии русского языка.

Надо иметь в виду, что в исторической морфологии Т. П. Ломтева интересовали прежде всего и больше всего вопросы истории глагольной системы, причем наиболее сложные из них вопросы истории видо-временных отношений. Именно этим вопросам он уделял главное внимание, и, надо признать, многое в истории видо-временных отношений было выяснено Т. П. Ломтевым и его учениками. Такие статьи Т. П. Ломтева, как «Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени» (1947), «К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке» (1948), «Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке» (1948), «Об употреблении глагола относительно категории вида и времени в древнерусском языке» (1952), «О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного

вида в русском языке» (1958), полностью характеризуют его взгляды на эти проблемы.

Публикуемые в настоящем сборнике статьи о видовой дифференциации глаголов в древнерусском языке и об употреблении глаголов в древнерусском языке относительно категории времени, ставшие в наше время библиографической редкостью, не утратили до сих пор своей актуальности и могут сыграть роль в дальнейшей разработке проблем исторической морфологии русского языка.

Второй аспект историко-лингвистических интересов Т. П. Ломтева связан с осмыслением общего процесса изменений, возникающих в языке, и механизма этих изменений. В 60-е годы нашего века в советском языкознании начал широко дебатироваться вопрос о причинности в развитии языка, и Т. П. Ломтев, будучи лингвистом-теоретиком, лингвистом-марксистом, не мог оказаться в стороне от этих дебатов. Он резко выступил против взглядов тех лингвистов, которые отрицали причинно-следственные отношения в развитии языка, и искал правильное решение вопроса о механизме языковых изменений, о том, что вызывает эти изменения. Ответ на этот вопрос он давал еще в 1953 г. в работах «О роли накопленных средств языка для дальнейшего развития языка» и «О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания», а затем в «Очерках по историческому синтаксису русского языка». Опираясь на анализ развития синтаксической системы русского языка, Т. П. Ломтев выдвигал положение о противоречии между потребностями взаимопонимания и грамматическими средствами для выражения этих потребностей как источнике языковых изменений. В середине 60-х годов Т. П. Ломтев вернулся вновь к этой проблеме уже применительно к истории фонетики и морфологии и поставил ее иначе, чем прежде.

В настоящем сборнике печатаются две последние статьи Т. П. Ломтева — 1966 и 1971 гг., посвященные данной проблеме и объединяющиеся друг с другом общим принципиальным подходом к решению вопроса о причинах и механизме языковых изменений.

Вполне возможно, что то решение данного вопроса, которое предлагается Т. П. Ломтевым, положившим в его основу теорию вероятности, не было и не будет принято историками языка: действительно, в предложенной концепции есть определенные уязвимые места, связанные прежде всего с принципиальной возможностью или невозможностью перенесения идей теории вероятности, направленной по своей сути на определение возможных путей и их преобразований, на понимание процессов в прошлой истории языка. Однако сама попытка осмысления исторических процессов с определенной точки зрения, предпринятая Т. П. Ломтевым, не может не вызывать интереса у лингвистов, занимающихся проблемами истории русского и других языков.

Конечно, история русского языка, которой очень много времени и энергии отдал Т. П. Ломтев, все время развивается: накапливаются новые факты, выдвигаются новые гипотезы, пересматриваются прежние точки зрения. Мы не знаем, как эволюционировали бы в наши дни взгляды Т. П. Ломтева на общие и конкретные проблемы истории русского языка, но то, что было им сделано в этой области русского языкознания, является, без сомнения, непреходящим вкладом в нашу науку.

ПРИЧИННОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА (1966 г.)

В лингвистической теории нашего времени продолжает господствовать представление о линейной зависимости между причиной и следствием в развитии фонетической системы языка. Предполагается, что то или иное явление должно иметь однозначную причину. Если в русском языке имело место событие, состоящее в преобразовании смычности фонемы [г] в щелинность, в результате которого образовалась фонема [γ], то объяснение этого явления по предположению должно состоять в указании своей особой конкретной причины.

Если такую причину трудно было указать, то историки языка обходили молчанием вопрос о причине события.

Если в русском языке развились мягкие согласные фонемы, то историк языка ставит перед собой задачу найти определенную причину этого отдельного события. Он видит ее в том, что гласные переднего ряда воздействовали на полумягкие согласные, которые в результате этого воздействия становились мягкими. В этом объяснении есть событие (появление вторичного смягчения) и есть его причина (воздействие гласных переднего ряда).

Однако если определенный характер гласных был причиной смягчения согласных в восточнославянских языках, то почему эта причина не действовала в других славянских языках?

Фонология указывает на то, что мягкость может быть дифференциальным элементом только в том случае, если есть твердость и если твердость и мягкость имеет место в тождественных условиях; нужны новые события, чтобы образовались пары фонем, различных по твердости и мягкости и тождественных условиях, например: [б]—[б'], [д]—[д'], [т]—[т'] и т. д. Полагают, что падение редуцированных гласных было тем событием, которое привело к позиционной независимости соотношения твердости и мягкости, ср.: да[м] и да[м'] из *дамъ* и *дамь*.

При этом вновь возникает вопрос об отдельной причине этого отдельного события.

В настоящее время общепринятым является положение о том, что социологические законы имеют вероятностный характер. Это дает нам основание предположить, что система языка в каждый момент содержит множество возможных преобразований. Отдельные события в истории языка представляют собою реализацию одной из возможностей.

! Так, подбрасывание монеты порождает 2 возможности: монета может упасть «гербом» или «решкой»; но реализуется из этих двух возможностей в одном подбрасывании монеты только одна: либо «герб», либо «решка». Лингвист, привыкший мыслить понятиями о линейной зависимости события от его отдельной причины, чувствует потребность найти особую причину того, почему именно выпала «решка», а не «герб».

Не целесообразно ли предположить, что причина в истории языка определяет множество событий, каждое из которых имеет свою меру вероятности? Тогда явление в истории языка есть реализация того или иного события из множества возможностей. При такой постановке вопроса перед лингвистикой возникает задача установить множество возможных событий и меры вероятности осуществления каждого из них.

Вопрос о том, почему монета может падать либо «гербом», либо «решкой», имеет ответ, так как существует причина данного множества возможных событий. Она заключается в факте подбрасывания монеты в условиях весомости тел.

Вопрос о том, почему в данном подбрасывании монета упала именно «решкой», не имеет ответа, так как действие причины распространяется не на это отдельное событие, а на множество возможных событий. Можно ответить только на вопрос о том, какова мера вероятности данного события. Вероятность того, что монета упадет «решкой», равна $1/2$, так как все множество возможных событий содержит только две возможности.

Вопрос о причине закономерен только по отношению к данному множеству возможных событий к фонетической эволюции, но не закономерен по отношению к одному событию из данного множества.

По отношению к отдельным событиям из данного множества закономерен лишь вопрос о мере вероятности осуществления каждого из них в данных условиях, т. е. при наличии данной причины.

Применительно к событию изменения $[г]$ в $[γ]$ задача науки заключается в том, чтобы установить множество возможных событий, членом которого является событие перехода $[г] \rightarrow [γ]$, а затем установить меру вероятности этого события. Для выявления множества возможных событий (множества логических возможностей) и меры вероятности каждого из них в данном множестве не существует формальных критериев. «Приписывание мер и анализ логических возможностей зависит от имеющейся у нас фактической информации, и, следовательно, наилучшим образом эти операции могут быть произведены специалистом, занимающимся этим вопросом»¹.

Множество логических возможностей, членом которого является событие $[г] \rightarrow [γ]$, определяется составом дифференциальных фонологических признаков, которые имели место в этот период развития языка и характеризовали фонему.

Фонема $[г]$ в общеславянском языке имела следующие дифференциальные элементы: звонкость, смычность, заднеязычность. Звонкость существовала в системе языка наряду с глухостью и сонорностью, смычность — наряду с щелинностью и

¹ Д. Ж. Кемени, Дж. Снелл, Дж. Томпсон. Введение в конечную математику. М., 1963, стр. 163.

неоднородностью, заднеязычность — наряду с лабиальностью и дентальностью (вопрос о переднеязычности мы опускаем).

Множество возможных событий, носителем которых является фонема [г], заключается в следующем:

- I 1) звонкость фонемы [г] могла сохраниться;
- 2) на месте звонкости фонемы [г] могла появиться глухость;
- 3) на месте звонкости фонемы [г] могла появиться сонорность;
- II 4) смычность фонемы [г] могла сохраниться;
- 5) на месте смычности фонемы [г] могла появиться щелинность;
- 6) на месте смычности фонемы [г] могла появиться неоднородность.
- III 7) заднеязычность фонемы [г] могла сохраниться,
- 8) на месте заднеязычности фонемы [г] могла появиться дентальность;
- 9) на месте заднеязычности фонемы [г] могла появиться лабиальность.

Здесь мы говорим о множестве логических возможностей состояния фонемы [г] в системе согласных фонем в древнерусском языке старшей поры.

Множество возможных событий (логических возможностей) может включать в себя появление новых и исчезновение старых дифференциальных элементов фонем, но такие события здесь не рассматриваются, так как явление [г] → [γ] не входит в указанное множество. В истории русского языка имело место возникновение новых дифференциальных элементов твердости и мягкости согласных фонем и слияние нескольких дифференциальных элементов гласных фонем в один. В результате этих процессов увеличилось число согласных фонем и уменьшилось число гласных фонем. Если бы мы рассматривали эти явления, мы должны были бы включить их в некоторое множество вероятных событий, образующих множество логических возможностей, членом которых являются указанные явления. Разработка принципов выявления множества логических возможностей, в которое входит данное событие, представляет собою важную задачу теории исторического развития языка.

Возвратимся к событиям, связанным с фонемой [г].

Если бы названные девять событий образовали одно множество возможных событий и если бы они были равновероятными, мы могли бы установить меру вероятности каждого события, равную 1/9. Но события эти не образуют одного множества, и, кроме того они неравновероятны. Возможные события, относящиеся к звонкости, не связаны с возможными событиями, относящимися к смычности или заднеязычности. Множество возможных событий, носителем которых является фонема [г], распадается на три подмножества: I — 1, 2, 3, II — 4, 5, 6, III — 7, 8, 9. Каждое подмножество содержит по 3 возможных события, которые не обладают равной вероятностью своего осуществления.

После выявления множеств логических возможностей возникает задача установить меру вероятности каждого возможного события в отдельных множествах. Для решения этой задачи не существует формальных критериев. Установление такой меры осуществляется на основе принятия некоторых исходных предпосылок. В качестве предпосылки мы выдвигаем следующее положение. Различительная мощность языка зависит от числа фонем и свободы их сочетаемости. Увеличение общего числа фонем и свободы их сочетаемости приводит к увеличению различительной мощности языка и тем самым к его совершенствованию. Уровень возрастания различительной мощи языка есть количественная мера его совершенствования².

Уменьшение общего числа фонем и свободы их сочетаемости привело бы к деградации языка, так как его различительная мощность резко упала бы. В одних языках может происходить уменьшение числа гласных и увеличение числа согласных фонем, в других — увеличение числа гласных и уменьшение числа согласных фонем. Но общее число фонем и свобода их сочетаемости должна возрастать, если предполагается, что языки развиваются и совершенствуются.

С точки зрения сформулированных предпосылок и рассмотрим меру вероятности каждого возможного события в отдельных множествах.

В первой группе предполагается три следующих возможных события: 1) звонкость сохранится, 2) на месте звонкости появится глухость, 3) на месте звонкости появится сонорность.

Если бы эти события были равновероятными, мы приписали бы каждому из них меру вероятности, равную $1/3$. Но эти события не равновероятны.

Появление глухости на месте звонкости привело бы к утрате фонемы [г] и тем самым к уменьшению числа фонем. Такое развитие мало вероятно, так как оно привело бы к уменьшению дифференциальных возможностей языка и тем самым к деградации его.

Сохранение дифференциального элемента звонкости в фонеме [г] более вероятно, чем преобразование его в дифференциальный элемент глухости, так как при таком положении дела язык сохраняет свои дифференциальные возможности. Вероятность изменения дифференциального элемента звонкости в глухость в фонеме [г] ничтожно мала по сравнению с вероятностью сохранения дифференциального элемента звонкости в этой фонеме.

Появление на месте дифференциального элемента звонкости дифференциального элемента сонорности в фонеме [г] привело бы к образованию сонорной заднеязычной фонемы и к утрате звонкой заднеязычной фонемы. Однако мера вероятности этого развития

² Подробнее об этом см.: Т. П. Л о м т о в. Об одной возможности истолкования фонологического развития. — ВЯ, 1965, № 3.

менее значительна, чем сохранения звонкости в фонеме [г], так как в славянских языках отсутствует сочетаемость дифференциального элемента заднеязычности с дифференциальным элементом сонорности (назальности).

Но тем не менее некоторая мера вероятности образования назальных (сонорных) заднеязычных фонем существовала и существует.

Как видим, наибольшую вероятность имеет событие сохранения фонемой [г] дифференциального элемента звонкости.

Во второй группе предполагаются три следующих возможных события: 1) смычность сохраняется, 2) на месте смычности образуется щелинность, 3) на месте смычности образуется неоднородность.

Так как эти события не равновероятны, то мы не можем приписать им равные меры вероятности.

Мера вероятности преобразования смычности в неоднородность ничтожно мала, так как в славянских языках дифференциальный элемент заднеязычности не сочетается с дифференциальным элементом неоднородности. Условно мы примем меру этой вероятности, равной 0.

Два других события равновероятны: сохранение дифференциального элемента смычности не изменяет количества фонем и не уменьшает различительных возможностей системы языка. Преобразование дифференциального элемента смычности в дифференциальный элемент щелинности приводит к образованию фонемы [γ] и к утрате фонемы [г]. Но это также не изменяет количества фонем и не уменьшает различительных возможностей системы.

Фонема [г] с равной вероятностью может сохранить свою смычность или преобразовать ее в щелинность. Сохранение смычности или появление на ее месте щелинности в данном случае не представляет собою ни развития, ни деградации структуры языка, так как и в первом, и во втором случае остаются неизменными количество фонем и достигнутая различительная мощность языка.

Результат, полученный с помощью расчетов, подтверждается фактами славянской диалектологии. В одних говорах русского языка фонема [г] сохранила смычный характер, в других — изменила смычность в щелинность.

В третьем множестве вероятностей предполагаются три следующих возможных события: 1) заднеязычность фонемы [г] может сохраниться, 2) заднеязычность фонемы [г] может преобразоваться в дентальность, 3) заднеязычность фонемы [г] может преобразоваться в лабиальность.

Эти события не равновероятны. Преобразование дифференциального элемента заднеязычности в фонеме [г] в дентальность или лабиальность привело бы к совпадению ее либо с фонемой [д], либо с фонемой [б]. Такое изменение уменьшило бы число фонем

и различные возможности системы. Ввиду этого мы должны признать меру вероятности этих двух событий меньшей той меры вероятности, которую имеет событие сохранения заднеязычности в фонеме [г]. Вероятность изменения [г] в [д] или в [б] не исключается, но мера ее признается малой.

Таковы расчетные данные относительно событий третьей группы. Они подтверждаются диалектными материалами. В подавляющем большинстве говоров сохраняется заднеязычный характер фонемы [г]. Но в некоторых уральских говорах [г] после мягких согласных перешло в [д'], ср.: *де[н'д']ями* вместо *деньгами*; ср. также: *Ва[н'т']я* вместо *Ва[н'к']я* из *Ванька*.

Возвращаемся к вопросу о причине. Лингвист, который руководствуется понятиями о динамических законах, ставит и обсуждает вопрос о причинах того, почему [г] в части говоров русского языка изменилось в [γ] и [д']. Лингвист, который руководствуется понятиями о вероятностных законах развития языка, будет ставить и обсуждать вопрос о мере вероятности события $г \rightarrow \gamma$ или события $г \rightarrow д'$.

Что касается причины, то он будет устанавливать ее не для отдельного события $г \rightarrow \gamma$ или $г \rightarrow д'$, а для множества возможных событий, членами которого являются эти события.

Основной причиной данного множества возможных событий является функционирование языка. Язык ежеминутно на всех точках территории его распространения воспроизводится в целях общения людей. Миллионы и миллиарды раз³ предоставляется возможность сохранения или изменения языка. В этих процессах реализуются меры вероятностей возможных событий языка. С точки зрения взаимно-однозначной зависимости между причиной и следствием такое понимание причинности в изменении фонологической системы языка кажется простой декларацией³. И действительно, если разные события $г \rightarrow д'$ и $г \rightarrow \gamma$ имеют разные причины, то ссылка на функционирование языка представляет простую отписку, которая в этой концепции ничего не объясняет. Но с точки зрения вероятностной природы законов предложенное здесь толкование принципа причинности имеет глубокий смысл: нельзя устанавливать причины отношений там, где имеют место вероятностные отношения.

Выше было установлено, что причиной событий $г \rightarrow \gamma$ или $г \rightarrow д'$ является факт функционирования системы языка, подобно тому как причиной появления «решки» или «герба» является факт подбрасывания монеты в условиях весомости тел. Но для некоторых классов событий в фонологической эволюции языка причины или условия могут быть сформулированы в более ограниченных рамках.

³ Апелляция к пущам общения и взаимопонимания, как и к требованиям «системы», остается лишь декларацией, если нам не удастся установить зависимость между конкретными условиями общения и соответствующими им состояниями языка.

Построим сначала чисто абстрактную семиотическую схему. Допустим, что наш язык имеет три фонемы — [a], [γ], [c] и что нет никаких ограничений в их сочетаемости: любая фонема может входить в сочетание с любой другой фонемой. Тогда язык может иметь три однофонемных слова — a, γ, c, $3^2 (= 9)$ двухфонемных слов — aa, γγ, cc, аб, а, ас, са, с, с, $3^3 (= 27)$ трехфонемных слов, $3^4 (= 81)$ четырехфонемных слов, $3^5 (= 243)$ пятифонемных слов, $3^6 (= 729)$ шестифонемных слов, $3^7 (= 2187)$ семифонемных слов, $3^8 (= 6561)$ восьмифонемных слов, $3^9 (= 19\,683)$ девятифонемных слов, $3^{10} (= 59\,049)$ десятифонемных слов; число возможных слов в таком языке равняется сумме степеней (от 1 до 10) числа 3; $3^1 + 3^2 + 3^3 + 3^4 + 3^5 + 3^6 + 3^7 + 3^8 + 3^9 + 3^{10} = 88\,613$.

В этом языке основная масса слов из общего количества порядка 90 000 (точно — 88 613) должна иметь длину в 9 и 10 фонем.

Допустим теперь, что наш язык содержит 10 фонем и что не имеется никаких ограничений в их сочетаемости. Тогда язык может иметь 10 ($= 10^1$) однофонемных слов, 100 ($= 10^2$) двухфонемных, 1000 ($= 10^3$) трехфонемных, 10 000 ($= 10^4$) четырехфонемных, 100 000 ($= 10^5$) пятифонемных слов.

Если перед таким языком будет поставлена задача обслуживать общество, нужды которого требуют числа слов порядка 90 000, то язык может ограничиться словами длиной не более 5 фонем.

Число возможных слов в таком языке равняется сумме степеней (от 1 до 5) числа 10: $10^1 + 10^2 + 10^3 + 10^4 + 10^5 = 111\,110$.

Допустим теперь, что наш язык имеет 10 фонем, но существуют значительные ограничения в сочетаемости. Тогда конструктивная способность языка резко падает, и язык должен использовать в большом масштабе многофонемные слова.

Анализируя построенную схему теоретически предполагаемого языка, мы можем установить следующие соотношения:

1) чем больше фонем в языке при отсутствии ограничений в их сочетаемости, тем меньше может быть длина слов при заданном их количестве;

2) чем меньше фонем в языке при отсутствии ограничений в их сочетаемости, тем больше должна быть длина слов при заданном их общем количестве.

Данные количественные соотношения могут быть выражены с помощью уравнений.

Эти соотношения, полученные на основе анализа абстрактной модели гипотетического языка, дают основание сформулировать некоторые предположения относительно общих условий развития естественных языков.

1) Будем исходить из предпосылки, что малофонемные (короткие) слова как сигналы некоторых значений более удобны, чем многофонемные (длинные) слова с тем же значением.

Существование большого числа малофонемных слов возможно только в том случае, если язык располагает большим числом фонем

и полной свободой их сочетаемости. Исходя из этого, мы можем сказать, что в развитии языков должна действовать тенденция к увеличению общего числа фонем и снятию ограничений в их сочетаемости, так как такой ход развития обеспечивает существование большого количества слов с малой длиной.

2) Возрастание числа фонем и свободы их сочетаемости делает возможным образование множества слов с малой позиционностью (с малым количеством фонем). Это дает основание предположить, что в естественных языках должна действовать тенденция к сокращению длины наиболее частотных слов, пределом которого является сохранение различимости множества слов. Эту тенденцию можно уточнить следующим образом: в языках, в которых не сохраняется принцип синтетичности, сокращение длины слова может происходить в маргинальных частях его (с конца и с начала); в языках, в которых сохраняется принцип синтетичности, сокращение длины слова в маргинальных его частях может происходить только при условии удержания различия между формами одного слова (в этих языках сокращение длины слова осуществляется также и в его немаргинальных частях).

С точки зрения принципа взаимно-однозначного соответствия между причиной и следствием, который требует, чтобы отдельное событие имело отдельную причину, формулированные таким образом тенденции также представляют собою простую декларацию, так как история языка состоит из множества событий, каждое из которых по предположению должно иметь свою причину.

Однако эти тенденции представляют закономерность, если их реализацию рассматривать как вероятностно-статистический процесс.

С этой точки зрения мы рассмотрим явления предударного вокализма в южно- и северновеликорусских говорах. Развитие разных типов аканья и яканья в южновеликорусских говорах состоит в утрате дифференциальными элементами их различительной роли, в дефонологизации гласных фонем, по крайней мере не в первом предударном слоге.

«По своей фонологической сущности, — пишет Г. А. Хабургаев, — русское акание стремится к ликвидации фонемных различий между гласными безударных слогов»⁴.

Наблюдения над опознавательной ролью звуков [y], [ы], [о] в формах *пулевой*, *пылевой* и *полевой* показывает, что звук, произносимый во втором предударном слоге, не является средством опознания различия этих слов, т. е. не имеет информационной нагрузки в смысле идентификации указанных слов. Это значит, что указанный звук не является фонемой⁵.

⁴ Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья. — ВЯ, 1965, № 6, стр. 63.

⁵ В данном случае имеется беглое произношение указанных слов. При более тщательном произношении различие между звуками [ъ] и [y] обнаруживается: п[ъ]левой (полевой) и п[y]левой.

Возникает вопрос, как интерпретировать этот факт. Мы полагаем, что его можно интерпретировать как сокращение фонемного состава слова (длины слова) в немаргинальных частях его. Звуку [ъ] во втором предупредном слоге можно было бы приписать функцию слогообразования; ср.: «Сильная редукция привела почти к полной фонетической унификации фонетически уже нейтрализованных гласных, единственным ощутимым свойством которых остается функция слогообразования»⁶.

Но можно и иначе определить функцию указанных звуков: они обеспечивают сочетаемость таких согласных фонем, которые без этого еще не могут сочетаться, т. е. расширяют свободу сочетаемости согласных фонем. В слове с[ъ] *дoвoд* звук [ъ], теперь уже не являющийся фонемой в этой позиции, обеспечивает сочетаемость глухого согласного с звонким согласным как различными сегментами слова. Та же тенденция обнаруживается и в северновеликорусских говорах; она выражается в утрате противопоставления ѣ и е ђ и о в неударных положениях; в так называемых екающих говорах в безударных слогах после мягких согласных имеет место только один звук [e] в соответствии с фонемами [a], [o], [ъ], ср.: *пр[e]ду* — *пр[e]ди* (т. е. пряду — пряди), *в[e]ду* — *в[e]ди*, *р[e]ка* — *р[e]ки*. Для этих говоров нет оснований утверждать, что разные гласные в неударяемом положении уже дефонологизировались и перестали быть фонемами, но есть основание утверждать, что число их уменьшается. В этом и заключается одно из проявлений унификации, или иначе — дефонологизации — гласных в неударяемом положении в северновеликорусских говорах⁷.

Как ни различны сами по себе события в области безударного вокализма в южновеликорусских и северновеликорусских говорах, они могут и должны быть осмыслены с какой-то общей точки зрения. Нет оснований утверждать, что события в области безударного вокализма в северновеликорусских говорах завершились сокращением числа фонем в составе слова, но если ясно обнаруживается тенденция к сокращению числа гласных фонем в безударном положении, то возникает необходимость найти то множество возможных событий, членом которого является рассматриваемое состояние безударного вокализма, определить необходимые и достаточные условия указанного множества событий и меру вероятности каждого из них.

Если согласиться с тем, что события безударного вокализма в южновеликорусских и северновеликорусских говорах представляют собою одно множество событий, то необходимо сформулировать условия или причины этого множества событий и меры вероятности каждого из них.

⁶ Г. А. Хабургаев. Указ. соч., стр. 60.

⁷ Ср.: «Тенденция к унификации ДП безударных гласных является общей для всех говоров русского языка, в том числе и екающих» (Г. А. Хабургаев. Указ. соч., стр. 63).

Ясно, что условием или причиной этого множества событий не может быть простое функционирование языка как средства обобщения. Это условие было достаточным для объяснения явлений $z \rightarrow \gamma$ или $z \rightarrow z$ (т. е. сохранения смычности), но оно совершенно недостаточно для множества событий безударного вокализма в южновеликорусских и северновеликорусских говорах.

Для того чтобы имела место равная вероятность событий $z \rightarrow \gamma$ и $z \rightarrow z$, необходимо и достаточно, чтобы язык функционировал как средство общения.

Для равной вероятности событий северновеликорусского и южновеликорусского безударного вокализма необходимо и достаточно, чтобы в функционировании языка действовала тенденция к увеличению общего числа фонем, сокращению ограничений в их сочетаемости и уменьшению длины (числа фонем) слова.

Может быть, существуют не эти, а другие необходимые и достаточные условия множества событий безударного вокализма.

Сущность вопроса заключается в том, что в развитии языка действуют вероятностно-статистические закономерности; необходимые и достаточные условия (причины) следует устанавливать для всех событий, образующих одно множество вероятностей, в котором отдельные события имеют только меру своей вероятности, а не особую отдельную причину.

Выше было установлено, что для объяснения таких изменений в фонемах, которые не сопровождаются изменением различительной мощности языка, достаточно предположения о простом функционировании языка. Но и это возможно только в том случае, если язык является живым, если есть общество, которое пользуется этим языком.

Но значительная часть фонетических изменений имеет такое направление, в результате которого увеличивается различительная мощность языка, наиболее частотные сигналы делаются более короткими и удобными.

Такое направление в развитии фонологической системы возможно только в том случае, если общество, пользующееся данным языком, развивается и предъявляет к языку все более высокие требования, удовлетворение которых осуществляется путем роста различительной общности языка.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РАЗВИТИИ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА (1971 г.)

Одним из основных вопросов теории развития структуры языка является вопрос о причинно-следственных отношениях. Между причиной и ее следствием можно установить два вида отношений.

В одном случае причина (одна или несколько) определяет одно данное событие. Так, нагревание металла приводит к расширению его объема: нагревание металла есть причина, а расширение его объема — следствие указанной причины. В данном случае следствие находится в однозначном соответствии с некоторой причиной.

В другом случае причина (одна или несколько) определяет не одно событие, а множество событий, из которых реализуется в действительности только одно. Так, подбрасывание кости (куба с шестью гранями) приводит к тому, что он падает одной из 6 сторон. Множество возможных событий, определяемых подбрасыванием кости, равняется 6. Но осуществляется в одном подбрасывании только одно событие.

Подбрасывание кости в условиях весомости есть причина, а следствием является не одно событие, а множество возможных событий, из которых осуществляется только одно. В данном случае ставится вопрос не о том, почему выпала именно данная сторона, а о том, какова мера вероятности выпадения данной стороны. Если куб имеет правильную форму и масса в нем распределена равномерно, то падение куба любой стороной равновероятно. Вероятность есть число, принимающее значение от 1 до 0. В данном примере вероятность того, что выпадет именно данная сторона, равняется $1/6$.

В первом случае причина определяет одно событие. Причинно-следственные отношения этого типа обычно называют динамическими.

Во втором случае причина определяет множество возможных событий, из которых реализуется только одно. Причинно-следственные отношения этого рода обычно называют вероятностно-статистическими.

Оба вида причинно-следственных отношений мы наблюдаем и в развитии языка. Так, в русском языке не было слова *танк*, затем оно появилось. Причиной этого события были определенные исторические события. В данном случае причинно-следственные отношения имеют динамический или линейный характер.

Но, как правило, отношение между причиной и следствием в развитии структуры языка имеет вероятностный характер. Именно эти отношения рассмотрим в дальнейшем изложении.

Причиной развития языка являются противоречия — разные в различных звеньях структуры языка, а следствием является вероятностный процесс, в котором из множества возможностей

преобразования структуры языка, определяемых данной причиной, реализуется только одна.

Рассмотрим с этой точки зрения процесс развития именного склонения в истории русского языка.

Будем рассматривать падежные морфемы как дифференциальные признаки падежа. Отметим прежде всего тот факт, что для выделения одного падежа как единицы внутрипадежного противопоставления древнерусский язык располагал множеством дифференциальных признаков. Так, мест. п. мн. ч. в древнерусском языке имел следующие показатели:

у основ на *о* — *ѣхъ*, у основ на *ю* — *ихъ*,

у основ на *а* — *ахъ*, у основ на *ѣ* — *ѣхъ*,

у основ на согласные и *ь* — *ѣхъ*.

В древнерусском языке каждый отдельный падеж характеризовался множественностью падежных морфем или множественностью вариантов одной падежной морфемы одного падежа. Это значит, что в основе общеславянского склонения имен существительных лежало противоречие между тождеством назначения единицы внутрипадежного противопоставления в системе склонения и множественностью ее дифференциальных признаков.

В этом противоречии противоположностями являются тождество назначения падежной единицы и множественность ее дифференциальных признаков. Отношение между этими противоположностями не может быть константным, оно содержит в себе источник необходимости своего преобразования. Внутрипадежные противопоставления для данной системы языка имеют константный характер. Устранению подлежит не сама единица, т. е. не падеж как таковой, поскольку он имеет константный характер, а множественность его дифференциальных признаков, т. е. полиморфность окончания падежа или поливариантность падежной морфемы; существование единицы внутрипадежного противопоставления обладает свойством необходимости, тогда как множественность ее дифференциальных признаков не обладает этим свойством. Необходимость существования одного члена вызывает необходимость устранения его противоположности. Тем самым возникла историческая задача преодоления рассматриваемого противоречия, которое может быть устранено только путем устранения множественности дифференциальных признаков одной единицы.

Полиморфность падежного окончания, т. е. множественность дифференциальных признаков одной единицы внутрипадежного противопоставления, принадлежала не одному слову, а множеству слов: разные слова имели разные падежные морфемы в окончании одного падежа, ср. в дат. п. *стол-у*, но *стѣнѣ* или *сын-ови* и т. д.

Имена существительные, имевшие разные индоевропейские основы, заключали в себе одни и те же падежи и разный набор их дифференциальных признаков. Это приводило к выделению

склонений, т. е. к разделению слов на классы, каждый из которых имел в окончании соответствующего падежа свои особые падежные морфемы.

Основное противоречие между тождеством назначения единицы внутрипадежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков в единственном числе приняло форму противоречия между склонениями, т. е. между набором дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления у разных основ.

Рассмотрим те отношения между склонениями, которые стали источником необходимости преобразования самой системы склонения имен существительных в единственном числе.

Как указано было выше, отношения между единицами внутрипадежных противопоставлений имеют константный характер: существование одного падежа предполагает необходимость существования других падежей. Ввиду этого каждый падеж требует наличия дифференциальных признаков его противопоставления каждому другому падежу в отдельности.

В общеславянском языке не было таких склонений, которые содержали бы особые дифференциальные признаки для каждого падежа в отдельности. Все склонения имели шестичленное противопоставление форм по категории падежа, но ни одно из них не имело шести дифференциальных признаков по числу членов противопоставления. Однако склонения не были тождественными по числу дифференциальных признаков на шесть членов.

У имен муж. р. с основами на *о-* в ед. ч. четыре падежа имеют свои особые дифференциальные признаки: род. — *а*, дат. — *у*, тв. — *ѣмъ*, мест. — *ѣ*. Два падежа — им. и вин. — имеют один дифференциальный признак — *ѣ*. Четыре названные падежа противопоставляются друг другу и им. и вин., вместе взятым. Им. и вин. не противопоставляются друг другу, но взятые вместе противопоставляются каждому падежу из указанных четырех.

Это значит, что в склонении имен муж. р. с основами на *о-* в ед. ч. на шесть падежей имеется пять дифференциальных признаков противопоставления.

Сопоставим падежные морфемы имен муж. р. с основами на *о-* с падежными морфемами имен муж. р. с основами на *-ѣ*. В ед. ч. этого склонения имеется только три дифференциальных признака на все шесть падежей: *ѣ* для им. и вин., *и* для род., дат., мест. и *ѣмъ* для тв. п. Им. и вин. пп. не противопоставляются род., дат. и мест. пп., вместе взятым, и тв. п. Это значит, что в склонении имен муж. р. с основами на *-ѣ* в ед. ч. на шесть падежей имеется только три дифференциальных признака противопоставления.

Падежные противопоставления у основ на *-о* имеют максимум дифференциальных признаков; в этом склонении только один падеж не имеет своего особого дифференциального признака. Па-

дежные противопоставления у основ на -ь имеют минимум дифференциальных признаков; в этом склонении только один тв. п. имеет свой дифференциальный признак, на остальные пять падежей приходится два дифференциальных признака. Количество дифференциальных признаков внутри падежного противопоставления у разных склонений было разное: у одних больше, у других меньше.

Склонения, которые имели максимум дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления, были сильными. Склонения, которые имели минимум дифференциальных признаков внутрипадежного противопоставления, были слабыми.

Сильными были склонения основ на -о и основ на -а. Все другие склонения были слабыми. И так как отношения между склонениями имели неконстантный, внутренне противоречивый характер, то сильные склонения стали распространяться на месте слабых склонений. Судьба слабых склонений была предрешена. Они не обладали необходимыми дифференциальными свойствами и уступали место склонениям, которые отличались большей различительной способностью.

Таким образом, противоречие между тождеством падежа как единицы внутрипадежного противопоставления и множественностью его дифференциальных признаков принимало форму противоречия между сильными склонениями, имевшими максимум дифференциальных признаков на число падежей, и слабыми склонениями, имевшими минимум дифференциальных признаков на то же число падежей. Отмирание слабых склонений и распространение на их месте соответствующих сильных склонений было исторической необходимостью в истории русского языка.

Причиной или источником необходимости преобразования всей системы склонения в древнерусском языке было противоречие между тождеством назначения морфологической единицы и множественностью способов ее выражения.

Но процесс реализации следствий этой причины имел вероятностный характер.

Так, в род. п. ед. ч. у основ на -а была морфема -и, а у основ на -а — -ѣ. Согласно нашей концепции, причина определяет необходимость устранения множественности морфем в одном падеже. В данном случае каждая из указанных морфем обладала равною вероятностью сохраниться или устраниться. И действительно, в одних говорах русского языка в род. п. ед. ч. у основ на -а морфема *е* из *ѣ* вытеснена морфемой *и*, ср. *земли* в соответствии с унаследованной формой *землѣ*. В других говорах, наоборот, морфема *и* (орфогр. *ы*) вытеснена морфемой *е*, ср. *стене* в соответствии с унаследованной формой *стенѣ*.

Факты такого рода многочисленны. В белорусском языке одни говоры закрепили в мест. п. мн. ч. морфему *оx*, ср. *у стагах*, *ува млох*, *у вязах* и т. п., другие говоры закрепили морфему *аx*, ср.: *у стагах*, *ува млах*, *у вязах* и т. п.

Если две морфемы одного падежа получили разное назначение в системе языка, то вопрос о противоречии между единицей падежного противопоставления и множественностью ее дифференциальных признаков, разумеется, снимается; таковы падежные морфемы род. п. ед. ч. *-а* и *-у*: эти морфемы, как известно, получили в языке особые назначения...

Противоречие как источник развития структуры не определяет, почему именно в данном говоре распространилась в дат. п. ед. ч. морфема *e*, а не *a*, в мест. п. мн. ч. морфема *ox*, а не *ax*, и т. п.

Предлагаемая нами концепция причинно-следственных отношений признает незаконномерной постановку такого рода вопросов. Причина — в данном случае противоречие между тождеством назначения падежной единицы и множественностью ее дифференциальных признаков — определяет множество возможных событий, из которых в одном данном говоре реализуется только одно из возможных равновероятных событий, а не одно данное отдельное событие.

Если причина определяет множество возможных событий, из которых реализуется только одно, то по отношению к этому событию стоит вопрос только о мере его вероятности, а не о причине того, почему именно одно это событие осуществилось. Незакономерен, или во всяком случае неразумен, вопрос, почему в одном данном подбрасывании монета упала решкой, а не гербом. Столь же неразумным является вопрос о причинах закрепления в данном говоре в мест. п. мн. ч. морфемы *ox*, а не *ax*, если не имеются в виду динамические закономерности, заключающиеся во влиянии одного говора на другой. В этой области фактов действуют закономерности другого типа — динамические, а не вероятностные.

Там, где причиной развития является противоречие, процесс развития имеет вероятностный характер. В этих случаях закономерен вопрос о причинах множества возможных событий, из которых реализуется только одно, а не о причинах реализации именно данного одного события.

Там, где причиной являются внешние факторы, там процесс развития имеет динамический характер. В этих случаях закономерен вопрос об отдельных причинах отдельных событий.

В языке противоречия, являющиеся источником его развития, не имеют всеобщего характера; они никогда не охватывают всей структуры языка. Противоречия в языке имеют частичный характер, они действуют в отдельных узлах или звеньях структуры языка; в каждом узле структуры языка имеются свои особые противоречия, которые определяют преобразования только в данном звене.

Противоречия, унаследованные восточными славянами в области именного склонения, привели к различным преобразованиям склонения, но они не распространяются на области местоименного склонения или спряжения, в каждой из которых дейст-

вуют свои особые противоречия. Если в именном склонении основным противоречием было несоответствие между тождеством назначения падежа как единицы внутрипадежных противопоставлений и множественностью его дифференциальных признаков, то в склонении имен прилагательных унаследованные формы рода, числа и падежа были избыточными и возникало противоречие между наличием этих форм в именах прилагательных и отсутствием необходимости в них; вся история склонения имен прилагательных в восточнославянских языках есть история постепенной утраты противопоставленности форм прилагательных по категории рода и падежа; во всех восточнославянских языках утрачена противопоставленность форм имен прилагательных по категории рода в им. и вып. п. мн. числа, унаследованная из общеславянского языка.

В белорусском языке утрачена противопоставленность форм имен прилагательных в тв. и мест. падежах ед. числа; на месте исконной формы местного падежа употребляется форма творительного падежа, ср. *цікавіўся добрым канем* и *ехаў на добрым кані*.

В украинском языке утрачена или по крайней мере утрачивается противопоставленность форм имен прилагательных в дат. и мест. пп. ед. ч.; на месте исконной формы местного падежа закрепляется форма дательного падежа, ср. *доброму коню* и *їхати на доброму коні*.

Вместе с тем результаты преобразования в одном звене языка могут создавать условия для тех или других изменений в другом звене. Как известно, в болгарском языке утрачено склонение имен существительных. Это имело большие последствия в области синтаксиса.

В русском языке произошли известные преобразования в видо-временной системе глагола. Это имело свои последствия в области построения предложения; возникли новые соответствия между формами вида глагола двух предложений, объединенных в одном сложном предложении; возникли новые формы придаточных предложений и т. д.

Таким образом, в развитии структуры языка необходимо различать преобразования, вызванные преодолением противоречий в данном узле структуры, и изменения, которые становятся необходимыми в последующих звеньях структуры языка в результате указанных преобразований...

...Противоречия, являющиеся источником развития языка, разделяются на два класса. Одни из них имеют внутренний характер, другие — внешний.

Противоречие между назначением данных грамматических средств в структуре языка и возможностями, которыми они обладают в ней для удовлетворения указанного назначения, имеет внутренний характер. Его разрешение приводит к преобразованию структуры языка. Противоречие между множеством диффе-

ренциальных признаков одного падежа и тождеством его назначения было основным источником преобразования всей системы именного склонения в древнерусском языке.

Противоречие между множественностью диалектов родного языка и возникающей в эпоху капитализма общностью экономической жизни народа имеет внешний характер по отношению к структуре языка. Его разрешение приводит к образованию литературного языка на национальной основе, обладающего общностью своих норм для всего народа. Обычно это достигается путем закрепления одного из диалектов языка в качестве диалектной основы литературного языка народа. Примеры подобного рода широко известны из истории разных народов.

Взаимосвязь внутренних и внешних противоречий заключается в том, что внешние противоречия являются внешними условиями функционирования, в процессе которого осуществляется действие внутренних противоречий.

Внешние противоречия имеют общесоциологический характер и изменяются независимо от действия внутренних противоречий. Изменение внешних противоречий не ликвидирует унаследованных внутренних противоречий, не создает новых, но в условиях этого противоречия может своеобразно протекать действие унаследованных внутренних противоречий. Поясним это на примерах. Восточные славяне унаследовали один общий язык с определенным характером внутренних противоречий. Однако тождеству одного общевосточнославянского языка не соответствовало тождество развивавшихся экономических и политических условий жизни народа на обширной территории. Возникли три восточнославянских языка: русский, белорусский и украинский. При этом унаследованные внутривидовые противоречия сохранили свое действие и в отдельных восточнославянских языках, но поскольку процесс преодоления указанных противоречий имел вероятностный характер, постольку он принимал своеобразные формы в каждом отдельном районе. Как было указано выше, восточные славяне унаследовали противоречие между тождеством назначения падежной единицы и множественностью ее дифференциальных признаков. Разрешение этого противоречия было необходимостью в развитии этих восточнославянских языков. Однако в русском и украинском языках падежные морфемы в основах на твердые и мягкие согласные уравнивались, ср. русск. *на воде* и *на земле*, укр. *на воді* и *на землі*, в белорусском языке сохранилось различие указанных морфем в дат. и мест. падежах ед. ч. и утрачено в род. п. ед. ч., ср. в мест. п. *на вадзе* и *на зямлі*, но в род. п. *вады* и *зямлі*.

Течение внутривидовых процессов, осуществляющихся на основе действия внутренних противоречий, может принимать разнообразные формы в разных внешних условиях, но в основе всего этого многообразия лежит одна закономерность, если указанное многообразие является в результате преодоления одного

противоречия. В его разрешении выражается необходимость внутрискруктурного процесса, но сам процесс имеет вероятностный характер; необходимость в истории языка пробивает себе дорогу сквозь случайность событий; отдельные события в истории структуры языка могут быть случайными, так как самый процесс внутрискруктурных преобразований имеет вероятностный характер, но в основе его лежит необходимость, поскольку он осуществляется на основе действия внутренних противоречий. История конкретного языка есть история постепенного преодоления внутрискруктурных противоречий в форме вероятностного процесса в условиях разрешения внешних противоречий в развитии языка.

Предлагаемое понимание принципа развития структуры языка выдвигает необходимость новой постановки вопроса о соотношении синхронии и диахронии. В настоящее время нам нередко приходится слышать обвинения одних лингвистов в том, что они разрывают синхронию и диахронию, не видят единства между прошлым и настоящим в структуре языка, а других — в том, что они смешивают факты диахронии с фактами синхронии, не видят принципиального различия между структурой языка разных эпох.

В настоящее время отношения между синхронией и диахронией устанавливаются с помощью метода так называемых «срезов».

Предполагается, что произведенный «срез» структуры языка в данное время есть одно синхронное состояние, «срез», произведенный в другое время, представляет собою другое синхронное состояние, а расположение их в хронологической последовательности представляет собою диахронию.

Такое понимание соотношения синхронии и диахронии исходит из предположения, что время бесструктурно и протекает равномерно, непрерывно само по себе, по самой своей сущности, независимо от событий; оно может быть заполнено событиями и может быть свободным от событий, оставаясь тем же временем.

Между тем, такое представление о времени устарело. Физики давно перешли от, казалось бы, естественного предположения, что метрика пространства и времени является наперед заданной, «жесткой», к идее о том, что сама метрика может зависеть от происходящих в природе физических процессов¹.

Время неразрывно связано с событиями. Оно имеет дискретные единицы, называемые интервалами, которые выделяются в процессе протекания событий.

Единицами времени являются периодические события в развитии структуры языка. Для истории языка мы принимаем за абсолютное время периодические события, исчисляемые временем обращения земли вокруг солнца.

¹ В. А. Ф о к. О роли принципов относительности и эквивалентности. «Вопросы философии», 1961, № 12, стр. 49.

Но время в истории развития языка имеет свою особую структуру.

Дискретные единицы времени в развитии языка должны выделяться по событиям в жизни языка, а не по событиям в движении небесных тел.

Дискретной единицей времени в развитии языка является время разрешения данного противоречия.

Так как внутренние противоречия не имеют тотального характера и охватывают только отдельные участки структуры языка, то необходимо различать интервалы развертывания событий в каждом таком звене.

Поясним это на примерах.

Личные формы глагола употреблялись в общеславянских языках без личных местоимений в позиции подлежащего. Указанные формы глаголов имели по меньшей мере четыре функции: определенно-личную, обобщенно-личную, неопределенно-личную и безличную. Противоречие между тождеством формы и множественностью значения этой формы разрешалось путем распространения личных местоимений в позиции подлежащего при глаголах с определенно-личным значением. С точки зрения абсолютного времени это противоречие было разрешено для личных предложений в конце XVI — начале XVII в.

Ввиду этого случаи отсутствия местоимений в позиции подлежащего в современном русском языке не имеют ничего общего с аналогичными по форме примерами из древнерусских текстов.

Отождествление аналогичных лингвистических событий разного абсолютного времени, например, событий XIV — XVI вв., в пределах времени разрешения рассматриваемого противоречия представляет собою правильную логическую операцию, и никакого смещения синхронии и диахронии в таком отождествлении нет. Отождествление аналогичных лингвистических событий разного абсолютного времени, принадлежащих разным интервалам времени разрешения разных противоречий, является неправильной логической операцией и представляет собою смешение синхронии и диахронии. Образцом смешения синхронии и диахронии является отождествление предложений с личными глаголами в сказуемом и безличных местоимений в подлежащем современного русского языка с аналогичными предложениями древнерусского языка.

Рассмотрим еще один пример.

Общеславянский язык-основа имел ряд вариантов одной падежной морфемы тв. п. ед. ч., ср., *раб-омь* и *сын-ѣмь*. Утрата множественности вариантов указанных морфем началась в общеславянском языке и завершилась в общевосточнославянском языке. Конец этого интервала мы можем связать с абсолютным временем, именно с концом XII и началом XIII столетия.

Но интервал указанных событий охватывает часть того времени, которое принято называть праславянским, и часть того

времени, которое принято называть общевосточнославянским или древнерусским.

К данному звену структуры языка указанные два времени представляют собою одно время, одно синхронное состояние, один интервал событий. Этот интервал представляет собою одну дискретную единицу времени в развитии данного звена структуры, и разделение его на части, требование отделять события первой части этого времени от событий второй части того же времени представляет собою неправильную логическую операцию.

В разных звеньях структуры языка являются разными и интервалы дискретного времени. Уже в древнейшее время в славянских языках сложилось соотношение звонких и глухих согласных; в интервал времени функционирования этого соотношения входят многие столетия абсолютного времени; множество интервалов абсолютного времени не нарушают тождества интервала времени функционирования противопоставленности звонких и глухих согласных в структуре языка. В пределах одного интервала времени функционирования звонких и глухих согласных размещаются временные интервалы разных лингвистических событий, например, переход *е* в *о*, переход *е*-носового в *а* и т. д.

Это и означает, что время в лингвистических процессах имеет свою метрику, свое распределение интервалов, свою структуру. Единицами этой метрики являются лингвистические события, а не события иного плана, например, периода обращения земли вокруг солнца.

Вопрос о синхронии и диахронии — это вопрос о синхронизации разных интервалов разных событий в структуре языка, это вопрос о разграничении и различении событий разных интервалов и объединении и отождествлении событий одного интервала.

Одним интервалом времени является время разрешения данного противоречия в данном звене структуры языка.

Отмирание отсутствия противопоставленности твердых и мягких согласных и развитие указанной противопоставленности в тождественных условиях представляет собою один процесс и одно время, хотя оно охватывает несколько столетий абсолютного времени.

В современном русском языке противопоставление переднеязычных согласных по твердости и мягкости перед гласными *а* и *у* представлено в большой массе исконных слов (ср. *ла-ля*, *лу-лю*). В области заднеязычных иное соотношение лексики между твердыми и мягкими согласными. В исконных словах заднеязычные согласные перед гласными *а* и *у* тверды, мягкими они являются в отдельных заимствованных словах, ср. *кяхта*, *кюри* и т. п. Не составляет особого труда заметить, что противопоставление по твердости и мягкости переднеязычных и заднеязычных согласных имеет разный характер; гораздо больше требуется проницательности, чтобы заметить тождество в указанном противопоставлении между переднеязычными и заднеязычными сог-

ласными. Во многих случаях отождествление разных явлений представляет собою подлинную способность видения, а различные явления — слепоту.

Итак, смешение синхронии и диахронии мы видим там, где отождествляются явления, принадлежащие разным интервалам времени; отождествление явлений одного интервала времени является необходимой предпосылкой выделения синхронных состояний. Отрицание тождества между событиями одного интервала времени только на том основании, что одни события имели место в одно абсолютное время, а другие — в другое, представляет собою разрыв между синхронией и диахронией.

Интервал времени, выделенный в качестве времени разрешения данного противоречия в данном узле структуры языка, не остается неизменным. Это время перехода от одного состояния в разрешении противоречия к другому состоянию. Для изучения указанных переходов метод «срезов» совершенно не пригоден.

Если система языка в данном синхроническом срезе изучается с точки зрения константных отношений, то «срезы» структуры языка могут дать только замкнутую систему взаимосогласованных элементов, содержащих в себе условия необходимости своего сохранения.

Изучение «срезов» с точки зрения константных отношений может показать различие в структуре языка в разные исторические периоды, но оно не может выявить единство исторического процесса и необходимость перехода структуры от одного состояния к другому.

В тех узлах структуры языка, в которых действуют константные отношения, «срез» любого абсолютного времени не покажет изменений.

Любые два «среза» структуры языка, следующие один за другим, представляют собою не закрытые системы, а переходы системы от одного состояния к другому, в связи с изменениями в тех узлах структуры языка, где действуют противоречия. В этих переходах константные отношения могут оставаться неизменными в течение многих веков. Например, противопоставление согласных по звонкости и глухости в положении перед гласными.

В положении перехода от одного состояния к другому находятся в каждый данный момент только неконстантные отношения, содержащие источник необходимости своего преобразования. Поясним это на примере. Восточные славяне унаследовали множество соотношений глагольных моделей и среди них было соотношение типа *делаю — делать* и *машу — махать*. Это соотношение не было устойчивым; морфологические типы указанных глаголов находились в вариантных отношениях. Морфологические модели глаголов типа *делаю — делать* и *машу — махать* были различными, между тем различия в функциях они не имели. Было унаследовано, следовательно, противоречие между наличием морфологического различия в построении указанных глагольных ти-

пов и отсутствием необходимости в этих различиях. Это противоречие разрешалось в прошлом и разрешается в настоящее время путем отмирания морфологической модели, представленной глаголами типа *машу* — *махать*, и распространение на ее месте морфологической модели, представленной глаголами типа *делаю* — *делать*. Процесс перехода глагола из класса *машу* — *махать* в класс *делаю* — *делать* происходил в течение всей исторической жизни русского языка и происходит в настоящее время. Современные соотношения *алкает* — *алкал*, *икает* — *икал*, *стегает* — *стегал* и явились на месте соотношения *алчеть* — *алкал*, *ичеть* — *икал*, *стежеть* — *стегал* и т. п.

В современном русском языке наблюдаются колебания в употреблении форм *полощет* и *полоскает*, *тычет* и *тыкает*, *хнычет* и *хныкает*, *рыщет* и *рыскает*, *брызжет* и *брызгает*, *машет* и *мазает* (в просторечии) и др. По отношению к этим фактам нельзя противопоставить синхронию и диахронию как исключющие друг друга построения. В рассматриваемых звеньях языка синхрония, т. е. соотношение, свойственное данному абсолютному времени, представляет собою переход от одного состояния к другому; это значит, что синхрония, т. е. данное абсолютное время, включает в себя и диахронию, т. е. предшествующие отрезки времени, а диахрония содержит в себе синхронию как момент движения. В том звене структуры языка, в котором действует противоречие и соотношение его элементов изменяется, синхрония и диахрония, т. е. разные отрезки абсолютного времени, тождественны и различны. Признание тождества между синхронией и диахронией в рассматриваемых случаях не представляет никакого смещения диахронии с синхронией. Это не означает, что опасности смещения синхронии и диахронии не существует. Во многих диалектологических исследованиях смещение или неразличение синхронии и диахронии стало обычным состоянием.

Было бы неправильным делать вывод, что между синхронией и диахронией нет различия, что системные отношения структуры языка не должны ориентироваться на различие синхронии и диахронии. Системное описание структуры языка в данном синхроническом «срезе» должно выделять константные отношения элементов, которые противоположны соотношению элементов в предшествующих «срезах», и неконстантные отношения, которые находятся в положении перехода от одного состояния к другому. Не видеть различия между первыми отношениями — значит смешивать синхронию и диахронию, не видеть тождества между вторыми — значит разрывать синхронию и диахронию.

История русского языка свидетельствует, что форма *зонт* образована от формы *зонтик*. Между тем в современной структуре русского языка словообразовательные отношения имеют прямо противоположный характер: не *зонт* образуется от *зонтик*, а *зонтик* — от *зонт*. Представление о том, что в современном рус-

ском языке *зонт* образуется от *зонтик*, представляло бы собою смешение синхронии и диахронии.

Требование метода исследования видеть тождество между синхронией и диахронией не менее важно, чем требование видеть различие между ними.

Теория развития структуры языка содержит ряд важных проблем, которые должны быть всесторонне обсуждены.

Мы подвергли обсуждению только два вопроса: вопрос о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка и вопрос о метрике времени в том же процессе.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИДОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (1948 г.)

ФОРМЫ АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА

Употребление приставок в основах настоящего времени приводило, как известно, к образованию значения совершенного вида.

Употребление приставок в основах аориста и имперфекта также должно было отражаться на видовых функциях форм аориста и имперфекта, поскольку в основах настоящего времени сложилась видовая дифференциация в зависимости от префигирования¹.

Задача нижеследующих наблюдений заключается в том, чтобы проследить процесс закрепления видовых функций приставок в формах аориста и имперфекта в древнерусских памятниках.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что во многих случаях приставочные и бесприставочные формы аориста и имперфекта не соотносительны в плане категории совершенного и несовершенного вида.

Рассмотрим материал сначала по формам аориста, а затем по формам имперфекта.

Формы аориста. В лето 6423 *приидоша* Печенѣзи първое на Русскую землю и, створивше мир с Игорем, *идоша* к Дунаю, Ип. л. в. 1, 33 = в лето 6423 *пришли* Печенеги впервые на рус-

¹ Здесь и всюду ниже под основой разумеется не гласный или согласный звук, предшествующий этимологическому окончанию, а структура морфологических элементов, противостоящая в имени морфемам, выражающим категорию падежа, а в глаголе — морфемам, выражающим категорию времени (аориста и имперфекта) и лица. В формах аориста и имперфекта в структуру морфологических элементов основы включаются те элементы, которые противостояли морфемам, различавшим формы аориста, имперфекта как особые формы глагола.

скую землю и, заключив мир с Игорем, *ушли* (или *пошли*) к Дунаю.

Совершенно очевидно, что различие в значении аористных форм *придоша* и *идоша* не может быть отождествлено с различием современного значения совершенного и несовершенного вида; что значение *придоша* соответствует значению современного *пришли*, т. е. значению совершенного вида прошедшего времени, — это не подлежит сомнению; но значение *идоша* не соответствует значению современного *шли*, т. е. значению несовершенного вида прошедшего времени, но также соответствует значению современного совершенного вида и потому должно быть переводимо по требованию контекста либо глаголом *пошли*, либо глаголом *ушли*. Следовательно, различие между *придоша* и *идоша* не видового характера, как оно определяется в современной системе языка, а чисто локального характера: *при-шли* сюда и *у- или по-шли* дальше.

Точно такое же взаимоотношение мы наблюдаем между аористными формами *приде* и *иде*:

в то же лето *приде* Семеон Болгарский на Црьград и, створив мир, *иде* в своя си (Ип. л. в. 1, 33) = в то же лето *пришел* Семеон Болгарский в Царьград и, заключив мир, *ушел* (или *пошел*) восвояси.

Между *рече* и *прирече*:

и *рече* им Стослав: есть нас 20 тысящ и *прирече* 10 тысящ бѣ бо Руси 10 тысящ только (Ип. л. в. 1, 58) = и *сказал* им Святослав «есть нас 20 тысящ» и прибавил (*прирече*, присказал) 10 тысящ, так как русских было только 10 тысящ.

Формы имперфекта. Дулѣби же живяху по Бугу, кде нѣшѣ Воляннѣ, а Уличѣ Тиверци *сѣдяху* по Бугу и по Днѣпру и *при* /при/ *сѣдяху*² к Дунаевѣ (Ип. л. в. 1, 10).

Здесь форма имперфекта *сѣдяху* означает действие таким способом, какой соответствует современному несовершенному виду, и синонимична форме *живяху*; это подчеркивается формой аориста *сѣдоста*: *пришедша сѣдоста* Радим на Ржю и прозвашася Радимичи (Ип. л. в. 1, 10). Совершенно очевидно, что и форма *присѣдяху* не могла отличаться в указанном отношении от форм *сѣдяху*, *живяху*. Следовательно, приставка *при* в *присѣдяху* не могла иметь и не имела видового значения. Между тем, с точки зрения норм современной речи, соединение приставки *при* с основой *сѣд* должно бы иметь значение совершенного вида, если бы приставки могли функционировать в видовом значении в формах имперфекта; таким образом, смысл приведенного текста таков: Дулебы жили (имели место жительства) по Бугу, где ныне Волоныняне, Уличѣ, Тиверци сидели (жили, занимали место жительства) по Бугу и по Днепру и *приближались* к месту жительства (= *присѣдяху*) к Дунаю.

² В рукописи второе *при* зачеркнуто.

В Лаврентьевской летописи находим, с одной стороны:

Князя их убиша, их же емише, овы растинахуть, другия же стрѣлами *растрѣлаху* в ня (Л. л. т. 1, в. II, стр. 460, 6745 г.). А с другой стороны —

а заутра по зори повѣсиша Василия и Лазаря и *растрѣлаша* стрѣлами Васильковичи (Там же, 6605 г.).

В этих двух выписках формы *растрѣлаху* (имперфект) и *растрѣлаша* (аорист) выражают различия в способе протекания глагольного действия, соответствующие современным различиям вида несовершенного и совершенного: расстреливали или стреляли и расстреляли. Если бы приставка здесь выполняла видовую функцию, то форма имперфекта от этих глаголов (*растрѣлаху*) не была бы возможна, так как она находилась бы в противоречии с значением совершенного вида основы.

То же самое мы наблюдаем при сравнении форм имперфекта от разных по корню основ, например:

аще кто *умряше творяху* тризну (Ип. л. в. 1, II) = если кто умирал, творили тризну.

Здесь *умряше* и *творяху* соответствуют значению несовершенного вида формы имперфекта; первая от перфективной основы, вторая от имперфективной основы; но первая форма могла быть образована и от перфективной основы — *умираше, умираху*;

ср.: бысть в Плесковѣ второй мор люг зѣло: ...вскорѣ *умираху* мнози тою болѣзнью (Пск. лет. в. I, стр. 22, 6868).

Следовательно, если приставка *у* в форме имперфекта *умряше* и имеет какое-либо значение, то только не видовое; если она здесь выполняла видовую функцию, а эта последняя могла быть только функцией совершенного вида, то значение формы имперфекта находилось бы в несовместимом противоречии с значением основы.

и *сжигашу* (мертвеца) и по сем, сбравше кости, *вложашу* в ссуд и поставляху на столпъ (Ип. л. в. I, II) = *сжигали* мертвеца и, собравши кости его, *вкладывали* в сосуд и ставили на столпе.

Здесь *сжигашу* и *вложашу* формы имперфекта и соответствуют значению несовершенного вида. Форма *вложашу* образована от перфективной основы, но она могла бы быть образована от имперфективной основы — *ложашу* или *вкладяху*. Следовательно, приставка *в* в форме имперфекта *вложашу*, чередовавшейся с формой имперфекта *вкладяху* (или *кладяху*), не могла иметь видового значения.

Во всех рассмотренных примерах употребления форм аориста и имперфекта, число которых можно увеличить, различия в значении аористных, а равно и имперфективных форм приставочных и бесприставочных не равно различию в значении вида совершенного и несовершенного в современной системе языка, и категория вида аориста, а равно и имперфекта не связана с употреблением или неупотреблением приставок.

Эти факты доказывают, что видовые функции приставок в претеритальных формах глагола в языке древнерусских летописей

сей еще не вполне развились, что в летописях часто встречаются случаи употребления претеритальных форм глагола с приставками, в каких эти последние еще не имели видовых функций.

По мере завершения развития видовых функций приставок в претеритальных формах глагола, все больше должна была развиваться несовместимость имперфективных основ с формами аориста, а перфективных основ — с формами имперфекта³. В виду этого подлежит решению вопрос о том, встречаются ли случаи употребления аориста от имперфективных основ и случаи употребления имперфекта от перфективных основ в различных древнерусских памятниках и в каких пропорциях.

Памятники древнерусской письменности не представляют односторонности в указанном отношении. Различные памятники представляют материал различного характера. Рассмотрим сначала материал, представляемый древнерусскими летописями.

В этих последних формы аориста употреблялись как от основ перфективных, так и от основ имперфективных, причем огромное число случаев употребления форм аориста засвидетельствовано от перфективных основ и незначительное число случаев употребления форм аориста засвидетельствовано от имперфективных основ.

Так, в Синодальном списке I Новгородской летописи:

а) Формы аориста от перфективных основ:

и *послаша* по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, 43, II и проч., и проч.

б) Формы аориста от имперфективных основ:

в томъ вечере *перевозися* Ярослав с вои, 1, 15;

в тож лѣто *приходиша* ѣмъ и *воеваша* область Новгородскую. 44, 13; и *бишася* весь днь, 72, 18⁴ и т. п.

То же мы находим в Ипатьевской летописи:

а): *бяху бо Обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, потреби я бг, и погроша* вси, и не *оста* ни един обрин, и есть притча в руси и до сего дни: *погибоша* аки обри (Ип. л. в. 1, 9); и *Грѣци зомжоша* судъ, а город *затвориша* и *вылъзе* Олег на берег и повелѣ воемъ изъ волоčiti корабля на берег (Ип. л. в. 1, 9) и проч., и проч.

б) В си же времена быша и Обре, иже *воеваша* на Цсря Ираклия (Ип. л. в. 1, 9); Си бо Угри почаша быти при Раклии цсри, иже *ходиша* на Хоздроя цсря Пѣрьскаго (Ип. л. в. 1, 9); и рече им Володимир «Пождете даже вы куны сберут за мсць». И *ждаша* за мсць и не дасть имъ (Ип. л. в. 1, 67); Рече же философ: «*Слышахом* же и се яко *приходиша* от Рима учить вас к вѣре своей» (Ип. л. в. 1, 73). Ср.: слышахом яко *приходили* суть болгаре учаще тя *приняти* вѣру свою (Там же, 73) и т. п.

³ Иначе Потехина; по его мнению, «аористы могут быть совмещены с полным развитием в языке совершенности и несоввершенности глаголов» (см.: А. А. Потехина. Из записок по русской грамматике, т. IV. М., 1941, стр. 159).

⁴ Е. С. Истрина. Синтаксические явления в Син. сп. I Новг. лет., 99.

То же находим в Лаврентьевском списке летописи:

а) *приде и ста* под горами на березѣ, 3 об.; *есть притча* в Руса *погибоша* аки Обрѣ, 4 об.; *прияша* слове Симови восточныя страны, 2 об.; *собра писць* многы, 51 об.

б) *Приходиша* Русь, 5 об.; *идоша* братья ко Антонию, 53 об.; *сам бежа* в Вятичь, 104 об.⁵

И формы имперфекта в летописях также употребляются как от имперфективных основ, так и от перфективных основ; но только в единичных случаях засвидетельствовано употребление имперфекта от перфективных основ; в огромном же большинстве случаев в летописях засвидетельствованы формы имперфекта от имперфективных основ; так, в Синодальном списке I Новгородской летописи:

а) Формы имперфекта от имперфективных основ:

но *хожаху* по городу, 116, 3; *Яко и по водѣ хожаше* огонь, 285, 7 и проч., и проч.

б) Формы имперфекта от перфективных основ:

брат брат не сжалеяшеться, ни *очь снови... не уломляше* хлѣба... 227, 11.

Так, в Ипатьевской летописи:

а) Формы имперфекта от имперфективных основ:

и *живяху* в мирѣ Поляне и Древляне, в. 1, 10; Игоревы *взроспшу хожаше* по Олзѣ и слушае его, в. 1, 22; Угре же нашедше всю землю Болгарскую *плѣноваху*, ср. плѣних. И гвозди железны *посредѣ* голов *вбивахуть* има, в. 1, 35.

б) Формы имперфекта от перфективных основ:

овых растинаху, другия же сторожи поставляюще стрѣлами *растрѣлаху*, в. 1, 35; а Володимир *вниде* в Киев и *осѣдлаху* Ярополка в Родит, в. 1, 66; и *привожаху* сны своя и *жряху* бѣсом и *осѣбрняху* землю *требами* своими, в. 1, 68.

То же самое находим и в Лаврентьевской летописи:

а) *си бо съязше*, аки луна в пощи, 20 об.; Андрѣева же дружина *приѣздяче* к нему *жаловаху* глше, 108; *умыкиваху* у воды двця, 5; *ту умыкаху* жены собѣ с нею же кто *совѣщашесе*, 5 и проч., и проч. б) *червѣ вкнияхуся* под бедру ему, 65 об.; *вину* створь *каку* либо *изидяше* из цркви *шед* в кѣлю и *усняше*, 64 и т. п.⁶

Итак, данные летописей свидетельствуют, что процесс утраты в языке летописей форм аориста от имперфективных основ зашел уже очень далеко, а процесс утраты форм имперфекта от перфективных основ зашел еще дальше: в незначительном количестве встречаются в летописях случаи употребления форм аориста от имперфективных основ и в единичных случаях встречаются формы имперфекта от перфективных основ.

Рассмотрим теперь материал, представляемый древнерусскими

⁵ Е. Ф. Карский. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи. М., 1928, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 25.

грамматами; прежде всего необходимо отметить, что в грамотах, а также и в Правде Русской формы имперфекта не встречаются. Следовательно, мы лишены возможности по данным грамот подтвердить выставленное выше предположение относительно имперфекта. Аорист же в грамотах встречается. И во всех известных нам древнейших грамотах аорист засвидетельствован только от перфективных основ; так, в старшей Новгородской грамоте 1262 — 1263 гг. — *отложихом, докончахом, поставихом*⁷; так же и в прочих новгородских грамотах — *приехаша послѣ; пояша хопили; се доконча князь великий гюрги; Повелехом суд дати и т. п.*⁸; *повелѣ, приехаша, пояша, повелѣша*⁹.

То же находим в двинских грамотах — *купи, заложѣ, позва, спросиша, срядишася, даша, изоиде та пять лет*¹⁰.

В Двинских грамотах XV в. А. Шахматов отметил также формы аориста только от перфективных основ, причем, по словам А. А. Шахматова, эти формы сохранились исключительно в юридических формулах: *се дах, се да, и да се купи и т. п.*

А. Шахматов приходит к выводу, что в XV в. аорист уже не чувствовался живою, необходимой формою¹¹.

В Русской Правде по Синодальному списку С. П. Обнорский¹² отметил пять случаев употребления аориста, и все они образованы от перфективных основ:

По Ярославѣ же... снве его... *отложиша* убиение за голову; а ино все яко Ярослав судил такоже и снве его *уставиша*; то Ярослав был устави и убити по снве его *уставиша* по отци на кулы; и *устави* люди третьяго рѣза.

Данные древнейших русских грамот свидетельствуют, что формы аориста от имперфективных основ не употреблялись в живом языке, пашедшем отражение в этих грамотах, т. е. в XIII—XIV вв.

Данные Синодального списка Правды Русской позволяют дополнить выставленное положение; они позволяют сделать вывод, что и в языке более раннего времени, т. е. времени сложения данного памятника, формы аориста от имперфективных основ не употреблялись. Это значит, что эти формы аориста вышли из употребления в живом русском языке уже в период, предшество-

⁷ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 132.

⁸ В. И. Бороковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. «Изв. Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе», т. IX. Языкознание, 1940, стр. 143.

⁹ А. А. Шахматов. Исследование о языке новг. гр. XIII—XIV вв., стр. 207, 1895.

¹⁰ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 235.

¹¹ А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в., стр. 108 и 133, 1903.

¹² С. П. Обнорский. Русская Правда как памятник русского литературного языка. «Изв. АН СССР», VII серия. Отд. общ. наук, № 10, 1934, стр. 764.

вавший времени сложения Правды Русской и древнейших русских грамот.

В то время как формы аориста от имперфективных основ уже вышли из употребления, формы аориста от перфективных основ еще продолжали употребляться в живом языке. Они засвидетельствованы Синодальным списком Правды Русской и древнейшими русскими грамотами XIII — XIV веков.

На процесс утраты форм аориста от имперфективных основ не следует смотреть, как на процесс их вытеснения формами перфекта; утрата этих форм является результатом возникшего несоответствия между значением формы аориста и значением основы.

Рассмотрим теперь свидетельства других памятников. В этом отношении заслуживает внимания Слово о полку Игореве — памятник, сложившийся около 1182 г. В этом памятнике систематически употребляются и формы имперфекта, и формы аориста. Причем формы имперфекта засвидетельствованы по преимуществу от имперфективных основ, а формы аориста — по преимуществу от перфективных основ, например:

Формы имперфекта:

Боян бо вѣщій, аще кому *хотѣше* пѣснь творити, то *растѣкашется* мыслию по древу, сѣрым волком по земли, шизым орлом под облаки. А Святослав мутен сон видѣ в Киевѣ на горах: си ночь с вечера *одѣвахуть* мя, рече, чрьною паполомоу на кровати тисовѣ, *чръпахнуть* им синее вино с трудом смѣшано, *сыпахуть* ми тощими тулы поганых толковин великий женчюг на лоно и *нѣговашут* мя.

Есть случаи употребления форм имперфекта от перфективных основ; эти формы имперфекта по смыслу контекста употреблены в традиционном значении; они обозначают действие таким способом, какой соответствует в современном языке способу выражения глагольного действия несовершенным видом:

Тогда пускаеть 10 соколов на стадо лебедѣй, которые *дотечаше*, та предѣ песнь пояше старому Ярославу = тогда пускал 10 соколов на стадо лебедей, которую достигал, та раньше всего пела песнь старому Ярославу.

Однако есть примеры и такого употребления имперфекта от перфективных основ, которые приводят к выводу о том, что в указанных формах имперфекта перфективное значение следует предпочесть имперфективному.

Яр туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, тур, *поскочаше*, своим златым шлемом посвечивая, тамо лежат поганые головы половецкия = Где бы ты *ни прошел*, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы половецкия.

Формы аориста:

Почнем же, братие повѣсть сию от старого Владимира до нынѣшняго Игоря, иже *истязну* ум крѣпостию своею и *поостри*

сердца своего мужеством, наполнился ратного духа, *наведе* своя храбрыя полкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

Есть несколько случаев употребления форм аориста от имперфективных основ, но по смыслу контекста некоторые из этих форм аориста выражают глагольное действие таким способом, какой в современном языке соответствует способу выражения глагольного действия совершенным видом, например:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* от него тьмою все своя воя прикрыты = тогда Игорь взглянул на светлое солнце и *увидел*, что все его войско прикрыто от солнца.

Тому в Полотск позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кіев *слыша* = а он в Кіеве слышал; Тогда врани не граахуть, галици помлкоша, сороки *не троскоташа* по лозію ползоша только.

Здесь *троскоташа* и *ползоша* — формы аориста, образованные от имперфективных основ; но контекст показывает, что они употреблены здесь в традиционном смысле; эти формы могут быть поняты как формы, обозначающие действие безотносительно к процессу его протекания: тогда вороны не каркали, галки замолкли, сороки прекратили трескотню, допуская только ползание по лозам.

Другие же формы аориста этого типа выражают глагольное действие таким способом, какой в современном языке соответствует способу выражения глагольного действия несовершенным видом, например:

Бишася день, *бишася* другой; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игореву = Бились день, бились другой; на третий день пали стяги Игоревы.

Таковы факты, относящиеся к употреблению форм имперфекта и форм аориста со стороны категории вида в Слове о полку Игореве.

Если рассматривать Слово о полку Игореве как памятник литературного языка домонгольской Руси, который мог выражать только нормы речевой практики интеллигенции этого периода и которые могли быть только традиционными, т. е. большею частью усвоенными книжным путем, то мы должны сделать вывод, что и данный памятник позволяет на основании фактов, рассмотренных выше, вынести суждение и о живом языке, именно: в Слове о полку Игореве компактно массою представлено правильное употребление форм аориста и имперфекта, чего мы не имеем в литературных памятниках более позднего периода, и это имеет немаловажное значение для суждения о том, были ли свойственны живому языку того времени формы аориста и имперфекта. Случаи употребления форм имперфекта и аориста, допускающие такое истолкование, какое соответствует исконному способу их употребления, — а их огромное большинство, — могут быть квалифицированы как отражение норм литературной речи того периода, представляющих собою продолжение старых

традиций; случаи употребления аориста и имперфекта, которые не допускают истолкования, соответствующего исконному способу их употребления, и которые могут быть определены как случаи смешения значений аориста и имперфекта, — а таких случаев ничтожно мало, — должны быть квалифицированы как факты нарушения старых традиций. Это нарушение старых традиций является отражением того, что употребление форм аориста и имперфекта в живом языке того времени коренным образом отличалось от исконных норм их употребления.

Так как грамоты и Правда Русская свидетельствуют, что аорист мог употребляться в живом языке, и притом только от перфективных основ, то редкие случаи употребления в Слове о полку Игореве форм аориста от имперфективных основ, которое допускает истолкование значения этой формы только в соответствии с несовершенным видом, должны быть квалифицированы в качестве простого промаха автора или позднего переписчика, если подобные формы принадлежат ему; в самом деле, если автор (или писец) употребляет форму аориста от имперфективных основ в значении, не соответствующем традиционному, то это доказывает, что он погрешил против исконных, традиционных норм употребления этой формы; а это могло случиться только при условии, если подобные формы аориста в живом языке не были употребительны и усвоены автором (или писцом) книжным путем. Из этого можно сделать вывод, что и такой чисто литературный памятник, как Слово о полку Игореве, также доказывает, что формы аориста от имперфективных основ живому языку того времени (XII в.) не были свойственны.

Точно такой же метод истолкования должен быть применен к соответствующим фактам употребления имперфекта. Так как в Слове о полку Игореве имеются формы имперфекта от перфективных основ, значение которых предпочтительнее истолковывать в перфективном смысле, то необходимо заключить, что автор Слова уже не был в состоянии пользоваться формами имперфекта так, как того требовала традиция, что в этом отношении он допускал погрешности. Из этого следует, что если автор Слова умел употреблять имперфекты от имперфективных основ, то это умение ему изменяло, когда дело доходило до употребления этих форм от перфективных основ. А это доказывает, что если еще можно дискутировать об употребимости в древнерусском языке форм имперфекта от имперфективных основ, то вопрос об употребимости этих форм от перфективных основ должен быть решен в одном смысле: такие формы не могли употребляться в живом языке эпохи сложения Слова о полку Игореве.

Рассмотрим теперь свидетельства другого чисто литературного памятника — Слова Даниила Заточника. Среди списков этого памятника различают две редакции, из коих одна является древнейшей, другая — позднейшей, первую большинство ученых датирует XII в., вторую — XIII в. Основным списком древнейшей

редакции является Академический список, в дальнейшем А; основным списком позднейшей редакции является Чудовский список, в дальнейшем Ч.

Однако, по данным языка, этот памятник в своей древней редакции не может быть относим ко времени ранее XIII в.

В древнейшей редакции употребление имперфекта засвидетельствовано только в одном случае и притом от имперфективной основы:

жены ради Даниила пророка в ров ввергоша, и лви ему ноzi *лизаху* (сп. А. X IV)¹³.

Эта форма имперфекта повторяется во всех списках и переделках этой редакции.

Употребление же аориста засвидетельствовано многочисленными случаями, причем большинство форм аориста образовано от перфективных основ:

притекох к обычной твоей любви, Сп. А VI; *не поставих* пред ними трепези многоразличных брашен, X; *иъ* у кого же *умръ* жена, X V; тако и аз, по многим книгам избирая сладость словесную и разум, и совокупих аки в мѣх воды морския, XLVI и т. п.

В некоторых случаях к формам аориста от перфективных основ в списке А имеют место варианты из других списков, искажающие формы аориста:

разбих злѣ, аки древняя младаца о камень, сп. А, II, ср. *разбѣх* сп. НБ: *развих* сп. К; друзи же мои и ближнии мои и тии *отверъгошася* мене, Сп. А. X. ср. *отверзошася* сп. Б.

Наблюдаются случаи смешения личных окончаний аориста от перфективных основ в вариантах к списку А.

Яко же бо *похвалися* Езекии царь послом царя Вавилонского и... *показа* им множество злата и серебра, сп. А, XXII, ср. *похвалишася* сп. Н; *хвалишася* сп. Б; *показаша* сп. Т; жены ради Даниила пророка в ров *ввергоша*, сп. А, XLIV, ср. *вверже* сп. ТНН: *ведѣх* жену злообразну и *рѣх* ей, сп. А, XXXVI, ср. рече К.

В вариантах к списку А отмечены случаи замены форм аориста от перфективных основ, имеющих место в списке А, формами перфекта:

Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, сп. А. XLVI, ср. научился сп. Т.

Есть случаи несуразного употребления аориста от перфективных основ в списке А.

се же бѣ *написах*, бѣжа от лица художества моего. V, ср. бѣх сп. ТБ.

Бѣ и *написах* — формы несовместимые.

и *покрыи* мя нищета, аки Черное море фараона, IV, ср. *покры* сп. ТБ.

¹³ Н. Н. З а р у б и н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

Буква *и* переписчиком прибавлена к форме *покры*, очевидно, потому, что она ему показалась формой причастия.

Что касается употребления форм аориста от имперфективных основ, то следует отметить почти полное отсутствие таких форм в списке А. В разных местах списка встречается форма *видих* или *видѣх*, именно: в VI (*видих... твое добросердие*) и XXXVI (*видѣх жену злообразну*). Оба эти места в переделках древней редакции опущены.

Кроме того, засвидетельствована форма *покушахся*:

сего ради *покушахся* написать всяк союз сердца моего, сп. А. II.

В переделке, представленной списком II, это место отсутствует.

Все эти факты доказывают, что формы аориста и имперфекта не были свойственны живому языку периода сложения древней редакции Слова Даниила Заточника.

Рассмотрим теперь данные позднейшей редакции слова Д. З. по основному списку Ч.

В этом списке встречаются и формы имперфекта:

и питье мое с плачем *растворях*, XXXIX; друзи мои и ближнии мои отвергошася мене, зане *не поставлях* пред ними трапезы, XLII.

Абзац XXXIX сп. Ч не имеет себе параллели в сп. А, а абзац XLII сп. Ч имеет параллель в сп. А, и в этом последнем на месте формы *поставлях* имеет место форма *поставих*.

Следовательно, обе приведенные формы введены в текст позднейшей редакции не из древнейшей редакции, а извне, под влиянием литературных воздействий.

Но в еще большем числе случаев встречаются формы аориста; во многих случаях формы аориста образованы от перфективных основ: притекох XLIV, искусих, XXXV, показа XXXII и т. п.

В немалом числе случаев формы аориста образованы от имперфективных основ, и такие формы аориста имеют значение несовершенного вида:

аз бо же во Афинах *ростох*, XXVII; *видѣх* полцы без добра князя, XXIX; *не лга* бо же Ростислав князь, XLIV; в руцѣх *не имѣх*, LXXVI; бояхся, господине, похуления твоего на имя, LXVII.

В большинстве случаев эти формы явно вторичного и искусственного происхождения; так, форма *ростох* списка Ч соответствует форме *ходил* списка А, стр. 33; форма *бояхся* списка Ч соответствует форме *боюся* списка А, стр. 5.

В этом списке формам аориста уже нельзя приписать традиционного значения: формы аориста в этом списке являются только формой прошедшего времени в значении совершенного и несовершенного вида. Это значит, что формы аориста в этом списке являются чисто искусственными формами, не имеющими никакого отношения к живому языку.

Таким образом, приемы употребления форм имперфекта и форм аориста в различных древнерусских памятниках различны. И это имеет, как увидим ниже, принципиальное значение для суждения о том, употреблялись ли формы аориста и имперфекта в древнерусском языке. К решению этого вопроса мы и переходим теперь.

В последнее время в научной литературе были высказаны взгляды, что формы аориста и имперфекта древнерусскому языку не были свойственны, что употребление этих форм в древних памятниках развивалось под влиянием славянского юга¹⁴.

В качестве доказательства того, что эти формы в древнем русском языке не употреблялись, приводятся следующие соображения: а) эти формы почти не получили отражения в памятниках деловой письменности, ближе всего отражавших живой язык того времени; б) эти формы почти не имеют никаких остатков в современных говорах; в) употребление этих форм в летописях и в других древнерусских памятниках развивалось постепенно и объясняется влиянием старославянского языка.

Пережитков форм аориста в говорах действительно почти нет (междометие *чу* — по происхождению объясняют как форму аориста), а пережитков форм имперфекта в говорах совсем нет. Значит ли это, что и в древнерусском языке, т. е. в русском языке XI — XIII вв., формы аориста и имперфекта не употреблялись?

Факт отсутствия в говорах пережитков форм аориста и имперфекта мог бы служить доказательством того, что этих форм не было в языке и в XI — XIII вв. только в том случае, если мы исходим из предположения, что эти формы вообще никогда не употреблялись в восточнославянских диалектах.

Если же исходить из общепринятого предположения, что формы аориста и имперфекта имели место в древней славянской речи, то факт отсутствия пережитков этих форм в современных русских говорах не может иметь отношения к суждению о том, употреблялись или не употреблялись формы аориста и имперфекта в живом языке XI — XIII вв. Они могли быть утрачены языком в XI в. и не оставить никаких пережитков в современных говорах; они могли быть утрачены языком в XIII — XIV вв. и с таким же успехом не оставить никаких следов в современных говорах. Итак, ссылка на современные говоры не имеет значения для решения вопроса об употребительности или неупотребительности форм аориста и имперфекта в живом русском языке в XI — XIII вв.

Формы имперфекта действительно не встречаются в древнейших грамотах и в Правде Русской, а формы аориста встречаются наряду с формами перфекта. Это можно было бы истолковать как отражение того, что в живом языке форм имперфекта уже не было, а формы аориста вытеснялись формами перфекта. Но

¹⁴ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 764.

можно истолковать эти факты и иначе. Можно рассуждать так: в переводных памятниках и в летописях формы аориста и имперфекта употреблялись под влиянием старославянского языка. Грамоты представляли особый жанр: они по характеру языка были ближе к живому языку, но могли отражать в себе и литературно-книжные влияния. Поэтому допустимо выставить предположение, что от живого языка в грамотах идет употребление форм перфекта, а от литературно-книжных традиций идет употребление форм аориста. Только при таком допущении можно сделать вывод о том, что деловые памятники письменности якобы доказывают факт отсутствия форм аориста и имперфекта в древнерусском языке.

Характер употребления форм аориста в грамотах может быть использован как доказательство того, что эти формы не имели места в живом языке своего времени только в том случае, если считать доказанным, что эти формы в живом языке действительно не употреблялись, что их пропикновение в древнерусские памятники происходило постепенно — под влиянием старославянского языка. Таким образом, анализируемое здесь соображение само по себе не имеет доказательной силы для утверждения того, что в живом языке того времени формы аориста не употреблялись.

Остается рассмотреть положение, действительно ли формы аориста и имперфекта пропикали в древнерусские памятники постепенно — под влиянием старославянского языка.

Это положение С. П. Обнорский аргументировал путем текстологического анализа Синодального списка Правды Русской. С. П. Обнорский отметил в тексте Син. сп. П. Р. пять случаев употребления аориста, три из них автор считает позднейшими вставками на основании следующего умозаключения: П. Р. составлялась во времена Ярослава, т. е. в первой половине XI в., а эти формы аориста могли войти в текст при его сыновьях, т. е. во второй половине XI в. Эти предложения безусловно доказывают, что они могли попасть в текст после Ярослава, т. е. в конце XI века:

по Ярославѣ же... снве его... *отложиша* убиение за голову; а ино все якоже Ярослав судил, такоже и снве его *уставиша*; то Ярослав был уставил и убити по снве его *уставиша* по отци на куну.

Четвертый случай употребления аориста автор отводит путем ссылки на то, что данное место текста испорчено. Порченность текста доказывается тем, что в других списках к этому месту есть другие параллели: и *устави* до третьяго рѣза вместо *устави*ли, как в других списках.

Пятый случай употребления аориста автор отводит указанием на то, что форму аориста можно счесть за имя существительное: а се *устави* Володимер; в других списках на месте *устави* имеет место *устав* (Володимерь); однако это указание не имеет дока-

зательной силы, так как, если бы *устави* было бы именительным падежом имени существительного, то оно не могло бы сочетаться с именем существительным в единственном числе *Володимер*; при форме *Володимер устави* может иметь значение только формы аориста.

Таковы текстологические соображения, выставленные С. П. Обнорским для доказательства того, что формы аориста в тексте П. Р. позднейшего происхождения. «Этот факт, — говорит С. П. Обнорский, — ясно свидетельствует о позднейшем привитии аориста, как формы книжной, в оборот русского литературного языка» (стр. 764).

Мы считаем это последнее умозаключение несоответствующим выставленной посылке. Из посылки известно, что некоторые случаи употребления аориста в тексте П. Р. должны быть отнесены не к первой половине XI в., а ко второй половине XI в. в ее сложении. На основании этой посылки нельзя делать такое умозаключение, что формы аориста в древнерусской литературе вообще были привиты искусственным путем извне. Аорист мог быть привит древнерусской литературе искусственно, но соображения, которые найдены путем текстологического анализа Син. сп. П. Р., недостаточны для такого широкого всеобъемлющего вывода, относящегося ко всей древнерусской литературе.

Итак, основное положение в рассматриваемой проблеме, существовали ли формы аориста и имперфекта в живом русском языке XI—XII вв., — положение о том, что формы аориста и тем самым имперфекта проникали в литературу XI—XII вв. под влиянием внешнего воздействия, остается гипотезой, которая нуждается в доказательствах и которая пока не может быть принята; она не может быть принята не только потому, что не имеет достаточных доказательств, но и потому, что вызывает серьезные возражения.

Как известно, в употреблении форм аориста и имперфекта в памятниках более позднего времени, когда уже о существовании в живом языке форм аориста и имперфекта не могло быть речи, наблюдается одна интересная черта: эти формы употребляются только как формы прошедшего времени по большей части и не содержат в себе никаких указаний на способ выявления действия в глаголе; так, аорист, скажем, обозначает только прошедшее время и образуется от глаголов любых типов, например: *видѣх* и *увидѣх*; *читах* и *прочитах* и т. п.; формы имперфекта обыкновенно редко употребляются в таких памятниках и без какого-либо специального значения; такое положение с употреблением аориста и имперфекта мы наблюдаем во второй, позднейшей редакции Слова Даниила Заточника, в повести о Мамаевом побоище и т. п. Такое употребление форм аориста и имперфекта легко понять: оно могло иметь место только при условии, когда в живом языке этих форм нет, а в данные памятники они попали извне — под влиянием литературных воздействий.

Совершенно иначе употребляются формы аориста в древнейших русских грамотах: они встречаются в них только от перфективных основ, форма аориста означает не просто прошедшее время, но прошедшее время, фиксированное относительно способа выявления глагольного действия. Такое строго специфическое употребление аориста не могло быть привито извне искусственным путем. Если бы в грамотах формы аориста были такого же происхождения, как, скажем, в позднейшей редакции Слова Даниила Заточника, то и приемы их употребления в грамотах были бы такими же, какими они являются в этой редакции Слова Д. З. Однако этого нет: способы употребления форм аориста в этих двух типах памятников различны; и это объясняется различным происхождением форм в этих разных памятниках: во второй редакции Слова Д. З. формы аориста введены извне искусственным путем; в грамоты формы аориста не вводились извне искусственным путем; они употребляются в них в строго специфическом значении и являются неотъемлемой чертой системы языка грамот, отражающей в известной мере систему живого языка своего времени.

Нельзя игнорировать соответствующих фактов, характеризующих аналогичное положение с употреблением имперфекта.

В грамотах эти формы не встречаются, но это может объясняться и тем, что в грамотах не оказывалось условий для их употребления. Но в летописях формы имперфекта употребляются, и притом большею частью правильно, что мы не наблюдаем в более поздних памятниках, знающих эти формы.

Если бы формы аориста и имперфекта были чужды русскому языку в XI—XII вв., как они были чужды ему, скажем, в XIV в., то мы не могли бы ожидать какого-либо строгого различия в употреблении этих форм в XI в. и в XIV в., не вызванного различием в литературных школах; между тем такое различие существует; следовательно, нельзя подводить под одну категорию состояние живого языка в XI в. и в XIV в. по части употребления форм аориста и имперфекта.

Если бы, скажем, формы аориста были чужды языку уже в XI в. и вводились в памятники искусственно литературным путем извне, то мы могли бы ожидать, скажем, в летописях или в Правде Русской употребления аориста как простых форм прошедшего времени безотносительно к выявлению способа протекания глагольного действия как от перфективных, так и от имперфективных глаголов, но этого в действительности нет, а в памятниках более позднего периода это как раз и наблюдается.

Если можно говорить об искусственном, книжном характере употребления форм аориста и имперфекта в XIV—XV вв., то этого никак нельзя сказать об употреблении форм аориста и имперфекта в памятниках, отражающих состояние языка XI в.

Итак, рассматривая вопрос со стороны категории вида, мы считаем неприемлемым положение о том, что формы аориста и

имперфекта искусственно прививались древнерусской литературе на всех этапах ее развития и что эти формы были утрачены живым языком уже ранее XI в.

Положение с употреблением форм аориста и имперфекта в древнерусском языке применительно к категории вида представляется в следующем виде на основании данных сравнительной грамматики славянских языков и древнейших русских памятников.

1. В системе славянской грамматики искони имели место формы аориста и имперфекта. Восточнославянская область не отличалась в этом отношении от других областей славянства: у восточных славян в давнее время употреблялись формы аориста и имперфекта, как они употреблялись и у других славян.

2. Формы аориста и имперфекта первоначально образовывались от глаголов всех типов, причем имперфект обозначал глагольное значение как действие, протекающее во времени и пространстве, а аорист обозначал глагольное значение как готовое действие вне его протекания во времени и пространстве; таким образом, различие между этими двумя претеритальными формами сводилось к различию в способе выявления глаголом прошедшего действия.

Приставки в претеритальных формах глагола первоначально не имели видовых функций, т. е. не имели назначения выражать способ выявления глагольного действия.

3. С течением времени приставки стали приобретать видовые функции. Различие в способе выявления глагольного действия стало выражаться в основе глагола путем префигирования; возникло различие глагольных основ перфективных и имперфективных, из которых первые обозначали глагольное действие, как готовое, как не протекающее, вторые обозначали глагольное действие, как протекающее во времени и пространстве. Это имело следствием возникновение непримиримого противоречия между некоторыми глагольными основами, с одной стороны, и формами имперфекта и аориста, с другой стороны; именно: возникло противоречие между формою аориста и глагольною основою, если она была имперфективною, и формою имперфекта и глагольною основою, если она была перфективной.

4. Это противоречие разрешалось устранением одной из противоречивых сторон: стали постепенно утрачиваться формы аориста от имперфективных основ, а формы имперфекта — от перфективных основ. Этот процесс нашел отражение уже в старославянском языке, в котором, как известно, редко встречались формы аориста от имперфективных основ, а формы имперфекта — от перфективных основ.

В древнерусских летописях этот процесс нашел еще большее выражение: в них встречаются в еще более редких случаях формы аориста от имперфективных основ, а формы имперфекта — от перфективных основ. Такой ход изменения в употреблении форм

аориста и имперфекта является закономерным, и поскольку одна из ступеней этого процесса свидетельствуется русскими летописями, постольку нельзя данные этих летописей объявлять несоответствующими живому языку своего времени.

Древнерусские грамоты свидетельствуют о дальнейших сдвигах в закономерном ходе изменений в употреблении форм аориста и имперфекта: в них не засвидетельствованы формы имперфекта, но формы аориста засвидетельствованы только от перфективных основ; на этом завершается закономерный ход изменений в употреблении претеритальных форм глагола со стороны категории вида: формы аориста дольше всего сохранялись только от перфективных основ, а формы имперфекта, как свидетельствует Слово о полку Игореве, дольше всего сохранялись только от имперфективных основ.

Дальнейшая утрата их в живом языке происходила в связи с их взаимодействием с формами перфекта, а дальнейшее употребление их в более поздних памятниках происходило путем искусственного культивирования их под влиянием литературно-книжных воздействий. Это имело следствием утрату строгого различия между формами аориста и имперфекта по их значению, поскольку употребление их не имело поддержки в живом языке. Такое искусственное употребление форм аориста и имперфекта в литературе продолжалось вплоть до XVII в. включительно, а отчасти и до XVIII в.

Таковы те соображения, которые можно формулировать в пользу существования форм аориста и имперфекта в древнем русском языке со стороны категории вида.

ФОРМЫ ПЕРФЕКТА

В состав перфекта входили причастия прошедшего времени на -л. Надо думать, что приставки в причастиях на -л первоначально также не имели видовых функций, как они не имели их в формах настоящего времени или в претеритальных формах глагола. И если значение формы перфекта обычно определяют как значение совершенного вида, независимо от того, как может быть определено значение причастия на -л относительно категории вида, то следует заключить, что, очевидно, перфективность значения перфекта приписывается не самому причастию на -л, а сочетанию его с личными формами от основы *ес-*.

Следовательно, если принять положение, что значение перфекта было перфективно для эпохи древнерусских памятников, независимо от характера причастия на -л, то мы должны приписать перфективное значение как сочетаниям типа *есмь ушел* и т. п., так и сочетаниям типа *есмь ходил* и т. п.

Однако наблюдения над употреблением форм перфекта в древних русских памятниках заставляют внести значительные коррективы в указанное положение.

Уже Потербня отметил, что «латинское название сочетания *еси сєял perfectum* кажется неудовлетворительным»¹⁵. В славянском смысле, продолжает Потербня, сочетание *есмь -л* действительно не всегда имеет перфективное значение. Дело, однако, заключается в том, что не само сочетание *есмь -л* имеет определение, относящееся к категории вида, а лишь только причастие на *-л*. Следовательно, определение значения *есмь -л* в качестве перфективного также верно или не верно, как и определение его в качестве имперфективного. Для выяснения видовых функций сочетания *есмь -л* проследим за употреблением этого сочетания со стороны категории вида по Синодальному списку Правды Русской.

В П. Р. формы перфекта встречаются часто, но перфективное значение эти формы имеют только в тех случаях, в каких причастие на *-л* перфективно, т. е. образовано от перфективных глаголов; в тех же случаях, в каких причастие на *-л* имперфективно, т. е. образовано от имперфективных глаголов, формы перфекта также имеют имперфективное значение.

а) Формы перфекта с перфективным причастием на *-л*, имеющие перфективное значение:

то не рци се мое, нъ поиди на свод, где еси *взял*. П. Р., 1, Син. сп., 125, ст. 35; и сему платити, что у него *погибло*. там же, 125, стр. 37; не веде у кого *есмь купил*, по по языку ити до конца, там же, 126, ст. 38. Ср. также ст. 118; зане же *не дал* ему за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны, 127, ст. 47, ср. также ст. ст. 116, 102, 57; за (= зане) по холопьи речи *яли*, 132, ст. 85; а затем аче кдѣ налезеть удареныи то своего истьца, кто же его *ударил*, то Ярослав был уставил убити..., 131, ст. 65.

б) Формы перфекта с имперфективным причастием на *-л*, имеющие имперфективное значение:

а кто и *кльпал*, а тому дати другую гривну. 124, ст. 20; то ему за платежъ, оже и *били*, 125, ст. 29; но оже начнеть (= начьнеть) большим кльпати, тому ити роте у кого то *лежал* товар, а только если у мене положил, зане же ему бологодел и *хоронил* товар его, 125, ст. 50; будетъ ли боле кун, то рчи ему тако: помиловал еси, оже еси *не ставил* послухов, 127, ст. 52; то ити ему роте, яко *не ведал* есмь, оже есть холоп, а платежа в том нетуть, 133, ст. 115.

Таким образом, в П. Р. отражается такое состояние языка, при котором перфект был только формою времени с известным специфическим значением, а категория вида находила выражение в основе причастий. То же самое мы наблюдаем в древнейших русских записях и грамотах; такова известная надпись на Тмутораканском камне 1068 г.:

¹⁵ А. А. Потербня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 255.

Глеб князь *мерил* море по льду; здесь форма перфекта имперфективна, как имперфективно причастие на -л, и в современном языке мы не могли бы выразиться иначе, как «князь Глеб *мерил* море по льду».

В старейшей русской грамоте, в грамоте великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г., мы наблюдаем те же различия, что и в П. Р.:

Се яз Мстислав... *повелѣл* есмь сыну своему Всеволоду — отда-ти буйце с данию и с вирами; Стму же георгиеви *велѣл* есмь бити в пее на обедс.

В формах перфекта *повелѣл есмь* и *велѣл есмь* имеется видовое различие, оно выражается основой причастия на -л.

В известной Смоленской грамоте 1229 г. формы перфекта встречаются нередко, и эти формы имеют перфективное значение только в случаях, в каких в состав перфекта входит перфективное причастие на -л:

Коли Албрахт влдка ризкий *умьрл*, *уздумал* князь смоленский Мьстислав двдв ся *прислал* в Ригу своего лучѣшего поца Ерьмея; товар иж те *потопл* брати у мѣсто своею дружиною из воды на берего. *утвердили* мир что былѣ не мирно; и до века *урядили* пак мир како было любо Руси и всему латиньскому языку.

Формы же перфекта с имперфективным причастием на -л имеют имперфективное значение.

Пре сей мир *трудилися* добрые людие Ролфо ис Кашеля и т. п.

В одном случае в составе перфекта имеется имперфективное причастие на -л, а по общему смыслу контекста перфекту, кажется, следует приписать перфективное значение:

та два была посломь у Ризе из Ригы *ехали* на гочкии берьго тамо твердити мир.

Здесь форме *ехали* следует приписать значение *погнали*.

И другие древнейшие русские грамоты не представляют исключения: во всех грамотах значение перфекта перфективно, если причастие на -л перфективно, значение перфекта имперфективно, если причастие на -л имперфективно; так, в договорной грамоте Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг.:

а) а которых трее дворць *впросили* ваша братья послы, а тех ся есмы *отступили*, а иное грамоты у нас нетуть ни *потайили* есмы;

б) а в ратшину тяжю *платили* есми к грвн; а се старая наша правда и грамота на чемь целовали оци ваши и наши крст.

Так, в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264 или 1265 гг.:

а) а то есме *дали* Иванкови;

б) и что кнже брат твой Александр *деял* насилие на Новгороде, а того ся кнже отступи; на семь кнже целуи хс к всему Новгороду на цемь то *целовали* деди и оци.

Весь приведенный выше материал из деловой письменности

доказывает, что формы перфекта не имели того значения, которое мы называем перфективным, уже в период, предшествовавший эпохе сложения этой письменности, что форма перфекта уже тогда могла иметь значение перфективное или имперфективное, и это различие в значении сочетания *-л есмь* и проч., т. е. форм перфекта, связывалось с различием в строении основы причастия на *-л*; таким образом, приставки в причастиях на *-л* получили видовые функции в составе перфекта уже в древнейшую пору; ко времени возникновения восточнославянской письменности приставки и в причастиях на *-л* в формах перфекта уже имели эти функции.

Не представляют исключения и данные русских летописей; так, в Новг. I л. по Син. сп. читаем:

а далече есть *шли*, и *вышли* есть, аky рыбы на суху, 169, 18.

Совершенно очевидно, что между «*есть шли*» и «*вышли есть*» имеется семасиологическое различие, и это различие может быть только видового характера: «*есть шли*» имеет имперфективное значение, «*вышли есте*» имеет перфективное значение.

и рече, яко не *мыслил* есмь де плесковичь груба ничего же..., а они мя *объицествовали*, 207, 15.

Здесь также «не *мыслил есмь*» имеет имперфективное значение, а «*объицествовали*» — перфективное значение.

и тамо еадив Лазарь Моисевиць *водил* всех их к крсту, 287, I.

Здесь *водил* несомненно имперфективно; таковы и следующие примеры:

и быз зол путь, аky же не *видали* ни дни ни ночи, 270; оже вету вины его, ты к нам крст *целовал* вины муж не лишити, 181, 20; не хотим измерти на коних; но яко очи наши *билися* на кулачьской, пепи... 170, 3.

В нижеследующих примерах перфект перфективен:

Якупа яша на Плясе... *обнашивъше*, яко мти *родила* и свергоша с моста, 42, 8; мы дани прошали тебе, и они нас *выгнали*, а инех *избили*, а домы наша *разграбили*, 297, 18. То же находим в Лаврентьевской летописи:

с перфективным значением —

на тои могиле *поставил* кркъ стго Николу, 8: он же рече аз есмь мужь его и *пришел* есмь;

с имперфективным значением —

Тем же словеньску языку учитель есть Андронич апол в Моравы бо *ходил* и апол Павел *учил* ту, 9 об.

То же, наконец, находим в Ипатьевской летописи:

с перфективным значением —

се слышов цсрь посла по ня в Селунь к Лвови гля *пошли* к нам сна своя Мефодья и Костянтина, вып. 1, 20; и рече има цсрь се *прислался* ко мне словеньская земля, I, 20; не отринете наказания црковного яко же вы *наказал* Мефодии учитель вашь. с имперфективным значением —

иъс в нас учитель иже бы нас *учил* и казал и протолковал стья книги, I, 20; и твои сли *водили* суть цсря нашег роте, 43.

Таким образом, вывод, сделанный нами на основании данных деловой письменности относительно видового значения перфекта, полностью подкрепляется и данными летописи.

ФОРМЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Форму, образуемую путем сочетания личных форм от глагола *быть* будущего времени с причастиями прошедшего времени на *-л*, обычно называют будущим совершенным, таким образом, «буду писал» должно, согласно этому определению, в общем означать «напишу». При определении значения «буду *-л*» следовало бы отметить прежде всего то, что это сочетание означает два времени — прошедшее в будущем¹⁶, и только после этого решать вопрос о видовом значении этой формы. Если игнорировать этот момент, то о характере видового значения сочетания «буду *-л*» можно судить только по переводу, но в таком случае исчезает предмет исследования, и мы выносим суждение не по тому предмету, по которому надлежит иметь суждение.

Возьмем следующее предложение из Син. сп. П. Р.:

а оже (дети) будутъ с нимъ (с отцом) крали и хоронили, то всех выдати, 1, 133, ст. 121.

Это предложение можно перевести и как «если (дети) будут красть и хоронить с ним (с отцом), то всех выдать» и как «если (дети) украдут и схоронят (с отцом), то всех выдать». Первый перевод, который не согласуется с общепринятым определением значения сочетания «буду *-л*», вполне соответствует общему смыслу статьи; второй перевод, который вполне согласуется с общепринятым определением значения сочетания «буду *-л*», также не противоречит смыслу статьи.

Выносить суждение о характере видового значения сочетания «будутъ крали и хоронили» по характеру значения вышеуказанных переводов принципиально недопустимо; составленное таким образом суждение о значении сочетания «буду *-л*» в действительности относилось бы к характеристике одного из принятых переводов.

Так как функция *буду* состоит в том, чтобы отнести действие, выраженное причастием, к будущему времени, которое представляется прошедшим по отношению к этому последнему, то полагать, что видовое значение сочетания «буду *-л*» выражается формой *буду*, нельзя.

Остается предположить, что видовое значение действия, выраженное сочетанием «буду *-л*», выражается в том члене, которым выражается само действие; а таким членом является причастие на *-л*, видовые функции которого должны были развиться с развитием видовых функций приставок.

¹⁶ Т. П. Ломтев. Составное сказуемое и его изменение в истории белорусского языка, стр. 246 и сл.

Древнейшие русские памятники доказывают, что видовое значение действия, выраженного сочетанием «буду -л», в действительности являлось видовым значением причастия на -л.

Так, в П. Р. сочетание «буду -л» имело перфективное значение, если перфективно было причастие на -л:

оже *будеть* убил или в сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, I, 123, ст. 6 = если окажется, что он *убил* или в ссоре, или в пиру явно, то так платити ему по верви пыне. *Будеть* ли стал на разбой без всякой свад, то за разбойника людье не платять, I, 123, ст. 7 = если окажется, что он *стал* на разбой без всякой ссоры, то...

Сочетание «буду -л» имело имперфективное значение, если причастие имело имперфективное значение:

аже кто своего холопа сам досочиться в чьемь либо роде (= городе), а *будеть* посадник не ведал его, то... пояти у него отрок, Т. 133, ст. 114 = если кто-либо своего холопа сам сыщет в каком-либо городе, и при этом окажется, что посадник не *знал* его, то... взяти у него отрока. Поиметь ли робу без ряду, поиметь ли ся с рядом, то како *будеть* ся *рядил*, на томъ же стоять, I, 133, ст. 112 = если возьмет (= буд. вр.) рабу без договоренности или возьмет (= буд. вр.) с договоренностью, то как *договаривались* (перед тем как он ее брал, т. е. раньше будущего), то на том стоят; оже *будутъ* свободнии с нимъ *крали* или *хоронили*, то князю в продаже, I, 133, ст. 121 = если окажется, что с ним свободные *крали* или *хоронили*, то князю в продаже.

Некоторые примеры употребления сочетания «буду -л» с трудом поддаются интерпретации как формы времени глагола, и потому видовое значение этих форм не выступает на первый план: это именно те примеры, в которых причастия на -л наиболее четко сохранили свою атрибутивную природу и в которых оно функционирует на правах имени в сказуемом; сочетание «буду -л» в таких случаях может быть истолковано не как форма времени глагола, а как составное сказуемое с именным присвязочным членом, в качестве которого выступает причастие прошедшего времени на -л:

аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их *будеть* *крано*, то всем по 3 гривни и 30 кун, I, 126, ст. 43 = если обкрадет гумно и жито в яме, то сколько их *будет* *кравших*, всем по 3 гр. и по 30 кун, т. е. платят столько (человек), сколько *будет* *крано* (= сколько будет кравших, теперь кравших).

Таким образом, видовое значение сочетания «буду -л» является в действительности видовым значением причастия на -л; как сочетания «есмь -л», так и сочетания «буду -л» могли иметь перфективное и имперфективное значение в зависимости от того, было ли причастие на -л перфективным или имперфективным; различие же видовых функций причастий на -л не могло быть исконным, так как оно развилось в связи с развитием видовых функций приставок.

Имея в виду тот факт, что видовые функции причастий на -л в сочетаниях «есмь -л» и «буду -л» уже строго различались в древнейших памятниках, какова Правда Русская, то надо думать, что указанные сочетания утратили единство видового содержания уже в период, предшествовавший сложению древнейших восточнославянских памятников письменности.

Дальнейшие судьбы в употреблении сочетания «буду -л» связаны с изменением в употреблении глагола со стороны категории времени.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛА ОТНОСИТЕЛЬНО КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФОРМА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

...Форма настоящего времени глаголов совершенного вида уже в древнем языке, как правило, имела значение будущего времени. Однако глаголы совершенного вида, обозначавшие действие, совершающееся как бы по правилу, встречаются иногда в значении настоящего времени. Примеры приведены из памятников XVII в.

Собирают деньги с тех городов..., с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а *соберетца* тех денег в год больши полу-3000 рублей (Котош. 87); а доходов в том Приказѣ *соберется* в год мало болши 1000 рублей (Котош. 88); ...Тогда их (студентов) коронуют... в одной палате или в церкви на середине *поставят* кресла, в которых тот помяненный студент *сядет*... и всем в то время там бывшим *раздадут* печатные листы или тетради, которые называются комплексы... и потом тот студент *проговорит* изрядную рацею о своем испытании и начнет говорить о своей науки (Путеш. П. Толстого, 1697) ¹.

В современном языке в указанном значении употребляются главным образом глаголы несовершенного вида: а *собирается* тех денег в год и т. п.

В древнерусском языке формы настоящего времени нередко употреблялись в придаточном условном предложении, в соответствии с которыми в современном русском языке употребляются формы будущего времени: аже кто убьет князя мужа в разбои, а головника не ищутъ, то вирьвную платити, в чьей же верви голова лежить (П. Р. Син. сп., стр. 123, § 3) = в чьей верви *будет лежать* голова; оже ли пропьеться или пробиется, в безумии чюжь товар испорьтитъ, то како любо тѣм, чье то куны, ж д у т ь л и

¹ См. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 285.

ему, а своя им воля или *продавать*, своя им воля (П. Р. Син. сп., стр. 130, § 54) = *будут ли ждать* его, — своя им воля, или будут продавать, — своя им воля.

Формы настоящего времени употреблялись иногда в главной части сложного предложения, в соответствии с которыми в современном языке употребляются формы долженствования: *будет ли стал на разбой без всякой свады, то за разбойника людьѣ не платить* (П. Р. Син. сп., стр. 123, § 7) = *не должны платить*; *ажѣ кто не вложится в дикую виру, тому людьѣ не помогаютъ* (П. Р. Син. сп., стр. 123, § 8) = *не должны помогать*.

В древнем языке настоящее время изъявительного наклонения употреблялось иногда в соответствии с современным повелительным наклонением, напр.: *а княгини моа, по моему животѣ, оже восхочетъ в чернець поити, поидетъ* = *пусть идет* (Дух. гр. Вл. Вас. 1286 Бахр., стр. 11); *а дѣти мои, молодшая братья княжи Васильевы, чтите и слушаите своего брата старшего князя Василя в мое мѣсто своего отца: а сын мой князь Василий держитъ* (= *пусть держитъ*) *своего брата князя Юрья и своего братью молодшую в братствѣ без обиды* (Духов. гр. Дм. Ив., 1389, Бахр., стр. 23).

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Формы аориста, имперфекта и перфекта взаимодействовали между собою. Конечным результатом этого взаимодействия явилось вытеснение форм аориста и имперфекта формами перфекта. Задача синтаксического исследования заключается в том, чтобы в частности изменения в употреблении этих форм выявить внутреннюю закономерность восхождения и победы форм перфекта.

Взаимоотношение этих форм со стороны категории вида заключалось, как известно, в том, что причастия совершенного вида на -л соответствовали формам аориста, а причастия несовершенного вида на -а соответствовали формам имперфекта.

Взаимоотношение этих форм со стороны категории времени заключалось в том, что формы имперфекта и аориста обозначали прошедшее действие безотносительно к настоящему времени; формы *есмы-л* обозначали прошедшее действие, отнесенное к настоящему времени, т. е. такое прошедшее действие, которое представляется говорящему сохраняющим свое значение и в настоящее время.

Исследование Е. С. Истриной о синтаксических явлениях Синодального списка 1 Новгородской летописи показало, что *есмы-л* имело в названном памятнике свое строго специфическое значение в отличие от значения форм аориста и имперфекта.

Значение *есмы-л* со стороны категории времени исчерпывающе разъяснено А. А. Потебнею.

Сначала *л-есмы* есть именно сочетание двух форм, а не одна форма, — говорит А. Потебня. — Как глагол, так и причастие вносит

в мысль свой оттенок времени: глагол — значение настоящего, причастие — прошедшего... Таким образом, в *-л есмь* первоначально изображалось событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глагол.), и в древних памятниках можно найти места, в коих *-л есмь* еще допускает такое объяснение. Так, чередование *-л есмь* и аориста в Елико нас хрестилися есмы, кляхом ся церковь Илья (Л. л. 22) можно было бы передать так: мы, сколько нас есть (в настоящее время) крестившихся (прежде) поклялись (форма, ныне лишенная отношения к настоящему) ².

Итак, временные функции формы *-л есмь* на древнейшей стадии не совпадали с временными функциями форм аориста и имперфекта: имперфект обозначал имперфективное прошедшее действие, аорист обозначал перфективное прошедшее действие; обе формы времени обозначали прошедшее действительно безотносительно к настоящему; формы *есмы -л* обозначали имперфективное и перфективное действие в зависимости от категории вида причастия на *-л*, но с моментом отнесенности этого действия к настоящему времени. И пока такая дифференциация в значениях этих трех форм прошедшего времени имела место, их существование в языке функционально было оправдано. Каково же было дальнейшее взаимоотношение между этими формами со стороны категории времени?

Имея в виду сочетание *есмы -л*, А. А. Потехня писал: «Конечно, невероятно, что значение этого сочетания с древнейших времен и доныне оставалось неизменным.

До более обстоятельного исследования отметим в жизни этого сочетания две поры: а) древнейшую, приблизительно определяемую тем, что она современна существованию в славянском языке прошедших простых, употреблением коих с причастием *-л* (*быль, бѣх, былъ бѣах*) косвенно определялась и роль сочетания *-л есмь*; б) позднейшую после п о т е р и прошедших простых» ³.

Значение этого сочетания в первый период было определено выше, во второй период эти сочетания стали обозначать прошедшее действие имперфективное и перфективное безотносительно к настоящему. Таким образом, формы *есмы -л* функционально заняли место старых простых форм прошедшего времени: имперфекта и аориста. Таков был в общих чертах дальнейший процесс взаимоотношений форм *есмы -л*, имперфекта и аориста.

Возникает вопрос, произошло ли изменение значений сочетания *есмы -л* под влиянием исчезновения простых форм прошедшего времени или, наоборот, само исчезновение последних явилось следствием изменения значения форм *есмы -л*.

² А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. I. М., 1888, стр. 256—257; см. также главу X «Динамика причастий на *-л* в сказуемом» в нашей работе «Исследования в области истории белорусского синтаксиса». Ученые зап. Белорусского Гос. ун-та, серия филологическая, вып. II. Минск, 1941.

³ А. А. Потехня. Указ. соч., стр. 254.

А. А. Потебня утверждал, что изменение значения форм *есмь-л* произошло после исчезновения простых прошедших и, следовательно, под влиянием исчезновения их; он писал: «Решение вопроса о том, как давно в русском -л *есмь* стало одною формою (т. е. приобрело новое значение.— Т. Л.) должно быть поставлено в некоторую, далеко, впрочем, не безусловную зависимость от того, когда исчезли аорист и преходящее. Так как невероятно, что такие различия прошедших простых, замеченные в памятниках, каковы древнейшие летописные сборники, могли быть усвоены писателями только книжным путем, и, наоборот, вероятно, что эти прошедшие были в просторечии еще в XII—XIII вв., то слияние -л *есмь* в одну форму должно быть отнесено в русском языке уже ко времени не позже XIV века ⁴. Нас здесь интересует не хронология вопроса, а зависимость явлений. Не подлежит сомнению, что, по А. Потебне, изменение значения *есмь-л* является следствием исчезновения простых прошедших, а не наоборот; следовательно, простые прошедшие исчезали из употребления независимо от изменения значения *есмь-л*, ибо это последнее наступило после исчезновения простых прошедших.

В таком смысле высказывается и Е. С. Истрина; она пишет: «Вытеснение простых форм прошедшего времени формами сложными должно связываться как с потерей в языке простых форм, так и с изменением значения сложных форм; старое специальное значение последних форм необходимо должно было расширяться и видоизменяться по мере того, как эта форма становилась единственной формой выражения сказуемого прошедшего времени» ⁵. Высказанные здесь взгляды исходят из предположения, что исчезновение простых форм прошедшего времени не было следствием вытеснения их формами *есмь-л*, а наоборот, изменение значения сочетания *есмь-л* и превращение его в единственную форму прошедшего времени было следствием независимого исчезновения простых форм прошедшего времени.

Представленная здесь связь между фактом исчезновения простых прошедших и фактом превращения *есмь-л* в единственную форму прошедшего времени оставляет совершенно невыясненными причины исчезновения простых прошедших; если исходить из предположения, что простые формы прошедшего времени в древнем языке первоначально имели место и имели особые функции, отличные от функции прошедшего сложного (*есмь-л*), то они не могли сами по себе беспричинно исчезнуть; их существование в языке было необходимо, ибо они имели особое функциональное назначение.

⁴ А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 259.

⁵ Е. С. Истрина. Синтаксические явления Сип. сп. I Новгород. л. ИОРЯС, XXIV, кн. 2, стр. 113.

Ни исчезновение простых форм прошедшего времени, ни распространение *есмь* -*л* за счет этих форм не могли иметь места до тех пор, пока эти формы сохраняли специфические отличия в значении; этот процесс мог получить развитие только в том случае, если эти формы функционально в каких-то отношениях совпали в известную эпоху жизни русского языка и, следовательно, утратили некоторые специфические особенности.

В работе об изменениях в употреблении глагола относительно категории вида мы показали, что видовые различия стали связываться со строением основы⁶; показателем видовых функций глагола стала основа, а не форма времени. Аорист обозначал прошедшее действие совершенного вида, но именно перфектность стала выражаться строением основы; поэтому формы аориста от имперфективных основ перестали употребляться; имперфект обозначал имперфективное прошедшее, но именно имперфективность стала выражаться строением основы; поэтому формы имперфекта от перфективных основ перестали употребляться; перфект обозначал действие перфективное и имперфективное, и это зависело не от формы времени, а от строения основы; таким образом, по категории вида формы перфекта (*есмь* -*л*) совпали с формами аориста и имперфекта; это явилось следствием того, что видовые отношения стали выражаться строением основы, а не формой времени. Перфект с перфективным и имперфективным значением вследствие этого стал отличаться от аориста и имперфекта главным образом по категории времени: он обозначал перфективное или имперфективное прошедшее, но указывал на его отнесенность к настоящему времени, — момент, который не имел места в значениях аориста и имперфекта. Кроме того, так как в состав перфекта входило причастие на -*л*, то он по необходимости обозначал прошедшее действие не как производимое субъектом, а как его свойство. А. Потехня писал: «По отношению к глаголу и за устранением времени причастия -*л есмь* равносильно с сочетанием имени с *есмь*: конь умерл (есть), а я жив, это как бы: конь мертв, а я жив»⁷.

Следовательно, перфект сходил функционально с формами аориста и имперфекта в том, что он выражал перфективное прошедшее, если причастие на -*л* было перфективным, или имперфективное прошедшее, если причастие на -*л* было имперфективным; в первом случае он сходил с аористом, во втором с имперфектом; но отличался он функционально от форм аориста и имперфекта тем, что выражал прошедшее действие (имперфективное или перфективное):

а) отнесенным к настоящему времени,

⁶ Т. П. Ломтев. К характеристике видовой дифференциации претеритивных форм глагола в древнерусском языке. «Ученые зап. МГУ, 6, 137. Труды кафедры русского языка», кн. 2, 1948.

⁷ А. А. Потехня. Указ. соч., стр. 256.

б) как свойство субъекта, а не как проявление его деятельности.

С течением времени эти специфические особенности перфекта стали утрачиваться и, наконец, утратились: в современном языке формы прошедшего времени, являющиеся по происхождению формами перфекта, выражают прошедшее действие (имперфективное или перфективное): а) преимущественно безотносительно к настоящему времени, б) как проявление деятельности субъекта, а не как его свойство.

Этот процесс развивался тогда, когда еще функционировали простые формы прошедшего времени. Он не был следствием утраты этих форм, поскольку в это время они вполне нормально функционировали, он был следствием совершенно других причин (о которых речь будет особо), а когда завершился этот процесс, то формы *есмы*-л функционально совпали с формами аориста и имперфекта не только по категории вида, но и в других отношениях. Так отпала потребность в формах аориста и имперфекта; их функции вполне приняли на себя формы *есмы*-л; это имело следствием утрату форм имперфекта и аориста. Такова в общих чертах основная закономерность в развитии взаимоотношений между формами *есмы*-л и формами аориста и имперфекта. Рассмотрим теперь этот процесс в его отдельных проявлениях.

Самым ранним и самым основным процессом изменения сочетания *есмы*-л был процесс грамматической активизации причастия на -л и превращение его из слова, обозначающего качество субъекта, в слово, обозначающее проявление его деятельности. Этот процесс не был вызван утратой простых форм прошедшего времени, ибо он имел место тогда, когда эти формы еще функционировали. Причастия на -л в сочетании с *есмы* давно уже были втянуты в систему глагольных времен; они давно уже перестали быть одной из форм именного сказуемого и превратились в одну из форм времени глагола, как она описана раньше.

Не все виды причастий на -л активизировались одновременно: раньше всего активизировались и оглаголились причастия на -л несовершенного вида; это объясняется тем, что эти причастия обозначали действие в процессе его протекания; позже активизировались и оглаголились причастия на -л совершенного вида; это объясняется тем, что эти причастия обозначали действие не в процессе протекания, а в его готовом виде.

В связи с оглаголиванием причастий па -л должна была постепенно утрачиваться, редуцироваться отнесенность прошедшего действия к настоящему времени; пока причастия на -л сохраняли именную природу и выражали прошедшее действие как свойство субъекта, необходимо было иметь указание на отнесенность этого качества — сказуемого к субъекту во времени. Как в *роза красна* (*красна* как предикат, сочетаясь с субъектом, предполагает отнесенность данной связи предиката с субъектом к настоящему времени или ко всякому времени вообще), так в *дыня гнила* (если *гнила* принять за имя в сказуемом) предполагается отнесенность его

связи с субъектом к настоящему времени. Но стоит нам перенести слово *гнила* в иную плоскость, как сразу отражается утрата отнесенности сочетания *дыня плюс гнила* к настоящему времени.

Сочетание *есмь -л* первоначально обозначало прошедшее действие, наличное в его готовых результатах в настоящее время, как в современном *дыня гнила* (в смысле 'какова'), поскольку причастие на *-л* было именем. Но когда значение причастий на *-л* дифференцировалось по категории вида, когда видовые особенности сочетания его с *есмь* стали различаться в зависимости от строения основы причастия на *-л*, когда оформились причастия на *-л* несовершенного вида, когда далее эти причастия оглаголились и перестали обозначать качество субъекта, а стали обозначать его действие в процессе протекания, — тогда, естественно, должна была возникнуть тенденция к устраниению отнесенности этого последнего к настоящему времени. Причастия стали обозначать прошедшее действие как протекавшее действие безотносительно к результату и, следовательно, нечему стало соотноситься с настоящим временем; пока причастие было именем и обозначало качество субъекта, оно могло соотноситься с ним в настоящем времени, поскольку оно означало качество как наличный в настоящее время результат прошедшего действия; но как только оно превратилось в глагол и стало обозначать его действие в процессе его протекания как протекающее действие безотносительно к результату, так должна была утратиться, редуцироваться отнесенность прошедшего действия к настоящему времени.

Сначала стали утрачивать отнесенность к настоящему времени имперфективные причастия на *-л*, поскольку они раньше стали оглаголиваться и, следовательно, обозначать деятельность субъекта в ее протекании безотносительно к ее результату; позже начали утрачивать отнесенность к настоящему времени и перфективные причастия на *-л*; это объясняется тем, что они обозначали деятельность субъекта относительно ее результатов и безотносительно к ее протеканию.

Обратимся к анализу данных древнейших русских памятников. Задача состоит в том, чтобы определить стадию изменения значения сочетаний *есмь -л*, засвидетельствованную древнейшими памятниками. Первый вопрос, который требует решения при анализе конкретных данных каждого памятника в отдельности, — это вопрос о том, функционировали ли причастия на *-л* в древнейших памятниках в качестве имен, обозначающих прошедшее действие как качество, свойственное субъекту в настоящем времени, или они функционируют как выражение деятельности субъекта.

В своей работе о судьбе составного сказуемого в истории белорусского языка автор этих строк старался доказать, что в древнейших восточнославянских памятниках сохранились только следы того состояния, когда причастия на *-л* функционировали как имена, а не само это состояние. Это значит, что только некоторые при-

меры отдельных памятников позволяют интерпретировать значение причастия на -л в качестве имен, что другие примеры употребления причастия на -л требуют другой интерпретации.

Рассмотрим данные Синодального списка Правды Русской. Возьмем предложение: не рѣди се мое нѣ поиди на свод гдѣ еси възьмѣ (263). Можно ли сказать, что в этом предложении причастие *възмѣ* функционирует как имя, обозначающее качество субъекта в настоящее время? Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно. В этом предложении *възмѣ* функционирует уже не как причастие, т. е. не как имя, а как глагол, т. е. как обозначение деятельности субъекта.

Другой пример: аже начнѣть не знати у кого купил, то ити по немъ тѣмъ видоком на тѣргу (309). И в этом примере *купил* является уже не причастием, а глаголом, обозначающим деятельность субъекта, а не его качество. Можно было бы в таком порядке выписать почти все примеры употребления причастия на -л, и ни в одном из них мы не нашли бы указаний, что оно функционирует, как имя, обозначающее прошедшее действие как качество, свойственное субъекту в настоящее время.

Для того чтобы сделать противоположный вывод относительно того или другого конкретного употребления причастия на -л, необходимы объективные критерии; таким объективным критерием является однородное положение причастия на -л с другими именами в предложении, напр. Конь умерл (есть), а я жив, или чередование в одном предложении причастия на -л с аористом (или имперфектом), из коих каждая форма имеет свое специфическое назначение, напр., Елико нас хрестилися есмы, кляхом ся църковью Ильи. Эти примеры мы можем интерпретировать в том смысле, что в них сохраняются следы того состояния, когда причастия на -л были именами, обозначавшими прошедшее действие как качество субъекта, свойственное ему в настоящее время: конь мертв, а я жив; сколько нас есть крестившихся, поклялись. Если таких критериев нет, если по смыслу контекста видно, что причастие на -л обозначает активную деятельность субъекта, то мы не имеем никакого права полагать, что причастие на -л в данном предложении сохраняет свое более древнее значение. Во всяком случае в Правде Русской почти нет примеров употребления причастий на -л, которые позволяли бы истолковать функции причастий на -л как свойство или качество субъекта.

Второй вопрос, который требуется решать при анализе конкретных данных каждого памятника в отдельности,— это вопрос об отнесенности прошедшего действия к настоящему времени в формах *есмь* -л.

Как покажут наблюдения над памятниками, процессы утраты отнесенности прошедшего действия к настоящему времени в формах *есмь* -л имели место позже оглаголивания причастий на -л и протекали весьма длительное время. При чем содержание отнесенности прошедшего действия к настоящему времени радикально

изменилось: действие как качество субъекта, свойственное ему в настоящее время, может грамматически быть таковым только в том случае, если оно грамматически оформляется, как имя, напр.: *дыня гнила* (какова); но если это действие оформляется не как имя, а как глагол, который обозначает его как проявление активной деятельности субъекта в прошедшем времени, то оно не может выступать как качество субъекта, свойственное ему в настоящее время. В каком же смысле такая прошедшая деятельность субъекта может быть отнесенной к настоящему времени? Отнесенность такого действия к настоящему времени означает, собственно, как будет показано ниже, на разборе отдельных примеров, сохранение значения актуальности для субъекта в настоящее время его прошедшей деятельности, т. е. наличие отнесенности к субъекту данного его прошедшего действия и в настоящее время.

После превращения причастия на -л из имени в глагол специфическая грамматическая категория времени формы *есмь* -л не исчезла, но сначала только преобразовалась: категория грамматического времени глагола, представленная в сложном перфекте, именно категория прошедшего действия субъекта, выраженная в качестве свойства его в настоящее время, преобразовалась сначала в категорию прошедшей деятельности субъекта, сохраняющей значение актуальности для него и в настоящее время, т. е. относящейся к нему и в настоящее время. Затем начинается редуцироваться и этот последний момент; когда это совершается, причастия на -л превращаются в форму прошедшего времени, лишенную отношения к настоящему времени.

Таким образом, в дальнейшем при анализе данных отдельных памятников мы будем интересоваться следующим вопросом: если причастие на -л в сочетании с *есмь* и пр. уже оглаголилось и стало обозначать прошедшую активную деятельность субъекта, то не наблюдаются ли в тексте указания на то, что эта деятельность субъекта грамматически мыслится сохраняющей значение, актуальность для субъекта и в настоящее время. Если да, то формы *есмь* -л еще сохраняют в данном памятнике какие-то свои особые специфические функции, если нет, то они уже в данном памятнике представляют то, чем они являются в современном языке.

Проанализируем с этой стороны соответствующие примеры из Правды Русской. Возьмем тот же пример: и не рьци се мое нѣ поиди на свод, где еси *възялъ* (267). *Възялъ* безусловно обозначает прошедшую деятельность субъекта, но по смыслу контекста видно, что она сохраняет свое значение для субъекта и в настоящее время; это может быть фактом случайно стилистическим, но это может быть и фактом закономерно грамматическим. Оже съвержеть виру, тѣ гривна кун съметная отроку; а кто *кльпал*, а тому дати другую гривну (П. Р. Син. Сп., стр. 127, § 20). *Кльпал* обозначает прошедшую деятельность, и это сохраняет свое значение в данное время, и потому необходимо дать ему другую гривну...

Большинство примеров употребления причастий на -л в Правде Русской поддаются такой интерпретации. Следовательно, в Правде Русской причастия на -л уже стали выражать активную прошедшую деятельность субъекта, но в огромном большинстве случаев эта прошедшая деятельность субъекта представляется имеющей актуальность для него и в данное, т. е. в настоящее время. Тот факт, что подавляющее большинство случаев употребления причастий на -л в Правде Русской характеризуется именно этой особенностью, доказывает, что она является в отдельных примерах не случайно стилистическим моментом, а закономерно грамматической нормой. Эта последняя нарушается единичными примерами употребления причастий на -л, нуждающимися в особых комментариях. По Ярославъ же пакы съвѣкупивъшеся сынове его... отложиша убиение за голову, нѣ купами ся выкупати; а ино все яко Ярослав *судил*, тако же и сынове его уставиша (П. Р., Син. сп., стр. 123, § 2). Здесь *судил* обозначает прошедшую деятельность субъекта, но эта деятельность субъекта не могла для него иметь значения в то время, когда составлялся данный текст: Ярослава в это время уже не было в живых. Кстати, это место в тексте Правды Русской является позднейшим сравнительно с другими частями текста данного памятника.

Подводя итоги всему сказанному об употреблении *есмь* -л в Правде Русской, можем сказать, что причастия на -л в этой форме, по данным Правды Русской, уже перестали быть причастием, т. е. именем, и обозначать качество субъекта, а превратились в глаголы и стали обозначать прошедшую деятельность субъекта, сохраняющую актуальность для субъекта в данное, т. е. в настоящее время. Из этого следует, что факт отсутствия значительного количества форм аориста и имперфекта в Правде Русской и факт преимущественного употребления в этом памятнике форм *есмь* -л не доказывает, что в живом языке того времени формы аориста и имперфекта не употреблялись, а употреблялись только формы *есмь* -л, так как эти последние засвидетельствованы в нашем памятнике с особым специфическим значением сравнительно с формами аориста и имперфекта. Для более широкого употребления форм аориста и имперфекта содержание памятника не представляло условий.

Перейдем теперь к анализу данных Синодального списка 1 Новгородской летописи. Задача наша в значительной степени облегчена тем, что эти данные изучены Е. С. Истриной.

По вопросу о том, обозначают ли формы *есмь* -л процесс деятельности субъекта, или они лишь приписывают объекту известное качество, Е. С. Истрина недвусмысленно заявляет: «Всматриваясь во впутреннее значение сказуемого таких предложений, видим, что оно не обозначает развития деятельности предмета во времени, не обозначает самого процесса действия, а лишь приписывает предмету (лицу) известный поступок; это ясно в примерах: *кляняюся стѣй Софии и гробу оца моего и всѣм новгородьцем; пришль*

есмь к вам, слышов насилье от князь (восстановлено по Кат, 151, 3); а далече есте шли, и вышли есте, акы рыбы на сухо (169, 18); оже нѣту вины его, ты к нам крст *цѣловал* без вины муж не лишиши (181, 20); ты *еси* мой двор *хотел* зажечи (220, 15)».

Здесь Е. С. Истрина рекомендует всматриваться во внутреннее значение сказуемого приведенных предложений, и ей ясно, что *есмь* -л в этих предложениях не обозначает процесса деятельности субъекта, а лишь приписывает ему известный факт. Между тем никаких объективных критериев для такой интерпретации значения *есмь* -л эти предложения не представляют. Относительно языкового чутья исследователя, к которому передко обращается Е. С. Истрина, необходимо заметить, что оно, конечно, не является безошибочным критерием при решении подобного рода вопросов. Но все же, если им руководствоваться, то нельзя не видеть, что *есмь* -л в «далече есте шли, и вышли есте, акы рыбы на сухо» несомненно обозначает процесс активной деятельности субъекта, а не его свойство.

Ни в одном примере, приведенном Е. С. Истриной, мы не находим, чтобы *есмь* -л не обозначало процесс деятельности субъекта, а лишь приписывало ему известное качество; напротив, во всех этих предложениях *есмь* -л обозначает именно процесс деятельности субъекта, а не качество, свойство или состояние субъекта. Следовательно, данные Синодального списка 1 Новгородской летописи по изучаемому признаку вполне совпадают с данными Синодального списка Правды Русской 1282 г.

Несколько иную картину представляют данные Синодального списка 1 Новгородской летописи сравнительно с Синодальным списком Правды Русской по вопросу об отношении прошедшего действия, выраженного формой *есмь* -л, к настоящему времени.

И в Синодальном списке 1 Новгородской летописи в большинстве примеров *есмь* -л обозначают прошедшую деятельность субъекта, сохраняющую актуальность для объекта и в настоящее время: не ими, княже, вѣры брати наю: *суть* на тя *сѣвѣтали* с Черниговскими князи (146, 12).

Сѣвѣтали обозначает прошедшую деятельность субъекта, но она сохраняет актуальное значение и в настоящее время, о чем свидетельствует наличие предупреждения не иметь веры лицам, являющимся субъектом *суть сѣвѣтали*. И рече, яко не мыслил *есмь* до плъсковичь груба ничего же... а они мя обѣществовали (146, 12). И здесь не мыслил *есмь*... груба ничего — прошедшее действие, имеющее актуальность и в настоящее время: не мыслил — и это факт для настоящего времени; точно так же и они мя обѣществовали обозначает прошедшую деятельность, имеющую актуальность и в настоящее время.

Примеры такого характера можно привести в большом количестве. Это указывает на то, что формы *есмь* -л в Синодальном списке 1 Новгородской летописи еще сохраняют некоторые специфические особенности в значении сравнительно с формами аориста и импер-

факта. Но в этом памятнике гораздо более заметным слоем, чем в Правде Русской, отражены примеры употребления причастия на -л, в которых прошедшее действие обозначается безотносительно к настоящему времени: *яко, брате, страдали дѣди наши и очи за русьскую землю, тако, брате, и мы поидим по своему князи* (158, 5). Деды и отцы страдали в прошлом и это для них факт только прошлого, не имеющий значения для них в настоящее время. Не хотим измерти на коних; нъ *яко очи наши билися на кулачьскѣи пеши* (170, 3). Этот пример аналогичен прежнему. И *яко съступишася, быс страшно побоище, яко не видали ни оци, ни дѣди* (288, 16) и *быс зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи* (270, 7). И в этих примерах не содержится никаких указаний на то, что давало бы право приписывать прошедшим действиям актуальность для субъекта и в настоящее время. И тамо *ѣздив Лазарь Моисиевич водил всѣх их к крсту: бискупов и бы их дворян, яко не помогати им Колованцем* (287, 1). И в этом предложении мы не находим оснований для того, чтобы считать, что прошедшее действие *ходил* выражено как имеющее актуальность для субъекта и в настоящее время.

Такого рода примеры в Синодальном списке 1 Новгородской летописи уже не единичны, хотя они и не являются массовыми. Во всех приведенных выше примерах употребления причастия на -л с утратой отношения прошедшего действия к настоящему времени мы встречаемся с причастиями несовершенного вида. И это вполне закономерно, причастия на -л несовершенного вида обозначали прошедшую деятельность субъекта как процесс безотносительно к его результату, и потому они прежде всего имели тенденцию утратить отнесенность этого действия к настоящему времени.

Что касается причастий на -л совершенного вида, то они хотя и весьма редко, но также встречаются в значении обозначения прошедшей деятельности, лишенной отношения к настоящему времени: и послапца новгородьци послы, зовуча его в Новгород... и он молбы *не приял*, а их *не послушал*, а миру *не да* (в Кат. не дал), поѣх прочь (334, 8).

Никакого различия нельзя установить между «не послушал» и «не да». Если «не да» — форма, обозначающая прошедшую деятельность безотносительно к настоящему времени, то нет основания иначе полагать относительно формы «не приял», «не послушал». И он ехав костры *нарядил* и приеха в Новгород (336, 7). И в этом примере нарядил — форма, лишенная отношения к настоящему времени.

Примеры такого употребления причастий на -л совершенного вида единичны.

Таковы факты употребления причастий на -л в Синодальном списке 1 Новгородской летописи.

Они позволяют сделать следующие выводы:

1. Большинство примеров употребления причастий на -л (с *есмь* и т. п. или без него) в Синод. сп. 1 Новг. лет. указывает

на то, что причастия на -л обозначали прошедшую деятельность субъекта, сохраняющую для него актуальность и в настоящее время. Это доказывает, что и в живом языке, отразившемся в нашем памятнике, эти формы еще сохраняли в большинстве случаев свои специфические особенности в значении сравнительно с формами аориста и имперфекта.

2. Меньшее число примеров употребления причастий на -л в нашем памятнике указывает на то, что причастия на -л, главным образом несовершенного вида, обозначали прошедшую деятельность субъекта безотносительно к настоящему времени. Это доказывает, что и в живом языке, отразившемся в данном памятнике, уже стала развиваться тенденция к утрате формами *есмь* -л их специфического значения — сохранения актуальности для субъекта его прошедшей деятельности в настоящее время. Эта тенденция стала развиваться прежде всего в сочетаниях *есмь* -л, имеющих причастия на -л несовершенного вида. Тем самым формы *есмь* -л стали совпадать функционально с формами аориста и имперфекта и получили возможность вытеснять их. В живом языке, отразившемся в Синодальном памятнике 1 Новгородской летописи, факт распространения форм *есмь* -л за счет форм аориста и имперфекта уже стал настолько заметным, что получил отражение в литературно-книжном языке, каким является язык нашего памятника.

Рассмотрим данные Ипатьевского списка летописи.

В отдельных примерах, конечно, и в этом памятнике можно при известной интерпретации находить отражение былого состояния, когда причастия на -л были именами и обозначали свойство субъекта: взять хотя бы уже известный нам пример: мы же елико нас *крстилися* есмы кляхомся цквю стго Ильи (Ип. л., I, стр. 42, 6453 г., л. 20 об) = мы же сколько нас есть теперь *крестившихся* клялись церковью святого Ильи...

Но количество примеров, допускающих возможность такой интерпретации, в нашем памятнике ничтожно.

В большинстве примеров причастия на -л не допускают такой интерпретации. Взять хотя бы пример, следующий несколькими строками после вышеприведенного: бѣ одинъ есть ему же служить грѣци и кланяются иже *створил* пѣбо и землю и члвка — который сотворил небо, землю и человека.

Конечно, можно сказать, что и это причастие возможно передать именем — который является *сотворившим* небо, землю и человека. Но кажется, назначение этого предложения заключается не в том, чтобы выразить, какое качество имеет субъект, а в том, чтобы выразить, что он произвел, а в таком случае *створил* должно выражать не качество субъекта, а его деятельность. И послалша к нему (Олегу), глше: почто идещи опять, *поимал* еси вью дань (Ип. л. I, стр. 44, 6453 г.) — зачем идешь опять, ведь ты забрал всю дань.

В чем видеть назначение этого предложения в тексте: в том, чтобы выразить, каков Олег, или в том, чтобы выразить, что он уже сделал. Кажется, правильное последнее. Нелогично было бы интерпретировать это предложение так: зачем (Олег) идешь к нам, ты уже являешься забравшим всю дань. Таким способом с не меньшим успехом можно было бы интерпретировать любой глагол настоящего времени и рассматриваемое нами место перевести так: зачем [Олег] являешься идущим к нам, ты ведь уже являешься забравшим всю дань.

Итак, и этот памятник представляет аналогичные с Русской Правдой и Синодальным списком 1 Новгородской летописи данные; эти данные неопровержимо свидетельствуют о том, что причастия на -л уже в доисторический период превратились в глагол и стали обозначать деятельность субъекта.

Теперь проанализируем данные этого памятника со стороны категории времени формы *есмь* -л. Подавляющее большинство примеров употребления причастия на -л содержит в себе указания на то, что прошедшая деятельность субъекта, выраженная формой *есмь* -л, имела актуальность для субъекта и в настоящее время: аз бо не хощю тяжьки дани възложити на вас, якож мужь мой, но сего у вас прошю мала, *изнемогли* бо ся *есть* в осадѣ, да владите се малое (Ип. л. 1, стр. 48, 6457 г.) = *изнемогли* вы теперь в осаде, дайте это малое. *Изнемогли* — слово, обозначающее прошедшую деятельность субъекта, но эта деятельность и теперь, сейчас считается актуальной для субъекта.

В си же времена родися Моисей в жидех, и рѣша вољстви егупетстии цсрю, яко *родился* ес дѣтищъ в жидох, иже хощеть погубити Егупет (Ип. л. 1, стр. 81, 36 об). Моисей *родился* — это прошедшая деятельность субъекта. Но она факт для субъекта и в настоящее время.

Приде ему вѣсти ис Кыева от сестры его Передьслави оць ти *умерл*, а Стополк сѣдитъ в Киевѣ послав уби Бориса и Глѣба (Ип. л. 1, стр. 127, л. 53). Отец умер — и сейчас это факт, а Святополк сидит сейчас в Киеве. Здесь также прошедшая деятельность субъекта является актуальной для него и сейчас, в настоящее время.

В меньшем числе примеров употребления причастий на -л не заключается указаний на то, что прошедшая деятельность субъекта, выраженная формой *есмь* -л, имеет отношение к субъекту в настоящее время. И рече патриарх: чадо вѣрное в Хса крѣстилася еси и в Хса облечеся (Ип. л. 1, стр. 51, 6463). *Крестилася еси* обозначает прошедшее действие безотносительно к настоящему, так как это действие поставлено в качестве однородного члена к аористу *облечеся: крестились* (безотносительно к настоящему времени) и *облеклись* (безотносительно к настоящему времени).

Слышахом, яко *приходили* суть болгаре, учаще тя приняти вѣру свою ((Ип. л. 1, стр. 73, 6494). *Приходили суть* обозначает прошедшую деятельность субъекта, которая по смыслу контекста

выражена безотносительно к судьбе и положению субъекта в настоящее время.

Примем Авраам огонь, зажжѣхъ идолы в храмини; видѣхъ же се Аран брат Авраамов ревную по идолѣхъ, хотѣхъ умышати идол, сам згорѣ ту Аран и умре пред оцм, пред сѣм бо не *умирал* он пред оцем, но оцъ пред сном, от сего начаша умирати снове пред оцм (Ип. л. 1, стр. 80, л. 36) = до этого не умирал сын перед отцом, но отец перед сыном. В этом контексте *умирал* обозначает прошедшее действие, которое выражено безотносительно к настоящему времени; во всяком случае никаких указаний в тексте мы не имеем, чтобы данная деятельность данного субъекта была подана грамматически как имеющая значение для последнего и в настоящее время.

Число таких примеров можно увеличить. И опять необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев употребления форм *есмь* -л, в которых прошедшее действие выражено безотносительно к настоящему времени, причастия на -л имеют несовершенный вид.

Реже в таком значении употребляются и причастия совершенного вида: Мьстислав... умре и положи и цркви стго Сиса, юже *создал* сам (Ип. л. 1, стр. 136, 6542). Рядом встречаются соответствующие обороты с аористом *созда*: положи (умершего Ярослава) въ цркви стои Софьи, юже *созда* сам (Ип. л., 1, стр. 139, 6545).

Сравнение этих двух предложений наталкивает на мысль, что *создал* функционально равно *созда*; и поскольку последняя форма выражает прошедшее действие безотносительно к настоящему времени, следует думать, что и первая форма выражает прошедшее действие таким же путем. Во всяком случае, ничто не указывает на то, что прошедшее действие, выраженное словом *создал*, грамматически представляется имеющим отношение к субъекту в настоящее время.

Факты, извлекаемые из Ипатьевского списка летописи, в основном совпадают с фактами, извлекаемыми из Синодального списка 1 Новгородской летописи, и выводы, которые мы сделали относительно Синодального списка 1 Новгородской летописи, полностью подтверждаются также и данными Ипатьевского списка летописи.

В литературе предмета обращено внимание на то, что формы *есмь* -л употребляются большею частью в прямой речи действующих персонажей летописей и весьма редко в авторской речи летописца⁸.

Д. Н. Кудрявский находил, что формы *есмь* -л шире употреблялись в живом языке, чем летописных сборниках. Язык этих последних регламентировался традиционным летописным стилем,

⁸ Д. Н. Кудрявский. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи. ИОРЯС, 1909, кн. 2, стр. 53; Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лавр. сп. л., 1928, стр. 26; Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 113.

и только в прямой речи действующих персонажей в летописях прорываются в более значительном объеме факты народного языка. «Передавая чужие слова, летописец имел больше поводов отступать от традиционного летописного стиля и ближе подходить к формам живой речи».

Иначе смотрит на дело Е. С. Истрина. Она полагает, что факт преимущественного употребления форм *есмь* -л в прямой речи действующих лиц не доказывает, что в живом языке эти формы употреблялись более широко, чем в литературной практике того времени; он объясняется тем, что в прямой речи якобы «нет объективного отношения говорящего к упоминаемым прошедшим событиям, как это наблюдается в рассказе; в ней сильно выступает субъективное чувство настоящего для говорящего лица. Вот этими чертами прямой речи и может объясняться употребление в ней сложных форм прошедшего времени в сказуемом».

Автору этих строк уже приходилось принимать участие в обсуждении этой проблемы⁹. Объективное исследование не может, конечно, довольствоваться такими экспрессивными словоупотреблениями, как: в прямой речи якобы «нет объективного отношения говорящего к упоминаемым прошедшим событиям», или: «в прямой речи сильно выступает субъективное чувство настоящего для говорящего лица».

Действительно грамматический факт состоит в следующем: сохранение актуальности для субъекта в настоящее время его прошедшей деятельности, выраженной формами *есмь* -л, имеет место и в прямой, и в авторской речи, но относительно чаще в первой, чем во второй; отсутствие этого момента имеет место также и в прямой и в авторской речи, но относительно чаще во второй, чем в первой. Это различие не относится к области грамматики; оно объясняется реально-семантическими условиями каждого контекста в отдельности. Когда князь Ярослав, будучи в отлучке и не зная о смерти отца и последовавшем затем убийстве братом Святополком двух братьев Бориса и Глеба, получил извещение в форме прямой речи: *не ходи, оць ти умрл, а брат ти убит от Стополка* (Ип. л. 1, стр. 121, л. 50), в которой действительно *оць ти умрл* обозначает прошедшее событие, но относит его к настоящему времени, как *брат ти убит*, однако этот и другие подобного рода случаи нельзя возводить в грамматическую закономерность и формулировать наличие в прямой речи особой грамматической категории, состоящей в отсутствии «объективного отношения говорящего к прошедшим событиям», в наличии «субъективного чувства настоящего для говорящего» и т. п. Эти и подобные случаи употребления прямой речи с рассматриваемой стороны являются собою особые реально-семантические условия для употребления форм

⁹ Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса, стр. 108.

есмь -л, имеющие в каждом отдельном случае отдельные мотивировки, не сигнализируют о наличии какой бы то ни было грамматической категории, свойственной прямой речи. Это подтверждается также тем, что отнесенность прошедшего действия субъекта к настоящему времени в формах *есмь* -л имеет место и в авторской речи, а также и тем, что отсутствие отнесенности прошедшего действия субъекта к настоящему времени в форме *есмь* -л имеет место и в прямой речи.

Из этого следует, что никаких данных для установления различия между прямой и авторской речью со стороны категории времени не существует, что различие в употреблении форм *есмь* -л в прямой и авторской речи имеет стилистическую мотивировку и не может быть возводимо в грамматическую категорию.

Функциональное совпадение форм *есмь* -л с аористом и имперфектом может иметь место не только в авторской, но и в прямой речи. Мы поэтому не принимаем критерий, выставленный Е. С. Истриной, для определения того, что форма *есмь* -л уже совпала по значению с простыми формами прошедшего времени и стала вытеснять их.

Таким критерием, по мнению Е. С. Истриной, является употребление форм *есмь* -л в авторской речи, т. е. в объективном рассказе. В таких случаях, по мнению Е. С. Истриной, формы *есмь* -л не имеют никакого специального значения.

Однако такое употребление форм *есмь* -л встречается не только в авторской речи, но и в прямой, примеры чего были приведены выше; следовательно, критерий, выставленный Е. С. Истриной, не подтверждается фактами.

...Рассмотрим теперь «Слово о полку Игореве». Данные этого памятника представляют уже значительное свособразие. В этом памятнике только некоторые примеры употребления причастий на -л, и притом совершенного вида, обозначают прошедшее действие субъекта, которое допускает истолкование в качестве актуального для него и в настоящее время.

Дълго ночь мръкнет. Заря — свѣтъ *запала*. Мъгла поля *покрыла*. Мгла поля *покрыла*, заря *запала* (запылала) — факт и в настоящее время. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли *преклонилось* (теперь). Уже бо, братис, не веселая година *встала* (сейчас); уже пустыни силу *прикрыла*. *Встала* обида в силах. Дажь божьа внука, *вступила* дѣвою на землю Трояню.

Во многих же случаях употребления причастий на -л уже не представляется возможности квалифицировать прошедшее действие субъекта, выраженное формою на -л, в качестве имеющего к нему отношение и в настоящее время.

Ты *пробил еси* каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты *лелѣя еси* на себѣ Святослави посадки до плъку Кобыкова: възлелѣй, господине, мою ладу к мнѣ, а бых не слала к нему слез на море рано. *Пробил* горы и *лелеял* посадки раньше, а теперь, в настоящее время этого нет, теперь взлелей мою ладу. То было в

ты рати и в ты плъкы, а сящей рати не слышню. То было и не есть теперь. Были вѣчи Трояни, *минула* лѣта Ярославля; были плъцы Олговы, Ольга Святославлича. Тѣй бо Олег мечем крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяши. Были вечи, минули лета, — и это все уже в прошедшем, данное безотносительно к настоящему.

Формулируя общие закономерности употребления форм *есмы*-л в Слове о полку Игореве, мы должны сказать: в этом памятнике уже не наблюдается того положения, которое мы наблюдали, скажем, в Правде Русской, т. е. в этом памятнике формы *есмы*-л выражают прошедшую деятельность субъекта по большей части безотносительно к его положению в настоящее время. Следовательно, в Слове о полку Игореве, памятнике XII в. отразился живой язык того времени, т. е. XII в., в котором формы перфекта утратили во многих случаях свою специфичность со стороны категории времени. В это время уже в полном объеме должен был развиваться процесс вытеснения формами *есмы*-л простых форм прошедшего времени. Эти последние формы могли еще существовать в это время, но только по традиции, ибо они грамматически не были необходимыми в языке.

Рассмотрим теперь данные древнейших русских грамот.

В грамоте великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода около 1130 г. мы находим такие примеры: *стму же георгиеви велѣл есмь бити в не на обѣдѣ коли игумен обѣдаетъ. Едва ли можно думать, что грамматическое назначение формы «велѣл есмь» в данном контексте состоит в том, чтобы выразить прошедшую деятельность субъекта (князя) как имеющую к нему отношение и в настоящее время. Се аз Мстислав Володимиръ си държа русьску землю в свое княжение повелѣл есмь сну своему Всеволоду отдати буйцѣ стму георгиеви с данию и вирами. Повелѣл есмь — уже прошедшая деятельность субъекта (князя), которая имеет силу закона в любое время, в настоящее и будущее. Но едва ли эта деятельность грамматически должна представляться имеющей актуальность для субъекта и в настоящее время. Едва ли форме *повелѣл есмь* в вышеприведенном контексте надо приписывать грамматическое значение: *повелѣл* в прошлом и является таковым в настоящее время. Конечно, он повелел для того, чтобы оно, это повеление, было действенным не только в прошедшем времени. Но это юридический смысл разбираемой формулы: его нельзя выдавать за доказательство грамматического значения формы *повелѣл есмь*.*

В договорной грамоте Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг. находим: а се старая наша правда и грамота на чемъ цѣловали оци ваши и наши крст. В этом примере цѣловали обозначает прошедшую деятельность безотносительно к настоящему времени субъекта. А в ратшину тяжю платили есмы к грвн серебра за двѣ голове, а третью выдахом, а немцм и гтѣм... платити по двѣ кунѣ от капи. И в этом примере платили есмы обозначает прошедшее действие безотносительно к

настоящему, на что указывает постановка этой формы в качестве однородного члена с формой *выдахом*.

В договорной грамоте Новгорода с великим князем Тверским Ярославом Ярославичем находим: а что, княже, брат Александр *дѣял* насилие на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отстати. Дѣял в прошлом брат, но о нем в настоящее время нет речи, следовательно, это прошедшее действие не может быть отнесено к настоящему данного субъекта. То же самое в следующем примере: а кому *раздаял* волости брат твой Александр или Дмитрий с новгородци, тебе тех волости без вины не лишати.

Конечно, в отдельных случаях и в грамотах можно встретить такое употребление формы *есмь* -л, особенно с причастием совершенного вида, которое обозначает прошедшее действие субъекта сохраняющим актуальность для него и в настоящее время. Так, в договорной грамоте Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг. находим: а которых трое дворцы въпросили ваша братья послаи, а тѣх ся *есмы отступили* по своей воли. Мы *отступились* от тех трех и этот факт подчеркиваем в настоящее время. Такие примеры, однако, не составляют правила даже для древнейших русских грамот, т. е. для грамот XIII в.: и в силу своей немногочисленности они могут иметь только стилистическое значение, а не грамматическое; они не могут служить основанием для формулирования грамматического положения, что причастия прошедшего времени на -л в XIII в., как и в XI в., обозначали прошедшее действие отнесенным к настоящему времени. В отдельных употреблениях формы на -л так могло быть, но отдельное употребление не может быть возводимо на степень грамматического значения.

Наблюдение над грамотами позволяет сделать выводы, которые существенно дополняют выводы, сделанные нами на основании изучения соответствующих данных Слова о полку Игореве.

Причастия на -л в массе своей в грамотах функционируют так же, как и в современном языке; они не оставляют места для форм аориста или имперфекта; и если формы аориста изредка встречаются в отдельных грамотах, то они могли иметь только значение редких пережитков старины. Не исключено, что эти формы в грамотах отражали наличие этих форм в живом русском языке XIII века, но только в качестве отживающих свой век спорадических пережитков.

Итак, уже в период, предшествовавший появлению памятников восточнославянской письменности, причастие на -л преобразовалось из причастия в глагол и стало обозначать не качество субъекта, а его активную деятельность. Эта последняя в форме *есмь*-л продолжала сохранять свою отнесенность к субъекту и в настоящее время; но уже к XIII в. и этот момент в значении формы *есмь*-л утратился: так причастия на -л превратились к XIII в. в форму глагола, выражающую прошедшее действие безотносительно к настоящему времени.

Раньше всего претерпели все эти изменения причастия на -л несовершенного вида. Мы уже неоднократно подчеркивали этот факт при анализе конкретных данных отдельных памятников. В связи с этим фактом мы ставим факт более раннего исчезновения имперфекта, чем форм аориста. Позже претерпевали эти изменения причастия на -л совершенного вида; в связи с этим фактом ставим более длительное употребление форм аориста, чем имперфекта.

Пережиточно причастия на -л совершенного вида и в более позднее время, напр. XVI—XVII вв., еще употреблялись на правах имени, напр.: Пашни паханные монастырские середние земли 12 ч., да перелогом 3 ч. с осминою, да лесом *поросло* 2 ч. с осминою. И всего пашни и перелогу и лесом *поросло* монастырские середние земли 17 ч. в поле, а в дву по тому ж (Мат. для ист. делопр. помест. приказа по Волог. у. в XVII в., вып. II, стр. 31). Из приведенного словоупотребления совершенно ясно, что значение формы *поросло* в данном случае для XVII века является реликтовым и ни в какой степени не согласуется с обычным значением таких форм в языке этого времени.

В этом отношении любопытным является еще факт выражения времени при обозначении течения реки. «О том, что течет, впадает и т. п. говорится в древнерусском обычно в форме прошедшего времени совершенного вида»¹⁰: а река большая скрозь по саду *прошла* и *пала* в море в том устье, где в Венеции ворота морские... (Отчет Я. Молвян), а река-Москва *вытекла* по вяземской дороге за Можайском верст 30 или немного больше... А Кара-река *пала* в Оку ниже Серпухова с версту... А Упа река *вытекла* от Куликова поля с Муравского Шляху... А Меча-река по леву Муравския дороги *потекла* и *пала* в Дон ниже града Лебядяни верст с 8 (большой чертеж).

Формы *река пала*, *вытекла*, *потекла* и т. п. надо истолковать как реликтовые формы для XVII века, означавшие прежде, что река является вытекающей, потекшей и т. п.¹¹

Переходим к анализу изменений в употреблении форм давно-прошедшего. Эта форма, как известно, издавна была представлена двумя видами: а) сочетанием имперфекта или аориста от глагола *быть* с соответствующим причастием прошедшего времени на -л, напр., погорѣ тѣрговый пол... яко же и прежде *бѣше по-орѣл* (Син. сп. 1 Новгород. л., 29,8); б) путем сочетания перфекта *был* *есмь* с соответствующим причастием на -л, напр., то Ярослав *был* *установил* (П. Р. Син. сп., стр. 131, § 65).

Первый вид этой грамматической формы был свойствен старославянским памятникам, тогда как второй вид этой формы им

¹⁰ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий..., стр. 28.

¹¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, ч. 1. М., 1875, стр. 252—253; Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 220; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 566.

не был известен. Поэтому этот вид плюсквамперфекта называют чисто русскою формою. В русских памятниках она встречается с древнейших пор, во всяком случае ранее исчезновения форм аориста и имперфекта. Эта форма в древнейших памятниках сосуществовала с формою, засвидетельствованною старославянским языком; эта последняя, когда пали формы аориста и имперфекта, также вышла из употребления; но формы второго типа еще долго продолжали употребляться и отчасти дожили до нашего времени.

Возвращаемся к принятому нами плану исследования. Насколько в древнейших памятниках причастия на -л в этой форме обозначают прошедшее действие как свойство субъекта, отнесенное к прошлому и насколько они выражают активный процесс деятельности субъекта, отнесенный к прошлому в известном смысле? На этот вопрос Е. С. Истрина отвечает так: «Исходя из того, что замечено относительно значения имперфекта и прошедшего сложного *есмь-л* (перфекта), можно в формах давнопрошедшего, включающего в себя две названные формы, предполагать значение соответственно значениям этих двух форм. Другими словами, можно ждать, что формы давнопрошедшего называют результат действия вне изображения его процесса и относят этот результат к неопределенно длительному прошедшему времени»¹². Из этих слов видно, что причастия на -л, по мнению Е. С. Истриной, не обозначают действие как деятельность субъекта, а обозначают его как результат или свойство субъекта, отнесенное к прошлому. Такое значение формы можно действительно проследить на отдельных примерах. Эти примеры собрал из разных памятников А. А. Потебня. Некоторые из них мы привели в своей названной прежде работе, напр.: *смыъ мои съ мъртв бѣ и оживѣ, изгиблѣ бѣ и обрѣтѣся* (Ост. Е. Лук. 15, 24). Здесь сочетание *бѣ изгиблѣ*, чередующееся с сочетанием *бѣ мъртв*, означает 'был погибший', как *бѣ мъртв* означает 'был мертвый'. Но такие примеры не составляют общего правила в древнейших русских памятниках. Е. С. Истрина подвела под эту категорию много примеров, но в действительности только отдельные примеры оказываются относящимися к этой категории, напр., и *приде Ростову, и в то врѣмя умърл бѣше Михалко, и поиде с ростовци и с суждальци* (Син. Сп. 1 Новгород. л. 79, 17) = в то время Михалко был уже умерший.

Другие же примеры, которые приведены Е. С. Истриной в одном и том же ряду для доказательства того, что причастия на -л не обозначают активной деятельности субъекта, совершенно не подходят под эту категорию, напр.: *отбѣгоша к Ярославу прѣступники крсту; чѣловали бо бяху хс чъстый к Мъстиславу* (Там же, 166, 4). Как ни толковать значение времени сочетания «чѣловали бо бяху», не подложит сомнению, что это сочетание обозначает действие как активную деятельность субъекта.

¹² Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 125.

Рассмотрим теперь эти сочетания со стороны категории времени. В период, когда причастия еще сохраняли именную природу, они обозначали прошедшее действие как качество субъекта, свойственное ему в настоящее время, если соединялись с субъектом посредством *быше* и пр.; *есть умърл* означало 'он умерший', (есть в настоящее время), *быше умърл* означало 'он был умерший', т. е. был умерший уже в то время, к которому относится был (*быше*).

Между приведенными формами и нижеследующими можно провести полную аналогию: *дыня гнила* (теперь является); *дыня была гнила* (безотносительно к настоящему времени).

Но как только причастия на -л оглаголились и стали обозначать не качество субъекта, а его активную деятельность, должно было измениться временное значение *быше умерл*. Прежде всего, если говорят, что формы *быше -л* обозначают прошедшее действие раньше другого прошедшего действия, то требуется выяснить, раньше какого действия они обозначают соответствующее действие; если раньше *быше* так это понятно, но ведь *быше* не обозначает никакого действия, это — только вспомогательный глагол, соединявший в прошлом имя в предикативе с именем в субъекте в прошедшем времени. В отдельно взятой изолированной фразе *быше шел* не может означать действия, которое предшествует другому прошедшему действию, так как этого последнего нет, нечему, следовательно, предшествовать. Что же касается функции *быше* в такой фразе, то она сводится к тому, чтобы подчеркнуть, что действие, выраженное формой -л, не относится к настоящему времени субъекта, так как без этого предполагалась бы форма *есмь*, и действие относилось бы к настоящему времени.

Следовательно, в дальнейшем исследовании материала особое внимание должно быть обращено на функции вспомогательного глагола.

Если в предложении имеется несколько глагольных форм прошедшего времени, тогда время вспомогательного глагола отождествлялось со временем других глагольных форм прошедшего времени, а форма на -л, обозначающая действие прошедшим уже до того времени, какое обозначено вспомогательным глаголом, представляется по отношению к другим прежде прошедшим, напр., и *приспѣ* осень и *помяну* Олег конь свои, иже *бѣ* поставил кормити не всѣ да на нь (Ип. л. 1, стр. 30, 6420). *Приспѣ*, *помяну* и *бѣ* — это формы прошедшего времени, находящиеся в одной плоскости: *помяну* тогда, когда *приспѣ*, а *бѣ* тогда, когда *помяну* и *приспѣ*; *поставил* же обозначает прошедшее действие уже имевшим место в то время, к которому относится *бѣ*, *помяну* и *приспѣ*; следовательно, грамматический смысл фразы со стороны категории времени таков: подошла осень, тогда вспомнил Олег о своем коне, которого *поставил* кормить, но не тогда поставил, когда вспомнил, а раньше этого времени: на это указывает *бѣ*, которое одновременно с *помяну* 'вспомнил' и *поставил* обозначает действие уже имевшим

место до того времени, которое обозначено формой *бѣ*; следовательно, переведем так: «подошла осень, вспомнил Олег о своем коне, которого раньше (было) поставил кормить и не садится на него». Пришедшую ему к Киеву и пребыс д лѣта на е лѣто помяну конь свои, от него же бяху рекли волости умерети Ольгови (Им. л. 1, стр. 30, 6420). И в этом предложении *бяху* одновременно с *пребыс* и *помяну*, а *рекли* обозначает прошедшее действие, как уже имевшее место до того времени, к которому относятся *бяху*, *помяну* и т. п. Следовательно, грамматический смысл фразы со стороны категории времени можно передать так: когда Олег пришел в Киев, он пробыл 3 лета, а на четвертое вспомнил о своем коне, от которого волхвы раньше (было) предрекали ему умереть. Ольга же устрѣмися с сном своим на Искоростѣнь город, яко тѣ бяху убили мужа ея и ста около город с сном своим, а Деревляне затворишася в городѣ и боряху крепко из города вѣдаху бо яко сами убили князя (Ип. л. 1, стр. 48, 6454).

Бяху и *устрѣмися* относятся к одному времени, а *убили* раньше *бяху* и, следовательно, раньше того, как Ольга *устрѣмися*. Почему *бяху* не повторено при втором *убили*? Потому что *убили* в этом случае не обозначает прошедшее действие, предшествующее другому прошедшему действию, а обозначает прошедшее действие субъекта, имеющее актуальность для него и в настоящее время; следовательно, грамматический смысл фразы со стороны категории времени можно передать так: Ольга же устремилась с сыном на Искоростень город, так как те прежде убили ее мужа (так как те были убийцами ее мужа) и стала около города с сыном своим; а Деревляне затворились в городе и крепко из города боролись, так как знали, что сами убили князя (убили в прошлом и являются такими теперь, или иначе: так как знали, что они убийцы князя).

Большинство случаев употребления форм *бяхе* -л в летописях аналогично с вышерассмотренными. Поэтому нет нужды увеличивать число такого рода примеров.

Но есть в летописях примеры употребления *бяхе* -л особого рода. Е. С. Истрина, например, находила случаи, когда формы давнопрошедшего времени называют действие вне прямого соотношения их к действию данных аористов. Поэтому трудно уловить различие в употреблении той или другой формы, напр.: и узрѣша ины полчищъ свинию великую, которая *бяхе* вразилася в возныкы новгородьскы¹³.

Если наблюдение Е. С. Истриной правильно, то функции *бяхе* в данном случае уж совершенно особого рода.

Рассмотрим эти функции на следующем примере: призва старѣшину конюхом ркя: кде есть конь мой егоже *бѣх* поставил кормити и блюсти его (Ип. л. 1, стр. 30, 6420). Какую функцию имеет здесь *бѣх*?

¹³ Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 128—129.

Других форм прошедшего времени, с которыми можно было бы поставить в ряд форму *бѣх*, нет.

По отношению к какому прошедшему действию *бѣх* показывает более раннее наличие действия *поставил*. Такого действия нет. Следовательно, *бѣх* в данном случае имеет только одну функцию — показать, что прошедшее действие, выраженное формой *поставил* не имеет отношения к настоящему субъекта: если бы не было *бѣх*, то это действие должно было бы представляться наличным в своих результатах и в настоящее время. Следовательно, смысл фразы можно передать так: призвал старшего из конюхов, говоря: «Где конь мой, которого я поставил (некогда, безотносительно к настоящему времени) кормить и блюсти».

В некоторых совершенно однородных случаях наблюдаем употребление то форм перфекта, то форм давнопрошедшего, напр.: положи и въ цркви стго Спса юже *создал* сам (Ип. л. 1, стр. 136, 6542), рядом: поставиша и въ стѣй бци цркви юже *бѣ* сам *создал* (Ип. л. 1, стр. 115, 6523).

Почему в одном случае просто *создал*, а в другом — *бѣ создал*, совершенно неясно. Может быть, в этом случае следует отражение того, чтоб *бѣ* стало терять свою специфическую функцию. В этом смысле любопытным является пример из Ипатьевской летописи: *бѣ бо любяше* Володимир дружину и с ними дума о строеньи землинемъ (Им. л. 1, стр. 11, 6504).

В Лаврентьевской летописи вместо «*бѣ бо любяше*» имеется более правильное чтение: *бѣ бо Володимер любя* дружину и с ними думая о строи земльнѣм (Л. л. 1, стр. 126, 6504).

Очевидно, для переписчика Ипатьевской летописи «*бѣ бо любя*» было не ясным сочетанием, и он причастие *любя* заменил имперфектом *любяше*, а при этом *бѣ* оказалось совершенно неуместным. Между тем переписчик не обратил на это никакого внимания. Следовательно, для него *бѣ* потеряло грамматическое значение.

В общем в летописях мы мало имеем материала для того, чтобы формулировать какие-либо сдвиги в функции форм *бѣше-л*, а в грамотах эти формы не встречаются. Приходится поэтому ограничиваться теми заметками, которые были даны относительно этих форм раньше, именно: в некоторых случаях наблюдается утеря формой *бѣ*, *бѣше* его специфического темпорального назначения в сочетании с причастием на *-л* — назначения выражать, что действие, выраженное формой на *-л*, предшествует другим прошедшим действиям.

Как замечено было выше, формы *бѣше-л* существовали в памятниках древней письменности наряду с формами *есмь был-л*. На это указывает тот факт, что последние формы употребляются в Син. сп. П. Р., первооригинал которого относится к XI в., а также и тот факт, что эти формы употребляются и в Син. сп. 1 Новгород. л., отражающей наиболее древний строй русской речи.

Причем примеры употребления этой формы в Сил. сп. 1 Новгород. л., по словам Е. С. Истриной, «отражают чистую русскую речь»¹⁴.

Формы *бъше -л*, если и употреблялись в древнейшей русской речи, то во всяком случае рано были заменены формами *есмь был-л*, которые первоначально употреблялись наряду с первыми формами. Следовательно, поскольку формы *бъше-л* не представляют материала для прослеживания синтаксических судеб давнопрошедшего времени на значительном протяжении времени, необходимо эволюцию синтаксических функций давнопрошедшего времени проследить на формах *есмь был-л*.

Прежде всего необходимо задаться целью выяснить, какая из форм является более древней: форма *бъше -л* или форма *есмь был-л*. А. А. Потебня вслед за Буслаевым¹⁵ отвечает на этот вопрос так: «Сочетания *-л бѣх* и *-л бѣах*, очевидно, одновременны по происхождению с «*-л есмь*». Но это последнее должно уже быть в языке, когда появилось «*дал был есмь*»¹⁶. Следовательно, *дал был есмь* могло появиться в языке позже формы *бъше -л*. Какими причинами было вызвано столь раннее возникновение форм *есмь был-л*, когда еще употреблялись формы *бъше -л*? Было бы вполне понятно развитие форм *есмь был-л*, если бы они появились ввиду исчезновения форм *бъше-л* в связи с исчезновением форм аориста и имперфекта. Но они появились раньше этой поры. А. А. Потебня пишет: «*Дал бѣх* и *дал бѣах* равно необходимы в экономии языка и незаменимы одно другим; они не оставляют места для *дал был есмь*, которое, сталкиваясь с ними в языке древнерусских летописей, является сначала излишним».

Если бы они были излишни, они никогда не возникли бы. Они могли быть вызваны к жизни какою-то потребностью. Иначе не могло быть. Какова же эта потребность?

Чтобы могла возникнуть форма *дал был есмь*, должна уже раньше в языке функционировать форма *был есмь* или *дал есмь*, а эта последняя не могла иметь места без аналогичных форм *дал бѣх* или *дал бѣах*. Полагаем, что в говорах падение форм аориста и имперфекта было неравномерным; неравномерным было по говорам и исчезновение форм *дал бѣх* и *дал бѣах*. Надо думать, что формы *дал был есмь* раньше всего возникали в тех говорах, в каких уже выходили из употребления формы *дал бѣх* и *дал бѣах*. Из этих говоров они проникали как нарождающиеся факты живого языка и в литературный язык, в летописи — незначительным слоем, поскольку язык ее был традиционным. В грамотах, т. е. памятниках более позднего периода, они уже безраздельно господствуют.

Задача нижеследующего изложения состоит в том, чтобы выяснить первоначальное значение этой формы и ее эволюцию в дальнейшей истории языка.

¹⁴ Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 130.

¹⁵ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика..., стр. 133.

¹⁶ А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 266.

Так как формы *дал был есмь* с самого начала, по крайней мере, диалектно возникали ввиду необходимости выразить преждепрошедшее действие, вследствие исчезновения *бѣх дал* или *бѣах дал*, то с самого начала формы *дал был есмь* должны были иметь преждепрошедшее значение. Таков именно пример употребления этой формы в Русской Правде: а за тѣм аче кдѣ на лѣзѣтъ ударенный тѣ своего истѣча, кто же его ударил, то Ярослав был *установил и убити*, нѣ сынове его установиша по отци на куны (П. Р., Син. сп., стр. 131, § 65).

Такое употребление этой формы встречается и в грамотах XIII века: а что *был отъялъ* брат твой Александр позже, то ти, княже, ненадобѣ (Дог. гр. Нов. с Твер. кн. Яр. Яр., 1265, Вахр. П), а что твой брат *отъял был* позже у Новгорода, а того ти, княже, отстучитися (там же, стр. 13), а что *был отъял* брат твой Александр позже, то ти ненадобе (Дог. гр. с вел. кн. Твер. Яр. Яр., 1270 г., стр. 13).

А. Потебня отметил два аналогичных примера из Ип. л.: ви-диши, яко я к тебѣ креста еще не цѣловал, а то ми *был бог дал*, оже ся есте сами зажгли (16/219); ты их еси, сыну сам позывал Киеву, а яз есмь был цѣловал хрест к брату своему Дюргеву (50/277).

Однако уже в древнейших памятниках эта форма встречается в значении «действия, не дошедшего до надлежащего исполнения, лишешного своих прямых последствий»¹⁷. Примеры такого употребления форм *есмь был-л* отмечены в Лавр. л., Ип. л. и в памятниках более позднего периода. Пример из Ип. л.: Брате, се Володимир (и) Изяслав Давыдовича хрест с нама *была цѣловала* и думу *думала* пойти с нама на стрѣя наю и хотѣла со мною лестью, убити мя хотячи, но бог и сила крестыная обуявила (= отняла у них разум). А уже, брате, где *есме были думали* пойти на строя своего, то уже там не ходи» (32, 245). Пример из более поздних памятников: у меня ту грамоту взял, чѣм мя *был пожаловал* (1490, Ак. Юр. II)¹⁸.

В современном литературном языке эта форма представлена в деформированном виде. По словам А. Потебни, в литературном языке форма *был-л* разложилась на безличное *было* с причастием-л: хотел было пойти, да раздумал¹⁹. Причиной указанной деформации *был-л* является факт превращения причастия на-л в глагол.

«Для возникновения оборота «дал было» необходимо,— говорят А. А. Потебня, — чтобы главное причастие *дал* в сочетании «дал был» понято было не как причастие, входящее вместе с *был (есть)* в составное сказуемое, каким оно было в самом деле, а как особое сказуемое»²⁰.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 267

¹⁹ Там же, стр. 267—268.

²⁰ А. А. Потебня. Указ соч., стр. 268.

В отдельных примерах, представляемых древними памятниками, можно встретить рассматриваемую форму в архаическом смысле, когда причастие на *-л* обозначало качество субъекта, а *был* являлось связкой. Такие примеры приведены нами в книге «Исследования в области истории белорусского синтаксиса», стр. 259, напр.: Пугачева послалася на тые свет ки, на князя Андрея Шаха, а на князя Михаила Данюшевича, а пан Андрей Сакевич вко был тогда вмер (= был тогда умершим) (Р. П. Б, XXVII, Л. И. 406/123 об. 1486).

Но на такого рода примеры нельзя смотреть как на пережитки такого состояния, когда *был умер* представляло собою якобы связку и имя. Эти сочетания вторичны и не могут быть отождествлены с сочетанием связки с именем в сказуемом: формы *был умер* явились уже тогда, когда нельзя было сказать *бывше умер*.

Дальнейшая эволюция этих форм по говорам была не одинакова: в одних говорах эти формы продолжали употребляться, но утратили свое специфическое значение и превратились в обычные формы прошедшего времени, в других говорах также продолжали употребляться, но не утрачивали свое специфическое временное значение, а лишь видоизменяли его, именно они приобрели значение действия, не дошедшего до надлежащего исполнения, лишённого своих прямых последствий; наконец, есть говоры, в которых эти формы имеют и ту и другую функцию...

1. За марксистскую лингвистику. «Литература и искусство», 1931, № 1.
2. К критике индоевропеизма и яфетодологизм.— Афн. Шпрах фронт. Киев, 1931, № 1—2, январь — апрель (на евр. яз.)
3. Очередные задачи марксистской лингвистики.— «Русский язык в советской школе», 1931, № 5.
4. Ленинская хрестоматия о языке. М.—Л., 1932 (совместно с Я. В. Лоя)
5. К вопросу о большевистской партийности в языке В. И. Ленина.— «Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 1.
6. Беларуская граматыка, ч. I. Фанетыка і правапіс. (Навукова досліда нарис.). Менск, 1935.
7. Беларуская граматыка, ч. II. Марфалогія. Менск, 1936 (совместно с К. Н. Гурским и М. Барковским).
8. Сінтаксіс беларускай мовы. Мінск, 1939. (совместно с К. Н. Гурским, Г. З. Шкляром, С. Л. Рохкинд).
9. Курс сучаснай беларускай мовы. (Фанетыка, марфалогія, лексіка). Менск, 1940 (совместно с К. Н. Гурским, Г. З. Шкляром, С. Л. Рохкинд).
10. Выражение главных членов предложения в белорусском языке.— Уч. зап. БГУ. Серия филолог., вып. I. Минск, 1940.
11. К материально-производственной основе отвлеченного глагола «быть». — Уч. зап. БГУ. Серия филолог., вып. I. Минск, 1940.
12. Класікі марксізма аб некаторых пытаннях мовазнаўства.— «Савецкая школа», 1940, № 8.
13. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка.— Уч. зап. БГУ. Серия филолог., вып. II. Минск, 1941 (докт. дисс.).
14. Брацтва у гісторыі нацыянальна-вызваленчай барацьбы беларускага народа. «Большэвік Беларусі», 1945, № 3.
15. Георгі Скарына — першай беларускі кнігавыдаўца. «Беларусь», 1945, № 6.
16. Лёс кнігадрукавання на Беларусі пасля Скарыны. «Беларусь», 1945, № 7.
17. Скарына как зачинатель белоруской литературной мовы.— «Беларусь», 1946, № 3.
18. Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени.— Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ. вып. 3, 1947.
19. Итоги дискуссии по вопросам языковедения в связи с сессией ВАСХ-НИЛ.— Вестн. МГУ, 1948, № 12.

20. К дискуссия по лингвистическим вопросам.— Вестн. МГУ, 1948, № 6.
21. К характеристике видовой дифференциации и претеритальных форм глагола в древнерусском языке.— Уч. зап. МГУ, вып. 137. Тр. кафедры рус. яз., кн. 2, 1948.
22. Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке.— Уч. зап. МГУ, вып. 128. Тр. кафедры рус. яз., кн. 1, 1948.
23. Об одной конструкции отрицания в современном русском языке.— Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 5, 1948.
24. Утраты и ограничения в употреблении предложных форм винительного падежа в истории русского языка старшей поры.— Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 7, 1948.
25. Учение А. А. Потебни о субъектном и объектном употреблении инфинитива и вопрос о конструкции «вода пить».— Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 8, 1948.
26. Ред.: Ученые записки МГУ, вып. 137. Тр. кафедры рус. яз., кн. 2. М., 1949.
27. Ред.: Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 8. М., 1949.
28. Марксистско-ленинские основы советского языкознания. «Молодой большевик», 1950, № 17.
29. Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о национальных языках.— «Вопросы философии», 1950, № 2.
30. [Рец.]: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Учебн. пособие для филол. факт. ун-тов и фак. русск. яз. и лит-ры пед. ин-тов, ч. 1. М., 1949.— «Советская книга», 1950, № 3.
31. Белорусский язык. Учебник для русских отделений филол. фак. гос. ун-тов. М., 1951.
32. О внутренних законах развития языка.— В кн.: «Докл. и сообщ., прочитанные на Научной конференции по языкознанию (в Моск. ун-те)». Июль, 1951, МГУ, 1952.
33. Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке.— Уч. зап. МГУ, вып. 150. Тр. каф. рус. яз., 1952.
34. Предлоги.— (Глава) в кн.: «Современный русский язык. Морфология». (Курс лекций). Под ред. В. В. Виноградова. Учебн. пособие для высш. учебн. завед. МГУ. М., 1952.
35. Программа по белорусскому языку. Для филол. фак. гос. ун-тов. М., 1952.
36. О роли накопленных средств языка для дальнейшего развития языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 1.
37. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. «Вопросы философии», 1953, № 5.
38. [Рец.]: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.— «Вопросы языкознания», 1953, № 6.
39. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954.
40. [Рец.]: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Учебн. пособие для высш. учебн. завед. МГУ, 1953.— «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

41. [Рец.]: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., АН СССР, 1953.— «Русский язык в школе», 1954, № 5.
42. (Выступление на дискуссии о теории субстрата 17—19 февр. 1955 г. на Ученом Совете ин-та языкознания АН СССР).— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, вып. 9, 1955.
43. Грамматика белорусского языка. Пособие для ун-тов и пед. ин-тов. М., 1956.
44. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Учебн. пособие для гос. ун-тов. М., 1956.
45. [Рец.]: Вопросы изучения русского языка. Сборник лингвистических статей. Алма-Ата, АН КССР, 1955.— «Вопросы языкознания», 1956, № 4.
46. [Рец.]: Ученые записки кафедры русского языка Московского городского педагогического института, т. 33, в. 3.— «Русский язык в школе», 1956, № 3.
47. О методах объективного анализа грамматических средств языка.— Вести. МГУ. Истор. филол. серия, 1957, № 2.
48. Программа педагогических институтов по исторической грамматике русского языка. М., 1957 (Совместно с Р. И. Аванесовым и П. С. Кузнецовым).
49. О синтаксических соответствиях тождества и различиях в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. М., 1958.
То же. (Доклад на IV Международном съезде славистов.)— В кн.: «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961.
То же. (Резюме доклада).— В кн.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 2. «Проблемы славянского языкознания». М., 1962.
50. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
51. О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке.— НДВШ. Филол. науки, 1958, № 1.
52. О спорных вопросах теории синтаксиса.— НДВШ. Филол. науки, 1958, № 4.
53. О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке.— В кн.: «Сборник статей по языкознанию». Профессору МГУ академику В. В. Виноградову. М., 1958.
54. О некоторых вопросах структуры предложения.— НДВШ. Филол. науки, 1959, № 4.
55. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. (О понятии позиция в теории синтаксиса.)— НДВШ. Филол. науки, 1960, № 4.
56. О природе значения языкового знака. «Вопросы философии», 1960, № 7.
57. (Выступление на дискуссии «Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков».)— В кн.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. (Материалы дискуссии)». М., 1960.
58. (Изложение доклада, посвященного проблемам, связанным с учением В. И. Ленина о противоречии как источнике развития и применением этого учения к вопросам истории языка. Ломоносовские чтения 1960 г.,

- посвящ. 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, на филол. фак-те МГУ).— Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1960, № 4.
59. Письмо в редакцию. «Вопросы языкознания», 1960, № 5.
  60. О второстепенных членах предложения. «Русский язык в школе», 1960, № 4.
  61. О грамматической форме слова в русском языке.— Вестн. МГУ, Серия 7. Филология, журналистика, 1960, № 4, стр. 85—86.
  62. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961.
  63. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. (Морфология). (Учебн. пособие для ун-тов СССР). М., 1961.
  64. Природа синтаксических явлений. (Доклад на Совещании языковедов вузовских и акад. учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса. Дек. 1960) — НДВШ. Филол. науки, 1961, № 3, стр. 26—37. (Тезисы доклада см. в кн.: «Тезисы докладов на Совещании языковедов вузовских и академических учреждений по теоретическим вопросам синтаксиса». М., 1960).
  65. О совещании по теории синтаксиса. (М., дек. 1960). Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 5.
  66. Язык и речь.— Вестн. МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 4.
  67. О природе языкового знака и языкового значения.— Вестн. МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 1.
  68. «Проект Программы КПСС и перспективы развития лингвистической науки». Изложение доклада на заседании Ученого совета отделения языкознания филол. фак. МГУ. Сентябрь 1961.— НДВШ. Филол. науки, 1961, № 4.
  69. Относительно двухступенчатой теории фонем.— ВЯ, 1962, № 6.
  70. Развитие структуры языка.— В кн.: «Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке. (30 янв.— 2 февр. 1962)». М., 1962.
  71. Язык и речь.— В кн.: «Тезисы докладов Межвузовской конференции на тему «Язык и речь» (27 ноябр.— 1 дек. 1962)». М., 1962.
  72. О разносубъектности и односубъектности предложений.— Выступления по докладам М. Виднэс «О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVII—XIX вв.» и Р. Якобсона «Морфологические наблюдения над славянским склонением».— Замечания по поводу докладов Р. Триомора «Предлог «об» в славянских языках» и М. Ивич «Система предложных конструкций в сербо-хорватском языке».— В кн.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии». Т. 2. «Проблемы славянского языкознания». М., 1962.
  73. О конструктивном методе в фонологии.— В кн.: «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии (20—23 мая). Тезисы докладов». М., 1963.
  74. Классы позиций согласных фонем в современном русском языке, различающиеся по соотношению релевантных и нерелевантных дифференциальных признаков.— В кн.: «Славянская филология». М., 1963.

75. Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике.— В кн.: «Проблема значения в лингвистике и логике». М., 1963.
76. О методах идентификации синтаксических объектов и исчислении их значимостей (V Международный съезд славистов (София). Сов. комитет славистов. Доклады). М. 1963.
77. О семантическом изоморфизме.— В кн.: «Научная конференция «Проблемы формализации семантики языка». Тезисы докладов» (1-й МГПИИЯ) Стеклогр. изд. М., 1964.
78. Исчисление значимостей фонологических объектов.— В кн.: «Система языка и обучение речи. (Тезисы докладов на межвузовской конференции 25—30 янв. 1965 г.)». Минск, 1964.
79. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. (Термины родства в русском языке).— НДВШ. Филол. науки, 1964, № 2.
80. Современное языкознание и структурная лингвистика.— В кн.: «Георетические проблемы современного советского языкознания». М., 1964.
81. Изложение выступления на республиканской научной конференции по лексикологии и лексикографии при Минском пед. ин-те. 8—10 окт. 1963 г.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1964, № 2.
82. Об одной возможности истолкования фонологического развития.— ВЯ, 1965, № 3.
83. Принцип бинарности в фонологии.— НДВШ. Филол. науки, 1965, № 3.
84. Структура предикатных предметов как содержание предложения. В кн.: «Научная конференция «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. Тезисы докладов и сообщений (7—10 дек.)». М., 1965.
85. Описание структуры предложения на основе его функционального представления.— «Slavia», roč 34, seš 3, 1965.
86. Типология языков как учение о классах и типах языков.— В кн.: «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания». М., 1965.
87. Причинность и вероятность в развитии языка.— НДВШ, Филол. науки, 1966, № 3.
88. Математика и лингвистика. Изложение статьи, приложенной в редакцию журнала «Вопросы языкознания» в связи со статьей В. И. Абаева «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», 1965, № 3.— ВЯ, 1966, № 4.
89. Структура предложения и состав предикатных предметов. — В кн.: *Strukturní typu slávanakě věty a jejího vyvoj. Materiály pro syntaktické symposium. Врно, 1966.*
90. Источники и механизм развития структуры языка.— В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка», ч. I. Самарканд, 1966.
91. О построении аналитико-смыслового словаря русского языка. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3.

92. Структура предложения как выражения отношения между предикатными предметами.— В кн.: «Проблемы языкознания. Доклад и сообщ. советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967.
93. Изоморфизм в области семантики.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции (5—8 мая). Новосибирск, 1967.
94. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов.— В кн.: Симпозиум «Методы исследования семантики лингвистических единиц». (Тезисы докладов). М., 1967.
95. Структура предложения в славянских языках.— В кн.: «Типология и история славянских языков и взаимосвязь славянских литератур». Тез. докл. и сообщ. Минск, 1967.
96. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката.— В кн.: «Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. (Доклады советской делегации)». М., 1968.
97. Структура предложения и состав предикатных предметов.— В кн.: *Otázky slovanske syntaxe*, 2. Brno, 1968.
98. Дифференциальная мощность и функциональная нагрузка фоном.— В кн.: «Проблемы современной лингвистики». М., 1968.
99. X Международный конгресс лингвистов.— «Вестник МГУ», серия 7, филология, 1968, № 1 (в соавторстве с Горшковой К. В.)
100. Проблема знака и значения в применении к предложению.— В кн.: «Проблемы изучения семантики языка. (Тезисы докладов)». Днепропетровск, 1968.
101. Критерии выделения типов предложений в славянских языках. *Zeitschr. für Slawistik*, Bd. XIV, 1969, Heft 5.
102. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов.— В кн.: «Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку». Уч. зап. Пермского гос. ун-та, № 192, Пермь, 1969.
103. Принципы построения формулы предложения.— ИДВШ. Филол. науки, 1969, № 5, стр. 56—68.
104. Тождество семантики и различия в выражении как основание интерференции в одном языке в двуязычной среде.— В кн.: «Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия». М., 1969.
105. Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношения. В кн.: «Инвариантные значения и структура предложений». М., 1969.
106. Отношение порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов.— В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969.
107. Законы выбора глаголов и их эквивалентов при конструировании предложения.— В кн.: «Международная конференция преподавателей русского языка и литературы. Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы (22—28 авг.). Тезисы докладов и выступлений». М., 1969.
108. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности. «Вопросы филологии». К семидеся-

- тилетию со дня рождения проф. И. А. Василенко. Уч. зап. МГПИ, № 341, М., 1969.
109. О способах представления структуры предложения.— В кн.: «Применение новых методов в изучении языка. (Вопросы прикладной лингвистики)». Вып. 1. Днепропетровск, 1969.
  110. Ред.: Применение новых методов в изучении языка. (Вопросы прикладной лингвистики). Вып. I, Днепропетровск, 1969.
  111. Значение, смысл, понятие, термин.— В кн.: «Место терминологии в системе современных наук. Тезисы докладов и сообщ.». М., 1970.
  112. Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970.
  113. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики.— НДВШ. Филол. науки, 1970, № 1.
  114. Предмет и смысл языковых выражений.— «Исследования по современному русскому языку. Сб. статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук». М., 1970.
  115. К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка.— «Язык и человек. Сб. статей, посвященный памяти проф. П. С. Кузнецова». М., 1970.
  116. Квантитативы современного русского языка.— В сб. статей: «Памяти акад. В. В. Виноградова». М., 1971.
  117. Вторичные синтаксические отношения между словами в предложении. «Проблема истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию члена-корр. АН СССР В. И. Боровского». М., 1971.
  118. Фонология современного русского языка. М., 1972.
  119. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
  120. Структура предложения и вопрос об актуальном членении. «Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корр. АН СССР Р. И. Аванесова». М., 1972.
  121. Вопросы выбора глагола.— В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972.
  122. Конституенты предложений с глаголами речи.— В кн.: «Члены предложения в языках различных типов». Л., 1972.
  123. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка.— В кн.: «Энгельс и языкознание». М., 1972.
  124. Представление структуры предложения как отображения системы с отношениями.— Proceedings of the 11-th International Congress of Linguists, Bologna, 1972.
  125. Основные направления в развитии структуры простого предложения в славянских языках. «Славянское языкознание». VII Международный съезд славистов. М., 1973.
  126. Структура предложений с глаголами эмоционального содержания.— В кн.: «Славянская филология», вып. 9. М., 1973.
  127. [Рец.]: Ю. С. Степанов. «Семантика». М., 1971.— ВЯ, 1973, № 6.
  128. [Рец.]: М. Кубиш, М. Балзар, М. Длуви, В. Чесал. Лекции по синтаксису русского языка.— «Русский язык за рубежом», 1973, № 2.
  129. Структура предложений в современном русском языке. М. (в печати).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жизнь и научная деятельность Т. П. Ломтева (1906—1972)	3

Р а з д е л I ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Предисловие к разделу (автор Н. Д. Арутюнова)	10
Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка	12
О методах объективного анализа грамматических средств языка	30
О принципах и единицах синхронного анализа	52
Язык и речь	54
Субстрат и заимствования	60
Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложения в неродном языке	63

Р а з д е л II СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Фонология	
Предисловие к разделу (автор В. В. Иванов)	74
Относительно двухступенчатой теории фонем	76
Принцип бинарности в фонологии	86
Дифференциальная мощность и функциональная нагрузка фонем	103
2. Синтаксис	
Предисловие к разделу (автор С. Сятковский)	122
Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц	124
О некоторых вопросах структуры предложения	140
О методах идентификации синтаксических объектов и исчислении их значимостей	158
Природа синтаксических явлений	187
Структура предложения и состав предикатных предметов	201
Критерии выделения типов предложений в славянских языках	208
Конstituенты предложений с глаголами речи	218
Отношения порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов	239

3. Семантика

Предисловие к разделу (автор Л. А. Новиков)	256
Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики	257
Принципы выделения дифференциальных семантических элементов	272
О построении аналитико-смыслового словаря русского языка	289

Р а з д е л III

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Предисловие к разделу (автор В. В. Иванов)	300
Причинность и вероятность в развитии языка	302
К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка	312
К характеристике видовой дифференциации претеритальных форм глагола в древнерусском языке	324
Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке	346
Список научных работ Т. П. Ломтева	373

Тимофей Петрович Ломтев
ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художник *И. Е. Сайко*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 3/IX 1975 г.
Подписано к печати 25/XII 1975.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 24,125.
Уч.-изд. л. 25,9. Тираж 7600 Тип. зак. 2838
Цена 1 р. 79 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121090, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

ЛЕВАШОВ Е. А., ПЕТУШКОВ В. П. Ленин и словари. 1975.
109 стр. 38 к.

В книге рассматриваются две темы: словари в жизни и творчестве В. И. Ленина и роль Ленина в становлении советской теоретической и практической лексикографии. Книга строится на обширном и по многом новом (извлеченном из архивов) материале. Научное рассмотрение лексикографических проблем сочетается с ясностью и простотой изложения.

Книга представляет интерес для специалистов-филологов, лексикографов и для широкого круга читателей.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

БЕРЕЗИН Ф. М. Русское языкознание конца XIX — начала XX веков.
25 л. 4 р. 85 к.

В монографии освещаются вопросы общего и сравнительно-исторического языкознания в трудах выдающихся представителей отечественной науки о языке — А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого. Широко использован фактический материал, собранный из источников различного рода — изданий работ ученых, конценции которых анализируются в книге, архивов, литературы на русском и иностранных языках.

Книга рассчитана на специалистов по общему языкознанию, студентов старших курсов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;	630090	Новосибирск, Академгородок,
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13;		Морской проспект, 22;
320005	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;	630076	Новосибирск, 91, Красный
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95;		проспект, 51;
664033	Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	700029	Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11;
277012	Кипшиев, ул. Пушкина, 31;	700029	Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
192104	Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
199164	Ленинград, Университетская наб., 5;	450075	Уфа, Коммунистическая ул., 49;
199004	Ленинград, 9 линия, 16;	450075	Уфа, проспект Октября, 129;
103009	Москва, ул. Горького, 8;	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;	310003	Харьков, Уфимский пер., 4/6.
